

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
КОМИССИЯ ПО КОМПЛЕКСНЫМ ИССЛЕДОВАНИЯМ
РОССИЙСКОЙ ЭМИГРАЦИИ
НАУЧНОГО СОВЕТА ПО ИЗУЧЕНИЮ И ОХРАНЕ
КУЛЬТУРНОГО И ПРИРОДНОГО НАСЛЕДИЯ РАН**

РУССКОЕ ЗАРУБЕЖЬ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

**Сборник статей
Выпуск шестой**

**Москва
2017**

ББК 66.1(2) 6
Р 89

Издание подготовлено
Центром сравнительного изучения цивилизаций
Института научной информации по общественным наукам
Российской академии наук

Редакционная коллегия:
И.В. Зайцев (главный редактор),
Т.Г. Петрова (ответственный секретарь), Ю.С. Пивоваров,
Е.П. Чельшев, В.Г. Шаронова

Редакторы-составители выпуска – Т.Г. Петрова, В.Г. Шаронова

Русское зарубежье: История и современность: Сб. ст. / РАН.
Р 89 ИНИОН. Центр сравнительного изучения цивилизаций; Ред. колл.:
Зайцев И.В. (гл. ред.) и др. – М., 2017. – Вып. 6: / Ред.-сост.
вып. Петрова Т.Г., Шаронова В.Г. – 201 с.

ISBN 978-5-248-00872-8

Сборник посвящен изучению историко-культурного наследия Российской эмиграции, столетию революции (1917–2017). В издании представлены материалы по истории идей и концепций, проблемам культуры и литературы, статьи по истории Российской эмиграции, по разным странам и континентам. В значительной части работ привлечены новые источники, освещены малоразработанные вопросы истории русского зарубежья.

Для научных работников и всех, кто интересуется историей русского зарубежья.

ББК 66.1(2)6

ISBN 978-5-248-00872-8

© ИНИОН РАН, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

ИДЕИ, КОНЦЕПЦИИ, ПОЛИТИКА

<i>П.Н. Базанов</i> НАЧАЛО ЭМИГРАЦИИ РУССКОГО ИСТОРИКА НИКОЛАЯ ИВАНОВИЧА УЛЬЯНОВА	5
<i>В.Г. Шаронова</i> РУССКИЙ ФЛАГ НАД ВАМПУ (К событиям 1 января 1917 г. в Шанхае)	17
<i>З.С. Бочарова</i> ОСОБЕННОСТИ АДАПТАЦИИ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ 1920–1930-х ГОДОВ	28
<i>М.Ю. Сорокина</i> РОССИЙСКОЕ НАУЧНОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ КАК ЗЕРКАЛО РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ	40

НАСЛЕДИЕ

Русская революция 1917

<i>М.В. Вишняк</i> СОРОК ЛЕТ	51
<i>В.Н. Ильин</i> ВНУТРЕННИЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ РЕВОЛЮЦИИ: Памяти жертв русской революции	63
<i>Д.С. Анин</i> ЮБИЛЕЙ «ВЕЛИЧАЙШЕЙ МИСТИФИКАЦИИ»	77

ПРОБЛЕМЫ КУЛЬТУРЫ

<i>Т.Н. Белова</i> РОЛЬ ЛИТЕРАТОРОВ И КРИТИКОВ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ В СТАНОВЛЕНИИ И РАЗВИТИИ АНГЛО-АМЕРИКАНСКОЙ РУСИСТИКИ (1920–1950-е годы)	87
---	----

<i>Т.Г. Петрова</i>	«РОДИНА ПОСЛЕДНЯЯ, ВСЁ, ЧЕМ РОССИЯ БЫЛА И ЧЕМ ОНА БУДЕТ»: Русская классика в рецепции литературной критики эмиграции	102
<i>Д.Д. Николаев</i>	«ЗА ПРАВДУ БОРЬБА, ЗА ДУШУ»: «ДОМ УСОПШИХ» ИВАНА ЛУКАША И «СОЛНЦЕ МЕРТВЫХ» ИВАНА ШМЕЛЁВА	118
<i>К.А. Жулькова</i>	АВАНТЮРИСТКА ИЛИ ФАНТАЗЕРКА: ИСТОРИЯ ОДНОГО ЭКФРАСИСА («Княжна Тараканова» М.А. Осоргина)	134
<i>В.В. Агеносов</i>	ЛИЧНОСТЬ И РЕВОЛЮЦИЯ В РОМАНЕ М. СОЛОВЬЁВА «КОГДА БОГИ МОЛЧАТ»	142

ПО СТРАНАМ И КОНТИНЕНТАМ

История Великого чайного пути: О первых русских эмигрантах в Китае

<i>В.Г. Шаронова, Чень Кайке</i>	РУССКАЯ КОНЦЕССИЯ В ХАНЬКОУ	153
<i>С.М. Мушкалов</i>	ГРИБУШИНЫ. ВСЕ ДОРОГИ ВЕДУТ В КУНГУР	160
<i>О.А. Ренёва</i>	РОЛЬ ФИРМЫ А.С. ГУБКИНА В РАЗВИТИИ РОССИЙСКО-КИТАЙСКОЙ ЧАЙНОЙ ТОРГОВЛИ	168
<i>Е.В. Бакалдина</i>	ДВЕ ЖИЗНИ Е.М. ФОН ЭНДЕН, УРОЖДЕННОЙ БОТКИНОЙ: НА РОДИНЕ И В ЭМИГРАЦИИ	174

СУДЬБЫ И МИФЫ

<i>М.Г. Талалай</i>	РУССКИЕ СТУДЕНТЫ-ЭМИГРАНТЫ В КАТОЛИЧЕСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ Г. МИЛАНА В 1920-е ГОДЫ	186
---------------------	---	-----

МИР БИБЛИОГРАФИИ

<i>Т.Г. Петрова</i>	ДРАМА ПОКОЛЕНИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ В. ВАРШАВСКОГО	194
<i>К.А. Жулькова</i>	ПУБЛИЦИСТИКА «ТРЕТЬЕЙ ВОЛНЫ» ЭМИГРАЦИИ	197

П.Н. Базанов

НАЧАЛО ЭМИГРАЦИИ РУССКОГО ИСТОРИКА НИКОЛАЯ ИВАНОВИЧА УЛЬЯНОВА

Аннотация. Комплексное исследование начального периода жизни и деятельности за рубежом известного представителя второй русской эмиграции Николая Ивановича Ульянова. Статья основана на неопубликованных документах из зарубежных архивов. Впервые рассматривается период жизни в лагерях для «перемещенных лиц» и в Марокко.

Ключевые слова: русская эмиграция; Николай Ульянов; украинский сепаратизм; «перемещенные лица», Марокко.

Николай Иванович Ульянов (1904–1985) – известный русский историк, последний ученик академика С.Ф. Платонова, один из самых знаменитых представителей второй «волны». Более всего он известен как признанный специалист в украинском сепаратизме, разрешении национального вопроса в России и философии истории. Но про начало его жизни за рубежом мало что известно.

После Второй мировой войны качественно изменился состав русской эмиграции. Это было связано с появлением такого этнополитического феномена, как вторая «волна», к которой обычно относят людей, покинувших родину в годы Великой Отечественной войны и не вернувшихся после 1945 г., – около 400–450 тыс. человек. Традиционно выделяют следующие категории: «остарбайтеры» – лица, насильственно угнанные с оккупированных территорий нацистами для работы в сельском хозяйстве и промышленности Третьего рейха; военнопленные; «власовцы» и так называемые добровольные помощники («хи-ви»), воевавшие на стороне Германии; лица, сотрудничавшие с немецкими оккупационными властями (от полицаяв-карателей до учителей начальных школ и уборщиц).

Среди представителей второй «волны» не было таких известных имен, как в первой эмиграции. Только философ С.А. Аскольдов и писатель, литературовед Р.В. Иванов-Разумник были видными представителями Серебряного века. Но они умерли сразу после

БАЗАНОВ
Петр Николаевич,
доктор
исторических
наук,
профессор
ФГБОУ ВП
«Санкт-
Петербургский
государственный
институт
культуры»,
член экспертного
совета
по вопросам
российского
зарубежья
правительства
Санкт-
Петербурга

окончания войны. Остальные же стали известны именно как представители второй эмиграции. Среди них можно выделить имена поэтов: Д. Кленовского (Д.И. Крачковского), И. Елагина (И.В. Матвеева), Р. Березова (Р.М. Акульшина), О. Анстей (О.Н. Штейнберг), В.А. Синкевич; писателей: Б.Н. Ширяева, Б.А. Филлипова (Филистинского), Л.Д. Ржевского (Суражевского), С.С. Максимова (Пашина или Пархина), Б.П. Башилова (Юркевича); литературоведов и критиков: Л.А. Фостер (урожденную Колесникову), В.Д. Самарина (Соколова), В.К. Завалишина, Г. Андреева (Г.А. Хомякова), М.М. Корякова; художников: С.Л. Голлербаха, С.Р. Бонгарта, В.М. Шаталова; историков: А.Г. Авторханова, Н.Н. Рутыча (Рутченко), И.А. Курганова (Кошкина); общественных деятелей: Е.Р. Романова (Островского), Н.А. Троицкого (Б.А. Яковлева), А.Н. Артемова (Зайцева); священников: прот. Д. Константинова, С. Ляшевского и многих других.

Ко второй волне можно присоединить перебежчиков из СССР за «дипийский» период начала 1950-х годов. По своему количеству эта категория немногочисленная, но именно из ее рядов вышли писатель и литературный критик В.И. Юрасов (Жабинский), публицист и общественный деятель, председатель Центрального объединения послевоенных эмигрантов Г.П. Климов (И.Б. Калмыков).

История новой послевоенной эмиграции непосредственно связана с изменениями в «русском беженстве» в период после Второй мировой войны. Прежде всего, это прекращение того всемирного феномена культурной деятельности, который получил название «Русское Зарубежье» («Россия № 2», «Зарубежная Россия» и т.д.). Изменилась и география «Зарубежной России».

«Рассеяние» эмигрантов из России по свету еще более расширилось. Массовые русские диаспоры возникли в таких далеких и экзотических странах, как Аргентина, Австралия, Бразилия, Венесуэла, Уругвай, Южная Африка и т.д. Новым круп-

нейшим центром русской эмиграции стал научно-культурный треугольник на Атлантическом побережье США: Нью-Йорк – Вашингтон – Бостон, где находятся самые известные американские университеты – Гарвардский и Йельский. Очень обновилась старая русские колонии в Новом Свете за счет представителей второй «волны» и первой русской эмиграции из Европы и Китая.

Более важным фактором стало изменение отношения к выходцам из России на Западе. С началом холодной войны к эмигрантам из СССР стали относиться с большим интересом, чем ранее. Интерес этот, правда, имел двоякий оттенок. С одной стороны, их охотно принимали на работу в различные учебные, научные и военные организации и центры, в органы контрразведки и разведки. Многие эмигрантские проекты, идеологические акции и сами политические организации поддерживались и финансировались западными правительствами. Для этих целей было создано множество фондов и благотворительных организаций. С другой стороны, в общественном мнении и правительственной политике Запада все больше стали распространяться русофобские, а не антикоммунистические идеи и концепции.

Среди деятелей второй «волны» наибольший интерес представляют младшие современники Серебряного века. Именно их творчество вызывает в современной России пристальное внимание. Вместе с Н.И. Ульяновым этих эмигрантов (Д. Кленовского, И. Елагина, Б.Н. Ширяева и др.) первая «волна» считала за «своих», а не за «продукты социалистического эксперимента». Крупнейший поэт начала XX в. Георгий Иванов выделял Н.И. Ульянова как одного из немногих среди представителей второй «волны» русской эмиграции и даже подчеркивал, что «иные из ди-пи стали писать образцово», имея в виду прежде всего именно Николая Ивановича¹.

Сюжет жизни Ульянова тем трагичней и насыщенной, что он был «очень куль-

НАЧАЛО ЭМИГРАЦИИ РУССКОГО ИСТОРИКА НИКОЛАЯ ИВАНОВИЧА УЛЬЯНОВА

турный человек, но своеобразный, одинок». Независимость его мысли поражала даже утонченных эстетов. Георгий Иванов писал Роману Гулю, что такая независимость «была – без преувеличений – у Чаадаева или К. Леонтьева. И это меня в нем всегда восхищает. А я не из любителей восхищаться, сами знаете. Это – т.е. Ульянов – проявление той самой великой России, о которой он тоскует и которую видит в Бунине»². «Статьи Ульянова, повторяю, поразительны. Но я совсем не согласен, что там “ледники”, а здесь “последние остатки России”. Помоему, все-таки скорее наоборот. Это **декадентский** (выделено мной. – П. Б.) взгляд»³. Поэтесса Ирина Одоевцева полностью разделяла позицию мужа. «Напишите, нравится ли Вам и О<льге> А<ндреевне> (Гуль. – П. Б.) Ульянов. Мы с ним до странности подружились. Другого такого я не знаю – совсем особенный и до чего милый»⁴.

Поэт Александр Акимович Биск (1883–1973) – председатель нью-йоркского «Кружка русских поэтов в Америке», отрицательно относившийся ко второй и третьей «волнам», делал исключение для четы Ульяновых, так же считая их людьми дореволюционной культуры⁵.

Поэт и прозаик Юрий Данилович Кашкаров (1940–1994) – главный редактор «Нового журнала», представитель уже третьей «волны», в одном из своих выступлений подчеркивал условность классификации эмиграции на общепринятые периоды: «Я бы даже не делил, как тут делят, на первую, вторую и третью эмиграции. Я бы просто делил на культурную и советскую эмиграции, а сейчас уже на экономическую. Скажем, **Николай Ульянов воспитан целиком дореволюционной культурой** (выделено мной. – П. Б.). Или Крачковский – замечательный поэт. Да почти все. Я вот сейчас думал, кого бы я отнес к представителям второй эмиграции? Пожалуй, Михаила Корякова»⁶. Мало того, он подчеркивал принадлежность

историка к плеяде авторов лучшего послевоенного периодического издания. «Из прозаиков, сотрудничавших с “Новым журналом” в 50–70-х гг. я хочу, прежде всего, выделить Николая Ульянова, автора замечательных статей и великолепного романа “Сириус”, посвященного событиям Первой мировой войны»⁷.

Такое же мнение устно высказывала и писательница Нина Николаевна Берберова (1901–1993) – одна из жен В.Ф. Ходасевича. Она успела в конце перестройки побывать на Родине и, по воспоминаниям Ю.В. Дойкова, в лекции «назвала Н.И. Ульянова одним из самых умнейших людей, с которыми ей приходилось встречаться. А умных людей Н. Берберова за свою долгую жизнь повидала предостаточно»⁸.

Местом, где непосредственно произошел контакт между первой и второй «волнами», были лагеря «Ди-Пи». Это последние «острова», даже скорее «архипелаги» «континента Русского Зарубежья» в 1945–1951 гг. – лагеря для насильственно депортированных немцами или добровольно ушедших жителей СССР и стран Восточной Европы. Власти США, Великобритании и Франции, чтобы не считать их эмигрантами или беженцами, лицемерно именовали «displaced persons» (в переводе с английского – «перемещенные лица»), в сокращенной русифицированной форме «Ди-Пи» («D-P»), или дипийцы. Следовательно, по Ялтинскому соглашению 1945 г., они подлежали депортации в СССР. Дипийцы состояли из следующих категорий лиц: эмигранты первой «волны» и их потомки, жившие на территориях, которые после Второй мировой войны стали контролироваться коммунистами; русское население стран-лимитрофов и даже из Франции, Бельгии, Голландии, оказавшееся на оккупированной союзниками территории; а также все те, кого причисляют ко второй «волне» эмиграции. Лагеря «Ди-Пи» существовали на территориях, не попавших в зону оккупации Советской армии (Германия, Австрия, Италия и Греция).

В лагере Карлсфельд под Мюнхеном Ульяновых освобождает американская армия. Перед ними встала дилемма, возвращаться в СССР или попытаться остаться на Западе. Несмотря на то что один из советских офицеров, беседовавший с ним, по секрету предостерегал его от возвращения, Ульянов колебался⁹. Учитывая пятилетнее пребывание в лагерях ГУЛАГа, он обоснованно опасался нового ареста с самыми печальными последствиями. «Убежденный антикоммунист, после войны Н.И. Ульянов отказался вернуться в Советский Союз»¹⁰.

С окончанием войны и приходом американских войск возникает новая опасность – насильственной репатриации в «социалистический рай», а позднее – проблема дальнейшего «мирного» существования¹¹. У Ульяновых даже были вшиты в одежду капсулы с ядом на случай отправки в СССР¹².

Насильственной репатриации удалось «избежать благодаря помощи одного из служащих лагеря, вынудившего карточки с их фамилиями из списка подлежащих возвращению в Советский Союз»¹³. Р. Фишер уточняет, что это был «симпатичный» французский офицер¹⁴.

В 1945–1947 гг. Ульяновы получили статус «Ди-Пи». Сам Николай Иванович всего трижды вскользь упоминал о своей жизни в лагерях для перемещенных лиц. В статьях о друге С.П. Мельгунове и его периодических изданиях он пишет следующее. «Кто был в 1945–1946 гг. на положении Ди-Пи, за которыми, как за зайцами, охотились по всей Европе советские агенты, тот никогда не забудет мельгуновских брошюр, выходивших под названием то “Свободной Мысли”, то “Независимой Мысли”, то “Независимого Слова”, издававшихся в Париже»¹⁵. «Преследуемый тогдашними прокоммунистическими властями, закрывавшими его журнал, он не сдавался и после каждого закрытия выпускал его под новым названием. В германских лагерях, где Ди Пи копошились и изнывали, как рыба, загнанная в затон, мельгуновские издания передавались из рук в

руки, зачитываясь до полного стирания шрифта. Обезумевшие от преследования люди находили в них не только моральную поддержку, не только ценную информацию, но также политический компас. Сама смелость тона в эпоху всеобщей запуганности действовала ободряюще. Таково же было ее действие и на круги старой эмиграции. Начала она приходить в себя в значительной мере под влиянием мельгуновских „независимых” журналов»¹⁶. Есть также упоминание о первых знакомствах Н.И. Ульянова с литературой первой «волны». «Случилось так, что в числе первых книг, попавших в руки здесь, на Западе, были книги Алданова»¹⁷.

Уже в дипийских лагерях Н.И. Ульянов стал выступать с историческими лекциями и начал писать первые работы по разрешению национального вопроса в России. По воспоминаниям начальника лагеря Мёнхегоф К.В. Болдырева, в клубном помещении периодически читались лекции и обзоры прессы, всего было прочитано до 15 декабря 1945 г. 96 лекций, пользовавшихся у публики большим успехом, о чем свидетельствовала их хорошая посещаемость (21 476 человек). Среди особо популярных он выделяет и выступление историка и писателя Н.И. Ульянова¹⁸.

Сохранились сведения, что именно в дипийских лагерях «Ульянов даже писал детективные романы для дешевых изданий»¹⁹. Ему стали приписывать псевдонимы «Иво Има» и «Ник Майнд». В 2001 г. Надежда Николаевна на вопрос автора данной статьи, – «не знает ли она псевдоним ее мужа – Иво Има», автора «фантастическо-приключенческого романа» «Похитители разума», – ответила, что «это очередной псевдоним писателя-плагиатора Виктора Эфера (настоящая фамилия Афонькин)». Р.В. Полчанинов в своей статье «Книжный бум в годы 1945–1948»²⁰, впрочем, приводит другие данные. «Новый эмигрант, Константин Коспарук издал под псевдонимом Иво Има роман “Похитители разума”. Ни год, ни место не указаны, но указано разрешение Унра тим 568, что значит –

НАЧАЛО ЭМИГРАЦИИ РУССКОГО ИСТОРИКА НИКОЛАЯ ИВАНОВИЧА УЛЬЯНОВА

Мюнхен». Ник Майнд и Евлампий Октябрьев – это, по Р.В. Полчанинову, псевдонимы писателя Н.П. Мамонтова²¹.

Удалось найти сведения и о работе Н.И. Ульянова над сюжетом по истории блокадного Ленинграда. Известный меньшевик Д.Ю. Далин писал из Франкфурта-на-Майне директору Института изучения истории и культуры СССР Б.А. Яковлеву: «1. Два человека в разных местах и не зная друг друга, пишут работы о блокаде Ленинграда; их фамилии Ульянов в Дюссельдорфе и Заводный в Райне (Вестфалия). Они не литераторы, нуждаются в руководстве, но имеют ценные воспоминания. Коллективный труд о блокаде Ленинграда был ценным вкладом Института, как в историческую науку, так и в текущую политику»²². Сложность состоит в том, что письмо датировано 12 апреля 1951 г., а в это время Н.И. Ульянов уже жил в Марокко и активно публиковался в эмигрантской прессе, в том числе в «Социалистическом вестнике». Хотя для идентификации могли указывать старый адрес. Кроме того, Николай Иванович в Ленинграде во время блокады не жил, но мог писать об оккупированной немцами Ленинградской области или, что скорее всего, конкретно про пригороды.

Друг семьи Ульяновых, известный историк Г.В. Вернадский впоследствии записал в своем дневнике. «Рассказывали м.[ного] пр.[очего] о насилиях и депортации в Украинских лагерях в Германии. Особенно ужасны бендеровцы»²³.

Многочисленная, но малотиражная русская пресса в дипийских лагерях была буквально заполнена описанием очередных выходов «бендеровцев» (собрательное русское название различных украинских нацистских групп). Пользовавшиеся покровительством американских и английских спецслужб, бывшие члены прогерманских военных и карательных формирований буквально терроризировали дипийцев других национальностей. Были многочисленные случаи расправ над все-

ми несогласными с их деятельностью и даже убийств агитаторов других российских политических организаций, в том числе и монархистов. Особенно доставалось малороссиянам и украинцам – жителям бывшего СССР. «Галицийцы» преследовали их с особой страстью – за неправильную «мову», за желание не ссориться с русскими, за неверие в псевдоисторические байки и мифы и т.д., а главное – за расовую «нечистоту». Был даже зафиксирован трагический случай – украинка, уроженка Львовской области была публично высечена за безнравственность, за то, что вышла замуж за украинца из Полтавской области!

По воспоминаниям Н.Н. Ульяновой, интерес мужа к проблеме «украинства» проснулся именно в период пребывания в лагерях Ди-Пи. «Украинствующие» рассказывали совершенно невероятные вещи из истории Восточной Европы, а русские слушатели знали, что все это неправда, но аргументированно, фактически опровергнуть не могли. По просьбе известного монархиста Н.Н. Чухнова Н.И. Ульянов написал свои первые статьи на данную тему: «Украинцы и псевдоукраинцы»²⁴ и «Происхождение украинцев и великорусов в свете сепаратистской “науки”»²⁵. Правда, опубликованы они были позднее – в 1948 и 1952 гг.

Первая статья вышла в мюнхенском журнале «На переломе». Журнал имел очень примечательную историю даже на фоне развития русской дипийской прессы. Известный монархист, представитель «старомонархического» течения, член Совета «Центрального представительства русской эмиграции» (ЦПРЭ), секретарь «Объединения писателей и журналистов в Германии», журналист и поэт Николай Николаевич Чухнов (1897–1978) с июня 1946 г. издавал на ротаторе журнал «Огни» (Мюнхен – Фрейманн, 1946–1947. – № 1–21). Он получил вопреки мнению авторитетного историка М.В. Назарова²⁶ официальное разрешение американских властей на вы-

пуск художественного периодического издания²⁷. Конечно, несмотря на маскировку, «Огни» были острым политическим, монархическим журналом. Журнал в своей программной статье призывал бороться с советской властью, с ее социалистическими союзниками и шовинистами-сепаратистами за единое историческое государство – Россию и за законного преемника императора – великого князя Владимира Кирилловича. «Огни» также регулярно писали о мировых событиях по иностранным радиосводкам и правовом положении диппийцев, всячески стремясь прекратить их выдачи в СССР. Главными же врагами журнала были украинские сепаратисты, руководимые «кучкой бандитов-бендеровцев из СС-дивизии Галичина». Из-за цензурных притеснений журнал переименовали в «Обзор иностранной печати», а затем в «Обзор: Орган русской независимой мысли» (Мюнхен – Фрейманн, впоследствии Шлейсгейм и Мюнхен – Фельдмохинг, 1947–1948. – № 21–106). С 98-го номера за 1948 г. издание стало печататься типографским способом, но нумерация сохранилась общая. С 28 ноября 1948 г. «Обзор» соединился с газетой «Наше время» и журналом «На переломе» в единый орган – «На переломе», «передав» ему и нумерацию. Самый известный из диппийских монархических журналов «На переломе» (Мюнхен, 1948. – № 1–12, № 13 (107); 1949. – № 1–116) успел побывать «органом Союза Андреевского флага», «мюнхенским еженедельником» и «органом независимой мысли». Редактировать его Н.Н. Чухнову помогал Н.Б. Одинец.

Статья в журнале «На переломе» была подписана подлинной фамилией автора – Н. Ульянов. И это в то время, когда практически все представители второй русской эмиграции брали псевдонимы, так как обоснованно опасались не только депортации в СССР, но и репрессий по отношению к родственникам, друзьям и даже знакомым. Видимо, Николай Иванович резонно предполагал, что его фами-

лию, ассоциирующуюся с вождем большевиков, все сочтут псевдонимом.

Впоследствии Н.И. Ульянов поссорился с Н.Н. Чухновым именно из-за публикации «Происхождение украинцев и великоруссов в свете сепаратистской “науки”» в нью-йоркском журнале «Знамя России». Николай Иванович писал, что перед отъездом в Марокко в диппийских лагерях передал ряд статей, но редактор опубликовал только часть в журнале «На переломе». Через несколько лет, когда историк уже разуверился в возможности их напечатания и подготовил тексты для других изданий, Н.Н. Чухнов внезапно, не поставив автора в известность, их опубликовал в своем новом американском журнале.

«Знамя России» (Нью-Йорк, 1949–1981. – № 1–415) был известным послевоенным монархическим еженедельным (затем ежемесячным) журналом под редакцией Н.Н. Чухнова, после его смерти – А.А. Соллогуба. «Знамя России» был «органом русской независимой монархической мысли», но фактически – изданием «Общероссийского монархического фронта» (ОМФ). ОМФ был создан под председательством редактора из консервативных монархических организаций в противовес более либеральному «Высшему монархическому совету» в 1949 г. Организацию финансировал князь Сергей Сергеевич Белосельский-Белозерский (1895–1978) – паж Николая II, штабс-ротмистр Белой армии, который жил в эмиграции в США и даже стал подполковником американской авиации. Он провел «Второй Всероссийский зарубежный съезд», был создателем «Славянского института», председателем «Конногвардейского объединения», «Российского антикоммунистического центра» и «Всероссийского комитета освобождения». Эти структуры открыто выступали против «Американского комитета друзей русского народа», обвиняя его в ориентации на леволиберальную часть эмиграции, в фактической поддержке политики расчленения Рос-

сии и в лоббировании республиканского способа правления. Неудивительно, что «Знамя России» на протяжении всей своей истории печатал острые материалы против украинского сепаратизма.

В журнале «Социалистический вестник» в 1948 г. была издана статья Н.И. Ульянова (под псевдонимом Н. Шварц-Оманский) «К национальному вопросу»²⁸. Причем в «Указателе журнала Социалистический вестник, 1921–1963; Социалистический вестник, сборник 1964–1965» она приписывается С.М. Шварцу²⁹. Напечатал ее меньшевистский орган в порядке дискуссии. В ней историк крайне критично отнесся к позиции этого органа РСДРП, яростно полемизируя с идеями конфедеративного устройства освобожденной от большевиков России, а еще более – с так называемым правом наций на самоопределение вплоть до отделения. Эсеро-меньшевистский круг авторов «Социалистического вестника» не мог простить Н.И. Ульянову политической позиции и в особенности крылатой фразы: «Никакого научного, не утопического социализма не было и нет, всякий социализм – синоним утопии»³⁰.

В представлении левых публицистов – вторая «волна» эмиграция – «фашистская и большевистская зловоль», а М.В. Вишняк при первом знакомстве старательно подчеркивал – «вся без исключения», что, впрочем, не помешало ему предложить Н.И. Ульянову сотрудничество в «Социалистическом вестнике»³¹.

Круг авторов был очень узок. Наиболее часто на протяжении многих лет печатались Л. Мартов, Р.А. Абрамович (более 450 статей), Ф.И. Дан (306 статей), Д.Ю. Далин, Ю.П. Денике, Б.И. Николаевский, Б.Л. Двинов, С.М. Шварц, В. Александрова, А.А. Югов, Б.М. Сапир. Эта группа считала себя единственными последовательными марксистами и, по словам Р.Б. Гуля, «кроме своего „Социалистического вестника“ ни в каких русских зарубежных изданиях не участвовали, чтобы не оскоромиться „буржуазностью“»³².

К журналу также «допускались» правые меньшевики Г.Я. Аронсон и П.А. Гарви, охотно печатали иностранных социал-демократов, таких как Ф. Адлер, О. Бауэр, Э. Бернштейн, К. Каутский, О. Розенфельд.

Известность «Социалистического вестника» базировалась на прекрасной осведомленности о положении дел в верхах большевистской партии. Журнал судил компетентнее других эмигрантских периодических изданий о причинах перестановок в руководстве РКП (б) – ВКП (б), о расколах и фракциях, об альтернативах социалистического развития.

После Второй мировой войны в Париже стал выходить дополнительный, стереотипный тираж журнала «Социалистический вестник», состав авторов оставался прежним, но на его страницы были допущены эсеры – М.В. Вишняк, В.М. Зензинов, В.М. Чернов. Это способствовало подписанию совместного эсеро-меньшевистского обращения «На пути к единой социалистической партии»³³. Был даже проект изменить подзаголовок журнала на «орган демократического социализма» и ввести в редакцию М.В. Вишняка и В.М. Зензинова. Кроме того, появились статьи и представители новой эмиграции, так называемой второй «волны»: М.М. Корякова, И.А. Курганова, А.В. Светланина и др. Журнал в послевоенные годы печатался параллельно в США и во Франции, для удобства распространения сначала для дипийцев, а затем для европейских подписчиков. Меншевистская организация и ее журнал существовали за счет «братской помощи американских еврейских социалистических рабочих организаций».

В отличие от эпохи первой эмиграции в послевоенное время, «Социалистический вестник» вызывал большой интерес среди вчерашних советских граждан. При этом у людей, воспитанных на «Кратком курсе» и трудах Маркса-Энгельса-Ленина-Сталина, журнал вызывал резко

отрицательные чувства – «тот же марксизм, доведший Россию...» и т. д.

В августе 1947 г. в составе второй партии квоты ИРО (Международная организация по делам беженцев ООН) чета Ульяновых переселилась в Марокко. С.Л. Голлербах вспоминал: «В эти первые послевоенные годы все мы мечтали эмигрировать из Германии куда-нибудь подальше, боясь захвата Европы большевиками»³⁴. Во французском протекторате Марокко почти не было европейского населения, поэтому Париж был заинтересован в переселении туда любых «белых людей», хоть даже и русских. Эмигрантов из России эта страна привлекала дальностью от Европы, все были уверены, что вот-вот начнется Третья мировая война с атомными бомбардировками, советскими танками на Ламанше и т.д. Марокко было в этом отношении идеальным местом – и большевики не достанут, и ехать недалеко.

Ульяновы поселились в Бурназеле, пригороде города Касабланка (эмигрантское написание названия города Казабланка). Николай Иванович стал работать газосварщиком («автогенным») на заводе металлических конструкций «Schwartz Haumont» («Шварц-Омон»). Названия этих мест послужили для его политических и литературных псевдонимов: Н. Шварц-Омонский (Шварц-Оманский), Н. Бурназельский и Н. Казабланкский³⁵.

Людмила Сергеевна Оболенская-Флам, приехавшая совсем юной в одной партии эмигрантов с Ульяновыми в Марокко, вспоминает. «Как и моего отца, Николая Ивановича завербовали на работу на фабрику Шварца и Омона (отсюда псевдоним Н.И. (Ульянова. – П. Б.) Шварц-Омонский, под которым он публиковался в “Русской Жизни”). Папа мой хотя бы был инженером, а как туда угодил человек свободной профессии, Н.И., в качестве белой рабочей силы..? Не помню, что производила эта фабрика, возможно, какие-то металлические части или инструменты. Однажды мама послала меня туда, чтобы что-то передать отцу. Оказалось, ад крошечный: жарница,

духота, грохот... Отец, отработав по контракту год, оттуда вырвался, поступил на другую работу, и мы съехали из поселка»³⁶.

Месячной зарплаты сварщика при самом экономном использовании (буквально, на воду и хлеб) хватало ровно на неделю. Зато большие доходы были у квалифицированного врача-гинеколога Н.Н. Ульяновой.

Русская диаспора возникла в Марокко еще в годы первой «волны». К послевоенному времени старой эмиграции на все Марокко осталось около 600 человек, большая часть «офранцузилась», и многие дети уже даже не говорили по-русски³⁷. Большинство было настроено монархически и ориентировалось на Н.Н. Чухнова или И.Л. Солоневича.

Ирина фон Шлиппе, ребенком приехавшая в Марокко, так описывала трудности эмигрантов. В Бурназеле была страшная жара, а воду подвели только в сентябре. Бараки, построенные для пленных итальянцев, стояли без крыш, без окон, без дверей. Но русские эмигранты быстро обустроили и даже сделали себе мебель из ящиков из-под апельсинов. «Представители ООН выдали хоть и крохотные, но все же реальные деньги на покупку самого необходимого – матрас, кастрюля, примус, ведро»³⁸. Л.С. Оболенская-Флам вспоминает о подробностях быта: «Нас поселили в небольшом рабочем поселке. Каждый наскоро построенный домишко состоял из двух комнат. Первая – проходная. Вторая была и столовой и кухней, и душевой, уборные – отдельно, во дворе»³⁹.

Центром притяжения русской общины была православная церковь. Под влиянием «совпатриотизма» «Православная церковь и Русский очаг в Марокко» распались, два местных священника перешли под Московскую патриархию, в их приходе было около 200 человек. Советских патриотов изначально было больше сотни, постепенно примерно треть из них отказалась от паспорта СССР. Но именно в это время в массовом количестве стали прибывать антикоммунистически настроенные диппидцы. Только с лета 1947 по весну 1949 г.

прибыли около 700 человек⁴⁰. В 1950 г. только в Бурназеле жили 780 русских эмигрантов. Был заново образован новый приход Русской зарубежной церкви более 800 человек⁴¹. Новоприбывшие, в свою очередь, поделились на сторонников НТС (главным образом, выходцы из лагеря Мёнхегоф) и монархистов (из лагеря Шлейсхайм).

В Марокко в то время действовали «Русский красный крест» книгини Урусовой, отделения РОВС, НТС (председатель – журналист А.С. Светов-Парфенов, среди членов – историк Б.Т. Кирюшин, публицистка Е.Р. Миркович), Союз борьбы за свободу России (председатель – Н.П. Полторацкий), Союз Андреевского флага (САФ) и различные монархические организации.

В Касабланке существовало представительство «Посева», распространяющее и другую литературу, вплоть до меньшевистского «Социалистического вестника», за исключением правомонархической. А.С. Светов-Парфенов издавал на ротаторе бюллетень. Монархические издания распространялись частным образом. Представителем журнала «Часовой» был его постоянный автор, военный историк генерал В.А. Замбржицкий⁴².

Ирина фон Шлиппе вспоминала, что «была в Касабланке также отличная русская библиотека, куда присылались все советские толстые журналы и многие эмигрантские журналы»⁴³. В ее фонде было 2,5 тыс. изданий, главным образом беллетристика и мемуары.

Во главе православной общины (Касабланка, Бурназель, Рабат, Марракеш) стояли протоиерей Митрофан (Зноско-Боровский) – будущий епископ Бостонский, а затем Восточно-Американский и Нью-Йоркский, и глава совета И.Н. Ростовцев. Они же создали «Свято-Сергиевский благотворительный фонд». В Бурназеле даже построили Свято-Троицкий храм (1950). Заслуженной гордостью русской колонии в Касабланке были хор (25–30 человек) и детский музыкальный кружок Е.И. Евеца, прибывшего вместе с Н.И. Ульяновым. Для

детей же по четвергам и воскресеньям организованы были занятия по Закону Божьему, русской истории и русскому языку⁴⁴.

Известный журналист, впоследствии редактор «Посева», член НТС А.С. Светов-Парфенов писал в письме эсеру В.М. Зензинову от 22 мая 1949 г.: «Много работает доц. Ульянов, историк, интересующийся гл.[авным] обр.[азом] национальным и украинским вопросом, очень культурный человек, но своеобразный, одиночка. В Касабланке он руководит небольшим историческим кружком (7–8 участников)»⁴⁵.

Л.С. Оболенская-Флам вспоминает об этой деятельности: «Знаю только, что тяжелая работа не помешала Н.И. (Ульянову. – П. Б.) заниматься творчеством и играть заметную роль на культурном поприще русской колонии в Касабланке. Это он проводил вечера “Русской культуры” и привлек меня к выступлениям с чтением стихов»⁴⁶.

Несмотря на многочисленные противоречия, русская община стала совместно отмечать специфические праздники отечественной эмиграции: «День непримиримости» (7 ноября), «День русского просвещения» (юбилей А.С. Пушкина), «День русской культуры», «День русского национального сознания» (святого равноапостольного князя Владимира) и др. Кроме того, регулярно проводились юбилеи и театральные постановки: «Чеховский вечер», столетие со дня смерти Н.В. Гоголя. На этих мероприятиях выступали адмирал А.И. Русин, А.С. Копытов, Г.А. Рар, А.С. Светов-Парфенов, Н.П. Полторацкий, В.Л. Гальский и Н.И. Ульянов⁴⁷. Последний выступил с докладом 19 июня 1949 г. в зале офицерского собрания в Касабланке на праздновании юбилея, 150-летия рождения А.С. Пушкина⁴⁸.

Николай Иванович Ульянов становится известен благодаря докладу «Культура и эмиграция», произнесенному в «День русской культуры» в Касабланке 5 августа 1951 г. Через год ее опубликовал в «Новом журнале»⁴⁹ известный историк

М.М. Карпович, снабдив своими знаменитыми редакторскими комментариями. Его мнение, несмотря на критику отдельных положений доклада, было чрезвычайно положительным. Это была первая работа нашего героя, опубликованная в журнале.

П.А. Муравьев утверждал: «Не следует, однако, рисовать себе творческую природу Н.И. Ульянова слишком идиллически. Был он не только кабинетным ученым. Уже тогда, в “марокканский” период, проявилась в нем и другая его сторона – яркого и страстного полемиста, с каким мало кто мог скрестить оружие. Именно в “Касабланкском докладе” Н.И. Ульянов первый раз противопоставил русскую культуру этнографии: “После Достоевского и Толстого, Мусоргского и Чайковского не пристало рядить русскую культуру в сарафаны и кокошники!”⁵⁰. «?Посеявший ветер пожнет бурю”. Доклад, попавший затем на страницы печати, вызвал целый полемический шторм. Традиционно-консервативной части эмиграции новшество Н.И. (Ульянова. – П. Б.) пришлось не по душе; более “прогрессивные” приветствовали его заявление. Но поднятый шум не испугал Н.И. (Ульянова. – П. Б.); скорее наоборот – вдохновил его на дальнейшее углубление “опасной” темы. И возможно, что его интересное эссе “Патриотизм требует рассуждения” уходит корнями в казбланкский дебют»⁵¹. Действительно, «Культура и эмиграция» вызвала самые горячие и противоречивые отклики в печати.

К этому же времени относится и первая попытка вернуться к научной и преподавательской деятельности. В США собирались основать «культурное учреждение» во главе с Б.И. Николаевским, которому мог быть нужен русский историк. По предложению С.П. Мельгунова, Н.И. Ульянов пишет ему письмо 20 августа 1951 г.: «Вот уже 15 лет, как я оторван не только от научной работы, но и от всякого ей подобия. Пребывая в тюрьмах и лагерях, то в таких глухих углах, вроде Марокко, в которых невозможно найти самой элементарной

книги по русской истории, я, безусловно, отстал в области своей специальности, но смею думать, что ни способности научного мышления, ни исследовательской техники, ни тем более вкуса к истории не утратил. Напротив, чувствую себя в расцвете сил и способным к напряженной работе. Буду крайне признателен, если бы Вы облегчили мне возможность вернуться к занятию историей»⁵².

Несмотря на все успехи Н.И. Ульянова, Марокко было провинцией Русского Зарубежья. На заработки жены историк смог регулярно посещать столицу русской эмиграции – Париж. Вот как оценивает П.А. Муравьев значение этих командировок: «Позднее, благодаря наладившимся поездкам в Париж, положение улучшается: удастся приобрести нужные книги, а в архивах библиотек откопать недостающие для исторических работ материалы. Да и русский Париж встретил Н.И. (Ульянова. – П. Б.) приветливо. Тут он познакомился с Б.К. Зайцевым, П.Е. и С.П. Мельгуновыми, Н.Н. Берберовой, Н.М. Херасковым, Г. Ивановым, с французским профессором Андре Мазоном, прекрасно владеющим русским языком»⁵³. Сам Н.И. Ульянов писал о своих впечатлениях Надежде Николаевне: «Очень доволен тем, что впервые за свою эмиграцию увидел настоящую культурную Россию. Это было глотком свежей воды. Буквально отдохнул душой»⁵⁴. В письме В.Н. Буниной Г.Н. Кузнецовой от 2 ноября упоминается о его появлении 22 октября на чествовании 80-летия И.А. Бунина: был «Ульянов – не знаю кто»⁵⁵. Именно тогда Н.И. Ульянов познакомился с Ириной Одоевцевой.

В марокканский период выходит более 20 публикаций Н.И. Ульянова. 30 ноября 1952 г. появляется первая книга Н.И. Ульянова в эмиграции – исторический роман «Атосса» в «Издательстве имени Чехова».

В 1953 г. Н.И. Ульянов с супругой смогли переехать в США.

НАЧАЛО ЭМИГРАЦИИ РУССКОГО ИСТОРИКА НИКОЛАЯ ИВАНОВИЧА УЛЬЯНОВА

Примечания

- ¹ Георгий Иванов – Ирина Одоевцева – Роман Гуль: Тройственный союз. Переписка 1953–1958 гг. / Публ., сост. коммент. А.Ю. Арьева. – СПб., 2010. – С. 102.
- ² Там же. – С. 89.
- ³ Там же.
- ⁴ Там же. – С. 261.
- ⁵ Азадовский К. Александр Биск и одесская «Литературка» // Диаспора: Нов. материалы, I. – Париж; СПб., 2001. – С. 113.
- ⁶ Кашкаров Ю. Меж двух берегов: Литература русского зарубежья вчера и сегодня: [Беседы с участниками конференции]. – Москва, 1993. – №7–8. – С. 150.
- ⁷ Кашкаров Ю.Д. Новый журнал // Родина. – 1991. – № 3. – С. 35.
- ⁸ Дойков Ю.В. Личное дело № 43, или Судьба эмигранта Ульянова // Волна. – Архангельск, 1991. – 7 нояб., № 15. – С. 6.
- ⁹ Рабинович М.Б. Воспоминания долгой жизни. – СПб.: Европейск. Дом: Европейск. ун-т в СПб.: Фонд регионального развития, 1996. – С. 146.
- ¹⁰ [Самарин В.Д.], В.С. Служение России (Памяти Н.И. Ульянова) // Вече. – 1985. – №18. – С. 194.
- ¹¹ Муравьев П. Жизнь – это творчество // Отклики: Сб. ст. памяти Николая Ивановича Ульянова (1904–1985) / Ред. В.М. Сечкарев. – Нью-Хэвен, 1986. – С. 42.
- ¹² Дойков Ю.В. Историки // Сев. комсомолец. – Архангельск, 1990. – 21 апр., № 17 (10501). – С. 10; Fisher R.T. Nicolai Ivanovich Oulianoff, 1905–1985 // Slavic Review. – 1986. – Vol. 45. – P. 187.
- ¹³ Голлербах С. Надежда Николаевна Ульянова // Зап. рус. акад. группы в США. – Нью-Йорк, 2004. – Т. 33. – С. 281.
- ¹⁴ Fisher R.T. Nicolai Ivanovich Oulianoff, 1905–1985 // Slavic Review. – 1986. – Vol. 45. – P. 187.
- ¹⁵ Ульянов Н. Сергей Петрович Мельгунов // Новое рус. слово. – 1956. – 10 июня. – С. 2.
- ¹⁶ Там же. – С. 2.
- ¹⁷ Ульянов Н. Памяти М.А. Алданова // Ульянов Н.И. Спуск флага. – New Haven: N. Oulianoff, 1979. – С. 144.
- ¹⁸ Болдырев К.В. Менхегоф – лагерь перемещенных лиц (Западная Германия) // Вопр. истории. – М., 1998. – №7. – С. 124.
- ¹⁹ Рабинович М.Б. Воспоминания долгой жизни. – СПб.: Европейск. Дом: Европейск. ун-т в СПб.: Фонд регионального развития, 1996. – С. 146.
- ²⁰ Полчанинов Р.В. Молодежь Русского зарубежья: Воспоминания 1941–1951. – М.: Посев, 2009. – С. 348.
- ²¹ Там же. – С. 347.
- ²² Columbia University Libraries, Rare book and Manuscript Library Bakhmeteff Archive of the Russian and East European History and Culture (BAR). В. М. Sapir Collection. Miscellaneous topic A-Z Разное тема. Вох. 40.
- ²³ Вернадский Г.В. [Дневники: Отрывки за 1932–1969 гг.] // Вернадский Г.В. Русская историография. – М.: Аграф, 1998. – С. 431.
- ²⁴ Ульянов Н.И. Украинцы и псевдоукраинцы // На переломе. – Мюнхен, 1948–1949. – № 107, 20 нояб. – С. 10–13; № 108, 5 дек. – С. 4–10; № 109, 12 дек. – С. 3–7; № 110, 19 дек. – С. 3–7; № 111 (17), 26 дек. – С. 4–7; № 112 (1), 7 янв. – С. 16–19; № 113 (2), 16 янв. – С. 3–6.
- ²⁵ Ульянов Н.И. Происхождение украинцев и великоруссов в свете сепаратистской «науки» // Знамя России. – 1952. – № 60, 5 апр. – С. 5–8; № 61, 20 апр. – С. 3–6; № 62, 11 мая. – С. 7–10; № 63, 31 мая. – С. 13–15; № 64, 10 июня. – С. 5–9.
- ²⁶ Назаров М.В. Монархические организации русского зарубежья // Держава. – 1996. – №2(5). – С. 76.
- ²⁷ Чухнов Н.Н. В смятенные годы: Очерки нашей борьбы, 1941–1965. – Нью-Йорк: Всеславянчк. изд-во, 1967. – С. 101.

- ²⁸ Шварц-Оманский Н. «К национальному вопросу // Социалистич. вестн. – 1948. – № 6. – С. 115–117.
- ²⁹ Указатели журнала Социалистический вестник 1921–1963, Социалистический вестник, сборник: 1964–1965 = Tables de la revue russe Le messenger socialiste 1921–1963, Le messenger socialiste, recueil: 1964–1965 / Et. A. Lande, preface A. Liebich. – Paris: Inst. d'études slaves, 1992. – С. 143.
- ³⁰ Ульянов Н.И. Мертвые слова // Ульянов Н.И. Свиток. – Нью-Хэвен, 1972. – С. 129.
- ³¹ Ульянов Н.И. «Дело Ульянова» // Новое рус. слово. – 1961. – 5 янв. – С. 2.
- ³² Гуль Р. Одвуконь два. – Нью-Йорк: Мост, 1982. – С. 151.
- ³³ Социалист. вестн. – 1952. – № 3 (651). – С. 7.
- ³⁴ Голлербах С. Надежда Николаевна Ульянова // Зап. рус. акад. группы в США. – Нью-Йорк, 2004. – Т. 33. – С. 281.
- ³⁵ Личный архив К.Ю. Лаппо-Данилевского. Письмо Н.Н. Ульяновой К.Ю. Лаппо-Данилевского от 17.11.1992 г. Л. 1.
- ³⁶ Личный архив П. Н. Базанова. Фонд Н. И. Ульянова. Папка: Переписка. Письмо Л.С. Оболенской-Флам П. Н. Базанову от 7 июля 2017 г. Л. 1.
- ³⁷ Columbia University Libraries, Rare book and Manuscript Library Bakhmeteff Archive of the Russian and East European History and Culture (BAR). V. M. ZENZINOV Papers. Box. 33.
- ³⁸ Шлиппе И. фон. 27 стран в 27 лет – поиск стабильности // Выступление на вечере Ди-Пи. – М., 2012 г. – 24 сент. – С. 9. – Режим доступа: http://www.bfrz.ru/data/images/2012/news09/240912/DIPI/vecher/DP_IIA_fon_Shlippe_red.pdf
- ³⁹ Личный архив П.Н. Базанова. Фонд Н.И. Ульянова. Папка: Переписка. Письмо Л.С. Оболенской-Флам П.Н. Базанову от 7 июля 2017 г. Л. 1.
- ⁴⁰ Columbia University Libraries, Rare book and Manuscript Library Bakhmeteff Archive of the Russian and East European History and Culture (BAR). V. M. ZENZINOV Papers. Box. 33.
- ⁴¹ Там же.
- ⁴² Там же.
- ⁴³ Шлиппе И. фон. 27 стран в 27 лет – поиск стабильности // Выступление на вечере Ди-Пи. – М. – 2012. – 24 сент. – С. 9. – Режим доступа: http://www.bfrz.ru/data/images/2012/news09/240912/DIPI/vecher/DP_IIA_fon_Shlippe_red.pdf
- ⁴⁴ Columbia University Libraries, Rare book and Manuscript Library Bakhmeteff Archive of the Russian and East European History and Culture (BAR). V. M. ZENZINOV Papers. Box. 33.
- ⁴⁵ Там же.
- ⁴⁶ Личный архив П. Н. Базанова. Фонд Н. И. Ульянова. Папка: Переписка. Письмо Л. С. Оболенской-Флам П. Н. Базанову от 7 июля 2017 г. Л. 1.
- ⁴⁷ Митрофан (Зноско–Боровский), еп. Хроника одной жизни: К 60–летию пастырского служения IX. 1935 – IX. 1995. – М.: Св. Владимир. Братства, 1995. – С. 177–178.
- ⁴⁸ Там же. – С. 198.
- ⁴⁹ Ульянов Н. И. Культура и эмиграция // Новый журнал. – 1952. – №28. – С. 261–272.
- ⁵⁰ Муравьев П. Жизнь – это творчество // Отклики: Сб. ст. памяти Николая Ивановича Ульянова (1904–1985) / Ред. В.М. Сечкарев. – Нью-Хейвен, 1986. – С. 44.
- ⁵¹ Там же.
- ⁵² Hoover Institution on war, revolution and peace; Stanford University (HIA). V.I. Nicolaevsky Coll. Box. 506. Fold 13. Л. 1.
- ⁵³ Муравьев П. Жизнь – это творчество // Отклики: Сб. ст. памяти Николая Ивановича Ульянова (1904–1985) / Ред. В.М. Сечкарев. – Нью-Хейвен, 1986. – С. 43.
- ⁵⁴ Там же.
- ⁵⁵ «... Когда переписываются близкие люди»: Письма И.А. Бунина В.Н. Буниной, Л.Ф. Зурова к Г.Н. Кузнецовой и М.А. Степун. 1934–1961 / сост. подгот. текста, науч. аппарат Е.Р. Пономарева и Р. Дэвиса; сопроводит. ст. Е.Р. Пономарева. – М., 2014. – С. 120.

В.Г. Шаронова

РУССКИЙ ФЛАГ НАД ВАМПУ (К событиям 1 января 1917 г. в Шанхае)

Аннотация. В статье рассказывается о появлении русской диаспоры в китайском городе Шанхае в середине XIX в. Подробно освещаются вопросы дипломатических отношений между императорской Россией и цинским Китаем. Особое внимание уделяется периоду Первой мировой войны и революции 1917 г. Одним из значимых событий того времени стало открытие нового здания Российского императорского генерального консульства в Шанхае. Роль царских дипломатов в период адаптации беженцев из Советской России была крайне важной, поскольку благодаря им русские эмигранты получали работу и материальную помощь. В заключение статьи рассказывается о судьбе здания в советские и последующие годы.

Ключевые слова: Российское генеральное консульство; русская эмиграция; Шанхай; Виктор Гроссе; дипломатия.

С середины XIX в. в результате подписания Нанкинского договора Шанхай стал открытым портом для иностранных граждан, и часть его территории была отдана в долгосрочную аренду под строительство концессий. Это привело к наплыву в эти края переселенцев из европейских стран, среди которых было много коммерсантов. Одновременно с ними появились здесь и русские торговцы. В их числе был известный тарский купец Иван Нерпин, прибывший сюда изучить спрос на российские товары и узнать цены на местные, среди которых его особо интересовал чай. Вскоре Шанхай стал транзитным городом для поездок в Ханькоу – чайную столицу Китая, а также в южные провинции.

Со временем город на Вампу становится большим транспортным узлом, куда стекались товары и грузы из разных частей Китая. Открыли свои конторы многие русские фирмы, что вызвало необходимость иметь здесь свой финансовый форпост, каким стало отделение Русско-Китайского банка.

К началу 1890-х годов число русских жителей стало возрастать, здесь располагалось несколько филиалов часторговых и транс-

*ШАРОНОВА
Виктория
Геннадьевна,
кандидат
исторических
наук,
ведущий научный
сотрудник
Института
Дальнего
Востока РАН*

портных компаний. Имевшееся внештатное русское консульство с приглашенным иностранным дипломатом Ю. Редингом уже не справлялось со своими задачами. К тому же планы российского правительства в этом регионе предполагали значительное расширение русского присутствия и влияния.

В феврале 1896 г. в своем письме министру финансов С.Ю. Витте министр иностранных дел князь Алексей Борисович Лобанов-Ростовский писал: «С учреждением Русско-Китайского банка Шанхай стал важным для русской торговли. В этот незамерзающий порт все чаще стали заходить русские суда и он получит еще большее значение с постройкой Сибирской железной дороги, наладится русское пароходство между Владивостоком и Шанхаем. Поэтому необходимо назначить штатного представителя – генконсула, чтобы он мог заботиться там о развитии нашей торговли, следить за успехами иностранцев и китайцев на этом поприще, оказывать бы защиту нашим подданным, совершал бы консульские действия, предписанные уставом, и имел бы юрисдикцию над нашими соотечественниками в Китае, что сейчас не может исполнять наш консул в Китае»¹.

Вскоре штатное Императорское генеральное консульство открылось во главе с известным дипломатом Павлом Андреевичем Дмитриевским². Его выбор на этот пост был не случаен. В течение многих лет он служил генеральным консулом в Тяньцзине и Ханькоу – центрах русско-китайской чайной торговли.

Одновременно с открытием Генерального консульства был поставлен вопрос о приобретении своего участка земли под концессию, как это было сделано в Ханькоу и Тяньцзине. В одной из секретных телеграмм графа Кассини, находившегося в деловой поездке в Забайкалье, из уездного города Троицкосавска сообщалась информация, полученная почтой из Миссии в Пекине: «Ввиду предстоящего здесь непродолжительного времени возбуждения во-

просов о расширении пределов иностранного поселения в Шанхае, прошу указаний, имеет ли наше Правительство в виду приобрести там земельный участок, дабы заблаговременно сделать необходимое заявление выбрать подходящее место»³.

Однако земельный участок по разным причинам не был приобретен. Канцелярия Генерального консульства размещалась в наемных помещениях, которые снимали или в иностранных консульствах, или частично использовали квартиру самого генконсула. Из-за дороговизны П.А. Дмитриевский, а позже К.В. Клейменов⁴ не имели возможности заключать договоры по аренде частной квартиры на долгие сроки. В общей сложности с момента учреждения до 1911 г. Генконсульство сменило десять квартир. Злые языки утверждали, что в городе нет места, где ни сидел бы «Русский Орёл». В то же самое время такие страны, как Великобритания, Германия, Япония, Италия, Австрия, занимали прекрасные отдельно стоящие дома.

К неудобствам можно было добавить организацию бесконечных переездов, требующих больших затрат. Случалось и такое, что помещения официального учреждения находились в частной квартире, бок о бок с прочими квартиросъемщиками, конторами и магазинами. Это соседство не соответствовало статусу Генерального консульства великой державы в Китае. Большую опасность представляли в таких домах и пожары. Например, от пожара, начавшегося в магазине, расположенном над квартирой генконсула Клейменова, были уничтожены все его имущество, десять дел и казенная обстановка заграничного учреждения. Все это сказывалось на авторитете нашей дипломатической миссии.

С назначением нового генконсула в Шанхае Виктора Федоровича Гроссе⁵ вопрос о покупке участка и строительстве на нем здания вновь возобновился. Прежде чем выбор был остановлен на существующем ныне местоположении Генконсульства на улице Хуанпу, были рассмотрены

РУССКИЙ ФЛАГ НАД ВАМПУ (К событиям 1 января 1917 г. в Шанхае)

другие варианты. Первоначально планировалось приобрести земельный участок в западном квартале города во французской концессии на окраине Авеню Жоффр, соединенном с центром трамваем (современный район Хуахай лу), где находились генеральные консульства Бельгии, Италии, Австрии. Однако от этого варианта отказались из-за отдаленности этого района от центра.

Генерального консула эта неудача не остановила, и в течение следующего года он продолжал поиски нового места для строительства здания, ведя переписку с Министерством иностранных дел. Из всех вариантов В.Ф. Гроссе считал наиболее подходящим земельный участок напротив набережной (Банда), занимаемый летней террасой отеля «Астор Хаус», владельцы которого были согласны его продать за 100 000 лян (130 000 руб.) при условии, что деньги будут уплачены сразу же после подписании контракта о покупке.

Нанятый для разработки проекта Императорского генерального консульства России германский подданный архитектор Ганс Эмиль Либ (Hans Emile Lieb) предполагал, что сумма затрат не превысит 125 000 лян. По проекту дом должен был быть четырехэтажным вместе с подвалом. Здание могло бы вмещать в себя канцелярию, зал собраний, библиотеку, судебную камеру, карцер для арестованных, а также жилые помещения для генконсула, двух его секретарей, двух канцелярских сотрудников и прислуги. Чердачное помещение на четвертом этаже планировалось устроить так, чтобы оно могло быть легко приспособлено под жилье. В подвальном этаже предполагалось поместить квартиру швейцара, сторожа и слуги, помещение для арестантов, погреба.

Министр иностранных дел Сергей Дмитриевич Сазонов⁶ ходатайствовал перед Министерством финансов о выделении средств, необходимых для строительства и содержания здания консульства. Он писал о том, что «обеспечение нашего генерального консула в

Шанхае постоянным соответствующим помещением является вопросом первостепенной важности и, вместе с тем, исходит из того, что представленный генконсулом проект дома составлен сообразно с местными климатическими условиями и общественным образом жизни Шанхая и с соблюдением возможной экономии»⁷.

Благодаря стараниям министра С.Д. Сазонова и генерального консула В.Ф. Гроссе Министерство финансов приняло положительное решение. И составленный соответствующий проект закона был одобрен Государственной думой, Государственным советом, после чего императором Николаем II на нем была наложена резолюция: «*Быть по сему*».

7 июля 1913 г. Закон о приобретении в казну земельного участка в г. Шанхай для постройки на нем помещения Генерального консульства был издан. Государственному казначейству указывалось отпустить из своих средств в 1914 г. на постройку здания для Императорского русского ГК в Шанхае 169 290 руб.

25 мая 1914 г. генеральный консул В.Ф. Гроссе и архитектор Либ подписали «Условия на производство Гансом Либом работ и обязательств по строительству Генерального консульства России в Шанхае», согласно которым на архитектора возлагались обязанности по техническому контролю за постройкой здания консульства. Для надзора за ходом строительства был создан специальный Строительный комитет, председателем которого стал сам В.Ф. Гроссе.

Спустя несколько месяцев, 28 октября 1914 г., в присутствии представителя императорского посланника камер-юнкера высочайшего двора В.В. Граве⁸, генерального консула и дипломатов, а также проживающих в Шанхае российских подданных был заложен первый камень в основание будущего здания.

Начавшаяся летом того же года Первая мировая война серьезно повлияла на мирную жизнь Шанхая. Каждая из стран –

участниц этой кровопролитной войны была занята организацией отправки посылок, денежных средств и амуниции для своей армии. Русское консульство закупало ткани и продовольствие и отправляло на заходивших судах на Родину. Для поддержки нуждающихся соотечественников было создано Русское благотворительное общество «Помощь», которое возглавляли сам генконсул Гроссе и его жена Элла Павловна⁹.

Одновременно со многими проблемами военного времени возникла еще одна, связанная с перебоями финансирования строительства здания на Вампу-роад. Виктор Федорович был вынужден продолжать стройку за счет собственных средств и частных пожертвований русских купцов в Ханькоу. Благодаря этому строительство здания Российского генерального консульства в Шанхае не прекращалось, несмотря на то что Россия нуждалась в финансовых средствах для ведения войны. Деньги отпускались строго по смете с довоенными ценами, хотя генконсул в своих письмах просил увеличения сметы, так как такие строительные материалы, как медь, стекло и железо, подорожали на 100% и даже на 150%. Главным расходом, который выяснился впоследствии, стали издержки по сооружению искусственного основания здания на сваях, являющегося надежным средством для укрепления грунта, который подвергается размыву благодаря близкому соседству с водой.

Еще одной неожиданной проблемой того сложного периода явилась полемика, развернутая летом 1915 г. на страницах столичной газеты «Новое время» и направленная против российских немцев, обвинявшихся в шпионстве и пособничестве Германии. В нескольких ее номерах за 1916 г. появились статьи с резкой критикой В.Ф. Гроссе и разоблачением его «истинной деятельности» против своей страны на посту генерального консула России в Шанхае. Автором этих статей был бывший подчиненный Виктора Федоровича

А.Н. Вознесенский, ставший после революции советским дипломатом¹⁰. Среди самых главных обвинений было то, что Гроссе якобы злоупотреблял денежными средствами (казнокрадство) в военное время, а также сговор с архитектором Либом, немцем, как и он сам. Упоминалось, что, находясь в Шанхае, Виктор Федорович долгое время состоял вице-председателем германского клуба, а его супруга Элла Павловна постоянно произносила фразу: «Бедный Вильгельм», сочувствуя германскому кайзеру. В ответ на злостные и лживые статьи Виктор Федорович направил главному редактору письмо, в котором писал: «Господин редактор! Весной и летом текущего года на страницах “Нового времени” появился ряд статей под псевдонимом “Парадокс”, “Сибирский купец”, “Житель Шанхая”, автором которых является А.Н. Вознесенский – бывший вице-консул при Российском генконсульстве в Шанхае, в коих он критикует мою служебную деятельность. По поводу приглашения на службу немецкого архитектора хочу сказать следующее. В 1911 г., когда впервые возникла идея о постройке казенного дома для Генерального консульства в Шанхае, мне было поручено войти в сношения с архитектором на предмет представления подробной сметы и детальных чертежей и планов будущего здания. Не располагая никакими ассигнованиями на этот предмет, я не мог возложить работы на русского архитектора, которого в Китае не имеется, а вынужден был обратиться к одному из местных архитекторов. Мне был рекомендован Либ, которому я не гарантировал, что его проект будет принят. Первый проект не был принят, и он сделал второй полностью за свой счет, который принят в 1914 г. Вернувшись из Петрограда, я заключил с ним договор 12 мая 1914 г. и поручил исполнение китайской фирме. После объявления войны встал вопрос о замене Либ, но это не удалось. При замене Либ потребовались бы новые кредиты. Материалы для строительства выписывались без участия Либ, а работы по

РУССКИЙ ФЛАГ НАД ВАМПУ (К событиям 1 января 1917 г. в Шанхае)

водоснабжению, установке электрического освещения, центрального отопления были поручены английскому инженеру. Либ не получал жалованья. Архитектору причитались лишь известные проценты с общей сметы постройки, и их выплата прекратилась с момента получения Высочайшего указа от 15 ноября минувшего года.

Я могу положительно заявить, что я и члены русской колонии в Шанхае с начала военных действий совершенно прекратили всякие сношения с немцами»¹¹.

В телеграммах в МИД генконсул телеграфировал, что Либ не состоял на службе в германском консульстве и получал проценты не столько за наблюдениями за рабочими, порученными ответственной фирме, сколько за изготовление планов и чертежей. Тем не менее травля на страницах «Нового времени» продолжалась, и Гроссе хотел возбудить уголовное дело против газеты и ее авторов.

Строительство особняка из-за отсутствия строительных материалов затягивалось и не успевало к памятной дате 25 ноября 1916 г. – 20-летию со дня учреждения Генерального консульства в Шанхае. Его завершение было перенесено на 1 (по ст. стилю) января 1917 г. К концу ноября построенное в стиле эклектики здание было готово, оно было покрашено в темно-серый цвет, башня с флагштоком – в зеленый, а крыша уложена красной черепицей. Много времени заняла внутренняя отделка помещений.

К середине декабря 1916 г. все работы были закончены.хлопоты, связанные со строительством здания, сменились хлопотами по организации торжеств. В последних числах месяца стали съезжаться первые гости: из Ханькоу прибыли генеральный консул А.Т. Бельченко¹² и городской голова Русской концессии В.Ю. Григорьев с женой, из Цзилиня (Гирина) – консул В.А. Братцов¹³. Впервые Шанхай посетил императорский посланник князь Н.А. Кудашев¹⁴ с сестрой Е.А. Кудашевой. Их сопровождали секретари Миссии И.И. Дес-

ницкий и И.П. Митрофанов. Дорогим гостям были отведены специальные покои в самом здании консульства. Всех приезжих гостей встречали В.Ф. Гроссе с супругой Э.П. Гроссе.

Посланник прибыл в Шанхай в 9 ч. 20 м. вечера 31 декабря 2016 г. Ко времени прихода поезда на вокзале был выстроен почетный караул в составе одной роты из отборных чжиллийских солдат с оркестром военной музыки. Генеральный консул первым вошел в вагон-салон и приветствовал высокого гостя от имени чинов Генерального консульства и русских резидентов Шанхая.

При первом появлении посланника на платформе оркестр заиграл гимн, и князь в сопровождении представителей китайского правительства даотая г-на Сюй и секретаря комиссара по иностранным делам г-на Чэнь обошел почетный караул. Затем началось представление лиц, прибывших на встречу: датского генерального консула, приветствовавшего посланника как представителя Дании в Китае, первого директора Русско-Азиатского банка графа Езерского, явившегося представителем от города, духовенства во главе с архимандритом Симоном, агента Министерства торговли и промышленности Г.Г. Сюннерберга.

Канун нового года посланник и его сестра встретили в тесном кругу семьи генерального консула и прибывших с ними секретарей миссии.

Наступило 1 января 1917 г. – торжественный и долгожданный день открытия здания Императорского генерального консульства России в Шанхае. Перед началом молебна посланник от имени Императорской миссии вручил генеральному консулу икону Св. Николая Чудотворца.

В десять часов утра начался съезд всех членов русской, персидской и сербской колоний, приглашенных на освящение здания. Все чины Генерального консульства, официальные лица и местные представители отдельных ведомств были в полной парадной форме. Богослужение было совершено архимандритом Симоном при участии хора

китайских мальчиков под управлением отца Евстафия, иеромонаха Шанхайской богоявленской церкви. По окончании молебна отец архимандрит вместе с хором певчих в сопровождении посланника, его свиты и русских дипломатов обошел все помещения Генерального консульства и окропил их святой водой. Вслед за тем генеральный консул, в присутствии посланника и с благословения архимандрита, поднял Российский флаг над зданием Генерального консульства.

К тому времени все гости собрались в столовой и ждали выхода посланника. Выслушав доклад генерального консула о поднятии флага, князь Н.А. Кудашев вышел к присутствующим и провозгласил здравие Государю Императору. Оркестр заиграл национальный гимн, и все присутствующие дружно пропели вместе с певчими «Боже, Царя храни», покрытое единодушным и громким «Ура!».

Затем с приветственной речью выступил генеральный консул, который попросил посланника «повергнуть к стопам Его Величества от имени русских резидентов города Шанхая и передать их неизменные верноподданнические чувства пламенной любви, засвидетельствовать об их готовности посвятить все свои силы служению дорогому Отечеству»¹⁵. Все прибывшие расписывались в особой книге, у которой дежурил сын генерального консула в форме бойскаута¹⁶ и его товарищи, стоявшие на ступенях мраморной лестницы у входа в зал.

На приеме в честь открытия здания Императорского генерального консульства России присутствовали многочисленные гости, среди которых почетное место занимал первый президент Китайской Республики Сунь Ятсен. Все союзные и нейтральные консулы были в полной парадной форме с личным составом служащих.

Торжества продолжались несколько дней и имели большое значение для укрепления авторитета Российского государства в Китае.

На следующий день посланник, секретари Миссии, чины Генерального консульства отстояли молебен в Шанхайской богоявленской церкви и посетили отца архимандрита в его доме.

В час дня состоялся парадный завтрак у местного представителя Китайского правительства – комиссара по иностранным делам г-на Ян Чэна, на котором кроме князя присутствовали г-н Сунь Ятсен, г-н Тань Шаои, секретари Миссии в Пекине, чины Генерального консульства, гости из Ханькоу и Гирина, военный агент подполковник К.А. Кременецкий, агент Министерства торговли и промышленности Г.Г. Сюннерберг, все генеральные консулы союзных держав, китайские сановники, служащие в Шанхае и его окрестностях, а также представители китайских торговых палат. После каждой речи оркестр исполнял русский, а затем китайский гимны.

На следующий день официальные церемонии продолжились. Посланник поехал вместе с городским головою, полицмейстером и генеральным консулом осматривать строящееся здание муниципалитета и другие муниципальные учреждения. К часу дня посланник принял приглашение Добровольного флота на завтрак, состоявшийся на пароходе «Пенза». Гости были доставлены на борт особым катером и встречены на пароходе администрацией и агентством с оркестром городской музыки. Весь завтрак был заказан во Владивостоке и поражал своим обилием и разнообразием блюд. Князем были произнесены несколько теплых слов по адресу капитана и представителей агентства с пожеланием Добровольному флоту дальнейшего развития и процветания на благо отечественной торговли.

Вечером того же дня посланник, завершив свой официальный визит в Шанхай, в сопровождении генерального консула В.Ф. Гроссе и второго секретаря миссии И.П. Митрофанова выехал в Нанкин. На вокзале вновь собралась русская колония и представители китайского пра-

РУССКИЙ ФЛАГ НАД ВАМПУ (К событиям 1 января 1917 г. в Шанхае)

вительства, чтобы достойно проводить высокого гостя и пожелать ему счастливого пути. Оркестр заиграл военный марш и под его звуки посланник и княжна проследовали в особо предоставленный им вагон-салон и благополучно отбыли в Нанкин, где их также ждала череда официальных мероприятий и встречи с китайскими чиновниками.

Начиная с 1 января вся шанхайская пресса живо откликнулась на торжества русской колонии и разместила подробные описания как самого дома, так и всех празднеств, устроенных в честь высокого гостя. На страницах одной из китайских газет для развлечения китайских читателей были помещены даже стихотворения по случаю освящения нового здания и приезда русского посланника. В заметках не раз указывалось, что новое здание Генерального консульства России превосходит своей красотой остальные здания дипломатических представительств в Шанхае.

В Генеральном консульстве состоялись заключительные процедуры по приемке нового здания, после которых Строительный комитет завершил свою работу. В рапорте строительного инспектора Росса, представленного городскому инженеру Шанхайского муниципалитета 3 февраля 1917 г., было написано, что работы по постройке здания Русского консульства выполнены, в общем, хорошо; новый дом выдерживает с успехом сравнение с лучшими постройками города. В течение всего строительного сезона наблюдение за ходом работ было хорошее, и это видно из периодических протоколов осмотра. За все время работ начиная с июня 1914 г. не было сделано ни одного замечания со стороны участкового инженера¹⁷.

После праздников и приемки здания закипела жизнь в стенах Генерального консульства России на ул. Вампу-роад, 20. На его долю выпало много радостных и горьких страниц. Виктор Федорович Гроссе, потративший столько трудов на его строительство, проработал в нем в качестве

генерального консула совсем недолгое время. Революционный 1917 год принес большие перемены в жизнь страны, которые изменили жизнь ее граждан, многие из которых покинули свои дома навсегда.

Трагична была и судьба русского Генерального консульства. Декретом Советского правительства от 22 ноября 1917 г., вместе со всеми дипломатическими учреждениями императорской России, оно было закрыто. Тем не менее, незаконно оставаясь в должности генерального консула, В.Ф. Гроссе проводил в здании различные благотворительные акции и мероприятия: в июле 1920 г. в Зеленем зале открылось первое общее собрание представителей Русской армии в Шанхае, на которое собралось около 100 человек. Тогда же было избрано правление Союза военнослужащих в Шанхае, имевшего большое влияние в среде русских эмигрантов в последующие два десятилетия. Здание теперь уже бывшего Генерального консульства императорской России являлось для многих беженцев и постоянных членов русской колонии в Шанхае символом родного дома, который неразрывно связывал их с Родиной. Сюда приходили получать паспорта, подписанные Гроссе, здесь им подбирали работу, давали талоны на питание, помогали с жильем. Почти каждый день в стенах Генконсульства проводились собрания, бюро, заседания и профессиональные встречи.

Однако в сентябре 1920 г. Бэйпинское правительство¹⁸, готовясь признать новое Советское государство, сообщило Гроссе о непризнании правомочий бывших дипломатов царской России. Виктор Федорович не собирался уступать консульские помещения и под предлогом содействия китайской администрации по управлению делами русских эмигрантов остался работать в здании. Гроссе считал, поскольку Советское правительство России не имело никакого отношения к строительству его детища – здания Генконсульства, то и освободить его помещения он не считал нужным.

Виктор Федорович Гроссе и его сотрудники продолжали исполнять обязанности консульских чинов сначала в Бюро по русским делам, Комитете по защите прав и интересов русских в Шанхае, затем в Русском эмигрантском комитете. Бывшие вице-консулы К.Э. Мецлер¹⁹ и Н.А. Иванов²⁰ служили с ним в этих организациях, как и в прежние времена. Основной их заботой, как и в царское время, была регистрация российских граждан и оказание им помощи.

В 1923 г. в Шанхае было открыто Управление уполномоченного НКВД СССР, выполнявшее преимущественно консульские функции. Консульские структуры «белых» и «красных» работали параллельно. Вскоре встал вопрос о передаче в собственность СССР бывшего здания Императорского генерального консульства. Несмотря на все усилия В.Ф. Гроссе и его соратников, китайские власти приняли решение в пользу Советской России.

В июне 1924 г. под усиленной охраной европейских и сикхских полицейских «белый консул» В.Ф. Гроссе передал здание Российского консульства новому советскому вице-консулу Р.О. Элледеру²¹. Перед отъездом бывших российских дипломатов с фронта здания казаками был снят герб с двуглавым орлом²² и спущен флаг Российской империи. Внутренние помещения были разгромлены, колонны порублены саблями, стены с обоями испорчены. Вся горечь и вся боль, связанные с потерей столь значимого места для русской эмигрантской колонии, вылилась в этом разгроме. Покидая здание, казаки говорили: «Отняли Родину, не пощадили и последний приют!»

Покинув построенное им здание, Виктор Федорович Гроссе снял новое помещение на авеню Эдуарда VII и продолжал свою работу до самой смерти в 1931 г. как «генеральный консул белой эмиграции». В его кабинете на стене висела большая фотография Генерального консульства России – его любимого детища. Здесь же были размещены все подарки, получен-

ные при его открытии 1 января казавшегося тогда счастливым 1917 г.²³

Судьба здания на Вампу-роад была в руках новых хозяев. В июле 1924 г. прибыли представители Управления уполномоченного НКВД СССР в Шанхае, сопровождаемые китайскими чиновниками. После осмотра здания был составлен Акт его приемки.

Отныне здесь разместились советские учреждения и советские сотрудники. В сентябре 1924 г. управление было преобразовано в консульство на основании договоренности путем обмена нотами между Постпредством СССР в Китае и МИД Китая 20 августа и 18 сентября 1924 г.

В январе 1925 г. консульство приобрело статус Генерального консульства. Оно было закрыто в декабре 1927 г. после трагических событий в день празднования 10-й годовщины Октябрьской революции, связанных со столкновениями с представителями белой эмиграции, в результате которых погиб юный кадет Е.А. Бахтин.

Вновь Генеральное консульство СССР открылось в сентябре 1933 г., но, проработав шесть лет, опять закрылось в октябре 1939 г. в связи с оккупацией Китая Японией. Возобновило свою деятельность оно только в июне 1946 г. на основании договоренности путем обмена нотами между Посольством СССР в Китае и МИД Китая 10 и 20 декабря 1945 г. С мая по декабрь 1949 г. Генконсульство не функционировало. Однако за этот период несколько тысяч российских эмигрантов, получив советское гражданство, смогли вернуться на родину. очевидцы вспоминали, что в те дни, когда Генконсульство вело прием, очередь растягивалась на километр.

Ухудшение советско-китайских отношений в начале 1960-х годов привело к тому, что ГК СССР в Шанхае было закрыто в сентябре 1962 г. более чем на 20 лет.

В мае 1986 г. Посольство СССР в КНР получило официальную ноту от Министерства иностранных дел КНР о том, что компетентные власти г. Шанхая приняли решение вернуть советской стороне

РУССКИЙ ФЛАГ НАД ВАМПУ (К событиям 1 января 1917 г. в Шанхае)

здание советского Генконсульства на Хуанпу лу № 20. В ответной ноте МИД СССР выразил уважение Посольству КНР и сообщил, что советская сторона с удовлетворением приняла к сведению решение о возвращении принадлежавшего ей здания Генерального консульства в Шанхае для размещения в нем открывающегося консульского учреждения СССР²⁴.

29 сентября 1986 г. здание было передано китайским представителем Управления домов Шанхая представителю Посольства СССР в КНР Галишникову Юрию Константиновичу. Оно подверглось большому ремонту и реконструкции. Вскоре в нем возобновилась работа Генерального консульства СССР. После реконструкции и

ремонта помолодевшее здание вызывало чувство восхищения и гордости. Несмотря на то что оно на протяжении ряда лет меняло хозяев, а порой их и не имело, неизменным осталась его красота и неповторимый архитектурный облик.

В 1991 г. после распада СССР и образования Российской Федерации консульство стало называться Генеральное консульство России.

Прошел век, в течение которого здание на Вампу три раза поменяло свое название, но суть его была и осталась прежней – Русское консульство. И как сто лет назад, над рекой Вампу развевается на ветру российский трехцветный флаг...

Примечания

- ¹ РГИА. Ф. 565. Оп. 7. Д. 29342. Об учреждении консульства в Шанхае. Л. 1.
- ² П.А. Дмитриевский (4.11.1851, Вологда – 17.08.1899, Сеул). Окончил Санкт-Петербургский университет. С 1877 г. – сотрудник МИД. 1882–1883 гг. – и.о. консула в Ханькоу; 1884–1892 гг. – консул в Ханькоу; 1893–1896 гг. – консул в Тяньцзине; 1 июля 1896 – 17 августа 1899 – генеральный консул в Шанхае.
- ³ РГИА. Ф. 565. Оп. 7. Д. 29342. Л. 21.
- ⁴ Константин Васильевич Клейменов (18.09.1856 – 18.10.1910, Шанхай). Действительный статский советник. Отставной штабс-капитан. Определен на службу в Азиатский департамент МИД чиновником сверх штата с 1 октября 1882 г. Делопроизводитель Азиатского департамента (1887). С 1888 г. – 1-й секретарь Миссии в Китае, в 1890–1891 гг. – одновременно поверенный в делах там же. С 1895 г. – консул в Сингапуре. Приказом по МИД от 29 ноября 1899 г. № 84 назначен генеральным консулом в Шанхае. Приказом по МИД № 25 от 12 ноября 1910 г. исключен из списков как умерший с 18 октября 1910 г.
- ⁵ Виктор Федорович Гроссе (16.05.1869, Грива-Земгале, Курляндская губерния (ныне Даугавпилс, Латвия) – 6.10.1931, Шанхай). Окончил Петербургский университет, факультет восточных языков. Причислен к Азиатскому департаменту МИД с 1892 г. Студент Миссии в Пекине (1893). Вице-консул в Чифу с 1899 г. Консул в Ньюжуанге – Инкоу с октября 1902 г. Исправлял должность градоначальника Инкоу с 27 декабря 1902 г. по 1 сентября 1904 г. В июле 1904 г. Циркуляром по МИД командирован в распоряжение наместника Его Императорского Величества на Дальнем Востоке с оставлением в занимаемой должности. С марта 1905 г. командирован в Либаву для временного исполнения обязанностей члена присутственного суда в порту Александра III. 23.12.1905 г. назначен генеральным консулом в Йокогаму. 29.11.1910 г. назначен генеральным консулом в Шанхай. В годы «белой» эмиграции возглавлял Русский эмигрантский комитет в Шанхае.
- ⁶ Сазонов Сергей Дмитриевич (10.08.1860, Рязанская губ. – 24.12.1927, Ницца). Министр иностранных дел Российской империи в 1910–1916 гг.
- ⁷ РГИА. Ф. 565. Оп. 4. Д. 16920. Л. 6-6 об.
- ⁸ Граве Владимир Владимирович (1880, Петербург – 25.02.1930, Мукден, Китай). Выпускник Санкт-Петербургского университета. После университета был прикомандирован к МИД. Несколько раз участвовал в различных комиссиях по пересмотру границы Китая и России, присутствовал на похоронах императрицы Цыси. В 1911г. назначен помощником директора Де-

партамента восточных дел, в 1912 г. – первый секретарь Российской миссии в Пекине, где прослужил до закрытия посольства в 1920 г. После получил должность советника по политическим делам в Русско-Азиатском банке в Пекине, потом в Мукдене. По ликвидации банка – управление мукденским КВЖД, отдел американского страхового общества. Имел придворные звания.

- ⁹ Элла (Маргарита Эльмериса) Павловна (урожд. Ливен) Гроссе (1869, Санкт-Петербург – 10.01.1930, Шанхай). Дочь известного врача П.П. Ливена, одного из основателей Максимилиановской больницы в Петербурге. Активно участвовала в общественной и благотворительной жизни в Шанхае, с 1916 г. – член общества «Королевских дочерей».
- ¹⁰ Арсений Николаевич Вознесенский-Владимиров (псевд. А. Алек) (1881, Кронштадт – 1937, Москва). Дипломат, эсер. Окончил Факультет восточных языков и Юридический факультет Петербургского университета. До Октябрьской революции 1917 г. – сотрудник МИД, вице-консул в Шанхае (1913–1915). Затем перешел на службу в советский НКВД: зав. отделом Востока (1917–1920), первый полномочный представитель Советской России в Китае. В 1919 г. подвергнут кратковременному аресту (как член партии эсеров). В начале 1920-х зав. информ. отделом Азербайджанского ревкома. Работал корреспондентом ТАСС в Японии. В 1930-е зам. директора Московского института востоковедения. Арестован 3 мая 1937; обвинен в шпионаже в пользу Японии. 25 дек. 1937 ВК ВС СССР приговорен к высшей мере наказания. В тот же день расстрелян. Реабилитирован в 1962 г.
- ¹¹ АВПРИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 1860. Л. 25–29.
- ¹² Андрей Терентьевич Бельченко (4.10.1875, с. Козловка, Бобровского уезда (ныне Бутурлиновский район) – 1.02.1958, Сан-Франциско, США). Окончил факультет восточных языков Петербургского университета. В 1901 г. – секретарь-драгоман Российского консульства в Ханькоу. В 1902–1906 гг. – второй драгоман Миссии в Пекине. В 1906 г. назначен исполняющим обязанности консула в Нью-Чжуане (Инькоу), в 1910–1913 гг. – консул в Фучжоу, в 1913–1914 гг. – консул в Кантоне (ныне Гуанчжоу), в 1914–1920 гг. – генеральный консул в Ханькоу. После Октябрьской революции остался в Китае. В 1930-е годы исполнял обязанности португальского почетного консула в Ханькоу. До отъезда в эмиграцию в США в 1948 г. возглавлял Русский клуб в Ханькоу, помогая белоэмигрантам в трудоустройстве на работу, оказывал большую помощь всем нуждающимся русским людям. Похоронен на Сербском кладбище в Сан-Франциско.
- ¹³ Братцов Владимир Александрович (†1942). Окончил Петербургский университет, причислен ко Второму департаменту МИД с 1 сентября 1901 г. Секретарь Российского генерального консульства в Харбине, затем в Шанхае, с 1913 г. – управляющий ГК в Ханькоу, 1914 г. – консул в Гирине.
- ¹⁴ Князь Николай Александрович Кудашев (1868, декабрь – 1925, Париж). Первый секретарь Российского посольства в Токио (1902), в 1905 – член российской делегации на мирной конференции в Портсмуте, первый секретарь Российского посольства в Константинополе (1906). В 1910–1913 гг. – временный поверенный в делах России в США. В 1914–1916 гг. – директор Дипломатической канцелярии в Ставке Верховного Главнокомандующего, осуществлявшей координацию деятельности Ставки и МИДа. В 1916–1917 гг. – посланник в Китае. Продолжал занимать пост посланника до 1920 г., когда китайские власти закрыли русские дипломатические представительства.
- ¹⁵ АВПРИ. Фонд Миссия в Пекине. Опись 761. Дело 96. Листы 214–237.
- ¹⁶ Аристид Викторович фон Гроссе (22.12.1904, Рига – 24.10.199, Лагуна Хиллс, США). Известный химик, один из создателей атомной бомбы. Был женат на баронессе Ирине фон Гроссе, своей дальней родственнице, от которой унаследовал приставку фон к фамилии.
- ¹⁷ Архив Генерального консульства РФ в Шанхае.
- ¹⁸ Пекинское правительство.
- ¹⁹ Карл Эдуардович Мещлер (Метцлер) (18.09.1986, Самара – 02.08.1940, Шанхай). Окончил Юридический факультет Петербургского университета и Институт восточных языков при Министерстве иностранных дел. С 1911 г. служил в МИД, в 1912 г. направлен в Посольство императорской России в Пекине. Позже был назначен секретарем Российской миссии в Сеуле, а затем секретарем в российских консульствах в Кобдо, Шарасуме и Кантоне (1913–1916).

РУССКИЙ ФЛАГ НАД ВАМПУ (К событиям 1 января 1917 г. в Шанхае)

В 1917 г. был переведен в Генеральное консульство России в Шанхае на пост вице-консула. С 1924 г. был секретарем Бюро по русским делам. После смерти В.Ф. Гроссе был избран председателем Российского эмигрантского комитета. Был убит выстрелом наемного убийцы.

- ²⁰ Николай Алексеевич Иванов (8.12.1884, Яранск, Вятской губернии – 15.09.1941, Шанхай). В 1908 г. окончил факультет восточных языков Петербургского университета. Дипломатическую карьеру начал в 1910 г., получил по Министерству иностранных дел назначения в российские загранучреждения: в Пекин, Харбин, Кульджу, Ханькоу и в 1919 г. на должность вице-консула и консульского судьи в шанхайское Генеральное консульство. В 1921 г. был назначен ассессором консульского корпуса для разбора русских дел в иностранных судах Шанхая и одновременно исполнял обязанности старшего секретаря Бюро по русским делам в Шанхае. С 1926 г. возглавлял существовавший в Шанхае Комитет защиты прав и интересов русских в Шанхае. Председатель Российского эмигрантского комитета с 1940 г. Был убит неизвестным из револьвера. Похоронен на кладбище на Бабблинг Велл (Bubbling Well Road Cemetery).
- ²¹ Элледер Ричард Иосифович (*1888) – советский дипломат. Работал в НКВД, 1923–1925 гг. Был внештатным уполномоченным в Шанхае (1923–1924), вице-консулом СССР в Шанхае (1924–1925).
- ²² Ныне находится в Казачьем союзе в г. Сан-Франциско.
- ²³ В настоящее время многие предметы находятся в Сан-Франциско, в том числе в Казачьем союзе и Кадетском доме. Генеральный консул РФ в Шанхае в 2009 г. обращался с письменной просьбой в Казачий союз в Сан-Франциско с просьбой вернуть герб российских «Царских орлов», сорванный казаками генерала Ф.Л. Глебова со здания Генконсульства в 1924 г. Однако получил отказ.
- ²⁴ Архив Генерального консульства РФ в Шанхае.

З.С. Бочарова

ОСОБЕННОСТИ АДАПТАЦИИ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ 1920–1930-х годов

Аннотация. В центре внимания статьи – Зарубежная Россия, которая прошла трудный и неоднозначный путь адаптации в инациональном пространстве. Особенностью стало создание «буферной среды» (единого политического, социального, образовательного, информационного, культурного, духовного пространства российской эмиграции, своего быта и т.д.), что затормозило социализацию в странах-реципиентах, обусловило оригинальную адаптационную модель.

Ключевые слова: социальная адаптация; правовая адаптация; национальное самосознание; российская эмиграция; Зарубежная Россия.

Введение

В соответствии с разработанной в 1970–1980-е годы теорией трехстадийного миграционного процесса адаптация (от лат. *adaptio* – приспособление) и / или интеграция мигрантов завершает собственно миграцию как изменение территориального статуса человека². Существует большое количество видов, способов и форм адаптации к изменившимся условиям среды, множество критериев типологизации. Различны трактовки адаптации как процесса и результата приспособления индивида к условиям изменившейся среды. Так, Л.В. Корель называет 29 осей классификационной системы адаптаций³. В зависимости от сферы жизнедеятельности различают экономическую, политическую, трудовую, профессиональную, социально-психологическую и другие адаптации. По характеру выделяют: добровольную и вынужденную, позитивную и негативную социальные адаптации.

Социальная адаптация – это процесс приспособления индивида (группы) к социальной среде, социально-экономическим условиям,

*БОЧАРОВА
Зоя Сергеевна,
доктор
исторических
наук,
профессор
кафедры
ЮНЕСКО
по изучению
глобальных
проблем,
Московский
государственный
университет
имени
М.В. Ломоносова*

социальным нормам, среде жизнедеятельности, предполагающей взаимодействие и постепенное согласование притязаний (ожиданий) субъекта (эмигранта) с реальными возможностями новой среды; предполагает взаимодействие социальных институтов, взаимоотношения социума и государственного аппарата. Социальная адаптация является условием социализации. Социализация⁴ (от лат. *solialis* – общественный) – процесс освоения индивидом социальных норм, опыта, системы социальных связей и отношений, позволяющий ему функционировать в данном обществе. С точки зрения содержания социализационного процесса выделяют правовую социализацию, т.е. процесс усвоения определенных правовых знаний, норм, позволяющих ориентироваться в правовом поле общества страны проживания. Социальная адаптация происходит через институты социализации – относительно устойчивые типы и формы социальной практики по передаче социальных норм, культурных ценностей, способов поведения для обеспечения интеграции в общество. Такими институтами в эмиграции стали бывшие российские дипломатические миссии, представительства Лиги Наций, эмигрантская периодическая печать, национальные учебные заведения и т.д.

Позитивная адаптация складывается как результат активного приспособления индивида (группы) к социальным условиям и предполагает включение эмигрантов в общественное производство. Негативная адаптация отражает приспособление индивида с использованием асоциальных средств обеспечения жизнедеятельности (социальный паразитизм, социальное иждивенчество, девиантная адаптация), т.е. акцент переносится с производства на потребление, неспособность самостоятельно обеспечить себя средствами к существованию. Неприспособленность, низкий уровень возможностей эмигранта вписаться в социальное окружение и успешно функционировать в нем связано с

дезадаптацией, что в конечном счете может вести к репатриации.

В качестве критериев позитивной адаптации можно назвать условия легализации российских беженцев, свободу выбора местожительства, передвижений, трудоустройства, создания союзов, реализации материальных, культурных и духовных потребностей, характер социальной мобильности. Следует различать приспособление к изменившимся условиям внешней среды как российского Зарубежья в целом, так и отдельных эмигрантов или их групп.

Для эмиграции 1920–1930-х годов особое значение имела правовая основа эмигрантской жизни, что непосредственно влияло на все стороны адаптационного процесса – трудоустройство, обучение, условия проживания, передвижений, заключения браков и разводов, социальное обеспечение и прочее. Кроме того, основы современного международного права в отношении беженцев сложились благодаря исходу из пределов бывшей Российской империи.

Факторы, повлиявшие на адаптационные процессы

Огромный стихийный и неравномерный наплыв беженцев и необходимость их легитимации привели к постепенному формированию специфического явления – Зарубежной России, что предопределило особенности адаптации российской эмиграции.

Следующий фактор, повлиявший на процессы социально-правовой адаптации российской эмиграции, носил субъективный характер. Убеждение, что истинную Россию изгнанники унесли с собой, предопределило их шаги по созданию защитных механизмов транснациональной Зарубежной России. Ее целостность была обеспечена особой структуризацией. Объединяющие Зарубежье институты либо сохранились с дореволюционного времени и продолжили свою деятельность в эмиграции, либо были вновь

созданы за границей, сохраняя в то же время тесную связь с окружающим миром. Авторитет лидеров, представительство на разных уровнях, относительная автономность свидетельствуют о том, что с эмигрантским сообществом считались и его феномен признан мировым сообществом. Российскому Зарубежью долгое время удавалось отстаивать самостоятельное жизненное пространство, бороться с денационализацией⁵. Россия № 2 не просто заявила о преемственной связи с прежним, досоветским, правопорядком, но и сделала реальные шаги по сохранению национального и культурного единства. Наряду с этим была выработана тактика приспособления к новым условиям и жизненным реалиям.

Создание возможностей для жизнедеятельности российской эмиграции являлось многоуровневым, многофакторным процессом. Уникальность положения заключалась в том, что за эмигрантами не стояло государство, защищавшее их интересы, и они оказались в правовом вакууме. Поскольку Зарубежье претендовало на то, чтобы быть правопреемником дореволюционной России, хотя и осознавало условность этих притязаний, то выступило инициатором создания системы защиты россиян за рубежом как особой социальной группы.

Самоорганизация стала формой адаптации эмиграции к новой среде. Заслуга привлечения внимания правительств и общественности к проблеме беженства, представительство интересов русских колоний за рубежом, особенно на первоначальном этапе их существования, принадлежала дипломатическому корпусу. Они взяли на себя заботы по обеспечению правовой защиты, инициировали создание специальных учреждений. Российские миссии, общественные организации приобрели бесценный опыт борьбы за права своих соотечественников (визовая поддержка, анализ права зарубежных стран с точки зрения возможности применения его к русским беженцам и пр.), выработали приемы отстаивания их интересов как

перед правительствами, администрацией стран расселения, так и перед Лигой Наций. Такая деятельность способствовала структуризации институтов адаптации.

Характерной чертой адаптации российской эмиграции 1920–1930-х годов стало не только ее приспособление к новым жизненным реалиям, но и встречный процесс: формирование международным сообществом условий для интеграции лиц, оставшихся без защиты страны своего происхождения. Государства-реципиенты вынуждены были считаться с «раздвоением» России, формированием российского Зарубежья, учитывать особенность юридического положения граждан страны, которая исчезла с политической карты мира, так как они не признавали новое государство, образовавшееся на развалинах Российской империи, формально становясь лицами без гражданства. Недаром в течение долгого времени российская эмиграция старалась сохранить дипломатические представительства или консульские учреждения, российские паспорта как остатки оплота прежней российской государственности.

Правовая адаптация.

От нансеновского паспорта до Конвенции о юридическом статусе русских и армянских беженцев

Массовый исход бывших граждан Российской империи и их рассеяние по десяткам стран впервые в истории привели к необходимости сделать беженцев предметом заботы не только благотворительных организаций, но всего международного сообщества. Благодаря деятельности Лиги Наций, самих российских изгнанников было положено начало развитию международно-правового режима, касающегося беженцев. Женевские соглашения становились ответом на очередные острые жизненные запросы, реальную историческую ситуацию. Международный режим относительно беженцев, механизм реали-

ОСОБЕННОСТИ АДАПТАЦИИ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ 1920–1930-х годов

зации прав эмигрантов-апатридов складывался постепенно и прошел несколько этапов.

Первым шагом стало введение нансеновских паспортов, носивших субсидиарный характер. В августе 1921 г. в Женеве состоялась конференция уполномоченных десяти заинтересованных правительств и международных организаций (Международного бюро труда, МККК, Лиги обществ Красного Креста и Международного общества помощи детям). При обсуждении правового вопроса выяснилось, что государства стремятся сохранить свою независимость и избежать адаптации национального законодательства к нуждам российских беженцев. Конференция примечательна тем, что на ней впервые был поставлен вопрос о предоставлении паспортов для россиян-апатридов, с тем чтобы обеспечить им действенную правовую защиту и законное право на передвижения, труд и проживание наравне с подданными государств-реципиентов. Особую активность проявили эмигрантские русские гуманитарные организации. Чтобы влиять на судьбу беженцев, они добились представительства в Лиге Наций. Так, К.Н. Гулькевич представлял дипломатические круги, т.е. Совещание послов, Ю.И. Лодыженский – РОКК; С.В. Панина и Н.И. Астров – Земгор.

По соглашению 5 июля 1922 г. нансеновские паспорта признавались странами-реципиентами при условии, что беженец выполнял все требования, предъявлявшиеся к постоянным жителям страны, платил за паспорт, его возобновление, имел бумаги, подтверждавшие, что он эмигрант, а также документы, удостоверявшие его личность (паспорт, выданный царским или Временным правительствами, либо невозобновленный советский). Нансеновский паспорт, заменявший эмигрантам либо национальный, либо международный паспорт, терял силу, если эмигрант отправлялся на территорию Советской России и не мог быть выдан лицом,

легально выехавшим из нее. Ежегодно паспорт должен был возобновляться. Выдавался он правительствами стран-реципиентов и составлялся на двух языках: национальном языке страны, выдававшей его, и французском. Порядок выдачи предусматривался тот же, что и для международных паспортов. Эти сертификаты, принятые ограниченным числом стран, решали лишь одну задачу: служили в качестве иностранного паспорта для международных поездок, но без обязательства со стороны правительств, их выдававших, принять обратно выезжавшего. Реже они заменяли удостоверения личности беженцев для внутригосударственного пользования. На этапе, когда главной задачей являлось расселение, поиск временного пристанища и временной работы (до возвращения на родину) для россиян за рубежом, свою функцию они выполнили.

Во второй половине 1920-х годов с исчерпанием европейских возможностей трудоустройства для переселения на американский континент были реорганизованы учреждения Лиги Наций, призванные защищать российских беженцев, нансенысты получили гарантию возвращения в страну выезда. Тогда же эмигранты утратили иллюзии по поводу краха большевизма, и встала задача детально регламентировать их правовое положение, что и было сделано с подписанием 30 июня 1928 г. межправительственного соглашения о юридическом статусе русских и армянских беженцев.

Соглашение состояло из двух частей. Первая часть (ст. 1) касалась представительств верховного комиссара в различных странах, которые должны были выполнять для эмигрантов функции, лежащие обычно на консульствах. Таким образом, вводился совершенно новый институт, не имевший прецедентов в мировой практике. Во второй части (ст. 2–9) оговаривались личные права эмигрантов. Нансеновский офис в странах-реципиентах должен был осуществлять следующие

функции: удостоверять личность и звание беженцев, их семейное положение и гражданское состояние на основании актов, совершенных в России, или фактов, имевших там место (прибегая к помощи свидетелей); удостоверять подписи эмигрантов, копии и переводы их документов, составленных на русском языке, на иностранный язык; удостоверять перед местными властями репутацию, хорошее поведение беженца, прежнюю службу, профессиональную квалификацию, университетские и академические звания; т.е. представители верховного комиссара могли выдавать удостоверения, заменявшие утерянные или оставшиеся в России аттестаты и дипломы об окончании различных учебных заведений, о производственном стаже, принадлежности к сословию присяжных поверенных, к практикующим врачам, к ремесленникам того или иного цеха и пр.; рекомендовать беженца компетентным властям, в частности, по вопросам виз, разрешений на жительство, допуска в школы, библиотеки и т.д. В целом в соглашении 1928 г. прослеживалась тенденция уравнивания в правах эмигрантов с подданными стран-реципиентов.

Логичным завершением процесса формирования особого правового поля для изгнанников стало принятие Конвенции о правовом статусе русских беженцев 30 июня 1933 г. Данный результат стал возможен благодаря упорному сопротивлению ассимиляции, стремлению сохранить элементы и признаки российской государственности, заявить мировому сообществу и убедить его в особости положения русских изгнанников. В Конвенции 1933 г. сделана попытка учесть нормы, выработанные практикой, обычаями, законодательством отдельных государств, найти равнодействующую между требованиями беженцев, интересами правительств разных стран и гуманитарными принципами складывающегося международного права под эгидой Лиги Наций. По сути она стала компромиссом, учиты-

вавшим нормы, выработанные практикой, обычаями, законодательствами, интересами правительств отдельных государств и требованиями беженцев, гуманитарными принципами складывавшегося международного права под эгидой Лиги Наций.

Сложившиеся правовые нормы обусловили успешность адаптации российской эмиграции в процессе взаимодействия с новой средой (например, легализацию беженцев, трудоустройства, создания союзов, въезда и выезда из страны, свободу выбора местожительства, передвижений и др.).

Трудовая адаптация

Индикатором успешности адаптации эмигрантов является возможность трудоустройства. Проблема трудоустройства оставалась наиболее сложной. Ее решение позволило бы не только снять обременительный финансовый груз с бюджета общественных организаций и страны, но и получить реальный вклад в экономику. Все 1920-е годы русские беженцы добились уравнивания с местными жителями в праве на работу. Эти достижения стали достоянием современных международного и национальных законодательств.

Образовательный уровень российских мигрантов был весьма высок – выше, чем средний показатель в Российской империи, а часто и в стране проживания. Однако интеллектуальный ресурс мигрантов не был использован в надлежащей мере, они не смогли реализовать свои возможности. И европейские, и латиноамериканские страны предлагали в основном физический труд, занятие которым для лиц интеллигентных профессий было либо непривычно, либо неприемлемо. Проиллюстрировать результаты трудоустройства можно следующими данными. Через парижское и марсельское Бюро труда Земгора в 1923 г. прошли 7050 человек. Из них устроены 11,8% мастерами, ремесленниками и квалифицированными работниками; 30,5 –

чернорабочими; 51,3 – составили лица интеллигентных профессий, получившие заработок в области физического труда, и лишь 0,1 – в области умственного труда; 0,8% из устроенных были инвалиды и 5,5% – женщины⁶. Бюро труда Земского союза в Софии смогло трудоустроить 14 509 русских, из них 3,8% занялись интеллектуальным трудом, остальные 96,2% – физическим⁷. Предложение профессий, не требующих квалификации, значительно отставало от спроса. Отсюда – частая смена профессий, особенно у лиц, имевших образование. За два-три года «простонародье», казаки, как правило, меняли 5–6, а интеллигенция – 10–15, а иногда и 20 профессий. В прессе описывался случай, когда «один такой представитель интеллигенции» сменил 23 профессии: торговец, исполнитель куплетов, освоил также уничтожение клопов, прачечное дело и др.⁸

Немногие страны, например такие, как Чехословацкая Республика, целенаправленно набирала группы сельскохозяйственных рабочих, студентов, профессуру. Но со временем они стали составлять конкуренцию местным гражданам. Франция, потерявшая в войну 7% мужского населения, с 1923 г. сняла препоны для ввоза иммигрантов, разработала специальную политику привлечения рабочих рук, пока среди французских рабочих не начались выступления против конкуренции иностранного труда. Начиная с декабря 1925 г. прекратились поступления в местные отделения Международного бюро труда (МБТ) контрактов на работы во Францию⁹. В Болгарии почти все трудоспособные эмигранты вынуждены были приспосабливаться к физической работе, но даже временной работой обеспечены были не более 70% желающих. Поэтому председатель Комитета помощи русским беженцам в Болгарии епископ Стефан обратился с просьбой в адрес Лиги Наций, Международного комитета Красного Креста, представителей великих держав и благотворительных организаций Европы

и Америки объединить усилия обществ и правительств всех культурных стран. При этом он привел примеры ужасного положения русских беженцев. Он отмечал, что уже с весны 1921 г. Красный Крест сократил средства на содержание беженцев. Стали наблюдаться случаи цинги, развития туберкулеза, малярии, от которой люди умирали. В начале ноября 1921 г. в Пловдиве наблюдались смертельные исходы от истощения, были зафиксированы покушения на самоубийство¹⁰.

В ноябре 1921 г. в ходе конференции МБТ отмечалось, что разрешение беженского вопроса наталкивалось на непреодолимые трудности – болезненную охрану суверенитета государств, благодаря чему ни одно правительство не желало допустить в свои внутренние дела даже такую профессиональную организацию, как МБТ, повсеместную безработицу, вследствие чего все страны стремились обеспечить работой сначала своих граждан, а затем уже иностранцев¹¹, особенно в период экономического кризиса. 28 мая 1925 г. Н.И. Астров писал К.Н. Гулькевичу: «Мы с Вами никогда не преувеличивали возможности Лиги Наций и Международного бюро труда в этих областях (трудоустройство. – З. Б.). С достаточным скептицизмом относились к передаче беженского дела в Бюро труда, но все же надеялись, что сколько-то сот человек Тома и Джонсон разместят по рабочему фонду Франции»¹². Но министр земледелия Франции взял назад свои обещания и даже студентам, закончившим вузы, рабочие места не были предоставлены. В письме от 15 октября 1925 г. Н.И. Астров интересовался результатами заседания Административного совета, где обсуждался русский вопрос: «Буду умолять Вас сообщить мне его решения... Ведь это первый шаг на пути расселения избытков населения Европы. Это выведение безжизненного статистического учета МБТ на путь реальной работы. Решение Административного совета интересно не

только с “нашей” точки зрения, но и для общего направления дела МБТ... Кого полагают в должности агентов в Южной Америке? Мы ждем конкретных предложений со стороны МБТ и пока воздерживаем русские организации от каких-либо действий в области самостоятельных исканий и разведок... Какие новые гарантии открываются в вопросах расселения? Говорят, Тома был в свое время за переселение русских на Юг Франции. Что об этом знает Джонсон?»¹³.

Целый ряд вопросов Н.И. Астрова к К.Н. Гулькевичу касался условий переселения. Не хватало достоверной информации о международном рынке труда и приходилось руководствоваться непроверенными сведениями: «Здесь (в Праге. – З. Б.) и в Париже ходят слухи, будто правительство Парагвая отвело бесплатно для русской колонизации через Лигу Наций до 200 тыс. га удобной земли и готово оказать колонистам долгосрочный кредит. Говорят, что Бюро труда имеет в своем распоряжении для колонизации в заокеанских странах 20 тыс. фунтов стерлингов, из которых будут оплачиваться переезды колонистов и выдаваться ссуды в 285 фунтов стерлингов на 5 лет. – Насколько все это правда?»¹⁴. В письме от 15 марта 1926 г. прозвучала та же проблема: «Сегодня ко мне обратились серьезные и основательные люди с вопросом: на какую помощь от МБТ они могли бы рассчитывать при переезде в Парагвай? Это пять семейств, человек на 20–25, серьезных, предприимчивых, готовых сесть на землю. Они спрашивают: могут ли они ожидать, что МБТ окажет им ссуду на переезд и на первое время пребывания в Парагвае? В каком размере могли бы быть эти ссуды?»¹⁵. На VII сессии МБТ А. Тома отчитался о 6 тыс. беженцев, которым была оказана помощь по приисканию работы со стороны бюро.

Лишь незначительная часть россиян нашла соответствующую их квалификации работу, а большинство вынужденно переходили в разряд малообеспеченных.

Кроме немногих банкиров, владельцев ресторанов, ученых, врачей и адвокатов, русские беженцы существовали в крайней бедности, в невозможных условиях, умирали с голоду. Как правило, всюду – высокие цены за квартиру, на коммунальные услуги, дороговизна жизни, когда не только покупку одежды, но даже приобретение дров в запас нельзя было сделать без кредита.

Причины понижения социального статуса эмигрантов следует искать в нескольких плоскостях. Уровень экономического развития страны-реципиента, экономическая конъюнктура диктовали набор рабочих мест и политику защиты национального рынка труда. Например, 80% болгарского населения проживали в сельской местности. Нельзя было ожидать, что в таких условиях для эмигрантов будут созданы рабочие места согласно их квалификации. Более того, известны примеры, когда российских ученых, устроившихся на работу по специальности, не удовлетворял местный научный уровень и отсутствие соответствующей инфраструктуры (архивов, библиотек), низкая заработная плата.

Так, большинство бывших обычных профессоров из России в Сербии занимали места гонорарных с жалованием 1500 динаров в месяц. Хотя, по словам Д.Н. Иванцова, статистика, приват-доцента Харьковского университета, «по-своему сербы делали для русских все, что могли, и даже больше того», а положение русской профессуры было лучше, чем средней беженской массы («профессорам все-таки не приходится (как русским полковникам и генералам) копать землю или таскать кирпичи»), «вся масса русских ученых материально была обставлена очень шатко». В лучшем положении находились обычные профессора, получавшие в два раза больше гонорарных, т.е. 2400–3000 динаров при прожиточном минимуме 1500 динаров. О научной деятельности не могло идти и речи. Рабочий день начинался в 8 утра, а заканчивался в 20–21 час, так как ученые имели несколько мест работы, час-

то ничего общего не имевших со специальностью. Возвратившись с работы, преподаватель должен был заняться домашними делами: колкой дров, топкой печей, уборкой и т.п. Так, Г.Т. Сахновский, специалист по государственному праву, ежедневно давал два-пять частных уроков в разных концах Белграда по всем предметам гимназического курса, преподавал немецкий язык в русско-сербской гимназии¹⁶.

Для трудовой адаптации значение имели также субъективные и психологические факторы. Например, знание языка являлось гарантией получения более квалифицированной работы, устройства на государственную службу и т.д. В целом государства-реципиенты относились к беженцам как к обузе и стремились соблюсти исключительно собственные интересы, стояли на позициях национальной безопасности, защиты национального рынка труда.

В особенно бедственном положении оказалась российская эмиграция в Китае. Даже случайный заработок при огромном предложении дешевого труда со стороны местного населения было трудно найти.

Исключение в вопросах трудоустройства и социальной защиты сделали, пожалуй, только Югославия и Болгария, оговаривая особый статус русских, оказавшихся без покровительства страны происхождения. На Балканах, в отличие от западноевропейских стран, признавали имеющими законную силу дипломы, полученные в гражданских и военных учебных заведениях Российской империи. В Сербии и Болгарии не было сколько-нибудь значительной организации, где ни служило бы несколько русских. В правительственных учреждениях во всех отделах можно было встретить русских беженцев. В их лице государство получало лояльно настроенные и квалифицированные кадры. Хорошее знание иностранных языков, опыт и добросовестность работы стали причинами приема на службу, хотя продвижение по службе было затруднено и допускалось лишь как исключение из правила.

Русские сделали очень много для молодых государств. Так, в Югославии правоведы помогли создать законы, картографы – лучшие карты страны, архитекторы разработали план застройки столицы, даже первый косметический салон в Белграде открыла русская беженка – Лидия Ираклиди (первая любовь В. Катаева, добрая знакомая И. Бунина). Со второй половины 1920-х годов, когда ряды интеллигенции стали пополняться местными кадрами, рынок труда для русских начал сужаться. Лишь по принятии местного подданства врачи, юристы, профессора могли практиковать. Поэтому многие русские, желая упрочить свое положение и надеясь на повышение по службе, переходили в местное подданство.

Важное место в адаптации российских эмигрантов занимала **натурализация**. Отношение к смене гражданства было неоднозначным. Большею частью изгнанников она рассматривалась как измена Родине. Но жизнь брала свое. Когда «сидение на чемоданах» закончилось, тенденция к натурализации проявилась в полной мере. Однако недостаточно было решиться на этот шаг. В каждой стране существовали свои правила и условия принятия местного гражданства (или подданства). Как правило, учитывались: 1) ценз оседлости (от 20 лет (в Германии) до 1 года); 2) благонадежность; 3) степень благосостояния; 4) наличие работы. В ряде случаев делались некоторые исключения для апатридов. Мировой экономический кризис стимулировал принятие законов об охране национального рынка труда, что снизило спрос на беженские рабочие руки, но стимулировало натурализацию.

Таким образом, в 1920–1930-е годы наилучшим выходом для эмигранта оставалась одна перспектива – натурализация, что могло обеспечить трудоустройство, успешную социальную мобильность, достойную адаптацию к инонациональной среде. Но и этот путь не становился панацеей. О чем свидетельствует судьба рус-

ского ученого-астрофизика В.В. Стратонова, который работал в Одесской, Пулковской, Ташкентской обсерваториях, пробоval себя в аппарате наместника на Кавказе, в издательском деле, на финансовом поприще, а также в качестве декана физмата Московского университета. В 1922 г. ученый был выслан из России вместе с другими «пассажирами» «философского парохода» в Берлин, с 1923 г. проживал в Праге. Он вынужден был в изгнании чуть более чем за год до смерти (газеты писали о самоубийстве) продать свои воспоминания Русскому заграничному историческому архиву (РЗИА, создан в 1923 г.), ходатайствовать об ускорении выплаты гонорара за свои мемуары, чтобы хоть как-то продержаться на плаву. Сумма составила 5 тыс. чешских крон. Сам В.В. Стратонов так объяснял причины, по которым он вынужден был продавать свои воспоминания архиву: «...я сейчас не получаю ни жалованья, ни “родрогу”. Хотя я уже 1½ года читаю обязательный курс в Политехникуме, но мое окончательное назначение профессором Политехникума не состоялось еще, почему мне не платят жалованья. Родрогу я не имею как чехословацкий гражданин. Живу же я на литературный и случайный лекционный гонорар. / Эти источники летом фактически прекращаются, что и вынудило меня продать мемуары в уверенности, что я получу гонорар не позже 1½ месяца, как мне обещали. От своевременного получения денег зависит и возможность моего летнего лечения в Подбрадах»¹⁷.

Самоорганизация – лейтмотив адаптации

Условия для адаптации создавали российские общественные организации, выступившие в качестве компенсационных институтов, заполнивших ниши и пробелы в правовом поле и в сфере социальной защиты международного и правительственного уровня. Социально-правовая адаптация

русской эмиграции вылилась в процесс формирования международным сообществом, а также государством-реципиентом условий приспособления эмигрантов к новой среде, с одной стороны, и согласование притязаний самих эмигрантов с новыми реальностями, создание ими собственных институтов приспособления, самоорганизации – с другой.

Самоорганизация стала ответом эмиграции на экстремальные условия выживания и важнейшей формой адаптации, обусловленной, в том числе, присутствием за границей общественно значимых, инициативных, авторитетных личностей, известных государственных деятелей дореволюционной России.

Общеземляческое значение имели русские общественные организации, как начавшие свою деятельность еще в России (Земгор, российский Красный Крест), так и появившиеся за рубежом. Можно выделить следующие принципы формирования таких объединений: профессиональный, корпоративный, по землячествам, объединявшим беженцев из отдельных городов (московское, петроградское) или регионов (крымское, северо-западное). Направления и виды деятельности общественных организаций были чрезвычайно разнообразны. Это была гуманитарно-благотворительная, профессиональная, культурно-просветительная, правовая, трудовая, медицинская и другая помощь либо могли быть «клубы по интересам». В результате выстраивалась система социальной защиты и помощи. В целом они сыграли огромную роль в самоорганизации русской эмиграции 1920–1930-х годов, взяли на себя важнейшие функции урегулирования юридического положения, жизнеобеспечения и адаптации беженцев, позволили им сплотиться для защиты собственных интересов перед правительствами разных стран, в международных организациях, в том числе в Лиге Наций, сохранить национальные традиции, организовать национальную систему образования, поддерживать и стимулировать активную культурно-просветительскую работу.

Многочисленность и многообразие российских общественных организаций явилось результатом не только стремлений облегчить участь беженцев, но и разногласий, порой непримиримых, в том числе идеологических¹⁸.

Таким образом, адаптации российской эмиграции способствовала деятельность общественных организаций. Хотя в основном их деятельность носила благотворительный, гуманитарный характер, они охватывали все сферы жизненного существования россиян за рубежом, способствовали сохранению национальных традиций, стимулировали активную культурно-просветительскую работу. Структурообразующая роль общественных организаций способствовала не только адаптации, бытовому благоустройству беженцев, но и их профессиональной реализации.

Не ассимиляция, а сохранение национальной идентичности

Под напором иноэтнического окружения (так же как сегодня под воздействием глобализации) вполне осознавалась необходимость сохранения национальной идентичности.

Неимоверные усилия были приложены для предотвращения денационализации подрастающего вдали от родины поколения и формирования национального самосознания, и прежде всего направлены на создание системы образования на родном языке (от детских садов и начальных школ до высших учебных заведений), развертывание внешкольного воспитания примерно 40 тыс. юношей и детей эмигрантов, чтобы не потерять их для возрожденной России.

Удалось консолидировать академическое и педагогическое сообщество, создать образовательную концепцию и цельное образовательное пространство (общие принципы организации учебных заведений, школьных и вузовских программ,

учебников, возможности перемещения учащихся и преподавательского состава из одних стран в другие, с более благоприятной конъюнктурой). Эта общность основывалась на едином руководстве со стороны русских эмигрантских универсальных и специализированных организаций (Русского академического союза, Российского земско-городского комитета (РЗГК), Педагогического бюро и др.), влиявших на выработку программ, кадровую политику, социально-профессиональную адаптацию выпускников и профессорско-преподавательского состава. Учебные заведения действовали на основе уставов и учебных планов образовательных учреждений дореволюционной России, имели русских преподавателей, вели занятия на русском языке. К основной их задаче – сохранение национального самосознания, приостановка процесса «денационализации» и утраты «русскости» – от одной образовательной ступени к другой добавлялись новые. Если в работе с детьми помимо чисто образовательных функций важную роль играло спасение детей от голода, беспризорности, восстановление их нарушенной психики, лечение искалеченных душ, то для национального высшего образования главной целью была подготовка кадров для зарубежной и постбольшевистской России.

В результате, несмотря на конкурентную среду, благодаря созданному русскому образовательному пространству удавалось более десяти лет сдерживать давление чужого по культуре и языку социума и решать социальные задачи.

Традиционные социальные институты, способствовавшие социализации молодого поколения, переживали кризис, задачи, выполняемые ими, трансформировались. Выросла роль внешкольной организационной и культурно-просветительской работы. Пространство жизнедеятельности определило новые формы адаптации, социализации, образования.

Сложились в Зарубежье институты сохранения исторической памяти: русские

издательства, литература, органы печати, которые имели своего читателя, эмигрантский театр, удовлетворявший потребности Зарубежной России, русские музеи, библиотеки и архивы. Эта инфраструктура способствовала формированию единого культурно-информационного пространства Зарубежья.

В качестве важнейшего структурообразующего элемента выступила **Русская православная церковь**, которая не только окормляла заграничную русскую паству в рассеянии, выполняла свои функции относительно браков и разводов, регистрации родившихся, умерших и др., но и создавала среду для общения. Православная церковь стала стержнем, притягивающим соотечественников, тем институтом, который позволял эмиграции сплотиться, проявить милосердие друг к другу, найти душевное спокойствие, осознать общность корней. Как вспоминал митрополит Евлогий, «в церковь шли не только помолиться, но и встретиться в церковной ограде со знакомыми, обменяться новостями, поговорить о политике, завязать какие-нибудь деловые связи... Несмотря на горечь и ужас жизни, веяло религиозной весной...»¹⁹.

Заключение

Избранная эмиграцией стратегия, ориентация на временное пребывание за пределами страны способствовала замкнутости, изоляции от внешней иноэтничной среды и в конечном итоге оказалась неадекватной реалиям, замедляла адаптацию, включение в социальные связи окружающего мира. Продвинутая адаптация россиян, их положительная социальная мобильность были невозможны без слияния с принимающим обществом. Но векторы адаптации определил низкий уро-

вень готовности эмигрантской общины к интеграции с местным сообществом. Лицо российской диаспоры определяли осознанная стратегия «капсулирования» (М. Савва), добровольная сегрегация, слабая ориентация на социализацию, замкнутость и относительная самодостаточность. Создание «буферной среды» (единого политического, социального, образовательного, информационного, культурного, духовного пространства российской эмиграции, своего быта и т.д.) затормозило социализацию в местной среде, обусловило оригинальную адаптационную модель. С формой и типом адаптации российских эмигрантов к иноязычному, инокультурному пространству связано появление феномена Зарубежной России.

Поскольку опыта взаимодействия с беженцами как особой категорией иностранцев не было накоплено ни в одной стране, самоорганизация русских частично компенсировала отсутствие соответствующих институтов в принимающем обществе. Ряд стран оказали предельно высокий для них уровень материальной помощи, предоставили значительную долю самостоятельности для жизнеобеспечения эмиграции. Отчасти в таких обществах россияне сыграли цивилизаторскую роль. Противоположный полюс представляли страны, в которых превалировала тенденция к ассимиляции, запрету деятельности российских общественных организаций.

Тем не менее в ходе адаптации сокращалась дистанция между эмиграцией и средой страны-реципиента. Однако специфичность российской эмиграции 1920–1930-х годов внесла свою лепту в логику адаптационных процессов, взаимоотношений диаспоры и принимающей среды.

Примечания

- ¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ (грант № 17-01-00504 «Воспоминания В.В. Стратонова “По волнам жизни” как источник по истории Российской империи и Советской России (научное комментирование)»).
- ² См.: Рыбаковский Л.Л. Миграция населения. Три стадии миграционного процесса. (Очерки теории и методов исследования). – М.: Наука, 2001. – 114 с.
- ³ См.: Корель Л.В. Социология адаптаций: Этюды апологии. – Новосибирск: ИЭиОПП СО РАН, 1997. – 160 с.
- ⁴ Термин используется с конца XIX в. Тематика социализации вошла в проблемное поле отечественных ученых с 1960-х годов.
- ⁵ Под денационализацией понимается угроза и реальные явления утраты подрастающим поколением личностных установок на сохранение национальной идентичности, языка, культуры, знаний отечественной истории и литературы и принятие под давлением условий социальной среды социокультурных ценностей страны проживания.
- ⁶ Обзор деятельности представительства Земско-городского комитета, 3 июня 1921 года – 21 сентября 1924 года // ГА РФ. Ф. 5913. Оп. 1. Д. 56. Л. 198.
- ⁷ Йованович М. Адаптация русских беженцев в Болгарии (1920–1940) // Бялата емиграция в България. Бялата емиграция в България: Материали от научна конференция. София, 23 и 24 септември 1999 г. – София: Гутенберг, 2001. – С. 90, 95.
- ⁸ Дни. – Берлин, 1924. – 6 мая.
- ⁹ Справка о положении русских беженцев в Константинополе, подготовленная представителем Всероссийского земского союза в Константинополе А.Л. Глазовым для М.Н. Гирса, 2 апреля 1926 г. // Новый исторический вестник. – М., 2002. – № 2 (7). – С. 231–233.
- ¹⁰ Трагедия беженства. Записка епископа Стефана (София) // Последние новости. – Париж, 1922. – 8 марта.
- ¹¹ Конференция Международного бюро труда и русские военнопленные в Германии // ГА РФ. Ф. 7067. Оп. 1. Д. 526. Л. 4.
- ¹² Письмо Н.И. Астрова К.Н. Гулькевичу от 28 мая 1925 года // ГА РФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 7. Л. 32.
- ¹³ Письмо Н.И. Астрова К.Н. Гулькевичу от 15 октября 1925 года // ГА РФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 7. Л. 35об.
- ¹⁴ Письмо Н.И. Астрова К.Н. Гулькевичу от 15 августа 1925 года // ГА РФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 7. Л. 34.
- ¹⁵ Письмо Н.И. Астрова К.Н. Гулькевичу от 15 марта 1926 года // ГА РФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 7. Л. 33–33об.
- ¹⁶ Письмо Д.Н. Иванцова российскому посланнику в Швейцарии И.Н. Ефремову // ГА РФ. Ф. 5760. Оп. 1. Д. 16. Л. 139–139об.
- ¹⁷ Письмо В.В. Стратонова директору Русского заграничного исторического архива // Славянская библиотека (Прага). T-RZ1A. 2-5-145.
- ¹⁸ Например, в повестке дня одного из заседаний Союза русских врачей в 1925 г. стояли два вопроса: 1. К казуистике желчекаменной болезни; 2. Об участии в Зарубежном съезде.
- ¹⁹ Евлогий, митрополит. Путь моей жизни. – М.: Московский рабочий, 1994. – С. 458.

М.Ю. Сорокина

РОССИЙСКОЕ НАУЧНОЕ ЗАРУБЕЖЬ КАК ЗЕРКАЛО РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Аннотация. В статье рассматривается становление феномена «российское научное зарубежье» как следствие и отражение миграционных процессов Русской революции.

Ключевые слова: русская эмиграция; российское научное зарубежье; русский Белград; социальная история науки.

11 сентября 1908 г. в большевистской газете «Пролетарий» (№ 35), нелегально издававшейся в Женеве многотысячным тиражом, появилась статья «**Лев Толстой как зеркало русской революции**». Написанная в связи с 80-летием великого русского писателя и опубликованная анонимно, в дальнейшем она стала одной из краеугольных основ «советского» понимания искусства как особой формы «отражения» действительности.

Между тем автор статьи, а им был тогда еще малоизвестный революционер-эмигрант и политик Владимир Ленин (1870–1924), вряд ли ожидал такого долгосрочного эффекта своего произведения. Помимо «юбилейной даты» писателя своей статьей он реагировал прежде всего на политически актуальное толстовское «Не могу молчать» – текст-протест против карательной внутренней политики премьер-министра Петра Столыпина (1862–1911), опубликованный летом 1908 г.¹ Любопытно, однако, что образ «писателя (или шире – интеллектуальной элиты) – зеркала», на многие десятилетия вперед зафиксировавший неразрывность интеллигенции и революции и в сознании «советского» человека, и в советской академической историографии, возник в ленинском революционном дискурсе как ответ на запрос российской политической эмиграции, в значительном количестве осевшей в дореволюционные годы в Европе, и прежде всего в Швейцарии. В тот момент еще никто не мог представить, что менее чем через десять лет та аудитория, к которой апеллировал Ленин, вернется в Россию и совершит успешный политический переворот в октябре 1917 г., который наряду с Первой мировой станет

СОРОКИНА
Марина
Юрьевна,
кандидат
исторических
наук,
Дом русского
зарубежья
имени
А. Солженицына

одним из самых мощных генераторов масштабных, внутренних и внешних, социальных, экономических, профессиональных, конфессиональных и других миграций на всем евразийском пространстве.

Важным следствием Русской революции и последовавшей за ней Гражданской войны станет «Исход», как нередко в современной российской публицистике и даже академической историографии именуют трагический для Белого движения результат Гражданской войны, когда за границами России оказались около миллиона новых беженцев. Процесс их сложной адаптации и интеграции в новое языковое, культурное и ментальное пространство затронул многие европейские страны. Одним из его проявлений стало возникновение феномена «русское зарубежье» как особого параллельного СССР пространства со своей инфраструктурой, в течение десятилетий остававшегося скрытым и явным оппонентом советской власти и имевшего важное экспертное значение для западного мира.

В то же время после 1917 г. в Россию возвратились тысячи русских, в том числе политических, эмигрантов, как правило, с хорошим европейским образованием, нередко – с европейскими интеллектуальными и духовными ценностями и с личным опытом европейских практик общения и взаимодействия в международной среде. Сотни (если не тысячи) их затем вливались во все структуры советской власти и общества, прежде всего в области науки, просвещения, здравоохранения. Нередко они занимали в них главные позиции, вплоть до наркомов (=министров) – например, А.В. Луначарский, Н.Д. Семашко и многие другие.

Этот «приход (резмиграция)» оказался своего рода новой «кадровой революцией» в России, по масштабам и глубине воздействия на российское общество сравнимой разве что с Петровским временем². Именно бывшие эмигранты стали

организаторами того важнейшего социального переворота, в результате которого оказались демонтированы многие зримые и незримые границы на российском имперском пространстве и казавшиеся до тех пор маргинальными группы (национальные меньшинства, в том числе евреи, женщины, сами эмигранты и др.) выдвинулись в центр новой советской цивилизации, открывавшей перед ними значительные персональные и профессиональные перспективы.

Между тем с какой повесткой дня пришли эти люди, как их взгляды и компетенции вписывались и / или конфликтовали в различных властных структурах и профессиональных сообществах и как их повестка влияла на формирование новых (советских) политик и практик, остается малоисследованным и в западной, и в российской академической историографии.

Роль российской дореволюционной эмиграции как одной из ведущих сил социальной и профессиональной трансформации / «перестройки» в рамках Русской революции и советского периода российской истории если никогда и не игнорировалась, то и особо не выделялась ни в советской, ни в российской академической историографии XX в., делавшей акцент прежде всего на внутренних «двигателях» революционных изменений во власти и обществе.

В постсоветское время, несмотря на то что либеральное историческое сознание и правый дискурс удивительным образом сошлись на том, что именно эта сравнительно небольшая группа нелегалов и «террористов» выступила разрушительной, деструктивной силой, уничтожившей не только Империю и ее величие, но и в исторической перспективе – традиционные ценности российского общества, проблематика революционной политической эмиграции отошла на периферию исследовательского внимания в России.

В то же время созданный «русским зарубежьем» эмигрантский миф, в основных чертах сформулированный в парижской 1924 г. речи будущего лауреата Нобелевской премии, писателя Ивана Бунина (1870–1953), – представление о постреволюционных эмигрантах как о «лучших людях России», добровольно покинувших родину (или как вариант – незаслуженно изгнанных из нее), – фактически заместил пустоту советского исторического дискурса в этой области и в таком виде занимает едва ли не господствующее положение и в современной российской историографии. Это оказалось тем легче, что и советская, и постсоветская художественная литература «метрополии» очень мало писала об эмигрантах. В отличие от Русской революции и Гражданской войны, которые помимо семейной памяти четко закрепились в общественном сознании и коллективной памяти Европы и СССР / России такими выдающимися, «нобелевскими» произведениями, как «Доктор Живаго» (Б. Пастернак), «Тихий Дон» (М. Шолохов) и «Архипелаг ГУЛАГ» (А. Солженицын), «Русский исход» (или эмигрантская тема) не стимулировал возникновения эпического начала ни в литературе, ни в кинематографе.

Между тем распадающаяся пока на отдельные и неравноценные фрагменты проблематика «русского зарубежья», в том числе политэмиграции, теснейшим образом связанной с революцией 1917 г., настоятельно требует переосмысления и сравнительного анализа самого феномена, в котором индивидуальные биографии складываются в сложном поиске новых профессиональных и культурных идентичностей – как национальной («русской / российской»), так и европейской.

Беженцы, эмигранты, невозвращенцы, коммуникаторы

В этой перспективе история российского научного зарубежья представляет особый интерес. Одним из важнейших следствий

Русской революции и Гражданской войны 1917–1922 гг. стало разделение российского общества на «метрополию» и «диаспору», которое затронуло и научное сообщество. Несколько тысяч научных специалистов различной квалификации и статуса – от студентов университетов до действительных членов Императорской / Российской академии наук – оказались захвачены «революционной стихией» и образовали «волну» научного беженства. Ряд дисциплинарных научных сообществ советской метрополии на годы вперед оказался кадрово обескровленным, а в ряде случаев и вовсе подорванным. Так, например, Россию покинули все научные специалисты в ранге докторов и профессоров международного права. Более трети своего персонального состава потеряли такие важнейшие для нормального существования любого государственного и общественного организаций профессиональные сообщества, как инженерное и медицинское³.

Точное количество научных специалистов, бежавших / уехавших / эвакуированных с территории бывшей Российской империи в период 1917–1922 гг., остается до сих пор неизвестным. Если «мартирологи» русской науки время от времени публиковались в Советской России / СССР в 1921–1924 гг., то учетом научных специалистов зарубежья занимались уже только в научных институтах диаспоры. В советской историографии факты бегства / выезда / невозвращения ученых просто игнорировались, а в перестроечное и постперестроечное времена, когда появилась значительная литература о российской эмиграции, стало принято считать, что «стресс» эмиграцией имел (и имеет до сих пор) преимущественно негативные последствия для российской науки. При этом российские историки рассматривают ее как составную часть «внутренней» истории Российской империи / СССР, как историю прежде всего «потерь» и «страданий»; зарубежные – как часть «своей», акцентируя проблемы «помощи» и «вклада». Только в последнее время стали по-

являться работы, анализирующие весь спектр амбивалентных отношений любой диаспоры и принявшей ее страны и общества – от вопросов взаимодействия и интеграции до конфликтов и противостояния⁴.

Для многих научных специалистов, вынужденно покинувших Россию в 1917–1922 гг., вопрос о смене или актуализации за рубежом новой культурной, языковой или профессиональной идентичности даже не стоял. Эти «новые» послеоктябрьские эмигранты довольно долго ожидали возвращения на родину и не стремились интегрироваться в новую культурную и профессиональную среду. Они сформировали широкую национальную научную инфраструктуру (институты, учебные заведения разных уровней, академические группы, общества, профессиональные союзы, издательства, журналы и т.п.), с которой в современной российской историографии до сих пор отождествляют все научное зарубежье.

Между тем другая значительная группа русских ученых-эмигрантов первой половины XX в. предпочитала строить индивидуальную профессиональную карьеру в научных учреждениях стран пребывания, без или с минимальной опорой на поддержку эмигрантских организаций. Стресс «эмиграцией» обернулся для этих специалистов позитивным импульсом и многие из них стали основателями новых научных школ и направлений, возглавили лаборатории, институты или кафедры.

Взлет их профессиональных карьер стал возможен благодаря тому, что уже после Первой мировой войны за счет разрушения «старых» империй и появления «новых» национальных государств коммуникативная среда всей мировой науки претерпела существенную трансформацию и, несмотря на сохранение традиционных инструментов общения (стажировки, конференции, публикации, личные связи, совместные проекты), на первое

место вышли коммуникационные стратегии как практическая проблема научного сообщества.

В рамках этих стратегий важное место занимали независимые научные «коммуникаторы», к которым относилась третья группа российских научных специалистов зарубежья – формальные и неформальные «невозвращенцы», весьма представительная по научному авторитету. Живя и работая за границей, они сохраняли советский паспорт, но не стремились к быстрому возвращению в СССР. Для этих «неформальных невозвращенцев» вопрос гражданства был глубоко вторичен по сравнению с пониманием природы науки как транснационального института и сообщества. К этой группе в разные годы принадлежали многие русские ученые – академик В.И. Вернадский (1863–1944), физик, будущий Нобелевский лауреат П.Л. Капица (1894–1984), генетик Н.В. Тимофеев-Ресовский (1900–1981), академики химии В.Н. Ипатьев (1867–1952) и А.Е. Чижибабин (1863–1945) и многие другие.

Значение этих «коммуникаторов» для разделенного российского научного сообщества хорошо демонстрирует впервые публикуемое здесь письмо философа-эмигранта Н.И. Бердяева советскому академику В.И. Вернадскому, находившемуся в научной командировке во Франции:

Berlin W. 35, Magdeburgerstrasse, 20 I,
bei Lutter

7 мая [1923]

Многоуважаемый Владимир Иванович!

Б.П. Вышеславцев, который был зимой в Париже, передавал мне, что Вы с большим сочувствием отнеслись к нашей философской группе и что у Вас есть большие связи с французским ученым миром. Сейчас обстоятельства складываются так, что мы вряд ли в состоянии далее оставаться в Берлине. Берлин стал самым дорогим городом в Европе, количество русской молодежи уже очень уменьшилось здесь и к осени уменьшится еще. Очень

возможно, что русский научный институт в Берлине прекратит свое существование за недостатком средств. Париж же стал русским центром и там есть обширное поле деятельности. Нам приходится думать о переселении в Париж. Вот я и хочу посоветоваться с Вами о том, есть ли надежда устроиться в Париже и какими путями нужно для этого действовать? Речь идет о чтении лекций при Сорбонне или Institut Slave с определенным месячным вознаграждением. Вы, кажется, имеете связи с кругом, от которого это зависит. Я имею тут в виду не лично только себя, но нашу философскую группу – С. Франка, Л. Карсавина, Б. Вышеславцева (другие твердо устроены в Праге, от С.Н. Булгаков). Чтобы Вы посоветовали сделать для выяснения этого вопроса и могли ли бы сами в этом отношении оказать содействие? Буду Вам очень признателен, если Вы мне ответите и дадите указание. Можно поставить вопрос так, что почти все философы изгнаны из России, что философия, если она не материалистическая, подвергается гонению и совершенно отрицается. Я чувствую, что мне следовало бы самому приехать в Париж для выяснения положения, но это мне нелегко сделать и хотелось бы выяснить, есть ли какая-либо надежда и имеет ли смысл ехать в Париж. Парижские отношения я очень мало знаю и не представляю себе, какими путями лучше действовать. После нашей высылки мы обосновались в Берлине, потому что Берлин был самым дешевым городом Европы и здесь было большое скопление русской молодежи. Теперь эти условия изменились. Для религиозно-философских работ теперь в Париже есть обширное поле. Заранее благодарю Вас за добрые советы.

Искренно Вас уважающий Николай (Александрович) Бердяев⁵.

С течением времени некоторые из научных «медиаторов» вернулись в СССР, другие же, отвергнув ультиматум советских властей «вернуться или лишиться

гражданства», стали юридическими «невозвращенцами» и навсегда остались за рубежом. В то же время немало научных специалистов с советским гражданством (как, например, биолог С.С. Чахотин (1883–1973)) продолжали работать в европейских научных институтах до середины 1950-х годов.

Эти индивидуальные «коммуникаторы» имели огромное значение как для поддержания и развития глобального научного пространства, личных связей ученых, свободной циркуляции и трансляции новых научных идей, концепций и практик, так и для создания широких коммуникативных коридоров между различными национальными, социальными, политическими и профессиональными элитами в условиях политически нестабильного и неустойчивого межвоенного мира. Этот важнейший аспект социальной истории науки изучен минимально, хотя, безусловно, заслуживает серьезного внимания.

Центры новой науки

Одним из важнейших следствий Русской революции стало и появление центров российского научного зарубежья. На протяжении многих десятилетий, хотя и с разными акцентами, историками разных школ, стран и поколений таковыми признаются Белград, Берлин, Прага, Париж и ряд других европейских столиц, принявших российских беженцев после 1917 г. Правда, ни один из исследователей специально не разъясняет, каково содержание понятия «центр научного зарубежья» и каковы критерии отнесения того или иного локуса к такому «центру». Тем не менее из общего изложения проблемы понятно, что в качестве «центров» рассматриваются те города, в которых имелось сколько-нибудь значимое количество российских ученых-беженцев и эмигрантских научных учреждений, обществ и периодической печати.

Ограниченность такого подхода сегодня очевидна. Он почти не учитывает результаты собственно научной деятельности эмигрантских институций, которые служили в то время не столько науке, сколько являлись прежде всего инструментом поддержания социальных связей внутри научного сообщества и диаспоры в целом. Таким образом понятие «российское научное зарубежье» редуцируется до круга персоналий и учреждений, непосредственно связанных именно с эмигрантскими организациями, в то время как многие российские ученые-беженцы сделали успешную индивидуальную карьеру в научных институциях стран пребывания без непосредственной опоры на эмигрантские ресурсы⁶. Достаточно напомнить судьбу самого успешного коллективного научного проекта российского научного зарубежья – Археологического института им. Н.П. Кондакова. Созданный в 1925 г. в Праге как Семинарий им. Н.П. Кондакова, а затем продолживший свою деятельность в Белграде, он исходно – материально и статусно – был связан с Министерством иностранных дел Чехословакии, различными зарубежными и международными научными организациями и частными лицами, но никак не с русскими эмигрантскими учреждениями.

Между тем проблематика центров российского научного зарубежья исключительно значима, так как обнаруживает традиционные и новые коммуникативные стратегии различных научных сообществ. Особенно интересен в этом отношении пример Белграда и Королевства сербов, хорватов и словенцев / Югославии в целом⁷. История российской научной диаспоры в этом регионе описана в целом намного подробнее, чем в других странах. Сформировавшиеся на сегодня исторические нарративы поддерживаются, с одной стороны, разработками представителей российской диаспоры (работы А.Б. Арсеньева, Т.В. Пушкадии-Рыбкиной и др.)⁸ и российских ученых (труды Е.П. Аксеновой, В.И. Косика и др.)⁹, а

с другой – усилиями югославских / сербских, словенских и других исследователей (М. Йованович, Т. Миленкович, А. Петрович и др.)¹⁰.

Все они обращают внимание на факт значительного количества российских ученых-эмигрантов, избранных в Сербскую королевскую академию наук / Сербскую академию наук и искусств (САНИ), и интерпретируют его как признание научным сообществом Югославии большого вклада российских эмигрантов в развитие науки. Действительно, если сущностным критерием «научного центра» диаспоры считать количество ученых-мигрантов, избранных в местную Академию наук (или аналогичное по значимости общество), то Белград вполне может быть назван одним из главных центров российского научного зарубежья. Только до Второй мировой войны членами Сербской академии разного статуса было избрано восемь российских исследователей; еще больше россиян, покинувших родину в первой половине XX в., получили признание в Академии после Второй мировой войны. В пропорциональном отношении ни одна национальная группа Югославии не была столь многочисленна в Академии, как российские эмигранты. Это настоящий историко-научный феномен, особенно если учесть, что в КСХС в тот период не было русской высшей школы.

Количественный пик избрания российских ученых пришелся на 1932–1934 гг., т.е. наступил примерно через десять лет их «укоренения» в КСХС, что исключает спекуляции о доминировании исключительно личных связей в практике избрания. Практически все российские специалисты приехали в королевство уже в ранге профессоров российских университетов, в основном Харькова и Одессы, и пропорционально представляли гуманитарные и естественные науки. Интересно, что в отличие от многих коллег, осевших в других частях Европы, Китая и США и вынужденных неоднократно менять страну пре-

бывания, почти все крупные российские ученые-беженцы навсегда связали свою профессиональную и личную судьбу с Югославией, став основателями и директорами академических институтов, и закончили свой жизненный путь здесь же.

Но подавляющее большинство из них продолжали определять свою культурную идентичность как русскую / российскую. В то же время нельзя не согласиться с мнением А. Петровича, что членство русских эмигрантов в Сербской академии наук может служить мерилем их общего значения в сербской культуре, а влияние этой группы – примером удачной интеграции и взаимодействия сербской и русской культур в общем прошлом¹¹.

Конечно, было бы интересно детальнее изучить процесс выдвижения российских кандидатур в члены Академии: кто, когда и с какой аргументацией их предлагал, какие отзывы приходили, кто оппонировал кандидатам и т.п. Немаловажно при этом было бы обратить внимание на то, как в рамках избирательного процесса учитывались вопросы гражданства, а также на то, как складывались судьбы семей ученых. Одним словом, программа изучения бытования российской научной диаспоры в динамическом взаимодействии с сербским научным сообществом могла бы быть продолжена как позитивный пример формирования новой научной (персональной и институциональной) среды в условиях кризиса.

Характерно, что после Второй мировой войны Сербская академия наук и искусств наряду с избранием в свой состав представителей научного сообщества СССР продолжала пополнять свои ряды и учеными российского происхождения, вынужденно покинувшими родину по политическим причинам. Тем самым коммуникативная стратегия Академии на поддержание традиционной связи с российским научным сообществом, где бы ни находились его представители, получала полномасштабную реализацию в этот период и способствовала прогрессу славянского научного мира.

Новые аудитории

Другой важный аспект в коммуникативных стратегиях ученых-беженцев – те новые связи и пути, которыми российская наука проникала в новые профессиональные сообщества и университетские аудитории до Второй мировой войны. Роль ученых-эмигрантов в этом процессе переноса и трансляции новых знаний была пионерской, но также до сих пор недостаточно оцененной в научной литературе.

История российской диаспоры в странах Латинской Америки, изученная еще очень незначительно¹², дает интересный материал к этой теме. Только в 2011 г. появилась первая, основанная на широком изучении архивных документов, научная монография М.Н. Мосейкиной, представившая масштабное описание «трудов и дней» российской эмиграции в странах латиноамериканского континента в 1920–1960-х годах¹³.

Среди россиян, эмигрировавших в Южную Америку до и после Второй мировой войны, были и научные специалисты, однако современная историография пока редко упоминает о них¹⁴. Между тем латиноамериканские государства оказались для многих российских ученых не только временным убежищем, но местом сохранения и приумножения своего научного потенциала. Так, в Аргентине и Бразилии еще до революции активно работали ботаник-географ и путешественник Н.М. Альбов (1866–1897) и известный энтомолог и селекционер, корреспондент академика Н.И. Вавилова М.Ф. Бондарь (1881–1959). В отличие от некоторых европейских коллег, утративших в изгнании после революционных потрясений 1917 г., Гражданской и Второй мировой войн свой высокий социальный и профессиональный статус, в Аргентине и Бразилии, Чили и Парагвае, Венесуэле и Перу немало российских ученых стали основоположниками научных школ, основателями институтов и лабораторий в самых разных областях научного знания.

В Аргентине активно работали геологи князь Г.Г. Гагарин (1912–1950) и А.М. Пятницкий (1880–1960), палеонтолог и биолог С.Д. Болтовской (1912–1997), зоологи К.И. Гаврилов (1908–1982) и Н.И. Кузнецов (1897–1963), энтомолог князь С.С. Шаховской (1903–1974). В Парагвае большая группа военных инженеров и математиков во главе с И.Т. Беляевым (1875–1957) и С.Л. Высоколяном (1895–1986) фактически стала родоначальницей местной национальной инженерной школы. В Бразилии и Чили богатое научное и культурное наследие оставили ботаник-систематик Б.В. Скворцов (1896–1980), энтомолог и герпетолог Ц. Воронцов-Дашков, геолог Б.В. Бражников (1904–1988), астроном А.И. Постоев (1900–1976), физик-теоретик Г.В. Ватагин (1899–1986), электрохимик А.И. Глазунов (1888–1951), физиолог, антрополог, этнолог А.А. Липшуц (1883–1980) и многие другие. Их богатый организационный, инженерный и научный опыт был особенно востребован в первой половине XX в., когда многие страны Латинской Америки начинали реформировать свои образовательные структуры и развивать научный и промышленный потенциал. В таких социальных условиях для образованных специалистов открывались значительные возможности для профессионального и карьерного роста. «Энергичные, знающие интеллигенты – для них Бразилия и создана», – констатировала психолог Елена Владимировна Антипова (1892–1974) уже в одном из первых писем после приезда в эту страну (1929)¹⁵.

Дочь царского генерала, жена писателя, высланного из большевистской России в 1922 г. на «философском пароходе», сама вынужденная покинуть страну в 1924 г., в период эмиграции она была ведущим исследователем крупнейшего мирового центра исследований детства – Института Жан-Жака Руссо в Женеве. С 1929 г. и до конца жизни Е.В. Антипова работала в Бразилии, став одним из лидеров психологии как науки и профессии в

этой стране. В экстремальных для русско-го человека природных и социально-культурных условиях, сочетая исследовательскую работу в психологических лабораториях с применением новых методик непосредственно в образовательных учреждениях, она создала систему психолого-педагогической поддержки одаренных детей и детей с особенностями развития, которая продолжает эффективно работать и в наши дни.

Приехав в Бразилию тестировать (и учить этому других), отсеивая неспособных и выявляя интеллектуально одаренных детей, ибо таков был первичный социальный заказ, она существенно видоизменила поставленные перед ней прямолинейные задачи отбора и пошла дальше, окрашивая и расширяя их гуманистическим контекстом и профессиональной приверженностью идее компенсаторного обучения. Как и подавляющее большинство русских интеллигентов, Е.В. Антипова с юности верила в образование как важнейший инструмент развития личности. В труднейших условиях разных, но преимущественно военных, бразильских политических режимов, личным примером и высокопрофессиональной работой она сумела убедить власть и общество, церковь и благотворительные организации, чиновников, коллег и родителей в возможности и необходимости создания образовательных условий для роста и развития всех членов общества, в том числе, а может быть, и прежде всего «отстающих».

За полвека работы в Бразилии Е.В. Антипова стала основателем множества образовательных институтов самого различного уровня – от кафедр психологии в университетах штатов Минас-Жерайс и Рио-де-Жанейро до сети сельских учебных учреждений для детей с особыми потребностями. Уже несколько десятилетий в Бразилии успешно действуют образовательный Фонд Елены Антиповой (Foundation Helena Antipoff, FNA), Центр истории психологии и документации им. Елены Антиповой при

Федеральном университете Минас-Жерайс; на португальском языке издано пять томов ее научных работ и материалов общественных инициатив. Подвижническая деятельность русского психолога по интеграции «исключительных» и «нестандартных» получила высокое государственное признание в Бразилии – Антипова была удостоена звания почетного гражданина одного из самых крупных штатов страны Минас-Жерайс, ордена Южного Креста, медали «За заслуги в области образования» (вручена лично президентом Бразилии).

Биография Е.В. Антиповой, ее научная, научно-организационная и общественная деятельность в Швейцарии и Бразилии привлекали и привлекают значительное внимание историков науки разных стран¹⁶. Международный научный коллоквиум, состоявшийся в июне 2012 г. в Доме русского зарубежья им. Александра Солженицына в Москве, впервые широко рассказал россиянам о незаурядной личности и огромном вкладе Е.В. Антиповой в развитие глобального психолого-педагогического и образовательного пространств¹⁷.

Российское научное зарубежье внесло выдающийся вклад в мировую и отечественную научную и философскую мысль XX в., развитие многих национальных научных сообществ и гражданских обществ стран-реципиентов. Достаточно назвать имена социолога Питирима Сорокина

(США), физика Глеба Ватагина (Бразилия–Италия), биофизика Бориса Раевского (Германия), инженеров и конструкторов Владимира Зворыкина и Игоря Сикорского (США), микробиолога Сергея Виноградского (Франция), историков Михаила Ростовцева (США) и Фаддея Зелинского (Польша), востоковедов Сергея Елисеева (США–Франция) и Владимира Минорского (Великобритания) и многих других, чтобы представить масштаб и глубину воздействия мысли и творчества российских ученых на самые разные стороны жизни и научной деятельности принявших их стран.

По разным причинам оказавшись за рубежом, российские ученые, как правило, стремились не терять личные и профессиональные связи с родиной. Абсолютное большинство из них, несмотря на политические, социальные, этнические и конфессиональные различия, продолжали идентифицировать себя с русской культурой, а многие осознавали и позиционировали себя частью российского национального научного сообщества, активно распространяли и пропагандировали достижения отечественных научных школ, расширяя таким образом их влияние на развитие всей мировой науки – от Китая до Северной Америки и Австралии. И это еще один не оцененный по достоинству урок Русской революции.

Примечания

- ¹ Стоит напомнить также, что на протяжении 1905–1906 гг. Лев Толстой опубликовал несколько статей и «обращений» по поводу революционных событий в России («Первой русской революции»), появившихся не только в русской, но и в зарубежной печати («Об общественном движении в России», «Великий грех», «Конец века» (глава III – «Сущность революционного движения в России»), «Обращение к русским людям. К правительству, революционерам и народу», «О значении русской революции»).
- ² Как известно, император Петр I (1672–1725) постоянно отправлял юношей учиться за границу, чтобы в дальнейшем использовать их знания для трансформации Российской империи по европейской модели.
- ³ Подробнее см.: Сорокина М.Ю. Российское научное зарубежье versus русская научная эмиграция: К определению объема и содержания понятия «российское научное зарубежье» // Ежегодник Дома русского зарубежья им. Александра Солженицына. 2010. – М., 2010. – С. 75–94;

- Российское научное зарубежье: Материалы для биобиблиографического словаря / Сост. М.Ю. Сорокина. – М., 2010–2011. – Пилотный вып. 1–6.; Российское научное зарубежье: Биобиблиографический справочник / Ред.-сост. М.Ю. Сорокина. – М., 2011.
- ⁴ См.: Йованович М. Русская эмиграция на Балканах. 1920–1940. – М., 2005; Ронин В.К. Русское Конго: 1870–1970: В 2 т. – М., 2009; Гусефф К. Русская эмиграция во Франции: Социальная история (1920–1939 годы). – М., 2014 и др.
- ⁵ Бахметевский архив Колумбийского университета, США (Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture, USA) George Vernadsky Collection. Box 1.
- ⁶ См.: Сорокина М.Ю. Российское научное зарубежье versus русская научная эмиграция: К определению объема и содержания понятия «российское научное зарубежье» // Ежегодник Дома русского зарубежья им. Александра Солженицына. 2010. – М., 2010. – С. 75–94; Сорокина М.Ю. Материалы для биобиблиографического словаря «Российское научное зарубежье». – М., 2010. – Пилотный выпуск 1: Медицинские науки. XIX – первая половина XX в.; Масоликова Н.Ю., Сорокина М.Ю. Материалы для биобиблиографического словаря «Российское научное зарубежье». – М., 2010. – Пилотный выпуск 2: Психологические науки. XIX – первая половина XX в.; Сорокина М.Ю. Материалы для биобиблиографического словаря «Российское научное зарубежье». – М., 2010. – Пилотный выпуск 3: Востоковедение. XIX – первая половина XX в.
- ⁷ Сорокина М.Ю. Пересекая границы: Российские ученые-эмигранты – члены Сербской академии наук и искусств // Русская диаспора и изучение русского языка и русской культуры в инославянском и иностранном окружении (Белград, 1–2 июня 2011 г.). – Белград, 2012. – С. 69–77.
- ⁸ Арсеньев А. Русская диаспора в Югославии // Русская эмиграция в Югославии. – М., 1996; Пушкадия-Рыбкина Т.В. Эмигранты из России в научной и культурной жизни Загреба. – Загреб, 2007.
- ⁹ См.: Аксенова Е.П. К истории русской научной эмиграции в Югославии: Письма А.Л. Погодина А.В. Флоровскому // Славяноведение. – М., 1995. – № 4; Аксенова Е.П. Русские ученые-эмигранты первой волны в Югославии (по материалам архива А.В. Флоровского) // Русская эмиграция в Югославии. – М., 1996; Козлитин В.Д. Русская и украинская эмиграция в Югославии. 1919–1945. – Харьков, 1996; Ульянкина Т.И. Русская академическая эмиграция в Сербии: Обзор довоенного периода 1919–1938 гг. // Российско-сербские связи в области науки и образования: XIX – первая половина XX в. – СПб., 2009; Русские в Сербии / Отв. ред. А.А. Максаков. – Белград, 2009.
- ¹⁰ Миленкович Т. Общество русских ученых в Югославии, 1921–1940 // Русская эмиграция в Югославии. – М., 1996; Петрович А. Мост, через который еще предстоит перейти: Русские ученые – члены Сербской академии наук после Октябрьской революции // Российско-сербские связи в области науки и образования: XIX – первая половина XX в. – СПб., 2009. – С. 77–88.
- ¹¹ Петрович А. Указ. соч. – С. 79.
- ¹² См., например: Окунцов Н.К. Русские эмигранты в Северной и Южной Америке. – Буэнос-Айрес, 1967; Стрелко А.А. Славянское население в странах Латинской Америки. – Киев, 1980; Сизоненко А.И. Русские открывают Латинскую Америку. – М., 1992; Русское зарубежье в Латинской Америке. – М., 1993; Россия и Бразилия. 200 лет знакомства: Свидетельства русских путешественников, ученых, дипломатов, артистов и литераторов. – М., 2004; Русские в Уругвае: История и современность. – Монтевидео, 2009; Ульянова О., Норамбуэна К. Русские в Чили. – Santiago, 2009.
- ¹³ Мосейкина М.Н. «Рассеяны, но не расторгнуты»: Русская эмиграция в странах Латинской Америки в 1920–1960 гг. – М., 2011.
- ¹⁴ Из публикаций последних лет см.: «Энергичные, знающие интеллигенты — для них Бразилия и создана»: Из эпистолярного наследия психолога Елены Антиповой / Предисл. и публ. Н.Ю. Масоликовой // Ежегодник Дома русского зарубежья им. Александра Солженицына. 2010. – М., 2010. – С. 363–384; Российские ученые в Южной Америке: Письма зоолога К.И. Гаврилова историку Н.Е. Андрееву (1948–1980) / Публ. Е.Н. Андреевой, М.Ю. Соро-

- киной, Н.Ю. Масоликовой и др. // Там же. 2011. – М., 2012. – С. 608–652; Мосейкина М.Н. «Отец бразильской ядерной физики». Глеб Васильевич Ватагин в Сан-Пауло // Родина. – М., 2013. – № 10. – С. 62–64 и др.
- ¹⁵ «Энергичные, знающие интеллигенты – для них Бразилия и создана». – М., 2010. – С. 370.
- ¹⁶ Основные работы последних лет: Campos R. H. F. Helena Antipoff. – Recife, 2010; Helena Antipoff: psicóloga e educadora – uma biografia intelectual. – Rio da Janeiro, 2012; Helena Antipoff: A Quest for Democracy and Human Rights with the Help of Psychological Science / Pickren W., Dewsbury D., Wertheimer M. (Eds.) // Portraits of Pioneers in Developmental Psychology. – Нью-Йорк: Psychology Press, 2012. – P. 51–66.
- ¹⁷ См.: Масоликова Н.Ю., Сорокина М.Ю. Международный научный colloquium «Образование для всех и ученые-эмигранты: Наследие русско-бразильского психолога Елены Антиповой (1892–1974) в области науки, образования и прав человека в Латинской Америке, Европе и России» // Ежегодник Дома русского зарубежья им. Александра Солженицына. 2012. – М., 2013. – С. 634–640; Образование для всех и ученые-эмигранты: Наследие русско-бразильского психолога Елены Антиповой (1892–1974) в области науки, образования и прав человека в Латинской Америке, Европе и России / Сост. Н.Ю. Масоликова, М.Ю. Сорокина. – М., 2014.

НАСЛЕДИЕ

Русская революция 1917

М.В. Вишняк

СОРОК ЛЕТ

Статья печатается по изданию:
Новый журнал. – Нью-Йорк, 1957. – № 48. – С. 210–226.

Так случилось, что каждая следующая «декада», отдалявшая нас от февральской революции, давала мне повод и возможность откликнуться на нее в печати. Перед тем, как сделать это в четвертый и, надо думать, в последний раз, я просмотрел свои отзывы о Феврале в 1927, 37 и 47-м годах. Писал я о том же, но не то же. Общий подход и оценка оставались прежними, но содержание было разное: на каждом отклике лежал отпечаток времени. И сейчас, глядя на Февраль из сорокалетнего далека, могу повторить основное сказанное прежде, с учетом происшедшего за последнюю «декаду».

1917–27

Когда минуло первое десятилетие, я дал в «Современных Записках» (т. 31) своего рода апологию Февраля, каким я его пережил и осознал. В самом общем виде намечены были социальные и политические причины, обусловившие революцию, и внутренний, исторически-непреодолимый смысл Февраля, несмотря на превратности последующей его судьбы. Этот смысл мне виделся в том, что Февраль был *национальной революцией*. И не только потому, что в нее вложились все народы России, все классы и все политические, общественные, религиозные группировки и даже официальные учреждения. То была национальная революция и потому, что впервые в истории России народ – или народы России – из объекта управления превратились в субъект властвования. Впервые ощутили они себя как целое или единство, неотменимое никакими последующими искажениями или потерей лица. Февраль был не только эпилогом трехвекового периода русской истории. Он был, как мне казалось и

ВИШНЯК
Марк
Вениаминович
(1883, Москва –
1976, Нью-Йорк) –
публицист,
мемуарист,
член партии
социалистов-
революционеров
с 1905 г.

кажется, и прологом к будущему России, неотделимому у каждого народа от его национальной революции.

Изложение смысла Февраля я сопроводил сравнением того, что выдающиеся русские люди говорили о февральской революции под непосредственным впечатлением от нее, по живым следам, и что те же лица говорили о ней позднее, после неудачи Февраля и личных разочарований.

Когда произошла революция, кн. Евг. Трубецкой писал: «...революции национальной в таком широком понимании, как нынешняя, русская, доселе не было на свете». Февраль благословлялся всеми и считался благословенным. З.Н. Гиппиус позднее вспоминала, как «печать богоприсутствия лежала на лицах всех людей, преображая лица. И никогда не были люди так вместе, ни раньше, ни после». И даже не в первые дни и недели после Февраля, а несколько позднее, П.Б. Струве отмечал: «Мы все испытали громадный и спасительный нравственный толчок... Мы пережили историческое чудо... Оно прожгло, очистило и проветило нас самих».

Прошло всего несколько лет, и для того же автора русская революция обернулась «загадкой». Оказалось, не «объективные условия народа» вызвали революцию и вовсе не народ ее делал, – народ «гораздо более жертва революции, чем ее делатель», «в известном смысле “народ” абсолютного бесспорен лишь поскольку он сдан в мертвецкую истории», он не творец истории, а «в известном смысле творится и должен быть творим». И революция была «государственным самоубийством русского народа», «всего больше глупым делом». За Струве последовал его друг, философ С.Л. Франк, сделавший еще более широкое обобщение: «телеологически и исторически» всякая революция всегда безумие, болезнь, «бессмыслица и потому преступление» («Русская Мысль» № 1 за 1921 г. и № 6 за 1923 г.).

Это были вершины – или великаны – русской философской и социологической мысли. Их ученики и последователи,

К.О. Зайцев, И.А. Ильин, С.П. Мельгунов и др., стали после этого как бы состязаться в том, кто задним числом возведет на Февраль более резкую и яркую хулу. Это была не только антиисторическая оценка, проходившая мимо реальных условий, в которых революция произошла. Это была и тенденциозная, несправедливая оценка: судили и осуждали Февраль не за его лишь грехи и преступления, свершенные в ходе событий, а и за грехи и преступления Октября, Февраль разгромившего. Привычным стало преобразование во времени (*после* Февраля – Октябрь) подменять причиннозависимость – Октябрь следствие или порождение Февраля.

Хулители Февраля, конечно, отлично знали, что «после» не равнозначно «вследствие» и преступления Февраля они не вменяли в вину предшествовавшему режиму. Наоборот, они подчеркивали, что Февраль есть отрицание дореволюционного порядка и прямая ему противоположность. Ничего другого не утверждали ведь и сторонники Февраля, когда доказывали, что между ним и Октябрем такая же пропасть, как и между ним и самодержавием, и что Октябрь никак не «вытек» из Февраля, а был его предельным отрицанием. То, что возникло после Февраля, оказалось во многом хуже того, что было. Октябрь был в известном смысле возвращением к дофевральскому периоду русской истории. И в новой экономической политике напрасно стали усматривать начало конца большевизма, спуск на тормозах, «термидор».

1927–37

Следующее десятилетие принесло две «пятилетки» с коллективизацией деревни, истреблением кулака и подкулачника «как класса», созданием новой социальной группы «беспризорников», «организованным понижением культуры» и первым публичным процессом старых большевиков. Наряду с этим Сталин отметил «го-

ловокружение от успехов», даровал ряд ничтожных милостей крестьянству и, главное, опубликовал новую «демократическую» конституцию 36-го года с правами человека и гражданина, четыреххвосткой и проч.

Оптимисты во что бы то ни стало опять решили, что все худшее позади – неминуемо наступление новой эры. Даже такой непримиримый к большевизму орган, как «Новая Россия» А.Ф. Керенского, отдал дань охватившим эмиграцию настроениям. Редакция обратилась через голову советской власти с возванием «К стране». В обращении говорилось: «Мы хотели бы верить, что принятие новой конституции будет поворотным моментом также и в истории нашей родины». И уже не в качестве исповедания веры, а положительной меры, рекомендовалось – и жирным шрифтом подчеркивалось: «Нужно участвовать в выборах и воспользоваться всеми возможностями для проведения своих требований» («Новая Россия» № 16 от 15. XI. 36). Такое легкое верие, конечно, не всеми разделялось.

Итоги тому, что получилось после двадцатилетнего властвования большевиков, я пробовал подвести в небольшой статье «Двадцать лет спустя» в «Русских Записках» (№ 1). Коснулся я всех трех основных проблем – мира, земли и воли, – которым Октябрь дал свое разрешение. И моим выводом было: несмотря на фактическое торжество большевизма, по существу, идейно, крушение потерпел он, а не поверженный им в прах Февраль.

Мы, люди Февраля, писал я, были за скорейшее окончание войны, – но в рамках общего мира, а не сепаратного, предательского, отнюдь не выводившего страну из войны, а только перебрасывавшего Россию из внешней войны в войну гражданскую. Таков был план Ленина еще с 1915 года и он был полностью осуществлен. Гражданская война продолжалась, когда мировая война давно уже кончилась, – не в результате мировой револю-

ции, как рассчитывал и предсказывал Ленин, а благодаря победе «империалистов», бывших союзников России. За два года до того, как началась Вторая мировая война, я ощущал, что «и по сей день Россия продолжает быть одним из главных возбудителей военной тревоги, треплющей Европу».

В течение многих лет большевики только и делали, что издевались над «империалистической» Лигой Наций. А к чему пришли? Сами стали напрашиваться в эту Лигу, чтобы через четыре года, после коварного нападения на Финляндию, быть из Лиги изгнанными.

Не лучше обстояло дело с разрешением земельного вопроса. Октябрь как будто передал землю трудящимся, но тут же стал отбирать у них плоды земли при помощи своих «комбедов» и «продотрядов». Последующая же коллективизация деревни сопровождалась, как известно, уже отображением «рабоче-крестьянской» властью не одних только продуктов земли, но и самой земли. Крестьянству Октябрь обошелся, кроме того, в 10 миллионов жертв голода 21–22 и 32–33 гг. Февраль стоял за радикальное решение земельной проблемы, но не путем прямого действия – «грабь награбленное» – и потакания стихии, а посредством планомерной передачи земли, в согласии с исконным крестьянским правосознанием и с утверждения Всероссийского Учредительного Собрания. Кто же был более прав: Октябрь или Февраль?

То же можно сказать и относительно государственного устройства. Февраль утверждал личную свободу и демократическое управление на основе всеобщего, равного, прямого и тайного голосования. Октябрь пришел с категорическим отталкиванием от этих начал, как злостной выдумки буржуазии. Утверждения Октября покоились на отрицании Февраля и того, что утверждал последний. Так, Февраль проектировал Декларацию прав человека и гражданина, а Октябрь – как бы в пику Фев-

ралю – надумал свою «Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа». Стала перевозноситься советская система, основанная на не-всеобщем, не-равном и непрямом голосовании, – возвращавшаяся к давно изжитым образцам куриального представительства не граждан, а групп, социальных и территориальных (фабрик, воинских частей, железных дорог, кооперативов). Ленин считал попытку сочетать советскую систему с демократической – «нелепой», «вскрывающей до основания духовное убожество желтых социалистов и социал-демократов, их реакционную мелкобуржуазную политику».

Советская система возникла в анархический, или пугачевский, период Октября, в период хаоса и импровизации. И она была объявлена исключительно благостной, социалистической формой правления.

Но пугачевскому периоду Октября пришел на смену аракчеевский, и первоначальная советская система полетела вверх тормашками. Новая конституция сохранила прежнюю монополию коммунистической партии на управление, но официально реабилитировала и демократию, и четыреххвостку, и личные права человека и гражданина. По образцу всех «буржуазных» конституций и в советской конституции появилась особая глава X-я об «Основных правах и обязанностях граждан» и исключена была искусственно надуманная «Декларация трудящегося и эксплуатируемого народа». Отныне именно новый вариант советской системы управления признан был единственно благостным и социалистическим.

Можно ли после этого отрицать, что Октябрь идейно капитулировал перед тем, что защищал Февраль, – капитулировал, конечно, скрывая это и обманно выдавая то, к чему он пришел, за якобы нигде небывалое и лишь Октябрем последовательно осуществленное?

С идейной капитуляцией Октября и начавшейся одновременно расправой с его виднейшими творцами, Каменевым, Зиновьевым, Ив. Смирновым и другими,

от Октября стали отходить даже его былые приверженцы. И внешне возникала аналогия с обстановкой, предшествовавшей Февралю, когда от самодержавия стали постепенно отходить не только рабочие, крестьяне и разночинная интеллигенция, но и знать, монархически настроенные члены Государственной Думы, Государственного Совета, Синода, целые линии царствовавшей семьи – «Владимировичи», «Михайловичи», «Павловичи».

И в 37-м году можно было задать вопрос: кто же с гениальным и незаменимым «отцом народа», не страха ради, а за совесть и по убеждению? Какие классы, группы? Рабочие? Молодежь? Большевики партийные или беспартийные..? После «случая» с Ягодой Сталин не мог быть вполне уверен даже в террористическом своем аппарате. Как и двадцать лет перед тем, «долгой» объединяло громадное большинство российского населения. Но что противопоставить в качестве положительного призыва, оставалось неясным: у каждой группы было свое «во имя» и свое «да здравствует!» «Контрафорсы» противников подпирали режим, умышленно создававший всеобщий разброд и распыление.

Выводом из двадцатилетней практики Октября я считал наглядный «показ» миру, что такое мнимый социализм. Как на уроках лжеконституционализма мир извлек поучение о конституционализме подлинном, так, надеялся я, на уроках лжесоциализма мир познает, как невозможно и как не следует строить социализм. Мне представлялось, что, может быть, в этом и раскрывается исторический смысл эпохи и лишений, пережитых Россией, – «великий урок для отдаленного поколения», как писал Чаадаев об эпохе Николая I. Всё это было до Второй мировой войны, открывшей собой новую эпоху.

После первого десятилетия Февраля я писал, что он представляется нам не таким, каким все мы его знали и пережили: многое для нас переставилось, многое стало чувствоваться по-иному, многое по-иному и осознаться. После второго

десятилетия эпитафией к своей статье я взял слова Герцена: «Мы не знали того, с чем вступали в бой, но бой приняли. Сила сломала в нас многое, но она нас не сокрушила, и ей мы не сдались, несмотря на все ее удары».

1937–47

Февралю исполнилось 30 лет после Второй мировой войны. К тому времени в России более 80% «работников умственного труда» составляли, по советским данным, люди, «прошедшие школу воспитания уже в советскую эпоху». Другими словами: «две трети действующих в России сил – в возрасте 35 лет и являются продуктом советского воспитания». Они не помнили Февраля и знали о нем лишь понаслышке или по карикатурному изображению и злостному истолкованию сталинскими историками-лауреатами. И в эмиграции все убывало число живых свидетелей Февраля. Да и из тех, кто остались, многие были ошеломлены неожиданными победами советского оружия и народов России под советской властью. Время и победы смягчали отношение к Октябрю.

Разум, как известно, услужливый сводник и в меру смягчения отношения к Октябрю, умалялся в историческом значении – политически, социально, национально – и Февраль.

Даже убежденные антикоммунисты и светлые головы отдали дань патриотическому угару. Незадолго до своей смерти П.Н. Милюков в «Правде о большевизме» 1942 г. заявил, что февральская революция «подготовила Брест-Литовск и раздел России»; Октябрь же был «настоящей революцией в собственном смысле слова, разрушительно-творческой и органической частью русской истории». По существу это было повторением тезиса Милюкова, высказанного еще в 1927 г. в «России на

переломе», будто всякая революция «должна следовать своему неизбежному курсу и не может остановиться на середине. Революционный пожар *должен* выжечь дотла все, что уцелело от низвергаемого порядка» (подчеркнуто Милюковым. Т. 1, с. 41). Правда, в 29 г., в очерке, посвященном памяти А.И. Шингарева, П.Н. Милюков говорил другое – о «прямой дороге», с которой свернул Октябрь и на которую «Россия должна вернуться, чтобы продолжить свое историческое шествие по правильному, широкому, хотя и долгому, пути» («Памяти погибших». Сборник, с. 44). Но это было лишь личной непоследовательностью.

И философ культуры Н.А. Бердяев, одно время проклиная и Февраль, и Октябрь, теперь утверждал: «Принятие февральской революции и отвержение революции октябрьской есть непонимание исторического процесса, – непонимание того, что революция едина и имеет разные стадии своего разворачивания» («Русский Патриот» № 16. Май 1945 г.).

Одни Февраль позабыли. Другие его исказили, растворили и утопили в Октябре. И руку к тому приложили не одни только зубры или большевики.

Обо всем этом я упоминал в «Новом Журнале» в 47 г., возвращаясь мыслью к Февралю «из тридцатилетнего далека». Однако главной темой статьи было другое: стоило ли вообще делать революцию? Надо ли было свергать самодержавие, чтобы получить не взамен, а хотя бы в итоге, советский строй с диктатурой партии и получить не на недели и месяцы, как были убеждены все, все, все, – от жандармов и ненавистников революции справа и до Ленина с Троцким, – а на годы и десятилетия, которым не видать еще конца? Следовало ли повторить слова Шингарева, записавшего 5 января 18 г. в дневник, который он вел в Петропавловской крепости: «Я не жалею о происшедшем. *Готов повторить его*» (подчеркивал

Шингарев) и не опасаясь будущего... Я приемлю революцию и не только приемлю, но и приветствую, и не только приветствую, но и утверждаю?»

А.И. Шингареву только краешком глаза дано было видеть Октябрь в его первые «героические» месяцы. Он не мог предвидеть ни того, что через сутки после своей записи будет с Ф.Ф. Кокошкиным зверски умерщвлен в больнице, ни Брестского мира, ни затянувшейся на годы Гражданской войны, ни людоедства 1920–21 и 1932 годов, ни людодерства ВЧК, ОГПУ, НКВД и МВД, ни пыток, ни казни 12-летних, ни рабского труда в концлагерях, ни «спаянной дружбы» с Гитлером, сопровождавшейся новой мировой войной с миллионами убитых и искалеченных, физически и морально, с газовыми камерами и прочим. Шингарев считал, что «наивно и близоруко думать, что революцию можно *делать или не делать*: она происходит и начинается вне зависимости от воли отдельных людей». Более спорно его утверждение, что «когда революция произошла, бесцельно говорить, хорошо это или плохо». Практически это, конечно, «бесцельно» в отношении к уже происшедшему. Но как отнестись к возможной в будущем революции? Как быть *до* того: желать ли ее? Способствовать ли ей в меру возможности?

Как следовало ответить на этот вопрос в 47-м году в свете пережитого тридцатилетнего опыта? Уже задолго до этого – не помню точно когда и в каком органе – я упомянул, что «любовь к революции мы давно потеряли», – что вызвало отповедь со стороны бывшего моего лидера В.М. Чернова: «Взаимность в этом деле ему (Вишняку) вполне обеспечена... Революция разлюбила его еще раньше, чем он разлюбил революцию» («Революционная Россия» № 65 за 1928 г.). Но признание в любви или не-любви не было ответом на вопрос. В статье «Из тридцатилетнего далека» я точнее и в общем виде утверждал, что, судя по итогам, революцию делать не стоило.

56

Революция ищет для себя оправдание в том, что способствует прогрессу, росту грамотности, индустриализации, политическому самосознанию. Но и это не всегда случается, а когда случается, «издержки производства» столь огромны, что результаты их не оправдывают. Со времени Герцена революция признается наименее желанной, а со времени Жореса и «варварской формой прогресса» – «отчаянным средством». Серьезные исследователи доказывают, что двадцать пять лет кровавой диктатуры привели Россию демографически, индустриально и культурно, в смысле элементарной грамотности, приблизительно к тому же, к чему она пришла бы и без революции, развивая наметившиеся раньше тенденции. Сослагательное наклонение с частицей «бы», конечно, не может не произвести неблагоприятного впечатления. Но если бы даже расчеты исследователей были неверны и завоевания революции были бы неизмеримо больше того, к чему страна могла бы прийти без революции, неопровержимым остается, что *политически* Октябрь вернул Россию по меньшей мере на столетие назад, – ко времени Николая I, если не Павла. Здесь «прогресс» обернулся явным и ужасающим регрессом: Октябрь унизил человека и извратил все его духовные ценности – идеи демократии, социализма, гуманизма были использованы для прикрытия небывалой в истории тоталитарной диктатуры.

Другое дело февральская революция. Она была не только вестью о свободе, но ее апофеозом – для человека, для трудящихся, для иноверцев и иноплеменников. В излишестве свободы, в несоподчиненности ее другим ценностям сказался в значительной мере порок Февраля, – к своей власти народ оказался особенно требовательным, не мирился ни с какими ограничениями. Политически прогресс Февраля по сравнению с предшествовавшим и последовавшим за ним режимами может оспаривать лишь тот, кто забыл прошлое: «громадный и спасительный

нравственный толчок», то «чудо, которое прожгло, очистило и просветлило нас самих» после Февраля, – и ужасы и казни, которые сопровождали Октябрь.

За тридцать лет Россия как бы завершила круговорот, предусмотренный Временным Правительством. В обращении, опубликованном 26 апреля 1917 г., Временное Правительство предостерегло: «Перед Россией встает страшный призрак междоусобной войны и анархии, несущей гибель свободы. Есть мрачный и скорбный путь народов, хорошо известный истории, – путь, ведущий от свободы через междоусобие и анархию к реакции и возврату деспотизма». Это было вещее предостережение: Россия прошла свой скорбный путь до конца, и после второй войны она оказалась перед многими из тех же проблем, которые стояли пред Февралем. Все благие надежды, что после второй отечественной войны «не может» произойти того же, что произошло после первой отечественной, увы, не оправдались. СМЕРШ Берии был восполнен культурной ежовщиной Жданова. И снова воскрес старый вопрос: как выйти на путь свободы? Коммунистическое самодержавие оказалось бездушнее и гнуснее царского. «А в таком случае, – заключал я статью, – России как будто вновь не избежать наименее желанного, варварского пути развития». «Эволюция», которая желательна, может оказаться невозможной, и тогда снова станет неминуемой революция.

1957–

И из сорокалетнего далека основное в оценке Февраля представляется нерушимым.

С течением времени, располагающим к историческому подходу, – что не дано современникам, – учащаются попытки даже со стороны сторонников Февраля признать его крушение как бы предрежденным: он

будто бы с самого начала был обречен. Сознательно или бессознательно такое утверждение покоится на мнимонаучном основании: что было, было неминуемо и потому не могло не быть, иначе его не было бы.

Предреженность – или обреченность Февраля – видят в разном: в том, что, будучи отсталой, безграмотной, экономически слабо развитой и политически невоспитанной, Россия не могла справиться с поставленными революцией громадными задачами. Обреченность была предрежена и тем, что война должна была «съесть» Февраль, ибо он не был в состоянии «съесть» войну. На бесчестный сепаратный мир Февраль не мог и не должен был пойти, а общий мир «без аннексий и контрибуций с признанием права на национальное самоопределение» исключался политикой союзных с Россией стран.

Именно так склонен объяснять трагическую судьбу Февраля С.М. Шварц. Свою статью в февральском номере «Социалистического Вестника» автор озаглавил «Обреченность февральской революции». Она носит некрологический характер и, вопреки желанию автора, может быть понята как косвенное оправдание Октября – не морально-политическое, конечно, а историческое. Ибо если Февраль был обречен, октябрьская метла сделала положенное историей дело.

Подчеркиваю: С.М. Шварц такого вывода не делает. Больше того: содержание статьи опровергает ее заглавие. Там говорится, что «обреченность (февральской революции) не была абсолютной». Это равносильно утверждению, что она вовсе не была обречена: неабсолютная обреченность перестает быть обреченностью, ибо допускает возможность и некатастрофического исхода революции.

К своему выводу об обреченности Февраля Шварц пришел на основании докладной записки государю председателю 4-й Государственной Думы Родзянко о «катастрофическом» положении продовольст-

вия, топлива, транспорта и т.д. Если такие люди, как председатель Государственной Думы, московский городской голова, общество фабрикантов и заводчиков впали в «панику», — «дальше, кажется, некуда было идти. Россия находилась на краю пропасти», — заключает С.М. Шварц.

Это так и это совсем не так.

Это так, если исходить из *психологии* того времени, — какое впечатление продовольственная и иная нужда производила на уставшее от двух с половиной лет войны население и как оно реагировало на неурядицу. И это совсем не так, если припомнить, что Россия не только накануне Февраля, но и в течение последующих восьми месяцев все-таки питалась, передвигалась, не замерзала и как-никак вела войну¹. Покойный М.А. Алданов как-то заметил, что о «продовольственных затруднениях» как «причине революции» историку после 1920 г. писать «будет неловко». Алданов тоже был прав и неправ. Продовольственное положение накануне революции не исчерпывалось одними «затруднениями», оно было весьма неблагополучно. Но никакого «вулкана», на котором мы будто бы тогда сидели, или «края пропасти», которая перед нами «разверзлась», конечно, не было. И положение не могло идти ни в какое сравнение с общим параличом хозяйственной жизни, голодом и холодом, которые принес Октябрь².

Основания, которые приводят в доказательство обреченности Февраля, спорны фактически и по существу. Революцию всегда вызывают оскудение и нужда, а не экономическое благоденствие и культурное процветание. Потому и происходят тогда революции, что нет иной возможности изменить нестерпимые условия жизни и жителей превратить в граждан. Одно просвещение еще не гарантирует благополучного исхода революции. Прославленный прусский учитель и немецкая аккуратность с организованностью в задачу не облагородили нацистской революции и не предотвратили ее бесславного конца. Конечно, и экономическая разруха,

и безграмотность, и самочинство масс, как и неподготовленность руководителей или упорство западных держав, чрезвычайно осложнили ход февральской революции и фактически сыграли в руку Октябрю. Но не это было решающим.

«Выхода из положения вне окончания войны не было», — подчеркивает жирным шрифтом Шварц. Но и война вовсе не непременно должна была кончиться так, как она кончилась. Истощена была Россия. Но истощены были и Австрия, и Турция, и Болгария, и сама Германия. Шло молчаливое состязание на скорость истощения и на первенство в предложении мира. Временное правительство накануне Октября имело все основания ожидать такого рода предложения. Отказ России от Константинополя и Дарданелл усилил тяготение Турции к выходу из войны. К тому ее подталкивали М.И. Терещенко из Петрограда и американские дипломаты в Константинополе, — с Турцией (и Болгарией) США не находились в состоянии войны. Мира с Турцией ждали в ноябре. Болгария всегда была наименее надежным звеном в цепи центральных держав. Об Австрии маршал Гинденбург писал в воспоминаниях, что подавляющая часть ее войск «летом 1917 г. была менее расположена к отражению русского наступления, чем в 1916-м году». Австрийский министр иностранных дел Чернин и зять императора Сикст Пармский вели секретные переговоры о мире с Клемансо и Ллойд Джорджем.

И в самой Германии не все было благополучно. О том свидетельствует тот же Гинденбург, жалуясь на постепенное разложение армии и предвидя, что вступившая в войну на стороне союзников Америка чем дальше, тем энергичнее станет развертывать свои силы. Германский министр иностранных дел Кюльман уже нащупывал через испанского посла маркиза де Виллалобара условия, на которых Англия согласилась бы заключить мир. Это было в конце августа–начале сентября. Стороны разошлись из-за Эльзаса и

Лотарингии, которые Вильгельм отказывался вернуть Франции.

Если даже считать, что ожидания Временного Правительства были преувеличены, все-таки каждый лишний месяц, что Россия продолжала держать фронт, увеличивал шансы Февраля на то, что ему, в конечном счете, удастся «съесть» войну. И Шварц признает: «Если бы Временному Правительству удалось продержаться еще немного месяцев и добиться общего мира, демократическая революция была бы спасена». О какой же обреченности в таком случае может быть речь?!

Заслуживает внимания указание Шварца на то, что Ленин «лихорадочно торопил ЦК, требуя от него решения о немедленном перевороте, не дожидаясь созыва назначенного на вторую половину октября съезда советов». «Нетерпение» Ленина Шварц объясняет тем, что «ему начало казаться, что дело идет к соглашению между союзниками (т.е. и Россией) и Германией». Это объяснение полностью совпадает с мнением, высказанным еще в 1934 г. А.Ф. Керенским, и раньше, и сейчас самым решительным образом отрицающим «обреченность» Февраля. В выше цитированной весьма интересной книге Керенский, как и Шварц, подчеркивает совершенно исключительную настоячивость, с которой Ленин в сентябре-октябре «гнал» своих единомышленников к немедленному свержению Временного Правительства. Почему? Потому что никто в России, кроме членов правительства, и не подозревал, что ведутся секретные переговоры о мире. Но Ленину, скрывавшемуся в Финляндии, это стало известно от Ганецкого, который находился в сношениях с германским послом в Стокгольме Люциусом, свидетельствует А. Керенский («The Crucifixion of Liberty», p. 384–386).

Что и говорить, помимо объективных причин, препятствовавших благополучному завершению Февраля, были и личные заблуждения, ошибки, прекрасноту-

шие, непредусмотрительность и прочие дефекты и пороки руководителей. Никто из них этого не отрицал, – а некоторые и печатно это признавали. Но решающим фактором было не это, а – большевики с их обманом, лицемерием, коварством, демагогией и насилием. Непростительной, даже преступно-легкомысленной была терпимость руководителей Февраля к творцам будущего Октября. Но у кого было достаточно убедительных доказательств – англосаксы называют это «evidence» – к тому, что именовавшие себя демократами-социалистами не только питают, но и близки к осуществлению своего дьявольского плана?! В февральскую эпоху они и сами, может быть, не проектировали применение к несогласным заложничества, пыток и массовой «ликвидации». И в начале, и в конце февральской эпопеи будущие творцы Октября отмечали, что Россия стала «самой свободной страной в мире из всех воюющих стран», что она «по своему политическому строю догнала передовые страны» (Ленин), что «нигде у пролетариата не было и нет таких широких организаций» (Сталин). И большевики-историки отмечали то же: Россия «пользовалась максимумом свободы... перешла к почти полной политической свободе... Широкой свободой агитации пользовались представители самых крайних политических течений» (История ВКП(б) под редакцией Ем. Ярославского. Т. IV, с. 52. – 1929).

И против такого строя Ленин и его соратники подняли свои преступные руки, на обломках Февраля воздвигнув свое самовластие – диктатуру партии, монополизировавшей в свою пользу власть. В этом, в удачливой подготовке заговора, замаскированного демагогическим воздействием на утомленные и легковверные массы, ничтожное меньшинство коих вняло обманному призыву, а большинство оставалось пассивным, выжидая и «держа нейтралитет», – в этом был главный

фактор, определивший поражение Февраля и торжество Октября.

В дооктябрьское время большевики неизменно обличали всех других в том, что те хотят гражданской войны или «объективно» к ней ведут. Но когда советская власть почувствовала себя прочно, она опубликовала протоколы Ц.К. и другие документы, свидетельствовавшие с полной очевидностью, что Ленин всячески подстрекал своих единомышленников – что делаешь, делай скорей! А в 24-м году Сталин совершенно открыто признал, что Октябрь «маскировал свои наступательные действия оболочкой обороны для того, чтобы тем легче втянуть в свою орбиту нерешительные, колеблющиеся элементы» (Сочин. 6, с. 342).

Только что опубликованы в «Коммунисте» (№ 1 за 57 г.) интересные воспоминания умершего в 1948 г. Н.И. Подвойского, председателя военной организации большевиков и Военно-революционного комитета в дни октябрьского восстания. Воспоминания озаглавлены «О военной деятельности В.И. Ленина». Здесь описывается исключительный хаос и неразбериха, царившие на большевистском фронте. Волынский и другие полки решительно отказывались исполнять приказы Подвойского, Крыленко и других. Подвойский комментирует: «Я почувствовал, как начал трещать вследствие этого отказа фронт нашей обороны». Положение спас Ленин, его фанатизм и магнетическое воздействие. Обожавший своего лидера Подвойский вспоминает, как «Ленин страшно рассвирепел, лицо его сделалось неузнаваемым, он вонзился в меня своими острыми глазами и сказал, не повышая голоса:

– Вы ответите перед ЦК, если полки не будут сейчас же выведены. Слышите, сейчас же!

Я пулей вылетел из комнаты».

В другом случае: «Ленин вскипел как никогда.

– Я вас предам партийному суду, мы вас расстреляем! Приказываю продолжать работу и не мешать мне работать.

Пришлось примириться».

Это и смешно, и трагично. Такой манеры обращения в свободных политических партиях, конечно, не существовало. Но в октябре 17-го года именно она дала большевикам победу. Волынцы выступили «в поход» на Царское Село и Гатчину – «против Керенского». «Отряд матросов, преследовавший бронированный поезд Керенского, почти целую ночь простоял в ледяной воде, подстерегая этот поезд». Вдохновляясь примером «гениального полководца», как он называет Ленина, Подвойский «настаивал на предании Дыбенко суду» и т.д.

Казалось бы, не подлежит уже спору, кто и какими средствами вызвал Гражданскую войну, приведшую большевиков к «триумфальному шествию по России», по выражению Ленина. Однако и по сей день советская печать воспроизводит версию, самими же большевиками отвергнутую. «Гражданскую войну навязала нам буржуазия. Класс-агрессор напал на мирных людей труда», – пишет В. Перцов, поминая Всеволода Вишневского в «Новом Мире» (№ 9 за 1956-й год).

Жажды свободы и упоения ею оказалось, увы, недостаточно для предотвращения заговора против Февраля и утверждения октябрьской тирании.

«...Всё это может показаться
Смешным и устарелым нам,
Но, право, может только хам
Над русской жизнью издеваться.
Она всегда – меж двух огней.
Не всякий может стать героем.
И люди лучшие – не скроем –
Бессильны часто перед ней».

(«Возмездие» А. Блока)

* * *

Сорок лет, как могу, защищаю я в печати Февраль. Февраль покончил с режимом самодержавия. Февраль подготовил передачу земли трудящимся. Он дал рабочим лучшие условия труда и независи-

мые профсоюзы. Он признал свободу и равенство без различия пола, исповедания, этнического происхождения. Это он организовал местное самоуправление и выборы во Всероссийское Учредительное Собрание на основе последовательной демократии. Это он оформил национальное самосознание России.

И тем не менее память о Феврале тускнеет. Даже непримиримые противники Октября внезапно стали ощущать обреченность Февраля. Но что можно ему противопоставить? К чему может прийти Россия, когда она избавится, наконец, от большевистской тирании? Какие мыслимы возможности?

Монархия? Какая? Английского или скандинавского типа покоится на многовековой политической культуре. Для нее в нынешнюю атомную эпоху уже все сроки упущены. Монархия была, легитимная?.. После сорокалетнего пребывания под советским абсолютизмом как будто выкорчеваны все ее бытовые, психологические и легальные корни.

Если не абсолютизм одной и единственной партии и не абсолютизм монархический, то что же – что вообще мыслимо? Теократия? Но в многоисповедной России и это как будто исключено, даже если этому пережитку Ветхого Завета и удалось бы собрать под свое знамя не только мудрствующих одиночек.

В исторически обозримом будущем единственной перспективой, имеющей за себя морально-политическое и реалистиче-

ское основание и в то же время созвучной как новому времени, так и прошлому России, является возвращение к общим принципам Февраля. Еще в 1929 г. А.Ф. Керенский, заявив себя «непримиримым противником повторения исторической действительности февральского периода русской революции», высказался «против исторически данного Февраля во имя Февраля, *заданного* нам историей» («Дни» № 58).

Это представляется мне правильным и сейчас. И не потому только, что люди Февраля «в дни тягостных раздумий о судьбах родины» утешают себя, что те, кто придут после них, будут удачливее и откроют новую эру в истории России. Нет, мы думаем в то же время, что русский народ и его интеллигенция никогда не переставали стремиться к свободе и справедливости. Как утверждал в самом начале первой революции – 9 октября 1905 г. – Витте, не краснобай, а человек дела, «человек всегда стремится к свободе. Человек культурный – к свободе и праву, к свободе, регулируемой правом и правом обеспечиваемой».

Февраль пытался осуществить это стремление. Это не удалось, как многое не удавалось в русской истории, – как не удалось, по словам Бердяева, дело всей новой истории. Задание не было выполнено. Это бесспорно, но это никак не отменяет нашей твердой веры и убеждения, что вечное в Феврале не может не осуществиться.

Примечания

¹ Летом 17-го года численность германских армий на русском фронте превышала численность их на протяжении всего предыдущего времени, удостоверял отчет русского Верховного Командования от 19 сентября 17 г. союзному командованию. «18 июня численность вражеских дивизий на русско-германском фронте была та же, что 27 февраля (т.е. накануне революции. – М. В.). Когда же бои в Западной Галиции и Буковине были в разгаре, вражеские силы были увеличены на 9½ <9,5> пехотных дивизий. При этом увеличение произошло за счет германцев, число же турок и австрийцев уменьшилось». – Цитирую по книге А.Ф. Керенского «The Crucifixion of Liberty». – Лондон, 1934. – С. 349.

² Свидетельствую об этом не только как современник-очевидец, но и как сопричастный, косвенно, к представленной Родзянко записке. Эта записка опиралась, в частности, на доклад о продовольственном положении городов, представленный государю городским головой Москвы М.В. Челноковым, занимавшим в то же время должность Главноуполномоченного Всероссийского Союза Городов.

В «Дани прошлому» я рассказал, как по инициативе заведывавшего Экономическим Отделом Союза Городов В.Г. Громана произведена была летучая анкета или «моментальный снимок» с продовольственного, топливного и иного положения городов. Анкетёры, и я в их числе, разъехались в разные концы и в десятидневный срок вернулись с итогами своего обследования. По независевшим от меня обстоятельствам именно мне было поручено в экстренном порядке обработать поступившие данные, составить доклад и вручить его Челнокову, уезжавшему в Петроград. Доклад, мною составленный, помечен 10 февраля 1917 г. и был напечатан, – конечно, без моей подписи – в очередном номере «Известий Всероссийского Союза Городов», вышедшем уже после февральской революции.

НАСЛЕДИЕ

Русская революция 1917

В.Н. Ильин

ВНУТРЕННИЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ РЕВОЛЮЦИИ

Памяти жертв русской революции

Статья печатается по изданию: «Возрождение». –
Париж, 1967. – № 192. – С. 70–87.

Тот их, кто с каменной душой
Прошел все степени злодейства.
А. Пушкин

За горами, за долами,
В той стране, которой нет,
Люди злыми стариками
Появляются на свет.
В. Горянский

Первоначально автор имел намерение озаглавить нижеследующий очерк так: «Долой Россию!» Этим бы он ярко и выпукло очертил вполне конкретный и основной замысел – тезис русской революционной идеологии, так же как и ее практической реализации, начиная с Владимира Печерина, автора стихотворения «Как сладостно Отчизну ненавидеть и жадно ждать ее уничтоженья», – и кончая Владимиром Лениным, просто продавшим Россию национальной и уже тогда нацистской Германии.

В 1925 г. в «Евразийской Временнике», т. IV, автором этих строк была напечатана часть его большого труда «Столп злобы богопротивной» – о философии и метафизике русской катастрофы. С того времени он только укрепился в своих отношениях к революции и к миросозерцательным установкам революционеров. Несколько изменена техника мысли и изложения. Революционеры, главный образом марскокоммунисты, так часто указывали на внутренние проти-

ИЛЬИН
Владимир
Николаевич
(1891, имение
Владовка,
Киевская губ. –
1974, Париж) –
философ,
богослов,
критик,
музыковед
и композитор

воречия того мира, который они «обрекли мечам и пожарам», что пора и на них повратить их собственное оружие.

В падшем человечестве – независимо от расы, класса-сословия или социально-политического строя, «времен от вечной темноты» живет темное, даже вовсе черное влечение мазохистического типа к деспоту-садисту и повелителю, настоящему, а не выдуманному тирану, о котором поэтом сказано:

Он спину вам будет бить батожем,
А вы ему стукать, да стукать челом, –
Ой, сраму, ой, горького сраму!

Нужны были долгие века медленно, с перерывами и перебоями щедрого воспитания так наз. масс и самовоспитания и самоперевоспитания исторической власти в духе традиций правопорядка, например в духе римского права. Последнее ведь и само было плодом долгих вековых, в течение всей истории Рима производившихся усилий правотворчества такого особого и специально одаренного народа, как народ римской гражданственности и латинской культуры, который сам в свою очередь получил прививку здорового цивизма от афинской демократической государственности и, главное, от высшего типа культуры, воспитывавшей своих причастников в духе самоуважения и правосознания. К этому уже в христианское время добавилась прививка англосаксонского культурного цивизма с его «либеральным закалом», ничего общего не имевшим с гнилым и гноющим русским псевдолиберализмом в духе гнилого и злого Руссо, от которого пошли Дантоны, Мараты и Робеспьеры, осмелившиеся критиковать английский парламентаризм и либерализм.

В России к середине XIX века наблюдается конфликт двух непримиримо враждебных друг другу течений. Было бы жестоко и совершенно несправедливо, в полном несоответствии с фактами считать русский народ неспособным к государственности и к правотворчеству. Первый период русской истории говорит о совсем

другом. Россия и русский народ на самой заре своего исторического и культурного существования знали и правовое народовластие, и тяготение к здоровому правопорядку. Вспомним Киевскую Русь, «Господина великого Новгорода» с его «меньшим братом» Псковом, Архангельский север, давший Ломоносова и никогда не знавший ни рабства, ни крепостного права, общий дух человеколюбивого устройства жизни, шедший как сверху, так и снизу и выразившийся, напримр, в установке наших первоначальных летописей и таких памятников, как знаменитое «Поучение» Владимира Мономаха, или «Изборник» Святослава, или не знающая ни смертной казни, ни телесных наказаний «Русская Правда». В те времена Западной Европе было далеко до гуманности, народовластия и свободлюбивого понимания княжеской власти, равно как и роли Церкви в общем высоком строе культуры на Руси. Тяжкая рука исторического рока в виде нашествия Азии на Евразию (из чего выяснился резкий контраст между обеими) не пощадила начинавшейся великой, быть может, по замыслу, величайшей культуры западно-восточного синтеза. Гениальной, но бесчеловечной, утонченно жестокой и расистской Византии далеко было в понимании гуманизма до русского православного Христианства, – не говоря уже о шире всеобъемлющего русского духовного синтеза. Из жестокого, длившегося два с лишним века испытания, которое в сущности должно было бы стереть с лица земли находившихся между молотом западного латинства и наковальной нехристианской Азии Россию, Русское племя и русскую культуру, Россия вышла, даже окрепши. – Не раз в ее истории «тяжкий млат, дробя стекло, ковал булат». Но были и изъяны в этой воскресшей с новым ликом и возникшей как бы наново Руси. Такой изъян – *усеченное правосознание*. Учение это было тесно связано с возникшим в порядке жестокой государственной необходимости военно-крепостническим государством, совершенно противным духу русской

ВНУТРЕННИЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ РЕВОЛЮЦИИ Памяти жертв русской революции

нации, законопослушно, хотя и с перебоями и взрывами несшей эту жестокую необходимость, всегда переживавшуюся и народом, и элитой как нестерпимое зло.

Наращение и совершенствование правосознания шло на Руси параллельно с изживанием крепостного права. Наконец, за актом 19 февраля 1861 г. последовали Судебные установления все того же светлой и святой памяти Царя-Освободителя и его плеяды. С 1864 г. девизом общественной жизни в Российской Империи становятся два принципа:

- 1) свободный труд – залог домашнего благосостояния и блага общественного;
- 2) правда и милость в судах.

Реформы, до неузнаваемости гуманизовавшие общий, жестковатый стиль Империи Великого Петра, – стиль всюду тогда господствовавшего просвещенного абсолютизма – должны были увенчаться возвращением к древнерусскому народоправству. К этому шло...

Но не об этом, а о совершенно противоположном мечтала революционно-социалистическая интеллигенция и многие вывихнутые мозги так наз. «образованного» общества. Это было течение прямо противоположное милостям, шедшим к русскому народу с высоты верховной власти, заканчивавшей процесс своего и народного перевоспитания.

Революционно-социалистическая интеллигенция мечтала о следующем:

- 1) о контросвобождении, т.е. об акте, прямо противоположном акту 19 февраля 1861 года, – о новом, на этот раз вечном закреплении *всего русского народа социалистической каторгой*;

- 2) о предельной неправде и смертоносном бесправии – вечном гнете над личностью и ее трудом, пока то и другое не будет стерто с лица земли.

А вместо народных представителей, строителей и устроителей родной земли, кто явился пред очи доброжелательнейшего из бывших на Руси монархов в первых двух

«парламентах», – только и мечтавших превратиться в кровавый и грязный «конвент», наполненный чем-то «sordide», по выражению Нострадамуса? Террористов, невежд, не только ничего не знавших, но и не хотевших ничего знать, «рано сошедших со школьной скамьи» студентов и гимназистов, школьников начальных школ, от «занятия политикой» растерявших и без того свой скудный багаж, – вот что и вот кого «выдвинула» наша интеллигентщина, обманувшая «умный, добрый наш народ», но народ наивный, для которого «печатный каждый лист быть кажется святым»... Народ и не подозревал, что печать превращалась в невежественную и продажную старую шлюху, подвергавшую остракизму все действительно «разумное, доброе, вечное» и предлагавшую народу вместо этого отвратительное пойло, густо замешанное на безумном, злом, скоропреходящем... Вот кто повел массы в 1905–1906 гг., вот кто окончательно обрушил эти массы в «ров погибельный» «великой бескровной» 1917 г.

Если многие свыклись с этим ужасом, то многие, еще большие числом с этим помириться не могут. Но пусть запомнят губители и палачи России и ее народа: если сознание со многим мирится и многое прощает, то *подсознание ничего не забывает и ничего не прощает*...

Между 1596 г. (год Брестской унии) и 1917 г. обстоятельства сложились так, как будто бы был поставлен вопрос: должно ли истребить все православные народы во главе с племенами русскими или же предоставить им некоторое, сильно усеченное существование на положении париев, лишенных даже права на собственный язык и на национальное бытие? И до нашего времени очень многие так называемые культурные народы (и идущие у них на пристяжке прислужники, а то и просто откровенные лакеи) колеблются между этими двумя альтернативами, склоняясь скорее к первой, т.е. к полному отнятию

права у русских на существование, на культуру и даже на язык и шрифт.

К этому, в сущности, и свелся также и внутренний смысл и энтелехия войны 1914–1918 гг., войны 1941–1945 гг. и революции «открытой» (мы именно настаиваем на этом термине «открытия»), дляншейся по сей день.

Конечно, легко указать на компартию и марксизм, которые в качестве «недреманного ока» и так сказать «злого черного лжепровидения» заинтересованы тем, чтобы доставшийся им и ими оккупированный плацдарм мировой революции продолжал служить революции – своему назначению. Это так. Ну, а в самой партии и в самом марксизме и в ему предшествовавшем народничестве-эсерстве, кто или что поддерживает эту злую и разрушительную, черную энергию «негативного провидения»?..

В конечном счете мы приходим с удивительной последовательностью к выводам, составляющим единый морфологический комплекс. В основе «черного антипровидения» лежит революция, направленная на уже существующее и прочно устоявшееся бытие.

Сама эта революция представляет основную и первичную форму зла вообще. *Нападающей стороной, «первоагрессором» всегда и при всех обстоятельствах оказывается революция, и инициатива злодеяния – ключи небратского и немирного духа, ключи человеконенавистнической и богоненавистнической вражды, бездны злонамеренного мучительства всегда в руках революционеров.* Можно даже сказать, что инициатива изготовления этих ключей, раскрытия, разверзания бездны небытия принадлежит революционному духу.

Проблема революции, особенно ее метафизики, морфологии и генезиса, в последнем счете сугубо *богословская* и относится к той части богословия, которая именуется *амартологией*, т.е. учением о грехе и зле.

Философствуя на революционные темы, или, лучше, на темы революции, никогда не следует забывать того, что ее

внутренние противоречия вытекают из ее основного качества, которое можно назвать *дурной монолитностью* или *дурным монизмом зла*. Это значит, что в ней *злые средства и злые цели вполне совпадают*. Сюда отнесем и тот факт, что основное орудие революции – это злое триединство *лжи, клеветы и лицемерия*. Этим и вызывается то, что злые средства в силу их монизма и попрания духа любви приводят к самоубийственной ненависти в ней к своим же, к самоистреблению революции и революционеров. Действительно, если мораль любви заключается в том, чтобы поступать согласно принципу распространения и генерализации каждого моего поступка в смысле общего правила и общей закономерности моего поведения на благо всем, то антимораль ненависти (равно как и сюда относящиеся ложь, клевета и лицемерие) заключается в том, чтобы действовать и поступать так, чтобы каждый данный революционный поступок, поскольку он должен быть чисто революционным, – не мог бы быть генерализован и прежде всего не мог бы быть обращен на самого «поступающего». Никакой человек не может пожелать себе, чтобы ему постоянно лгали, постоянно на него клеветали, с ним постоянно лицемерили, чтобы у него постоянно крали и чтобы ему на каждой шагу угрожала смертельная опасность от какого-либо убийцы. А между тем революционер поступает именно так. Этим и объясняется, что по закону сочетания действия с противодействием революционеры создают свою совершенно особую, поистине адскую сферу, где господствуют ложь, лицемерие, убийство и проч., не только по отношению к тому, что с их точки зрения представляет так наз. «старый мир», обреченный ими на уничтожение, но и на них самих, ибо очень легко доказать, что они сами произведения этого самого «старого мира», только в его самых низкопробных, дурных качествах. Отсюда и возникает основное противоречие революции.

ВНУТРЕННИЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ РЕВОЛЮЦИИ Памяти жертв русской революции

В царстве революции и революционеров все обстоит как в старом ими употребляемом мире, но в предельно дурной степени. Все по-прежнему, но только гораздо хуже. Все обстоит так, как будто революция и революционеры хотят увековечить все самое дурное в ветхом, действительно обреченном на уничтожение «старом мире», все то, что его осуждает, искажает, губит, – и губить, уничтожать все то, что в «старом мире» есть истинного, доброго, прекрасного, вечно юного, вечно обновляющегося и совершенствующегося – в чем и состоит сущность жизни. Отсюда и постоянное лицемерие...

Нам уже неоднократно приходилось доказывать, что *убийственная ненависть, характеризующая революцию и вообще зло, в силу самой антионтологической и деформирующей природы зла и ненависти – обязательно направлена против всего благого во главе с высшим Благим Существом, – направлена против Истины, Добра и Красоты. Но не надо особенно трудиться логически и диалектически, чтобы доказать, что даже и любое явление, именуемое нами злым, держится какой-то еще не погибшей в нем, еще не ушедшей частицей добра, бытия. Поэтому, если то, что я, скажем, ненавижу, и то, что я желал бы истребить, существует действительно как зло, то единственное средство истребить его в качестве злого, это *поддерживать и раздувать в нем любовь искру заключающегося в нем добра, покуда оно не разгорится ярким пламенем.**

Но в 1917 г. случилось нечто по всем пунктам противное не только любви, но даже элементарному здравому смыслу, элементарному чувству самосохранения – как в правящем и в интеллигентском слое (народнически-эсерско-марксистском), так и в «управляемых» так наз. «массах»: *народ-самоубийца пошел навстречу своим собственным убийцам-палачам, отдав им себя на уничтожение, на «поток и разграбление», говоря языком «Русской Правды». «Никто же плоть свою возненавидя,*

но питает и грет ю», говорит св. ап. Павел, указывая тем самым, что элементарное чувство самосохранения есть норма, установленная Самим Создателем и Ему угодная. Можно стоять выше этой нормы, кладя «свой живот за други своя» согласно вершине любви, указанной Евангелием. Можно быть и ниже этой нормы, заболев преступно-греховным самоубийственным, *«натащенным на себя» безумием.*

Подобного рода состояния в порядке индивидуального безумного греха наблюдаются довольно часто. Но случаев коллективного самоубийства целой нации, подобного Русской катастрофе 1917 г., мы в истории почти не знаем. И невольно в голову приходит мысль: не есть ли все это прелюдия к той финальной катастрофе, которая ожидает все человечество и с ним весь земной шар?.. Тем более что все ныне происходящее, начавшееся в 1914 г., в эпоху антропологического взрыва, срыва, обвала, очень похоже на опыт, или, если угодно, на начало того *общечеловеческого коллективного самоубийства*, которое в конце XIX века рекомендовал совершить очень известный и очень талантливый многоученный философ Эдуард Гартманн (синтез Шопенгауэра и Гегеля), а в искусстве – Рихард Вагнер. К этому же типу людей, несмотря на все их несходство в деталях, мы отнесем Фридриха Ницше и нацизм с коммунизмом, вообще, весь тоталитаризм во главе с Лениным и Гитлером.

Если принять во внимание самоубийственное, под предлогом, видите ли, деловых перспектив – «деньги не пахнут», «торговать можно и с чертом» и проч. – способствование русской катастрофе и ее виновникам, способствование китайской катастрофе, снобирование вокруг этого общевосточного истребительного пожара, то за всем этим вырисовывается гигантский и зловещий призрак *«духа самоуничтожения и небытия», призрак мирового, а не только общечеловеческого греха – зла и его истока...*

Осуждают, как правило, «падшую женщину», но не трогают того, кто первый толкнул ее на этот путь, и тех, кто, пользуясь ею, укреплял ее на погибельном пути... Словом, хорошо известный символ гнуснейшего лицемерия... Впрочем, мы знаем, или, вернее, на наших глазах происходило, происходит и, если Бог попустит, будет происходить и нечто еще более вопиющее по бесстыдному, гнилому цинизму...

Мы говорим «если Бог попустит», ибо Бог есть «Испытующий сердца и утробы» и Он, попуская быть свободе, попускает и всем вытекающим отсюда последствиям, – конечно, вменяя их в полную ответственность, до Ему одному известного «кайроса», т.е. момента, когда «все будет взыскано до последнего кодранта». Когда? – «Не ваше дело знать времена и сроки, которые положил Отец в Своей власти» (Дян. 1, 7). Заметим, кстати, что это был ответ Господа на вопрос: «Не в сие ли время, Господи, возстаешь Ты царство Израилю?» (Дян. 1, 6).

Тайна «левого разбойника», не показавшегося, т.е. не изменившегося в своих мыслях, морально-духовных установках и делах, есть тайна Предвечного Судьи, Судьи Праведного, «испытующего сердца и утробы», т.е. тайна личности, ее персонального стояния или падения перед лицом Божиим: «своему Господу стоит или падает». И делать эту тайну общим достоянием, «социализировать» ее (чтобы употребить меткое слово Н.А. Бердяева) невозможно, нечестиво и самого «судящего» ставит в ранг «вора и разбойника», самозванца, присваивающего себе прерогативы Всевышнего Судьи. Но «пути и перепутья», установки, ведущие в жизнь вечную, или «в смерть вторую», нам указаны. И здесь, как и в земном суде, «незнанием закона не отговариваются»...

Ибо закон Божий «написан в сердцах человеческих» Самим Логосом Божественным – и горе ненавидящим Логос, тем, которых древний мудрец и его гениальный ученик называли «мизологами» – ненавистниками Логоса. Те противоречия, в кото-

рые они впадают, – совсем не те, которые можно и должно назвать *противоречиями полноты* и «*антиномиями*», не противоречия «*истинной диалектики*», которая, по слову автора «Феноменологии духа», движет вперед, но дурное противоречие, намеренно развращающее всякую мысль, то, которое, по Достоевскому, объявило свое «*право на бесчестье*». Таковы противоречия *русской революционно-социалистической интеллигенции*, с тем ее нечестивым чувством своей безгрешности и своей безошибочности – «*райских без грехопадения в себе людей*», – что с такой остротой и новизной после Достоевского было отмечено комментатором «Легенды о Великом Инквизиторе» – В.В. Розановым и другим комментатором – Н.А. Бердяевым.

Никогда не следует забывать того, что «левый разбойник» сам себя лишил права на личный суд, на личное стояние перед Богом, *отвергнув и Бога, и Личность*, а потому и оказался беззащитным перед судом и суждением публично-правовым, перед судом того, что Георг Иеллинек так удачно наименовал «*этическим минимумом*». «Суд без милости для не оказавшего милости», говорит св. ап. Иаков. И потому, по адресу тех, кто отверг объективную логику и субъективные права, защищаемые публичной властью («субъективное публичное право»), мало того, провозгласил не только «свое право», но даже обязанность («категорический императив навыворот») убивать невинных только по той причине, что они принадлежат к классу, ими обреченному на исчезновение, или к иному типу мышления и мироощущения, – к людям с таким воззрением и мироощущением мы имеем право применить логику, т.е. *суд без милости со стороны этического минимума*. Воистину заслужили они того, чтобы их «алюминиевый публичный дом» (см. у Чернышевского в «Что длать») был сметен и развеян в прах вместе с теми, кто пытается все это оправдывать и видеть святыню там, где только «мерзость запустенья».

ВНУТРЕННИЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ РЕВОЛЮЦИИ Памяти жертв русской революции

Начать с того, что они во всеуслышание объявили «уничтожение Отчизны» своей основной целью. Эсерское отнятие у России ее имени с заменой его бутафорской «Страной и революцией» закончилось сквернословной «Гризсерией» с бесчисленным рядом других «копролалических» переименований, означавших, что отныне на месте бывшей правовой *царско-императорской России* водворяется *перманентный концлагерь, каторжная тюрьма для всего населения, лишения всех прав, включая сюда и право на жизнь*, ибо последняя оказывалась в руках каждого из тьмочисленных палачей, заменивших нормальное правительство Земли Русской.

Неоднократно философами и богословами указывалось на паразитарный характер зла и его «изобретателя» (говоря языком св. Григория Нисского). Такой же паразитарный и предельно эксплуататорский характер имеет и революция (как в ее народнически-эсерском аспекте, так и в аспекте марксистско-меньшевицко-большевицком). Чтобы было что ненавидеть и разрушать, сначала должно существовать *ненавидимое и разрушаемое*. Положение революционеров в качестве безбожников и человеконенавистников метафизически совершенно безнадежно. Происхождение их беспредельной зависти, злобы и ненависти очень легко объяснить согласно Адлеру – стремлением *компенсировать злодеяниями чувство своей неполноценности* (Minderwertigkeitsgefühl, что не совсем верно переведено как «чувство собственного ничтожества», хотя в глубинно онтологическом смысле такой «комментирующий» и неточный перевод верен, как передающий «суть» дела). Чтобы существовали безбожные и человеконенавистнические духовные установки и психические эмоции этого рода, необходимо, чтобы уже существовал и Бог, и Человек, и Богочеловек. Тогда есть что ненавидеть и разрушать,

есть на что клеветать и над чем измываться... Это так. Но есть и нечто другое, скорее относящееся к плану социально-политическому, который революционеры отмежевали себе в привилегированное пользование.

Действительно, если, скажем, до конца разрушить ненавидимую лютейшей истребительной ненавистью свою родину Россию, как Владимир Печерин:

И в разрушении отчизны видеть
Всемирного денницу возрождения,

то тогда кучке «профессиональных» революционеров легко подпасть под действие знаменитого принципа: «Я тебя породил, я тебя и убью». Это и грозило им личной смертной опасностью со стороны тех держав, которых нанятыми лакеями они были по части разложения русской армии и уничтожения Русской Державы. Так это едва и не случилось с ними сначала от Германии Вильгельма II и Людендорфа (всегда мечтавшего о русской революции, как о единственном средстве сокрушить Россию), а затем III Рейха Гитлера, его генералов и его *гестапо*, скопированного, кстати сказать, с большевицкой *чеки*.

Маршал Тухачевский, герой советско-«пилсудской» войны (которую полякам удалось превратить в русско-польскую войну), был расстрелян Сталиным по проискам и доносам разной международной мрази. Многие лучшие офицеры советской армии, силой обстоятельств и диалектикой исторического процесса превращавшейся в Армию Русскую, также были расстреляны Сталиным. И это совсем не в порядке его личной деспотии, но в порядке заострения коммунистически-социалистического террора против уже тогда намечавшихся признаков возрождения и оздоровления русского народа, хотевшего вновь обрести свое славное, слишком тысячелетнее имя и свою древнюю Державу, столь ненавидимую большевиками и всей

кликлой «в борьбе обретавших право свое», т.е. право на уничтожение России, убиение ее народа, разрушение и погром ее культуры. Сталин был только верным исполнителем и так сказать равнодействующей всей этой «негодной смеси», начиная с убийц 1 марта 1881 г.

И вот, несмотря на то что Сталин вел себя как патентованный государственный изменник-германofil (это теперь вполне выяснилось и не затушевать этого никаким неосталинистам), внешний враг все-таки напал на территорию России. Что этому скопищу революционных пораженцев оставалось делать, как не русскими руками, проливая потоками русскую кровь (часто без всякой военной нужды, но «принципиально»), вести войну со своими господами, создателями и благодетелями?

Итак, еще одно внутреннее противоречие революции заключается в необходимости соединить свои судьбы, т.е. судьбы революционеров, с судьбами обыкновенных русских людей, в то время как, согласно определению эсерки Кусковой, они, революционеры, – «люди особой кости, *особого миропомазания*», т.е. небожители, высшие существа, которых теория и практика как бы есть само провидение.

Конечно, духовного противоречия между Гитлером с К^о и ленино-троцкистско-сталинистским красным клоповником нет никакого и в духовном отношении все тоталитаристы похожи друг на друга: два сапога – пара. И в историческом смысле враг у них общий – Русский Народ, его Держава, вера и культура. Расхождение начинается на почве борьбы этих стервятников европейского империализма и европейского марксизма за овладение кровавыми останками, за то, «кому мешок нести», говоря картинными словами Федьки Каторжного. А в мешке – труп России, церковные и кое-какие еще другие ценности... Вот Федька Каторжный и «согрешил маленько», облегчил сторожа, союзника...

Трагически-аскетический характер русского искусства несомненно связан с траги-

чески-аскетическим характером русской истории – самой мучительной из всех нам известных, как по внутренним, так и по внешним ее процессам. Русский человек даже в порядке индивидуальном почти всегда – во всяком случае очень часто – как бы в миниатюре повторяет в личной своей судьбе судьбу своей Родины, ставшей в своих песнях как бы тезоименитой великой печали и тоске. И Русскому Народу в его совокупности, en bloc, и отдельным людям, особенно если они чем-нибудь действительно и по-настоящему выдаются, приходится постоянно повторять знаменитые стихи «Фауста» Гёте:

Встаю я утром полн страданья
О том, что долгий день пройдет
И мне, я знаю наперед,
Не даст свершить ни одного желанья.
Мгновенье радости почую лишь душой –
Вмиг жизни критика его мне разрушает
И образы лелеянные мной
Гримасою ужасной искажает.
Когда же ночь спускается, и мне
С тоской в постель приходится
ложиться,
Не знаю я покоя и во сне:
Ужасный сон мне будет сниться.

Вечное препятствие на путях реализации, осуществления «внутреннего Слова» вовне, вечное стояние «У врат царства» с вечным внутренним или внешним отказом – отречением, даже тогда, когда для этого нет никаких ни внутренних, ни внешних оснований и запретов: кажется, нет в мире, не было и, по-видимому, не будет другого народа, который так бы был всегда готов бежать от счастья, от радости, от наслаждения, как Народ Русский, столь наклонный к самоубийству – есть в нем семьи с тремя и четырьмя самоубийцами...

И все это наконец завершилось самым бессмысленным из коллективных, общенародных самоубийств – февральско-октябрьской революцией 1917 г., – в *полном смысле «у врат царства»*, с отречением от престола – самоубиением кротко-

ВНУТРЕННИЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ РЕВОЛЮЦИИ Памяти жертв русской революции

го, тихого и культурного Русского Монарха, в царствование которого должны были осуществиться и в очень большой мере осуществлялись все или почти все исторические задачи России и она наконец должна была бы по праву отдохнуть и насладиться покоем после тысячелетней своей страды... Но вот...

Можно сказать, что одаренность русского народа вполне адекватна его жестокой судьбе. Словно все силы ада, вся «чернь бытия» мобилизовались под воздействием шута горохового, сначала в виде жалкой бездарности – Вильгельма II, потом Ленина и Гитлера, для того чтобы Божиим попущением свершилась Иовлева судьба уже над целым народом...

То правда, что Иовлева судьба, судьба пророка Иеремии есть почти всегда судьба всякого гения – «всякий гений печален», согласно Аристотелю. На эту тему много размышляли и писали лучшие головы...

Не смеяться, не плакать, не ненавидеть, «но только понимать» – таковы требования, предъявляемые Спинозой истинному философу. Но по существу дела все выходит совсем по-другому в применении к революционерам и их писаниям. Революционер и преследуемый им свободный исследователь – подлинный ученый или подлинный философ – находятся в положении сражающихся неравным оружием. И прежде всего революционный интеллигент может себе позволить легчайший выход из любого затруднительного положения, в которое его поставит действительность или более искусный спорщик в диалоге: *простое игнорирование* или же (если это окажется возможным) *прямое насилие над действительностью и над совопросником*.

Выставив лозунг «Долой Россию», надо было сделать и все выводы из этого лозунга. Согласно известному логическому правилу, именуемому «правилом обо всем и ни о чем», то, что утверждается о целом, должно утверждаться о частях, входящих в

состав этого целого, и то, что отрицается за целым, должно отрицаться и за частями этого целого. В сущности, это есть основное правило как индуктивной, так и дедуктивной логики, равно как и основное правило силлогизма. И когда, согласно этому правилу, в известном «Разговоре о логике с социал-демократом» В.Ф. Эрнэ (в его сборнике «Борьба за Логос») социал-демократ во всех своих положениях был приведен к абсурду или к противоречию с самим собой (через сократический метод), то глупый и злой социал-демократ (по нашему времени – большевик) отправил к черту логику и испытал несомненное желание во второй раз отравить Сократа (подобно тому как «Великий инквизитор» испытал желание во второй раз умертвить Христа).

Особенно действие этого логического правила дает себя непосредственно и больно чувствовать по принципу «угодно ль на себе примерить», когда речь идет о праве и нравственности. В самом деле, всякая этика и всякое правосознание, всякая правовая культура, заслуживающая этого имени, заключаются в том, что можно назвать «*принципом взаимности*». Богословскую формулу этого принципа мы имеем в Евангелии: «во всем как вы хотите, чтобы люди с вами поступали, поступайте так же и вы с ними». Философскую формулу этому «принципу взаимности» дал впервые просто и изящно Кант в «Критике практического разума»: «Поступай всегда так, чтобы каждый твой поступок мог стать общим правилом поведения всех людей» и, следовательно, повращен на самого действующего. Революционеры и все, кто принял их «программу» и способ действия, как уже сказано, сами, рано или поздно, но *обязательно* делают жертвами своей собственной и ими же *генерализированной непорядочности*. И апеллировать им не к кому и не на кого – нет субъекта правосознания, да нет и самого правосознания.

В марксизме его и быть не может, ибо право объявлено надстройкой над экономическими отношениями, где, кстати сказать, нет ни субъекта, ни объекта, а есть лишь того типа отношения, какие бывают между частями машины. Но в таком случае не может быть и речи ни о какой морали, ни о какой эксплуатации, которая есть понятие морально-персональное и возникает на почве морально-персонального подхода к экономическим отношениям, возникающим внутри общества. Не может быть понятий ни натурального, ни субъективного публичного права (то есть субъективно-личных прав защищаемых публичной властью), не может быть и государственного права, ибо государство – тоже «надстройка» над экономическими отношениями, не говоря уже о том, что не может быть ни национального государства, ни, вообще, понятия нации, которая целиком и без остатка поглощается понятием борющихся групп и классов. Что же касается пресловутого эсерско-народнического принципа – девиза или лозунга – «в борьбе обрешь ты право свое», то оно есть право, вернее, бесправие голого факта: «кто палку взял, тот и капрал».

Такая установка должна быть названа систематическим потемнением и развращением морально-правового сознания с перспективой его полного уничтожения впереди. Это надлежит признать результатом полного морально-правового одичания, даже озверения, хуже того, – «одьявления» и вобесовления сознания, что мы и видим в «теории» – в «Катехизисе революционера» Нечаева-Бакунина (если только эта систематизированная уголовщина и право на бесправие и бесчестье могут быть названы «теорией»), и в «практике», напримр, нечаевского дела, легшего в основу фабулы «Бесов» Достоевского, или в травле Варфоломеем Зайцевым проф. Владимира Онуфриевича Ковалевского, знаменитого палеонтолога, доведенного до самоубийства, короче – в «теории» и «практике» *чеки*, которая есть

типичный инструмент русских революционеров. По их замыслу, этот инструмент должен функционировать перманентно, наподобие «комитета общественного спасения» и «революционных трибуналов» французской революции, где массовая гильотинная «мясорубка» есть средство уничтожения неугодных правящей революционной секте групп населения с превращением трех четвертей страны в каторжную тюрьму и, наконец, «в кладбище», как об этом во всеуслышание заявили Робеспьер, Сен-Жюст и К^о. Этим, кстати сказать, начисто отменяется сам принцип классовой борьбы, диктатуры пролетариата и, тем более, диктатура крестьянства, хотя бы и «беднейшего» (как определить это «беднейшее крестьянство»?). Это то, что проф. П.И. Виноградов определил как «воспитание общества с помощью террора в духе новой религии и новой нравственности». Но аксиомой должно считать, что *террор не только не есть средство воспитания, ни даже средство классовой борьбы, а систематическое развращение и уничтожение человека как Homo sapiens и превращение его в бессмысленную и бессловесную «тварь дрожащую», где в крови и страданиях, в перманентном аду потоплены и уничтожены все классы, все кланы, все сословия и откуда с неизбежной логикой вытекает самоистребление революционеров, что и осуществилось на деле.*

Это – последний этап революционного процесса, где до конца выявлена внутренняя противоречивость и самоубийственная псевдодialeктика революции, оказавшейся насильственной идеократией и борьбой за власть.

Нет никакого сомнения в том, что не случись революции – все уничтоженные революцией революционеры продолжали бы жить, писать и печатать, иногда с некоторыми, быть может, цензурными и публично-правовыми затруднениями (очень редкими и мягкими), – но и все. Да и сама так наз. «классовая борьба» может осуще-

ВНУТРЕННИЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ РЕВОЛЮЦИИ Памяти жертв русской революции

ствляться лишь в условиях некоммунистического и несоциалистического государства, равно как и интересы трудящихся могут защищаться реально тоже только в условиях правопорядка, т.е. правового общества-государства, нетоталитарного, несоциалистического и, тем более, некоммунистического типа. *Этот парадокс бесправия трудящихся в тоталитарных, номинально рабоче-крестьянских и пролетарских коллективах тоже принадлежит к самым вопиющим внутренним противоречиям революции, тоталитаризма, социализма и коммунизма.*

Если додумать эту псевдодialeктику революции до конца, то мы придем к открытию в ней принципиального зла и принципиальной ненависти, на основе которых творить ничего нельзя, но можно только разрушать, нельзя животворить, но можно только умерщвлять. Поэтому весь смысл революции в том, что в ней *видимо царит олицетворенное в партийцах зло, воплощающее себя в ненависти ко всем и ко всему.* Ибо «товарищеская солидарность» отнюдь не любовь и тем менее не «любовь беззаветная к народу», но *общинничество в злодеяниях.*

Народник чернопеределец Серно-Соловьевич, любовно переизданный большевиками, прямо-таки мечтал об океанах невинной крови и о горах трупов ни в чем не провинившихся против революции людей. Об этом же рассуждает «Катехизис революционера» Нечаева-Бакунина, который есть школа самого безоглядного палачества, и *только палачества,* — как они сами в этом с бесцеремонным цинизмом сознаются.

Поэтому-то *революция и есть принципиальная антилюбовь, т.е. принципиальный атеизм и даже не атеизм, но «антиатеизм», т.е. сознательная ненависть к человеку и тем самым — к Богу-Любви, существование Которого, тем самым, косвенно исповедуется.*

На основании сказанного можно с полной последовательностью дать *феноменологию зла*, что в высшей степени важно для философии богословия. Для этого достаточно обратить в свою противоположность атрибуты любви, приведенные св. ап. Павлом в 13-й главе первого Послания к Коринфянам.

«Революционер не знает терпения, немилостив, завистлив, превозносится, гордится, бесчинствует, ищет своего, раздражается, мыслит зло, радуется неправде и не радуется истине. Ничего не покрывает, ничему не верит, ни на что не надеется и ничего не переносит».

Теперь понятен дух ненависти и подозрения к своим, всегда соединяющийся со стремлением обвинить и убить невинных.

Теперь легко также ответить на вопрос, почему с такой легкостью эсерская революция уступила свои позиции чекистскому марксокоммунизму, и тоже эсерское («черновско-керенско-вишняковское») «Учредительное Собрание», которое, казалось, было целью революционного движения XIX века и обеих эсерско-марксистско-анархических революций 1905 и 1917 гг., дало себя разогнать матросу Железняку, и почему с такой же легкостью начались затем расправы над крестьянами и рабочими, почему с такой легкостью возвратилось крепостное право в формах, о которых не было и речи в предшествующие эпохи — до 19 февраля 1861 г.

Все это произошло потому, что якобы «рабочее-крестьянский» характер русской революции с самого начала был ложью, левоинтеллигентской подделкой и лицемерием. Это также не должно нас удивлять, ибо принцип так наз. «святой лжи», максимально использованный Лениным и по сей день остающийся основным средством марксокоммунизма и компартии, вообще всегда был основным методом революции, уже в ее народнически-чернопередельской и эсерской стадии. Сюда же надо отнести и использование

невежд, малолетних (притом в огромном большинстве крайне некультурных и невежественных) и дефективно-дегенеративных, и психопатологических элементов населения, численность которых на авансцене истории резко возрастает ко времени назревания революционных абсцессов и эксцессов, из средства превращающихся в цель, что характерно для всякого политического террора.

Из этого, кстати сказать, видно, что по всей вероятности Светлана Аллилуева совершенно права и в злодояниях Сталина-Ежова виновата *главным образом вся компартия и, вообще, вся революция.*

Не социальный переворот, не преобразование производственных форм, не установка на предельный социальный радикализм есть цель и движущий мотив компартии и русской революции. Все это служит тем же, чем была для них Первая мировая война, которой они тоже так страстно желали и где марксокоммунизм плюс народничество-эсерство заняли безоговорочно германофильскую и пораженческую позицию платных агентов Вильгельма II и разлагателей русской армии. Окончательная же цель марксокоммунизма и компартии – черноспиритуальная (отнюдь не «материалистическая» – в чем тоже внутреннее противоречие революции), и это для компартии уже отнюдь не надстройка, но база. И здесь опять внутреннее противоречие и ложь и лицемерие. *Материалистическая метафизика и воинствующий атеизм – это установки духовные, направленные на борьбу с Богом и высшими духовными же ценностями.*

Но здесь дело обстоит гораздо сложнее, чем бы этого хотелось примитивно мыслящим марксокоммунистам – «митиным» всех сортов. В самой коммунистической организации, так же как и в комическом «диамате», где нет ни материи, ни диалектики, произошло некоторое «дурное усложнение», вернее «осложнение» (в патологическом и психопатологическом смысле слова). Дело в том, что предыдущая русская культура, которую с таким остер-

венением стремятся вместе с ее создавшим населением искоренить или исказить большевики, сообщает безмерную и хаотическую усложненность пошлой элементаршине большевицкого «просвещения» и материалистического атеизма. В коммунистической организации есть нечто более сложное и далекое от экономического монизма (который можно также назвать воинствующим экономизмом), нечто подогревающее в русских условиях и у русской молодежи лихорадочную жажду гигантского строительства, которая получает слабое удовлетворение в более чем скромных достижениях (сравнительно с затрачиваемыми усилиями и жертвами, приносимыми на алтарь нового Молоха). Приняв во внимание силы, размеры и природные богатства России-Евразии, а также русский гений, – о таких «достижениях» лучше и не говорить... А необходимость зубрить идиотскую политграмоту и навязчивые старомодные вздоры диамата, тащить на себе истощающую «партийную нагрузку» – что это как не отвод и раздробление сил «племени младого и незнакомого», которого старые партийные фанатики панически боятся и смертельно ненавидят, желая ему всякого зла, ослабления и даже полного уничтожения... И сколько тратится гигантских усилий впустую на бессмысленное и злое воздвижение нелепых препятствий на путях узрения религиозной истины теми душами, пафос атеизма которых готов смениться или уже сменился ярким пламенем православной церковности...

Этот отвод и раздробление сил – несомненное проявление *русофобства*, которое в первую половину позорного пятидесятилетия исходило из всех пор коммунистического отбора и возглавления и проявило себя совершенно цинично и открыто в ряде самых диких высказываний, писаний и действий, а ныне пытается надеть на себя фиговый листок, поминутно спадающий, даже поминутно сбрасываемый – ненависть утаивается с трудом и ненадолго... Сносы церквей, исторических памятников (их осталось, по самым

ВНУТРЕННИЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ РЕВОЛЮЦИИ Памяти жертв русской революции

оптимистическим подсчетам, не больше десяти процентов), распродажа музейных, художественных и библиотечных ценностей (стоит вспомнить Codex Sinaiticus, Коран калифа Омара, добрую половину Рембрандтов, распродававшихся под одобрительное улюлюканье Демьяна Бедного), а немного ранее – издательства над Чайковским, над сюжетом «Князя Игоря», над русской математической наукой и всякой другой наукой (см. статьи Колмогорова и Кагана в первой Большой Советской Энциклопедии), издательства над св. и благоверным Князем Александром Невским (в первой Малой Советской Энциклопедии)... А если к этому присоединить массовые расстрелы и ссылки русских инженеров и вообще спеццов, уничтожение крестьянства, массовые расстрелы русских рабочих, – то все это говорит за себя и доказывает планомерную сознательность действия с обдуманными заранее намерениями, а в начале революции прямо по заказу и приказу внешних врагов России... А чего стоит поздравительная телеграмма, посланная русскими радикальными студентами японскому Микадо по поводу гибели русской эскадры адм. Рожественского при Цусиме или статья «генерала» Галактионова о Фридрихе Великом (в первой Большой Советской Энциклопедии), написанная в таком лакейско-унизительном по отношению к прусскому королю тоне,

что ее свободно можно было бы приписать Гитлеру, Риббентропу, Розенбергу или Геббельсу. С этим организованным русофобством внутренне связано и нечто другое: *стремление возглавлять культурную и хозяйственную деятельность лицами в обратной пропорциональности их дарованиям, знаниям и личной ценности...* Помещение Максимом Горьким никуда не годных стишищ с подписью – «зато написал пролетарий» – очень характерно и навсегда определило основную установку компартии в деле культуры...

Пишущим и по сей день подобные клинические глупости невдомек – здесь прежде всего в глупом положении оказывается сам коммунизм. Но «товарищи» еще со времен шестидесятников на каждой шагу применяют метод, который знаменитый Ф.Ф. Зелинский обрисовал так: «сам в лужу прыгни, но только противника забрызгай»... Будет ошибкой думать, что и за пределами железного занавеса люди специфического лагеря не применяют этого метода...

На этого типа внутреннем (и «внешнем») противоречии людей революции и проповедуемых ими доктрин мы здесь и останавливаемся. Поистине, трактуя тему этого рода, нельзя не вспомнить римского поэта, сказавшего:

«Трудно не писать сатиры» – «difficile est satyram non scribere!»

Библиографические примечания

Ученого источниковедения на темы русской революции до сих пор нет. Пресловутый «*Архив русской революции*» начинается слишком поздно, пристрастен «влево» и очень неполон. Что касается «дооктябрьской» стадии революции, главным образом в XIX веке, т.е. главным образом народнически-чернопередельской и эсерской стадий, то здесь показательную и сугубую ценность имеют документы секретного и полусекретного характера – как самих революционеров, так и полицейских архивов, что надо отнести к собственно *источниковедению* революции. Это и имеет главную научно-историческую и историко-философскую ценность, но этого широкие круги, в том числе образованной и даже ученой публики, не читают и не знают, чем и объясняется главным образом их благожелательный нейтралитет, или прямое сочувствие по отношению к революции – иногда по сей день. Этим также объясняется наивное «разделение» «февраля» и «октября».

Среди этих архивных материалов, изданных революционными эмигрантами и предназначенных для внутрипартийного обращения, наиболее показателен сборник А. Тун «История революционного движения в России». Это якобы «перевод с немецкого» – «под редакцией и с примечаниями Л.Э. Шишко» – очень известного эсера. Издание это типично эсерское с девизом «В борьбе обрешь ты право свое» и с печатью сообщества «Земля и воля» с двумя мечами, заменившими два скрещенных топора (типично *палаческий* символ) Нечаевского сообщества. «Перевод с немецкого» – это для отвода глаз, для целей конспирации и заметания следов. В действительности сборник этот, совершенно напрасно носящий имя «Истории», ибо автор, по-видимому, и понятия не имеет о том, что такое настоящая критическая и прагматическая историография, в главном написан самим Шишко. Но это только увеличивает своеобразную ценность сборника, превращая его в мемуар и автопризнание одного из крупнейших революционных агитаторов-террористов той эпохи. Автор сборника пользуется, между прочим, малоизвестной, теперь совершенно забытой, но имеющей ценность источника книгой, сочувствующего революции Лявина «Введение в историю русского нигилизма» (Lavigne. «Introduction a l'histoire du nihilisme russe», Paris, 1880). Чрезвычайно показательная для революционной лживости и революционного палачества «Переписка Добролюбова и Славутинского» помещена в сборник Модзалевского «Огни» (1918), где много других в этом отношении важных материалов. Эта переписка, равно как и фрагменты из «Катехизиса революционера» и некоторых редчайших писаний Н.К. Михайловского, перепечатаны в первой части большого исследования В.Н. Ильина «Столп злобы богопротивной», помещенного в «Евразийском Временнике», книга IV (Берлин, 1925).

Вопреки существующему ходячему мнению, революция исходит из буржуазно-мещанского духа и кончается обязательно буржуазным мещанством, откуда ее плоский и самодовольный облик, чего во Франции и других местах до революции не наблюдалось, равно как никогда не провозглашался принцип «Обогащайтесь» (*Enrichissez-vous!*) в смысле самой низкопробной чичиковщины, возникшей на Руси в качестве прелюдии к обеим революциям, со включением сюда всякого рода патологии, психопатологии и криминальной антропологии – см. богатейшие исследования д-ра Sabanes и академика Lenotre, людей исключительно добросовестных и объективных с колоссальной эрудицией и техникой научного исследования. Сюда же мы отнесем «Историю большевизма» ген. Спиридовича с ее криминально-антропологическим отделом из судебно-полицейских архивов, ныне в большинстве истребленных.

Из так сказать «классических» сочинений о французской революции мы должны настоятельно рекомендовать знаменитые труды Ипполита Тэна и Эдгара Кинэ. Ставшие чуть ли ни «обязательными» произведения Олара (Aulard), мы решительно отклоняем за их пристрастностью, а главное – партийностью: они вышли из кругов не только всегда сочувствующих буржуазно-санкюлотской и террористической обрядово-регицидной революции, но и делавших ее в разных повторениях и ракурсах. Другой же революции, как мы уже сказали, кроме радикально-мещанско-чичиковской, вообще никогда не было и быть не может. Маркс и Энгельс были типичными буржуа-мещанами, и диктатура ими основанной партии была и по сей день остается *не диктатурой трудящихся, но диктатурой над трудящимися с самой жестокой формой их эксплуатации и с лишением их элементарных прав социальной самозащиты*. Это право существует в государствах и в обществах, где среди общего ныне наблюдаемого падения морально-правового сознания все же сохранились его традиции.

В. Н.

НАСЛЕДИЕ

Русская революция 1917

Д.С. Анин

ЮБИЛЕЙ «ВЕЛИЧАЙШЕЙ МИСТИФИКАЦИИ»

Статья печатается по изданию: Новый журнал. –
Нью-Йорк, 1968. – № 91. – С. 230–244.

I

Люди, события, идеи имеют свои, часто неповторимые, судьбы. Но для исторических судеб отдельных народов и человечества в целом важны не только действительно имевшие место события, цели и действия людей, в них участвовавших, или истинный смысл идей, их вдохновлявших («Как это действительно произошло» – по классической формулировке отца немецкой историографии Ранке), но также восприятие, отношение к событиям, идеям и людям современников и потомков. В свете исторического опыта последнего полстолетия, едва ли приходится доказывать, что действительный ход событий, действия и цели людей, наконец, подлинный смысл идей далеко не всегда соответствовали их восприятию современниками и последующими поколениями. Можно даже сказать (хотя некоторым эта мысль и покажется парадоксальной), что восприятие событий и идей современниками и потомками часто оказывается даже важнее, чем их действительная, историческая канва. «Правдивая» история, основанная на «неопровержимых фактах» и верно переданных цитатах, «историческая» легенда, вымысел, по каким-то неведомым путям получивший право считаться фактом, – как все это часто трудно различимо и взаимно переплетено. Факты, документы, речи, воспоминания, произвольно выбираемые и употребляемые учеными-историками – иногда добросовестными, а часто плохо осведомленными жертвами мистификации, еще чаще сознательными фальсификаторами, – в действительности представляют собой весьма относительную ценность.

АНИН
Давид Сергеевич
(наст. фам.
Азархс,
1913–1979) –
историк русской
революции¹,
публицист

Подобные размышления не могут не прийти в связи с отпразднованным полувековым юбилеем Октябрьской Революции. Действительно, странной, непостижимой, никем не предугаданной оказалась не только судьба этой революции; в неменьшей мере фантастическими оказались ее восприятие и оценка как в самой России, так и за ее пределами. В стране, где она произошла, вот уже почти пятьдесят лет как понимание этой революции внедряется в умы и сердца в виде какого-то лубка, напоминающего трогательные сказки Андерсена. «Хороший», всегда безошибочно-мудрый Ленин, возглавляющий, вездесущий и ведущий героическую партию и рабоче-крестьянский народ; какой-то ставший почти анонимным ЦК (по формуле: «Сталин, Свердлов и другие...»), играющий роль как бы связного между наделенным всеми добродетелями, народом и управляющим им из подполья вождем; «плохие», неумные меньшевики и эсеры, для простоты названные «соглашателями», сознательно или бессознательно выполняющие задания мировой и отечественной буржуазии; юнкера, казаки, корниловцы; смешной истерический «Бонапарт» Керенский; трусливые министры, бездарные генералы, перед которыми вахмистр Буденный, прапорщик Крыленко, матрос Дыбенко и луганский слесарь Ворошилов предстают в виде непобедимых наполеоновских маршалов. В сталинские годы роль Наполеона (многократно приумноженного, разумеется) отводилась самому Сталину. Помнится, на одной выставке, посвященной Гражданской войне, Буденный, осмотрев картины и документы о царицынской обороне, воскликнул (по словам репортера «Правды») в сердцах: «Да, что там Наполеон! Вот Сталин, это да...»

И вот уже пятьдесят лет. Неверно, как это часто утверждают западные историки и «прозревшие» бывшие коммунисты, что организованная и повальная ложь и «культ личности» начались при Сталине. Он насаждался и укреплялся уже при Ленине и Троцком, хотя и тот и другой, будучи людьми более культурными, не допускали,

чтобы этот культ принимал смехотворные и отвратительные формы последующих лет. «Почтительное» подхалимство, привычка наделять вождей добродетелями и талантами, которых у них не было, начали практиковаться и устно, и письменно с самого начала прихода большевицкой партии к власти. Причем, вожди с этим легко мирились, сживались и принимали как должное. У них сразу появились и непрекращаемый тон, и чувство их непогрешимости и грубое самодовольство. Известно, например, что «предложение» Ленина (фактически решение) ввести НЭП, означавшее настоящий переворот в жизни страны, было полнейшим сюрпризом для делегатов X съезда партии и даже для многих ее руководителей. Спорить с Лениным было еще можно, но голоса его противников уже тогда звучали как «гласы вопиющих в пустыне».

Неверно также, что советский лубок о революции упрочился только в странах коммунизма. Им завален, он воспринят и ассимилирован также и критически мыслящим Западом в лице его крупнейших представителей государственного, политического и артистического мира. Почтенный английский историк Карр, человек несомненно талантливый и знающий (об этом говорят хотя бы его писания о Бакунии и Герцене), например, написал многотомную, еще не законченную историю революции и советской власти. Воспользовавшись неопровержимыми цитатами и «фактами», почерпнутыми из официальных источников, Карр, в основном, воспроизвел тот же самый советский лубок. Разумеется, над Карром не висел карательный меч советской «юстиции» и цензуры и он поэтому позволяет себе иногда судить и Ленина, и Сталина как людей, а не как богов. Однако философия, смысл, все выводы Карра о революции и режиме, по существу, мало чем отличаются от тех, которые официально выработаны и санкционированы агитпропом КПСС. Но проф. Карр только один из многих и, вероятно, один из наиболее авторитетных представителей

этой категории историков ввиду его исключительной способности манипулировать советскими цитатами, «фактами» и документами. Жертвами мистификации оказываются даже люди, обладающие, казалось бы, во многих других областях исключительной проницательностью, как, например, Жан Поль Сартр...

Но разве это могло быть иначе? На Западе к факту и документу обычно относятся с большим доверием, а к печатному слову (особенно относящемуся к истории) и с уважением. Тоталитаризм – в жизни, литературе, исторической науке – явление сравнительно новое и по существу малоизученное и плохо понятое теми, кто его не испытал. В западных «русских институтах», находящихся под руководством и покровительством известнейших американских и европейских университетов, ученнейшие профессора и их любознательные студенты часто растрачивают свою энергию на исследование фактов и документов, сфабрикованных пропагандными ведомствами; их часто недюжинные способности употребляются на многолетние писания диссертаций на такие по существу комичные темы, как «народовластие в советской Конституции» или «политическая деятельность советского депутата...» Нужно признать, что в области мистификации Советы чрезвычайно преуспевали и преуспевают. Об этом свидетельствует хотя бы и количество, и качество книг, статей, фильмов, выставок, изданных и организованных на Западе в связи с пятидесятилетним юбилеем. Те немногие трезвые голоса, которые раздавались по поводу отпразднованного юбилея, доходили обычно только до узкого круга людей, уже, по существу, прекрасно осведомленных. Многотиражная печать, радио, телевидение – даже некоторые наиболее читаемые советоведческие и славяноведческие журналы отметили это событие с тем «объективизмом», который в данном случае был совсем не уместен.

II

Время для настоящей демистификации советского опыта в целом еще не наступило. Многие и несомненно самые важные архивные материалы еще недоступны, да и к этим материалам надо относиться с величайшей осторожностью. Попытку демистификации можно предпринять только для начального периода, т.е. для тех революционных дней и месяцев, когда власть еще не обладала полной монополией пропаганды и когда в стране или за ее пределами можно было еще дать иную оценку событиям. Такие попытки демистификации, разумеется, делались в прошлом. Юбилейные торжества, однако, еще раз засвидетельствовали, что эти отдельные попытки или не дошли до более широкой аудитории, или позабыты; кроме того, молодому послевоенному поколению они вообще почти неизвестны.

В этой статье я, разумеется, не намерен ни заполнять какие-то исторические пробелы, ни восстанавливать или «исправлять» какие-то спорные факты, ни тем более дать читателю новые факты. Нет, намерения мои скромнее. Я хочу, во-первых, попытаться сопоставить некоторые особенно явные и грубые несоответствия между восприятием некоторых первостепенной важности фактов их современниками и укоренившимся благодаря систематической мистификации восприятием этих же фактов впоследствии. Другая задача, которую я ставлю себе, это воскресить для читателя ту поистине громадную, решающую и роковую роль, которую в предоктябрьские и октябрьские дни сыграла применявшаяся в те дни Лениным и Троцким тактика сознательного обмана и в отношении их собственных приверженцев, и их временных, вскоре обманутых союзников и пошедших за ними народных, рабоче-крестьянских масс. Кстати, эту тактику вожди и

их историки эвфемистически называли «военной хитростью».

Известно, что официальная большевистская философия или интерпретация революции чрезвычайно проста. В своих некоторых частностях, особенно в отношении ее участников, ликвидированных в сталинские годы, она, разумеется, менялась сообразно конъюнктуре; в основном, однако, большевистская интерпретация революции исходит от Ленина и сводится к определенному числу основных положений.

Согласно этой интерпретации, революцию совершили преимущественно рабочие столицы, начавшие (под руководством большевистской местной организации) уже 18 февраля большие забастовки в Петрограде. К ним вскоре примыкают женщины в очередях, требующие, как и рабочие, мира, хлеба и уничтожения самодержавия. Забастовки и демонстрации перерастают в восстание, которое заканчивается 26–27 февраля полной победой, после того как на сторону «восставшего народа» переходят одни за другими солдаты двухсоттысячного петроградского гарнизона. Последние, иногда самочинно, но преимущественно под руководством большевистской организации создают Советы, становящиеся «органами восстания и зародышем новой власти».

Уже в этом очень суммарном изложении событий и смысла первых дней революции достаточно упрощений и лжи. Немощная в те дни «большевистская организация», во главе которой тогда стояли молодой Молотов (из студентов) и рабочий Шляпников, ничем и никем не руководила. Забастовки были вызваны многими причинами – экономическими и политическими, среди которых можно назвать и арест представителей рабочих в военно-промышленных комитетах (меньшевик-оборонец Кузьма Гвоздев и другие), и указ о приостановке работ Государственной Думы. Однако никто ни среди большевиков, ни в других оппозиционных партиях, ни в правительстве этим забастовкам и демонстрациям не придавал большого значения, ибо в те дни подоб-

ные выступления были делом частым и обычным. Революция, действительно ставшая таковой ввиду перехода войск на сторону демонстрантов, началась стихийно. В этом единодушно сходятся все, кто тогда в Петрограде имел отношение к оппозиционным партиям. Среди демонстрантов несомненно были плакаты с лозунгом «Долой войну!»; однако все участники событий свидетельствуют о том, что в первые дни революции ни рабочие, ни солдаты, в массе своей, не требовали немедленного окончания войны, а, наоборот, в своем большинстве, были настроены патриотически и оборончески. Большевистские историки почти полностью игнорируют Государственную Думу, к которой, именно, и тянулись в первые дни и рабочие и солдаты, видя в ней средоточие и центр революции. Кумирами или доверенными руководителями восставшей массы в первые дни были не мало кому ведомые большевистские организаторы, застигнутые, как и все, врасплох этой поистине народной революцией, а популярные лидеры и ораторы Государственной Думы, как Керенский, Чхеидзе и даже Милюков, разоблачавшие «бездарность» старого режима, главным образом, в вопросах обороны еще до революции с трибуны Государственной Думы. Нужно добавить, что в революционных кругах столицы, включая и большевиков, к событиям вначале относились с большой подозрительностью, опасаясь, что они могут оказаться «провокацией» со стороны весьма непопулярного тогда в революционных и либеральных кругах министра внутренних дел Протопопова.

Приписавшие себе роль руководства революцией большевистские историки не могут вразумительно ответить даже на такой простой вопрос: как же это случилось, что этот воспетый сознательный пролетариат столицы и его героический гарнизон послали в Советы – «органы восстания и зародыши новой власти» – **не большевиков**, а меньшевиков и эсеров – к тому же и тех и других обычно оборонцев – или, по боль-

шевистской терминологии, отпетых соглашателей и предателей. Ведь вначале в руководстве Советов (ЦИКе) было очень мало большевиков и с ними никто фактически не считался. Даже в июне, на Всероссийском съезде Советов, когда большевики были уже довольно сильны и когда Ленин считал уже возможным и нужным объявить, что его партия готова одна взять власть в свои руки, даже на этом демократически избранном съезде представителей рабочих и солдат (демократичность съезда не оспаривали и большевики), партия Ленина была представлена из более чем семиста депутатов только сто пятью, т.е. менее 15%.

Большевики, однако, из такого затруднительного положения выходят весьма просто. Их вожди, утверждают они, были в первые дни революции в тюрьмах, Сибири или за границей; и наоборот, вожди соглашателей якобы разгуливали на свободе. Но это, разумеется, ложь. Почти все более-менее видные деятели меньшевиков и эсеров были в тюрьмах, в ссылке и за границей в не меньшей, а может быть, даже в большей пропорции, чем это было у большевиков. Ради примера укажем только, что в те дни и недели в Петрограде самой видной фигурой у эсеров был Зензинов, а у меньшевиков – члены Думы Чхеидзе и Скобелев, т.е. люди, которые тогда не считались и не могли считаться настоящими политическими руководителями своих партий. Нет, большевиков не избирали не потому, что у них не было наличности вождей, а потому, что их лозунги и тактические приемы – вся их концепция революции – не соответствовали тогда настроениям рабочих, солдат и крестьян.

В наше намерение вовсе не входят защита и оправдание вождей демократических и «соглашательских» партий, совершивших крупнейшие, сейчас даже трудно-постижимые и труднообъяснимые ошибки, облегчившие большевикам захват власти. Главная их ошибка, граничащая с чем-то худшим, именно к тому и сводится, что

благодаря их действиям или бездействиям несвоевременные большевистские лозунги стали своевременны. То, что в марте, апреле и мае в ленинских схемах казалось невероятным, утопическим даже большевикам, становилось все более приемлемым с нарастанием, развертыванием и радикализацией революции. С горечью приходится констатировать, что объяснения, данные Лениным и Троцким (в этом коренном для революции вопросе они почти ни в чем не расходились) о причинах нарастания и радикализации революции, оказались верны. Политическая косность, близорукость, догматизм и даже тупость; боязнь власти, боязнь ею воспользоваться для разрешения самых неотложных коренных проблем сделала нарастание революции и триумф большевизма неизбежным. Под пером многих мемуаристов, которым задним числом пришлось объяснять причины их действий и бездействий, Февраль был заранее обречен и Октябрь неминуем. Нет, в политике и истории нет заранее предначертанного, закономерного, детерминистского исхода. История делается людьми ответственными за свои действия. Сам А.Ф. Керенский, который, казалось, больше всех мог бы сослаться на исторический рок и стихию, заявил: «Октябрь волей людей, а не силой стихии стал неминуем». Следовало бы только добавить: волей одних и безволием других.

* * *

Однако не ошибки, действия и бездействия людей Февраля сейчас – наша тема. Возвращаясь через пятьдесят лет к тем знаменательным событиям, нельзя освободиться от мысли, что, помимо всех этих ошибок и той (в общем, психологически понятной) недооценки большевистской опасности, того неверия в долговечность большевизма и непонимания его сущности (эти черты, в той или иной мере, были присущи всем деяте-

лям Февраля), Ленин мог прийти к власти, во-первых, благодаря его и Троцкого специфической «тактике» и той наивной легковёрности его временных «союзников», которых Плеханов называл в те месяцы «полуленинцами». Эта специфическая тактика была своеобразной комбинацией обмана, двойственности, недоговоренности, двусмысленности, устрашения, политически-морального террора, которая в своей совокупности и давала нужный эффект.

Сейчас, в свете проделанного опыта, легко удивляться людской наивности и легковерию. Но ведь тогда, накануне Октября, и сами большевики, и их программа, и их обещания воспринимались (не только в народе) с большой долей доверия. Ведь, когда, например, Троцкий, ставший в сентябре Председателем Петроградского Совета, торжественно обещал ограждать права и свободу всех других фракций Советов, ему верили даже многие из его противников; когда большевики клялись в бесчисленных речах и резолюциях, что только они действительно и без промедления созовут Учредительное Собрание; когда тот же Троцкий закончил свою речь, от имени большевистской фракции в предпарламенте, возгласом: «Да здравствует Учредительное Собрание!» – ему тоже многие верили. Не исключена возможность, что даже сам Троцкий в это верил, ибо всех настоящих намерений Ленина он как «чужой» (т.е. не старый большевик) не знал. Надо вообще иметь в виду, что Ленин и его ближайший аппарат неособенно доверяли бывшему меньшевику Троцкому, с которым у него в прошлом были очень плохие отношения и которого он называл Балалайкиным, фразером, пустословом и т.п. Кстати, надо полагать, что Ленин никогда серьезно и не помышлял, в случае победы, сохранить Учредительное Собрание как полномочное парламентское учреждение. Так, он, например, носился с планом «объединить» Учредительное Собрание с Советами. Полагая, что в Советах большевики будут располагать большинством, он отводил Учредительному Собранию право только санк-

ционировать решения Советов. В статьях Ленина того периода (см., напр., «О конституционных иллюзиях») можно найти такие глубокомысленные и «демократические» высказывания: «большинство» – это «когда власть находится в руках такого класса, интересы коего совпадают с интересами большинства»; или: «простое большинство ничего не решает».

Опять-таки, когда большевики объявили себя сторонниками эсеровской аграрной реформы, то это было воспринято не только многими эсерами и меньшевиками как «доказательство» того, что Ленин вовсе не стремится перестраивать страну на «социалистических началах», а хочет только по-настоящему и неотложно провести те меры, к которым в принципе стремились все, и в первую очередь сами крестьяне. В рабочем вопросе говорилось, преимущественно, о «рабочем контроле», т.е. о мерах, которые поддерживались даже правыми меньшевиками. Правда, и тут была двойственность и недоговоренность, ибо в большевистских речах, резолюциях и особенно писаниях Ленина говорилось также и о настоящем социализме, о мировой революции, о том, что Россия должна начать, зажечь искру, а другие, т.е. Запад, закончить ее – мировым пожаром....

Политическая недоговоренность, двусмысленность большевистских намерений ускорила и так уже углублявшийся раскол и развал в «соглашательских» партиях. Аграрная программа большевиков внесла разброд в партию эсеров, в которой петроградская организация, в своем большинстве, фактически перешла на большевистские позиции. Известно, что именно благодаря голосам этих левых эсеров Второй Съезд Советов санкционировал фактическую передачу власти большевикам. У меньшевиков целая группа видных деятелей, с Ю. Лариным во главе, даже формально перешла к большевикам. Группа левых меньшевиков-«интернационалистов», чья политика никогда не отличалась особой ясностью, претерпела отходы и отколы, хотя ее

лидер, Ю. Мартов, уже сразу после ликвидации корниловского восстания понял (и этого не скрывал), что теперь опасность для революции исходит от большевиков. Характерно (и это могло бы послужить уроком для других попутчиков коммунизма), что в наступившей тогда политической поляризации страны все весьма многочисленные промежуточные пробольшевистские группы начали быстро терять влияние в массах; теперь их лидеры, даже Мартов и Суханов, могли быть избраны или кооптированы в Советы только при поддержке большевиков.

III

Программно-политическая двусмысленность большевиков, так обманувшая и разложившая их противников и союзников, была только одним и, вероятно, не самым главным элементом в общем ленинском плане захвата власти. Не меньшую роль сыграли те непосредственные лозунги, муссированные слухи, инсинуации, пущенные большевиками в те решающие сентябрьско-октябрьские дни, когда, по выражению Ленина, «кризис назрел» окончательно и когда в порядке дня Ленин ставил вопрос о вооруженном восстании и захвате власти. Ленину надо было преодолеть сопротивление в самом большевистском руководстве, в котором большинство или колебалось, или (Зиновьев и Каменев) считало, что восстание закончится поражением и изоляцией большевиков, ибо Россия не созрела для социалистической революции. Большевистская печать (у них тогда уже были сотни газет и тысячи профессиональных агитаторов) усиленно распространяла слух о подготовляемой Керенским новой корниловщине, о намерениях Временного Правительства сдать немцам Петроград и заключить с ними сепаратный мир и т.д. и т.п. Вся эта пропаганда была, разумеется, соткана из чистой

лжи. Но важно было не то, что соответствовало действительности, а то, как дело представляли большевики и их союзники, имевшие уже тогда большинство во многих Советах, и в первую очередь в Советах Петрограда и Москвы. И еще важнее было другое. В эти дни произошло нечто, что старыми большевиками обычно замалчивается, а западными историками не вполне и не до конца изучено. Ленин, главный политический стратег и мотор революции, человек, который политически и тактически ее выдумал, продумал и додумал до конца и до мельчайших подробностей; человек, который эту революцию почти насильно навязал колеблющемуся и сопротивляющемуся руководству партии – вот этот человек, без которого Октябрьской революции быть не могло (во всяком случае, в таком виде и с такой целеустремленностью), фактически в те недели и дни теряет руководство и контроль над событиями. И дело не только в том, что Ленин в те дни скрывался, а Троцкий, в качестве председателя и руководителя Петроградского Совета, мог открыто руководить событиями. Дело в том, что предложения Ленина большевистским руководством в те дни систематически игнорируются и что события идут вразрез с его оценками и предвидениями. События принимают совершенно другой, не ленинский, оборот. Ленин, ЦК и сама партия уходят на второй план, ибо настоящее руководство переходит к Совету, его органам и людям, от Ленина и аппарата гораздо меньше зависящим.

Как и почему все это случилось? 9 октября (по старому стилю), в разгар вышеупомянутых распространяемых большевиками слухов и обвинений о подготовляемой правительством новой корниловщине, сдаче немцам Питера и о переговорах о сепаратном мире, Керенский и ген. Черемисов, командующий Северным фронтом (главко-сев), отдают приказ о выводе некоторых, преимущественно большевистски настро-

енных частей гарнизона столицы. Большевистскими и пробольшевистскими пропагандистами, а главным образом, Советом приказ истолковывается как подтверждение обвинений, выдвигаемых против правительства. Совет, который и раньше, в «соглашательский» период, вмешивался и контролировал распоряжения правительственных и военных властей, решает «выяснить», насколько эти распоряжения действительно диктуются соображениями обороны, и 16 октября создает для этой цели Военно-Революционный Комитет (ВРК). Одновременно принимается решение **приказа о выводе войск не выполнять** и перенять, в случае надобности, оборону столицы в собственные руки, т.е. Совета и его ВРК. Невыполнение приказа о выводе войск проходит безнаказанно, ибо, во-первых, правительство не может или не решается заставить войска выполнить приказ силой; во-вторых, Совет бросает свой вызов правительству под видом легальности, затягивая весь вопрос всякими переговорами, обещаниями, которые дезориентируют и военные и гражданские власти. «Правительство было поймано на удочку легальности», – будет впоследствии хвалиться Троцкий. ВРК, которым руководит Троцкий, но в котором формально председательствует восемнадцатилетний левый эсер Лазимир (вот какие мужи тогда решали судьбы страны!), быстро превращается из центра «обороны» в центр восстания. Формируется Красная гвардия; ВРК декретирует, что воинские части не должны выполнять приказов без его, ВРК, разрешения – декрет, который разложенными войсками охотно принимается. Троцкий прав: невыполнение приказа Временного Правительства и ген. Черемисова было **решающим и поворотным** моментом революции. Революция, как Троцкий впоследствии писал, была уже тогда, т.е. 16 октября, произведена и выиграна на три четверти, ибо этим актом или вызовом большевистско-левоэсеровский Совет доказал свою мощь, а правительство свою немощь.

Разумеется, Ленин в эти дни не дремал. В письмах и разговорах он метал громы и молнии против колеблющегося и «трусливого» большевистского ЦК; он подавал в отставку, грозил «идти в массы» через голову ЦК, начал использовать всякие обходные пути, переписывался и излагал свои планы захвата власти латышскому большевику Смильге – влиятельному двадцатипятилетнему председателю матросских Советов в Финляндии... Ленин чувствовал, что руководство ускользает из его рук, а бывшему меньшевику Троцкому он не совсем доверял. Кстати, если в отношении Троцкого он здесь оказался неправ, то у него были все основания не доверять старым большевикам, цекистам. Действительно, собравшись 10 октября на заседание (в квартире Суханова, жена которого была большевичка) и вторично 16 октября, ЦК в принципе принял, против голосов Зиновьева и Каменева, предложение Ленина о подготовке вооруженного восстания. Однако только в принципе, ибо в действительности ЦК не очень-то рвался в бой. Если против восстания открыто выступали Зиновьев и Каменев, то фактически против него было также большинство других членов ЦК и даже наиболее видные вожаки большевистских рабочих, «военки» и красногвардейцев. Такие большевистские руководители, как Рыков, Ногин, Бубнов, Томский, Калинин, Милютин и даже Невский, Володарский, сильно колебались и потому для руководства восстанием были малопригодны. Ленин предлагал начать восстание в Москве, где положение ему казалось более благоприятным, в Финляндии, где он рассчитывал на Смильгу и его матросов; Ленин изобличал «идиотизм» и «конституционные иллюзии» тех своих товарищей, которые хотели приурочить восстание к открытию Второго Съезда Советов с целью, чтобы съезд санкционировал восстание своим авторитетом. Ленин неистовствовал, обвиняя тех, кто хотел ждать открытия съезда, в

том, что они «выдают» день восстания Керенскому и его «корниловцам»...

Как известно, ни одно из этих предложений Ленина не было принято и выполнено. События пошли по логике и под руководством «идиотов» и «трусов». Самый октябрьский переворот был серым, мало кем замеченным событием, прошедшим под знаком безразличия и непонимания населением. Революционные выступления, захват стратегических пунктов, правительственных зданий были, по воспоминаниям Суханова, похожи на смену караулов. В революции приняли активное участие только части кронштадтских матросов, красногвардейцы, члены большевистской военной организации и коммунисты, но при бездействии и неучастии пролетариата. Гарнизон столицы, от поведения которого все могло зависеть, был, в своем подавляющем большинстве, **нейтрален**. Солдаты и матросы помнили июльские дни и опасались, что октябрьское выступление может закончиться таким же поражением. Однако именно нейтральность гарнизона и оказалась при создавшихся условиях и соотношении сил решающим фактором, а этой нейтральности умело добился своей пропагандой ВРК под руководством Троцкого. Ленин, который скрывался до последнего момента и который появился в Смольном только на открытии Съезда Советов, сказал Троцкому: «Да, оказывается, можно было это сделать и так...» Сталин, недолюбливавший и не доверявший Троцкому еще больше, чем Ленин, писал к первой годовщине Октябрьской революции, что всему практическому проведению Октябрьской революции партия обязана, в первую очередь, «товарищу Троцкому». А в пятидесятую годовщину Октября имя Троцкого (и, кстати, Сталина) даже не упоминалось ни к добру, ни к худу...

События пошли не по Ленину; тем не менее Ленин был прав, когда утверждал, что власть валяется на улице, что ее также легко взять, как поднять перышко. Сила

сопротивления оказалась «ровным счетом – нуль», заявил потом Троцкий. «В истории, – добавлял он, – не было такого восстания, которое было бы заранее во всеуслышание назначено на определенное число и было бы в положенный день совершено и притом победоносно». Это, разумеется, верно и даже до такой степени, что октябрьский переворот трудно назвать настоящей революцией. Даже осада Зимнего Дворца – эта наиболее «прославленная эпопея» 25 октября, по существу, «героической» была только в казенном описании. В действительности, даже в воспоминаниях ее участников, она большой чести большевикам не делает. Орава разъяренных людей, преимущественно матросов, в течение долгих часов осаждала группу пожилых русских интеллигентов, имевших несчастье быть министрами недолгой и мученической русской демократии. В этом революционном наступлении на «последний оплот буржуазии», который защищали отряды женского батальона и юнкеров, погибло, говорят, шесть человек. Кстати, Антонову-Овсеенко, полководцу этой операции, и его помощникам (Подвойскому и Чудновскому), главным образом, приходилось употреблять всю свою энергию, чтобы не допустить наступающих революционеров к винным погребам.

Нужно сказать, что даже в описании Суханова, Троцкого и самого Антонова-Овсеенко осажденные министры вели себя с большим достоинством и мужеством. Они отказались сдаться и подчинились только грубому насилию. Они были на волоске от смерти, им угрожала разъяренная толпа и в Зимнем Дворце и особенно – по пути из дворца в Петропавловскую крепость. В них несколько раз стреляли. Только благодаря энергичным действиям Антонова-Овсеенко (это подтверждают очевидцы) расправы удалось избежать... Как тут не вспомнить и не сравнить поведение министров Временного Правительства с поведением большевиков в послеиюльские дни? Ленин, которо-

го «клеветники» обвиняли в получении денег от немцев, побоялся явиться на суд, чтобы доказать свою невиновность. А ведь ему нечего было бояться, ибо его «преследователями» были такие «бесхребетные» и отнюдь не кровожадные люди, как министры юстиции Переверзев или Малянтович; главари большевистских матросов в Кронштадте Раскольников и Рощаль после провала июльского выступления вели себя, по воспоминаниям Суханова, униженно, упрашивая «соглашателей» отпустить их обратно в гавань. А ведь их инквизитором (руководителем Комиссии по расследованию июльских событий) всего-навсего был такой «злодей», как меньшевик Либер...

IV

Зачатый и рожденный во лжи и мистификации, Октябрь так и не мог освободиться от своего первородного греха за все свои пятьдесят лет. Если в этом смысле можно говорить об изменениях или эволюции, то только к худшему. Для объяснения сущности Октября и советского режима в политической литературе пользовались многими лапидарными выражениями. Думается, что никто Октябрьскую революцию и вышедший из нее режим не определил вернее, чем старик Каутский: «Величайшая мистификация в истории».

Примечание

¹ См.: Анин Д. Революция 1917 г. глазами ее руководителей. – Рим, 1971. – 526 с.

Т.Н. Белова

РОЛЬ ЛИТЕРАТОРОВ И КРИТИКОВ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ В СТАНОВЛЕНИИ И РАЗВИТИИ АНГЛО-АМЕРИКАНСКОЙ РУСИСТИКИ (1920–1950-е годы)

Аннотация. В статье рассматривается историческая роль литераторов и критиков русской диаспоры в Великобритании и США (1920–1950-е годы) в становлении и развитии в этих странах национальной традиции исследования русской литературы, а также различные факторы и тенденции, способствовавшие этому процессу. Прежде всего, это просветительская и переводческая деятельность; тесные контакты и контактные связи с писателями и критиками в Англии и США; статьи и книги, написанные на английском языке как критиками-эмигрантами (Д.П. Святополк-Мирский, В. Набоков, Г. Струве и др.), так и англоязычными русистами и писателями; плодотворная редакционно-издательская («Хогарт-пресс» четы Вульфов, Издательство им. А.П. Чехова в США и др.) и преподавательская деятельность эмигрантов в ведущих университетах Англии и США (Лондонском, Корнелском, Гарвардском, Стэнфордском, Йельском и др.), а также создание славистических ассоциаций (AATSEAL в США), русских отделений и центров по изучению русистики и советики в ведущих национальных университетах и колледжах.

Ключевые слова: русская литература; русская эмиграция; преподавательская, издательская и переводческая деятельность; творческие контакты и контактные связи.

БЕЛОВА
Татьяна
Николаевна,
кандидат
филологических
наук,
филологический
факультет МГУ
имени
М.В. Ломоносова

Одним из факторов, во многом облегчивших вхождение в русскую литературу англоязычных русистов в Великобритании (в 1920–1930-е годы) и в США (в 1940–1950-е годы), явилась русская эмиграция первой, а затем и второй волны. Литераторы и критики русского зарубежья всеми силами способствовали сохранению и популяризации русской духовной культуры и литературы в этих странах и одновременно сближению русской эмиграции с англо-американским социумом и национальной культурой. В основе этого сближения лежат

прежде всего тесные творческие контакты представителей русской эмиграции с литераторами и критиками Великобритании и США, их совместная кропотливая работа над переводами произведений русской литературы на английский язык, обширная разнообразная редакционно-издательская и преподавательская деятельность, создавшая целую поросль молодых славистов в этих странах.

Хотя по своим масштабам русская эмиграция в Англии не может сравниться с такими мощными по своему значению и влиянию центрами русского зарубежья, как Берлин в начале 1920-х годов, Париж в 1920–1930-е годы или довоенная Прага, а позднее Нью-Йорк в 1940–1950-е годы, она внесла в период между двумя войнами неопределимый вклад в культурное сближение с английской литературной элитой, что в дальнейшем вылилось в масштабную популяризацию русской литературы на Западе и ее стремительное проникновение в культурное сознание англичан.

Одним из самых известных русских литераторов-эмигрантов в Англии был потомок древнего княжеского рода Д.П. Святополк-Мирский – литературный критик, историк литературы, редактор литературных и политических изданий и видный идеолог евразийского движения. По окончании Петербургского университета, где он получил блестящее гуманитарное образование, в связи с политическими событиями в России он принимает активное участие в Гражданской войне на стороне Деникинской армии, а после ее поражения через Константинополь попадает в Грецию, в Афины, где создает серию очерков о русской литературе на английском языке, которым он в совершенстве владел, под заголовком «Письма» («Letters»). Им предпослан небольшой аналитический обзор традиций русской литературы XIX в. в их эволюции.

В 1920 г. эти очерки были отправлены в Англию и опубликованы там в журнале «The London Mercury» под заголовком «Russian Letters». За этим успешным начинанием его как исследователя русской литературы

последовал переезд Д. Мирского в Лондон в 1921 г., где он лично познакомился с редактором этого журнала Дж. Сквайром (J.C. Squire), который, продолжив сотрудничество с талантливым автором, предложил ему темы статей, чтобы тот мог в дальнейшем печататься и в других английских журналах: «The Literary Review», «The Contemporary Review», «The Outlook», «The Times Literary Supplement» и др. Более того, стараниями своих давних английских знакомых, специалистов по русской литературе М. Бэринга (M. Baring) и Б. Пэрса (B. Pares), Святополк-Мирский сразу же получил место преподавателя в Школе славянских исследований Королевского колледжа (King's College) Лондонского университета, созданного Б. Пэрсом, а затем в 1922 г. и в самом колледже. В Англии он развивает бурную просветительскую и научную деятельность: читает публичные лекции о Пушкине, Блоке, Лескове и других авторах, пишет многочисленные статьи и рецензии как для английской, французской, так и для русской зарубежной прессы. Так, в журнале «The Slavonic Review» («Славянское обозрение») под ред. Б. Пэрса благодаря его инициативе были опубликованы произведения русских писателей, поэтов и философов: И.А. Ильина, Н.О. Лосского, С.Н. Булгакова, Н.А. Бердяева и др. в переводе на английский язык.

За два года (1925–1927) он выпустил в свет четыре выдающихся исследования о русской литературе: «Modern Russian Literature» (1925) – книгу о современной русской литературе, расширив ее содержание в 1926 г. изданием труда «Contemporary Russian Literature: 1881–1925», а год спустя (в 1927 г.) опубликовал «A History of Russian Literature from the Earliest Times to the Death of Dostoevsky: 1881» – «Историю русской литературы с древнейших времен до 1881 – года смерти Ф.М. Достоевского». В 1926 г. издана его книга «Pushkin», которая до сих пор считается лучшим введением в изучение творчества великого русского поэта на английском языке. Благодаря выходу в свет этих книг на английском языке Д. Мирский снискал себе имя и славу вы-

дающегося историка русской литературы не только в Англии, но и в Европе. В 1960–1970-е годы, после множества переизданий эти исследования были переведены на европейские языки, а его «История русской литературы» до сих пор рассматривается критиками как идеальный образец для создания в других странах истории национальной литературы¹.

Как пишет отечественная исследовательница О. Казнина в своей содержательной и очень информативной книге «Русские в Англии», «В Англии в 1920-х годах Д. Мирский был главным посредником между английской и русской литературой, он был сам по себе неким звеном в цепи англо-русских и русско-европейских литературных связей», поскольку его труды формировали представление о русской литературе не только читателей, но и писателей: В. и Л. Вульф, Д.Г. Лоуренса, К. Мэнсфилд, Э.М. Форстера и др.²

Действительно, многие английские писатели испытывали особый, непреодолимо острый интерес к русской литературе и искусству. Так, в своем частном издательстве «The Hogarth Press» чета Вульфов в начале 1920-х годов решила издать ряд произведений русской литературы в переводе на английский язык. Они брали уроки русского языка у леворадикального русского эмигранта С.С. Котелянского, который жил в Лондоне начиная с 1911 г. (по настоянию своей матери, опасавшейся за его судьбу в России). Котелянский оказался также и талантливым переводчиком: несмотря на недостаточно глубокое владение английским языком, он вначале набрасывал черновой перевод, оставляя лакуны для вариантов соавторства, а Л. Вульф перелагал этот своеобразный язык на «королевский английский». Таким образом были изданы записные книжки А.П. Чехова с приложением воспоминаний о нем М. Горького, рассказы Бунина, книга воспоминаний М. Горького о Л. Толстом и др. произведения. Вместе

с В. Вульф Котелянский перевел автобиографию С.А. Толстой «Моя жизнь» (1922), исповедь Ставрогина, первоначально не вошедшую в роман Достоевского, и др. Всего в этом издательстве было опубликовано 15 переводов русских книг, в том числе «Тьма» Л. Андреева, «Житие» Аввакума, «Зависть» Ю. Олеши, несколько сборников рассказов И. Бунина, который в 1934 г. стал нобелевским лауреатом, чему, возможно, способствовали и переводы его произведений на английский язык. В. Вульф постоянно писала рецензии на новые переводы произведений русских писателей: именно они легли в основу ее статей о русской литературе.

Главные литературно-критические работы, написанные В. Вульф, – «Современный роман» («Modern Fiction», 1919) и «Этапы развития романа» («Phases of Fiction», 1929), – основаны на глубоко прочувствованном знании произведений русских писателей. В своем творчестве В. Вульф испытала влияние Толстого, Достоевского и Чехова и в статьях представила тонкий анализ художественного метода этих трех «великих русских». Так, в своем эссе «Современный роман» она прямо говорит о благотворном воздействии русской литературы на литературу английскую, о ее удивительной глубине и духовности. Именно в это время английские литераторы начинают постигать и изучать влияние духовных ценностей русской литературы на английскую читательскую аудиторию, а затем и на английскую литературу.

Известный английский писатель Д.Г. Лоуренс, горячо любивший и высоко ценивший русскую литературу, тоже работал над переводами произведений русских писателей вместе с С.С. Котелянским, стараясь как можно глубже проникнуть в художественный текст. В 1927–1929 гг. они перевели «Уединенное» и «Опавшие листья» В.В. Розанова, в предисловии к которым он характеризует

русский тип мышления и осмысливает «загадочный русский характер», столь отличный от европейского. В 1921 г. им удалось создать блестящий перевод выдающегося рассказа И. Бунина «Господин из Сан-Франциско», талант которого Д.Г. Лоуренс очень высоко оценил и даже испытал его влияние как писатель.

Воспоминания М. Горького о Леониде Андрееве в совместном переводе Котелянского с английской писательницей К. Мэнсфилд, в творчестве которой присутствуют чеховские традиции, вышли в журнале «Dial» в 1924 г., а письма и дневник А.П. Чехова – в журнале «Athenaem». Кроме того, Котелянский перевел записные книжки Чехова, переписку Ф.М. Достоевского с женой, мемуары русских писателей и др., всего более 30 книг, внеся свой личный вклад в популяризацию русской литературы в Англии. Критики признают, что его переводы, особенно доведенные до совершенства носителями английского языка, по качеству были не хуже, чем, например, выдающиеся переводы собраний сочинений классиков русской литературы (Голстого, Тургенева, Достоевского, Чехова), выполненные англичанкой К. Гарнет³. Таким образом, «почтовые лошади» прогресса – как метко А.С. Пушкин характеризовал гуманитарную деятельность переводчиков в развитии цивилизаций – внесли значительный вклад в популяризацию достижений русской классической и современной литературы в англоязычной и шире – в европейской среде. Надо сказать, что статьи Д. Мирского о русской и английской литературе тоже не ограничивались публикациями в Туманном Альбионе: они появлялись в литературной периодике Германии и Франции, а также во всех ведущих периодических изданиях русской эмиграции – журнале «Современные записки» (Париж), газетах «Звено» и «Дни», в журналах «Воля России» (Прага) и «Благонамеренный» (Брюссель). Он также писал статьи о современной английской и американо-американской литературе, причем некоторые

из них даже публиковались в советской России в журнале «Современный Запад» в 1923 г.

Мирский постоянно посещал зарубежные центры русской эмиграции с целью расширения литературных контактов и получения новых публикаций: Париж, Берлин, Прагу, Брюссель. Под его воздействием англичане и европейцы воспринимали русскую литературу XX в. как единую – без разделения на эмигрантскую и советскую, поскольку он писал и о творчестве советских писателей: Б. Пильняка, Вс. Иванова, И. Бабеля, М. Горького, которые, по его мнению, достигли очень многого в художественной сфере. Так, в докладе «Культура смерти в русской литературе» (1926) Мирский заявил, что вся русская предреволюционная поэзия развивает тему смерти, в то время как произведение М. Цветаевой, Б. Пастернака, В. Маяковского проникнуты жизнеутверждающим пафосом⁴.

Некоторые подобного рода статьи Мирского даже были расценены эмигрантами как прямая апология советского строя. Встреча в Сорренто с М. Горьким весной 1928 г. оказалась ключевым моментом всей его жизни: Мирский написал книгу о Ленине, вступил в Компартию Великобритании. Кстаи сказать, в это время коммунизм вошел в Англии в моду и получил распространение даже в аристократических кругах. В 1932 г. в газете «Morning Post» Мирский был назван «коммунистическим агитатором», после чего ему пришлось оставить должность в Лондонском университете. Его переезд в Россию совпал с триумфальным возвращением М. Горького, который в течение четырех лет (до своей смерти) всячески опекал Мирского, вовлекая его в работу по истории фабрик, заводов, строительству Беломорско-Балтийского канала и т.д. Но Мирский продолжал писать и об английском и европейском модернизме, о творчестве как советских авторов, так и современных английских (о Киплинге, Джойсе, Смоллетте, Олдинг-

тоне, Эллиоте и др.). После смерти Горького в 1936 г. лишенный защиты Мирский в 1937 г. был объявлен в центральной литературной прессе троцкистом, арестован, обвинен в связях с разведслужбой Великобритании и даже подготовке английских шпионов в Школе славянских исследований, где он когда-то преподавал. Он умер в лагере под Магаданом 6 сентября 1939 г.

Другой русский литератор Г.П. Струве (1898–1985), сын известного в России политического деятеля П.Б. Струве, детские годы провел с отцом за границей (в Швейцарии, Германии, Франции), где тот находился в эмиграции. Вернувшись в Россию во время Первой мировой войны, он принял решение участвовать в ней в качестве добровольца, а после революции 1917 г. вступил в Добровольческую армию генерала Алексея. В конце 1918 г. вместе с отцом они покинули Россию, перейдя финскую границу, в 1919 г. оказались в Англии, где весной 1922 г. Г. Струве закончил Оксфордский университет, получив степень бакалавра по кафедре современной истории. После этого он жил в Праге, Берлине, Париже, где вместе с отцом активно сотрудничал в издании ведущих эмигрантских газет и журналов. Там он публиковал статьи на политические и литературные темы: писал о И. Бунине, В. Набокове, М. Алданове, Н. Берберовой, Б. Пильняке, И. Эренбурге и др. авторах русского зарубежья, а во французской прессе – о современных английских писателях и поэтах. В 1932 г. ему предложили должность лектора в Школе славянских и восточно-европейских исследований Лондонского университета (вместо Д.П. Мирского). Его первые лекции были посвящены творчеству И. Бунина, В. Набокова-Сирина, Е. Замятина, Л. Леонова. Наряду с чтением лекций, в том числе и публичных (в Славянском клубе в Оксфорде и др.), он писал статьи для английских и эмигрантских газет и журналов, английской академической

периодики о советской литературе и литературе эмиграции. В 1935 г. он издал свой курс лекций «Soviet Russian Literature» («Русская литература при Советах»), дополненное переиздание – в 1944 и 1946 гг., а позже монографию «Twenty Five Years of Soviet Russian Literature (1918–1943)» («25 лет советской литературы (1918–1943)»).

Во время Второй мировой войны он продолжал преподавательскую деятельность уже в Оксфорде, куда была переведена часть Школы славянских исследований, работал на радиостанции, где возглавил русский отдел. В 1946 г. он был приглашен для работы в Калифорнийский университет в Беркли в США. В 1956 г. там, в Издательстве им. А.П. Чехова вышла его самая известная книга «Русская литература в изгнании: опыт исторического обзора зарубежной литературы», представляющая собой информативный историко-литературный труд и справочник по истории русского зарубежья, который до сих пор востребован на Западе.

В силу своих возможностей он постоянно оказывал разнообразную помощь русским эмигрантам – собратям по перу: устраивал их вечера, осуществлял переводы их произведений, писал о них статьи, популяризируя их творчество не только в эмигрантских, но и французских и английских журналах («Le Mois», «Slavonic Review» и др.).

В лондонский период и в последующие годы Струве занимался и активной деятельностью по изданию в странах Европы и Америки произведений русской литературы XIX–XX вв. Так, в Лондоне в 1933 и 1946 гг. в двух издательствах вышел сборник рассказов И. Бунина на английском языке «The Well of the Days», а в США антология «Сто лет русской прозы и поэзии: от Пушкина до Набокова» («A Century of Russian Prose and Verse: from Pushkin to Nabokov»). – Berkely, 1967), аннотированная библиография В. Белинского («A Belinsky Centenary Bibliography»). An annotated list of

1948 publ. / Comp. by Struve G. – L. –1949). Одновременно он перевел на русский язык стихотворения Р.-М. Рильке, «Скотский хутор» Дж. Оруэлла (совместно с женой поэтессой М. Кригер). В 1971 г. в США вышло новое издание его книги о советской литературе «Russian Literature Under Lenin and Stalin: 1917–1953». – Oklahoma, 1971 («Русская литература при Ленине и Сталине: 1917–1953»). Вместе с тем в течение всей жизни Струве серьезно занимался и творчеством Пушкина. Участвуя в подготовке Пушкинских дней к 100-летию со дня гибели поэта в 1937 г., он напечатал ряд статей о его творчестве, в том числе и о неизвестных рукописях поэта, обнаруженных им в библиотеке Британского музея. Библиография трудов Г. Струве составила солидную, объемистую брошюру.

Чрезвычайно действенную, постоянную помощь Г. Струве оказывал В. Набокову (1899–1977), который вместе со своими родителями оказался в эмиграции в Англии в мае 1919 г., где осенью поступил в Тринити-колледж (Trinity College) Кембриджского университета, который закончил в июне 1922 г. по специальности французская и русская литературы. После этого он переезжает в Берлин, к своим родителям, а затем в Париж. Набоков сотрудничает во многих эмигрантских изданиях, где публикует свои стихи и романы, переводы классиков французской и английской литератур («Николка-Персик», «Аня в стране чудес»), затем, движимый желанием получить работу преподавателя университета в Англии, а позже в США, вновь прибегает к помощи Г. Струве, который всячески популяризировал его творчество: публиковал рецензии на его стихи и прозу в изданиях русского зарубежья, а также во французском журнале «Le Mois», перевел и опубликовал в лондонских журналах его рассказы «Возвращение Чорба» и «Пассажир», нашел для переведенного самим Набоковым романа «Отчаяние» английского редактора-стилиста. В результате роман вышел в Лондоне в 1937 г., и Набоков получил за него хороший по тем временам гонорар в 45 долл. Таким

образом, Г. Струве во многом способствовал известности Набокова в Англии, где в «Славянском обозрении» («Slavonic Review») в 1934 г. вышла его статья «Владимир Сирин» с высокой оценкой творчества писателя. К сожалению, ни преподавательской, ни редакционно-издательской должности в Англии Набоков так и не дождался и был вынужден просить влиятельных знакомых (М.И. Ростовцева, И.А. Бунина, Н.А. Бердяева и того же Г.П. Струве) способствовать его переезду в США, что и произошло в 1940 г.⁵

Помимо русских эмигрантов, важную роль в развитии культурных и литературных связей между Россией и Великобританией в эти годы сыграли и сами англичане – знатоки русской культуры и русского языка, которым довелось жить и работать в России в качестве корреспондентов газет до и после революции 1917 г., например Гарольд Вильямс (Harold Williams, 1876–1928). Уроженец Новой Зеландии, он, заинтересовавшись учением Л. Толстого, изучил русский язык, что для него не представляло большого труда, поскольку он был полиглотом (знал 50 языков, в том числе даже полинезийский), и, оказавшись в России в 1904 г., сразу отправился в Ясную Поляну. Г. Вильямс воспринимал Л. Толстого как великого реформатора христианства и в первую очередь очень высоко отзывался о его религиозно-философских произведениях. В эти годы (1904–1908) он работал корреспондентом лондонской газеты «Manchester Guardian», где в 1905 г. опубликовал свое интервью с Л. Толстым. Затем с 1908 г. он отправлял свои корреспонденции об англо-русских отношениях в лондонскую газету «Morning Post», а с 1914 г. – в «Daily Chronicle», прекрасно ориентируясь в развернувшейся в эти годы политической борьбе в России. Результатом его наблюдений стала поразительная по своей глубине и объективности книга «Россия русских» («Russia of the Russians», 1914), в которой он провидчески оценил русский большевизм как «злую карикатуру» на социалистические теории Запада, одновременно справед-

ливо отметив и кризис западной цивилизации. Говоря о русской литературе, которую он великолепно знал, критик писал, что она «поражает своей оригинальностью в выборе тем и подходе к ней, несмотря на то, что в ней есть отзвуки всех европейских литератур», при этом она истинно национальна и «раскрывает русские движения души, русские настроения и устремления»⁶.

Жена Вильямса А.В. Тыркова, оказавшаяся в 1918 г. вместе с супругом в Англии, попыталась объяснить английской аудитории суть и истинный характер русской революции в книге «От свободы к Брест-Литовску. Первый год революции», которая вышла в Лондоне в 1919 г. на английском языке. Однако к ее негативным оценкам русского коммунизма в Англии стали прислушиваться только в конце 1920-х годов.

Дом Тырковой и Вильямса в Лондоне стал одним из наиболее гостеприимных центров культурного сближения русских и англичан. Тыркова основала журнал «Русская жизнь», где публиковались статьи о литературе и искусстве. Кроме того, она активно помогала многим русским писателям-эмигрантам, поддерживала их морально и материально, в частности М.А. Ремизова и его жену. Она помогла И.С. Шмелёву организовать издание «Солнца мертвых» на английском языке; при ее участии в Лондон смогли приехать Б.К. Зайцев, М.И. Цветаева, Н. Теффи, И.А. Бунин, которому был устроен великолепный прием в «Русском доме». Тыркова написала подробную биографию А.С. Пушкина в 2 т. (Париж, 1929; 1948), а также увековечила память своего безвременно скончавшегося супруга книгой «Щедрый даритель: жизнь Гарольда Вильямса» («Cheerful Giver. The Life of Harold Williams», London, 1935).

Другим крупным специалистом по России и русской литературе был корреспондент газеты «The Morning Post» Морис Бэринг (Maurice Baring, 1874–1945), который много лет провел в нашей стране и при этом

написал о ней более десяти книг (воспоминания, наблюдения, несколько романов, рассказы, стихотворения, пьесы, а также создал целый ряд исследований по русской литературе). Наиболее ценные из них: «Landmarks in Russian Literature» («Вехи русской литературы», 1910, перевод на русский язык 1913), «An Outline of Russian Literature» («Очерк истории русской литературы», 1914), антология «The Oxford Book of Russian Verse» («Оксфордская книга русских стихов», 1924), получившие очень высокую оценку Д.П. Святополк-Мирского, выделившего этого автора из числа других русистов как очень «яркое и отрадное» явление.

Бэринга отличала редкая восприимчивость к явлениям в культурной жизни других стран, особенно в России. Он первым из англичан понял значение творчества А.С. Пушкина и Ф.М. Достоевского для русской и мировой литературы, оценил особую роль МХАТа в современной артистической жизни России и в его постановке чеховских пьес. Он в какой-то степени способствовал зарождению непреходящей моды на Чехова в Англии и в английском театре. В России он ценил естественность в отношениях между людьми, духовность, искреннюю религиозность, не искаженную цивилизацией, как на Западе.

Таким образом, в 1910–1930 гг. в Англии появляются первые серьезные научные исследования о русской литературе в специализированных научных журналах и сборниках статей, а также монографические работы. Однако круг английских русистов оставался весьма узким, а научный охват самого предмета изучения был явно недостаточным. Ситуация меняется с появлением на ниве русистики литераторов и критиков русской диаспоры: Д.П. Мирского, Г. Струве, В. Набокова, С. Коновалова, Е. Винавера, которые заняли свое место в академических кругах благодаря глубокому знанию русской и европейских литера-

тур, литературных направлений и современных тенденций развития. Их деятельность стала краеугольным камнем, обеспечившим становление и развитие английской, а затем и американской русистики.

«Русский англичанин» Е.И. Замятин также внес свой вклад в литературный процесс в Англии, в частности в развитии английского романа-антиутопии. Находясь там в командировке в качестве инженера-наблюдателя на судовой верфи в Ньюкасле, где строились ледоколы для военного флота России во время Первой мировой войны, он написал роман «Островитяне», в котором изобразил перманентную скуку, заурядность и пошлость английской провинциальной жизни, ее стандартизацию и бездуховность.

Эти впечатления, а также увлеченность Замятиным научно-фантастическими романами Г. Уэллса легли в основу его самого известного романа «Мы», написанного в России и опубликованного в Нью-Йорке в 1924 г. на английском языке. В нем представлено общество будущего «организованного рая» с его тоталитарным контролем над личностью, неприкрытым террором, психической обработкой людей, культом личности и т.д. Некоторые главы романа на русском языке были опубликованы в эмигрантской газете «Воля России», ее редактором был М. Слоним, после чего началась травля писателя на родине: его обвинили в сотрудничестве с белоэмигрантской прессой. Однако ему все же удалось в 1931 г. выехать в Европу – в Париж. Благодаря Д.П. Святополк-Мирскому и русскому эмигранту Г.П. Струве с творчеством Замятина смогли познакомиться англичане. Мирский писал о нем статьи, перевел его повесть «Пещера» («Славянское обозрение», 1923), а в своей книге «Современная русская литература: 1881–1925 гг.» (1926) выделил исследование о его произведениях в отдельную главу.

Когда в 1932 г. в Англии вышел в свет роман-антиутопия О. Хаксли «Brave New World» («Храбрый новый мир»), читатели

и критики сразу же отметили сходство этого произведения с романом Замятина «Мы». Сам О. Хаксли отрицал какое-либо влияние, говоря, что роман Замятина никогда не читал. Замятин также не стал предъявлять претензий к автору, заметив, что сходство замыслов, возможно, объясняется тем, что идеи подобной антиутопии «носятся в воздухе». Интересно, что в 1962 г. Хаксли написал роман-утопию «Остров», название которого неожиданно совпало с заголовком первого романа Замятина («Островитяне»). Однако другой английский мастер слова Дж. Оруэлл все же признал опосредованное влияние книги Е.И. Замятина «Мы» на формирование замысла антиутопии «1984»: это случилось после того, как он прочел анализ романа «Мы» в исследовании Г.П. Струве «Twenty Five Years of Soviet Russian Literature (1918–1943)». Сам роман Замятина «Мы» был издан в Англии лишь в 1970 г. в переводе Б.Г. Герни. В предисловии к этому изданию критик М. Гленни назвал Е. Замятина «Главным звеном в английской традиции антиутопии», поскольку «он впитал художественный потенциал английского писателя одного поколения, придал ему новое измерение и передал его двери писателям следующего поколения»⁷.

Таким образом, в истории английской литературы наблюдаются случаи непосредственного влияния творчества русских писателей на появление новых жанров и тенденций в истории развития национального романа.

Русская эмиграция первой волны в 1920–1930-е годы в США внесла существенный вклад в развитие науки и техники (как, например, изобретатель телевидения З.К. Зворыкин, гениальный авиаконструктор И.И. Сикорский и др., а в области гуманитарных наук – историк М.М. Карпович, бывший секретарь русского посольства в Вашингтоне, создавший свою научную школу в Гарвардском университете и подготовивший из американских студентов крупных специалистов по русской истории). В стремлении осознать историю развития

России, глубже разобраться в ее прошлом, выяснить истоки настоящего, точнее оценить смысл происходящих в ней в XX в. событий и заключена непреходящая ценность трудов русских историков, политологов, философов и их вклад в развитие американской науки о России.

Писатель Б. Зайцев справедливо назвал российскую интеллигенцию «цветом нации» с ее «духовностью и гуманизмом»; ее главным делом в изгнании было сбережение традиций и ценностей отечественной культуры для будущей возрожденной России, а также сохранение русского этноса в странах эмиграции. Поэтому с начала 1920-х годов в крупных городах Америки – Нью-Йорке, Чикаго, Лос-Анджелесе, Сан-Франциско и др. – создаются русские клубы и русские культурные центры, федерации русских детских школ, литературные, театральные, профессиональные и прочие общества; например в Сан-Франциско был организован городской литературно-художественный кружок, выпускавший в 1920–1930-е годы сборники эмигрантских произведений и альманахи: «Дымный след» (1925), «Калифорнийский альманах» (1934), «Земля Колумба» (1936), а в Чикаго был создан русский драматический кружок под управлением В.И. Анциферова.

Духовному единению русских переселенцев, защите их интересов, вхождению в мир американской культуры способствовали и печатные издания: в Нью-Йорке, Сан-Франциско, Чикаго и других городах в 1920-е годы выходили ежедневные русские газеты, в частности, издающаяся по сей день в Нью-Йорке газета «Новое русское слово», которая информировала читателей о жизни русских эмигрантов в США, новостях Европы и Америки, событиях в России; газета «Русская жизнь» (Сан-Франциско), в 2016 г. отметившая свое 95-летие, и др.

В 1920-е годы в США издаются первые литературно-художественные журналы русской эмиграции: в октябре 1924 г. в

Нью-Йорке вышел первый номер «Зеленого журнала», редактором-издателем которого был писатель Л.М. Камышников. В 1925–1926 гг. в Нью-Йорке издавался литературный и научно-популярный журнал «Зарница» (вышло всего 16 номеров этого издания), с 1929 г. там же выпускался «общественно-культурный» журнал «Современник» под редакцией Б. Федорова, а в Чикаго – ежемесячный русско-американский журнал «Москва».

Таким образом, в 1920–1930-е годы в США довольно успешно велось строительство «Малой России» – государства без территории и границ.

Переезд из Парижа в начале 1940-х годов в США части представителей русской литературной эмиграции «первой волны», обладавших огромным культурным потенциалом и большим литературным опытом, явился весьма благоприятным фактором для упрочения духовных связей русской диаспоры в США, утверждения и сохранения русской культуры, русского языка и русской литературы в Америке.

1940-е годы становятся новой фазой, новым этапом в культурно-литературном отношении для всего русского зарубежья – *центр русской литературной эмиграции перемещается в США*, его «столицей» по праву становится Нью-Йорк – средоточие духовной жизни русских переселенцев. Формируются и другие центры русского литературного зарубежья: Чикаго, Лос-Анджелес, Сан-Франциско, возникшие еще до Второй мировой войны.

Отметим, что преподавательская деятельность русских литераторов – эмигрантов первой, а затем и второй волны в американских вузах и колледжах, их критические и литературоведческие работы, публиковавшиеся в 1940–1950-е годы и позднее (Г. Струве, М. Слонима, В. Александровой, В. Набокова, Ю. Иваска, Б. Филиппова, В. Маркова, Д. Бобышева и др.), стали катализатором вначале интереса к русской литературе, а затем и подъема

американской литературоведческой русистики в 1960–1970-е годы.

В 1942 г. в Нью-Йорке силами парижской эмиграции почти одновременно были созданы два крупных журнала: «Новоселье» и «Новый журнал». Ежемесячный журнал «Новоселье» начал выходить с февраля 1942 г. под редакцией поэтессы С. Прегель, а после войны в 1950 г. журнал «Новоселье» стал издаваться в Париже, но в скором времени прекратил свое существование.

Трибуной русской эмигрантской мысли в военные и послевоенные годы в США суждено было стать «Новому журналу» – крупнейшему литературно-художественному и общественно-политическому изданию русской эмиграции в США, основанному в 1942 г. М.О. Цетлиным (1882–1945) и М. Алдановым (1886–1957) при участии и других сотрудников парижского эмигрантского журнала «Современные записки», издание которого было приостановлено в связи с оккупацией Франции нацистами в 1940 г. По словам Б. Зайцева, «Новый журнал» стал как бы «сыном» «Современных записок».

С момента своего основания в 1942 г. «Новый журнал» становится центром духовного объединения русских общин в разных частях страны: отличаясь редкой терпимостью к различным философским взглядам и политическим убеждениям, кроме откровенно шовинистических и тоталитарных, он предоставлял свои страницы историкам, политологам, философам, социологам различной политической ориентации. Однако русского читателя в США в первую очередь привлекали художественные произведения: новые рассказы И.А. Бунина, которыми в течение ряда лет с первых же номеров открывался журнал, исторические романы и рассказы М. Алданова, произведения Р. Гуля, Н. Берберовой, М.А. Осоргина, М.О. Цетлина, В. Набокова, Б. Зайцева и др., критические статьи об искусстве и литературе, воспоминания современников о А. Чехове, Л. Толстом, М. Горьком и др.⁸

Его распространению в США способствовали американские университеты, являвшиеся основными подписчиками журнала. В настоящее время он издается в России. Таким образом, сфера влияния «Нового журнала» не была ограничена только русской эмигрантской средой, его влияние в значительной степени распространялось и на академические круги США, в том числе на когорту американских советологов.

С начала 1950-х годов (1953–1958) в Нью-Йорке издается и чисто литературный журнал «Опыты», издателем которого была М.Э. Цетлина, редакторами Р.Н. Гринберг, В.Л. Пастухов, а затем Ю.П. Иваск.

В этом журнале печатали свои стихотворения русские эмигранты «первой» и «второй волны»: Ю. Иваск, В. Набоков, Дм. Кленовский, Ю. Терапиано, И. Чиннов, О. Анстей; публиковалась проза А. Ремизова, Н. Берберовой, Б. Зайцева, Г. Адамовича, В. Вейдле, Ю. Анненкова, Ф. Степуна, Н. Оцупа и др. Однако вышло всего девять номеров этого издания.

В 1946 г. в США был основан литературно-художественный журнал «Жар-птица» (редактор издания – Н. Чирков), с 1958 г. издается сатирико-юмористический журнал «Медведь» и др.

В 1940-е – начале 1950-х годов помимо газет и журналов русскими литераторами-эмигрантами в США выпускается и ряд сборников-альманахов. Так, в 1942 г. под эгидой «Ассоциации русских писателей в Нью-Йорке» выходит «Ковчег: Сборник русской зарубежной литературы», включивший рассказы И. Бунина, М. Алданова, М. Цетлина, А. Браиловского, А. Головина и др., стихотворения Ю. Иваска, Ю. Терапиано, А. Несмелова, Т. Остроумовой и др.; в 1953 г. в Нью-Йорке в Издательстве им. А.П. Чехова вышла книга «На Западе. Антология русской зарубежной поэзии» (составитель Ю. Иваск), в которой были опубликованы стихи самого Ю. Иваска, Г. Адамовича, И. Бунина, Н.А. Теффи, Вяч. Иванова, И. Одоевцевой, М. Чехонина, Л. Алексеевой, Д. Кленовского, С. Юрасова, Н. Берберовой, О. Анстей, В. Корвин-

Пиотровского, И. Елагина, В. Маркова, К. Моршена, Ю. Терапиано, В. Набокова, И. Чиннова и других представителей «двух волн» русской эмиграции; в 1955 г. в Лос-Анджелесе был издан литературно-политический сборник «Свободная Россия», а в 1960–1967 гг. в Нью-Йорке под редакцией Р. Гринберга вышло пять книг литературного альманаха «Воздушные пути», названием которого стало заглавие рассказа Пастернака с целью подчеркнуть искусственность преград между двумя ветвями русской литературы – отечественной и зарубежной. Первый номер альманаха был посвящен юбилею этого поэта, которому в 1960 г. исполнилось 70 лет. В альманахе была представлена поэзия А. Ахматовой, Н. Гумилева, М. Цветаевой, О. Мандельштама, В. Ходасевича, Б. Пастернака, В. Хлебникова, И. Чиннова, Д. Кленовского, В. Набокова, Н. Моршена, И. Елагина, В. Вейдле и др., проза И. Бабеля, очерки и воспоминания, литературоведческие эссе и критика Ю. Иваска, Г. Адамовича, Б. Филиппова, Л. Ржевского, В. Маркова и др.

В 1952 г., как отмечает Струве в своей книге «Русская литература в изгнании», именно под влиянием представителей «второй волны» русской эмиграции, рассказавших страшную правду о жизни в СССР, а также правительственных и общественных организаций, их поддержавших, в Нью-Йорке при участии Фонда Форда было создано самое крупное издательство русской книги – Издательство им. А.П. Чехова, которое в течение своей четырехлетней деятельности выпускало произведения русской классики (В.Ф. Одоевского, Н.В. Гоголя, К.Н. Леонтьева, Н.С. Лескова, Ф.И. Тютчева и др.), стихи и прозу писателей-эмигрантов: И.А. Бунина, М.А. Алданова, Р. Гуля, Б.К. Зайцева, Н. Теффи, И. Одоевцевой, А.М. Ремизова, В.В. Набокова, Н. Нарокова, И. Елагина, Л. Ржевского, и др.; уже упомянутую антологию: «На Западе» (антология русской зарубежной поэзии под ред. Ю. Иваска – наиболее много-

аспектное собрание эмигрантской поэзии), сборник произведений молодых эмигрантских авторов «Пестрые рассказы» (под ред. В. Александровой); однотомник «Опальные повести», включивший произведения Б. Пильняка, А. Платонова, Б. Пастернака и др. (под ред. В. Александровой); антологию поэзии за «железным занавесом» «Приглушенные голоса» (под ред. В. Маркова) и др., а также произведения Е.И. Замятина, М.А. Булгакова, сборник «Неизданный Гумилев» (под ред. Г. Струве), «Двенадцать стульев» и «Золотой теленок» И. Ильфа и Е. Петрова, пользовавшиеся большим успехом в эмигрантской среде, мемуарную литературу (книги воспоминаний П.Н. Милюкова, Ф.А. Степуна, Ю. Терапиано, А.Н. Бенуа, А.Л. Толстой, Б. Ширяева, В.П. Зилоти, А.И. Деникина, В.А. Маклакова и др.), литературно-критические труды (например, «Одиночество и свобода» Г. Адамовича, указанные выше работы Г. Струве)⁹ и др.

Стремлением запечатлеть духовную эволюцию представителей русской литературной эмиграции «первой и второй волн», сохранить для потомков художественные достижения литературы русского зарубежья и оценить их вклад в отечественную литературу проникнута книга Г.П. Струве «Русская литература в изгнании. Опыт исторического обзора зарубежной литературы», вышедшая в нью-йоркском Издательстве им. А.П. Чехова в 1956 г., – первое крупное исследование подобного рода. Сам Г. Струве очень много сделал для сохранения литературного наследия и популяризации на Западе произведений русских писателей, в то время не издававшихся на родине. Вместе с Б. Филипповым, представителем уже «второй волны» русской эмиграции, в 1960-е годы он издал трехтомные собрания сочинений О. Мандельштама (1965–1969) и Б. Пастернака (1962–1968), двухтомники произведений А. Ахматовой (1965) и Н. Клюева (1969), четырехтомник Н. Гумилева (1962–1968), стихи

Н. Заболоцкого (1965)¹⁰, составил антологию «К истории русской поэзии 1910 – начала 1920-х годов» и др. Причем многие из них вышли в Издательстве им. А.П. Чехова в Нью-Йорке. Там же издавалась и проза М. Цветаевой (1953), известный роман Е. Замятина «Мы», запрещенный в СССР (1952), «Повесть непогашенной луны» Б. Пильняка о загадочной смерти советского полковника М. Фрунзе и др. произведения; в 1954 г. Н. Берберова подготовила к печати и выпустила в свет сборник «Литературные статьи и воспоминания» В. Ходасевича и др.

В дальнейшем подобные издания осуществлялись уже при участии либо непосредственно самими американскими славистами, такими как Р. Хьюз, Э. Мальмстад, Э. Проффер и др. Так, начиная с конца 1960-х годов в США выходят двухтомники «Избранной прозы» и «Сочинений» М. Цветаевой, первые тома пятитомного ее собрания сочинений «Стихотворения и поэмы» (Нью-Йорк), 14 книг русских романов и сборников рассказов В. Набокова (Анн Арбор), начальные тома пятитомного собрания сочинений В. Ходасевича, четырехтомные – Е. Замятина и А. Белого.

Статьи Г. Струве и его книги по русской советской литературе, например вышедшая в США на английском языке в 1951 г. монография «Русская советская литература. 1917–1950», как и труды М. Слонима, А. Ярмолинского, В. Александровой и Д. Мирского, переведенные на английский язык, способствовали углубленному изучению русской литературы американскими студентами.

Серьезную роль в становлении и самоидентификации русской эмигрантской культуры сыграли в период «второй волны» те литераторы, которые занялись во время и после войны преподавательской деятельностью в западных университетах. Отчасти вынужденные жизненными обстоятельствами, их обращение к академической работе привело к общему росту интереса к русской литературе на Западе, а их литературно-критическая и литерату-

роведческая деятельность стала серьезным вкладом в осмысление самого феномена русского литературного зарубежья. В целом академические штудии Г. Струве, М. Слонима, В. Набокова, Ю. Иваска, Б. Филиппова, В. Маркова и других эмигрантов «первой» и «второй» волн обусловили стремительный качественный подъем западной литературоведческой русистики в 1950–1970-е годы.

В частности, В. Набоков, который проживал в Америке с мая 1940 г., очень много сделал для того, чтобы русская литература вошла в плоть и кровь американских студентов, которые, к сожалению владели русским языком на самом начальном уровне. Первое время у него не было постоянной работы и жилья, поэтому его семья находила приют и материальную помощь у друзей и знакомых – русских эмигрантов: летом жили на даче в Вермонте у известного историка М. Карповича, профессора Гарварда, 2 раза небольшие суммы денег Набокову передавал С. Рахманинов. Поворотным событием в его жизни стало переросшее в настоящую дружбу знакомство с влиятельным американским критиком и писателем, страстным любителем и знатоком русской литературы Э. Уилсоном (E. Wilson), который уговорил В. Набокова заняться переводом на английский язык трагедии Пушкина «Моцарт и Сальери», а также предложил ему написать рецензии на книги, имеющие отношение к России, от которых после их прочтения он пришел в восторг. Более того, Уилсон познакомил Набокова с Э. Уиксом (E. Wicks), издателем крупного журнала «Атлантик Мансли» («Atlantic Monthly»), куда тот впоследствии посылал свои стихи и рассказы. Преподавательская деятельность Набокова началась в 1941 г. в частном женском колледже Уэлсли, где он вел уроки русского языка, а затем и русской литературы (1946–1948). В это же время он начал переводить на английский язык стихотворения Пушкина, Лермонтова, Тютчева, Фета, Ходасевича, Блока и других русских поэтов. Также в течение нескольких месяцев на летних курсах он преподавал русскую лите-

ратуру в Стэнфордском университете: на это место в качестве лектора приглашали М. Алданова, но тот отказался.

В декабре 1941 г. в Америке вышел первый роман Набокова на английском языке, написанный еще в Европе, – «Истинная жизнь Себастьяна Найта», для которого Э. Уилсон написал прекрасную аннотацию.

В 1944 г. вышло в свет сразу привлекавшее внимание студентов учебное пособие – эссе «Николай Гоголь», которое Набоков предполагал назвать «Гоголь в зазеркалье»¹¹. В течение семи лет он продолжал обучать русскому языку студентов Уэлсли-колледжа и благодаря содействию Э. Уилсона получил престижную стипендию Гугенхайма (размером в 2500 долл.); при его же непосредственном участии он заключил удачный договор с престижным журналом «Нью-Йоркер» на приоритетные права этого издания на публикацию его произведений и получил щедрый аванс. В 1948–1956 гг. он преподавал русскую и западно-европейскую литературу; (1950–1951) – в Корнеллском университете, куда его пригласил Морис Бишоп (Maurice Bishop), поклонник его произведений, и где он заканчивает свой знаменитый роман «Лолита» (опубликован во Франции в 1955; в США – в 1958 г.). Лекции В. Набокова были опубликованы только после его смерти (1980–1981)¹².

Заменяя М. Карповича в весеннем семестре 1952 г., он прочел свои лекции по русской литературе в Гарварде, где общался с Р. Якобсоном, который работал там начиная с 1941 г. Там же он перевел на английский язык жемчужину древнерусской литературы «Слово о полку Игореве» (опубл. в 1960 г.) и начал обдумывать перевод пушкинского «Евгения Онегина», поскольку существующие английские переводы были очень плохого качества, и ему приходилось вносить туда свои многочисленные исправления, когда он знакомил с ними студентов. Набоков написал на английском языке книгу мемуаров «Conclusive Evidence» («Убе-

дительное доказательство»), в дальнейшем значительно расширив его до «Память, говори» («Speak, Memoгу»). Он публиковал свою книгу мемуаров в «Нью-Йоркере» главу за главой, как главы романа «Пнин», вышедшего отдельной книгой в 1957 г. Перевод «Евгения Онегина» с дотошным обширным комментарием был принят в рукописи издательством «Боллинджер» в 1958 г., однако был опубликован лишь в 1964 г. Годом ранее другим издательством был напечатан стихотворный перевод «Евгения Онегина», выполненный У. Арндтом: в нем точно выдерживалось сложное построение онегинской строфы – и неожиданно получил премию набоковского издательства «за лучший поэтический перевод», на который Набоков написал негативную рецензию. Выход в свет аутентичного перевода В. Набокова вызвал в прессе очень бурную полемику и привел к разрыву между его автором и Э. Уилсоном, который также выступил в печати с разгромной критикой перевода. Вместе с ним эта полемика имела и положительную сторону – она привлекла всеобщее внимание к уникальному явлению русской литературы – поэтическому творчеству А.С. Пушкина, которое так много теряло в переводе на иностранные языки; это повышало внимание англоязычных русистов вылилось в дальнейшем в появление многочисленных научных исследований о пушкинских произведениях и новых талантливых переводов его поэзии, в том числе и «Евгения Онегина» (например, И. Джонстона), поскольку фундаментальный комментарий Набокова к роману в стихах (в 4 т.) «убрал стену непонимания между ним, англоязычным читателем и критиком. А блестящая реконструкция Набоковым фрагментов “десятой главы” полностью была принята советскими учеными»¹³.

Набоков, имея в виду свои блестящие переводы классиков русской поэзии XIX–XX вв., «Слова о полку Игореве» с обширным комментарием и англоязычное эссе «Николай Гоголь», либо в шутку,

либо всерьез писал Э. Уилсону: «Россия никогда не сможет уплатить мне все свои долги»¹⁴. Кроме того, в конце жизни, когда он добился мировой известности, почти все его русские романы и рассказы были спешно переведены на английский и многие европейские языки (французский, итальянский, шведский, норвежский и др.), а все его американские романы – на русский (в этом принимал участие он сам, его сын Дмитрий и др., а в 1990-х и российские переводчики), поэтому его творческое наследие стало доступно читателям всего мира.

Таким образом, Набоков сделал максимум возможного для популяризации русской литературы в США и тем самым создал надежный фундамент для развития англоязычной русистики (включая и свои лекции по литературе)¹⁵. Читательский и финансовый успех «Лолиты» (1955), в 1958 г. вышедшей в США, обеспечил возможность навсегда перебраться в Европу в 1960 г., где Набоковы предпочли Швейцарию – курортный город Монтрё на берегу Женевского озера.

Период 1960-х – начала 1970-х годов, проходивший под знаком разрядки международной напряженности, характеризуется бурным подъемом интереса англоязычных славистов к изучению русской литературы. Начиная с 1960-х годов на самом высоком уровне был подписан ряд межправительственных соглашений о культурных и научных обменах, благодаря которым библиотеки и архивы нашей страны стали доступны широкому кругу стажеров и специалистов из многих западных стран, изучающих историю и литературу России, причем их консультировали самые крупные отечественные специалисты в этой области: например на филологическом факультете МГУ – В.И. Кулешов, Н. Либан, В. Кусков, В.Н. Турбин и др. Работы англоязычных русистов 1960–1970-х годов несут на себе отпечаток этих взаимосвязей: авторы исследований в какой-то мере учитывают или принимают во внимание точку зрения представителей современного советского литературоведения на творчество русских

писателей, хотя и полемизируют с ней, включают в свои обзоры наблюдения в области поэтики, стилистики, текстологии, известные в отечественной филологии с начала 1920-х годов. Это работы Ю. Тынянова, В. Виноградова, А. Слонимского, Л. Тимофеева, Г. Гуковского, Б. Томашевского, Б. Эйхенбаума, В. Шкловского, Л. Гроссмана и др. исследователей. Изучается ими и наследие революционно-демократической критики: работы Белинского, Чернышевского, Герцена, Добролюбова, Писарева, что также приносит свои плодотворные результаты: их объективные научные работы становятся реальным противовесом исследованиям англо-американских советологов, которые, выдвигая лозунг «действенной альтернативы идеям социализма, постоянно использовали произведения Б. Пастернака (роман «Доктор Живаго», 1958), А. Солженицына и даже Е. Замятина как важное средство антисоветской пропаганды и идеологической борьбы. Кроме того, американские советологи, например Э. Браун, стремились противопоставить в рамках советской литературы писателям, принявшим Октябрьскую революцию, «главных советских писателей», которыми в его книге оказываются Е. Замятин, Б. Пильняк, Ю. Олеша, И. Бабель¹⁶. Важной становится и обратная тенденция: начиная с конца 1970-х годов, когда выходят в свет известные, крупные по своим масштабам исследования англо-американских русистов, отечественные литературоведы также начинают принимать их во внимание и опираться на них в течение 1980-х и особенно 1990-х годов. Это касается исследований по литературе эмиграции и так называемой «задержанной» литературе – творчестве В. Набокова, И. Бунина, М. Цветаевой, Н. Гумилева, О. Мандельштама, И. Бабеля, Б. Пастернака, А. Платонова, В. Ходасевича, которое до 1990-х годов замалчивалось на родине, но запрет был снят представителями русской диаспоры в Великобритании и США: оно широко популяризовалось «Новым журналом», Издательством им. А.П. Чехова, а затем его изуче-

РОЛЬ ЛИТЕРАТОРОВ И КРИТИКОВ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ В СТАНОВЛЕНИИ И РАЗВИТИИ АНГЛО-АМЕРИКАНСКОЙ РУСИСТИКИ

ние было продолжено англо-американскими русистами, среди которых Б. Бойд, Р. Чэппл, Т.В. Эдвардс, В. Александров, Дж. Конноли, Т. Пахмусс, А. Аппель, Дж. Фостер, Д. Джонсон, Дж. Бэйли, Э. Проффер, П. Стегнер, Д. Бетеа, С. Руди и др.¹⁷ Важной особенно-

стью и достижением 1990-х годов явилась возможность свободной публикации произведений писателей русского зарубежья в нашей стране и образование центров по изучению русской зарубежной литературы.

Примечания

- ¹ См. о деятельности Д.П.Мирского более подробно: Казнина О.А. Русские в Англии. Русская эмиграция в контексте русско-английских литературных связей в первой половине XX века. – М.: Наследие, 1997. – С. 119–155.
- ² Там же. – С. 122.
- ³ См. о переводах: там же. – С. 94–99.
- ⁴ См.: Мирский Д.П. Веяние смерти в предреволюционной литературе // Версты. – Париж, 1927. – № 2. – С. 247–254. В статье автор называет М.И. Цветаеву представительницей «возрождения героического» и сравнивает ее поэзию с лучшими поэтическими произведениями Б. Пастернака и Н. Гумилева.
- ⁵ Более подробно о деятельности Г.П. Струве в Лондоне см.: Казнина О.А. Русские в Англии: Русская эмиграция в контексте русско-английских литературных связей в первой половине XX века. – М.: Наследие, 1997. – С. 174–179.
- ⁶ Там же. – С. 101. Также подробнее о деятельности М. Бэринга см. там же. – С. 105–106; Г. Вильямса см. там же. – С. 99–101; А.В. Тырковой см. там же. – С. 70–71.
- ⁷ Zamyatin Y. We / Transl. by B.G. Guemey; Introd. by M. Glenny. – London: Penguin Books, 1972. – P. 18.
- ⁸ Подробнее о «Новом журнале» см.: Белова Т.Н. Литература второй волны русского зарубежья (1940–1965) // История литературы русского зарубежья (1920-е – начало 1990-х годов): Учебник для вузов / Под ред. А.П. Абраменко. – М.: Академический проект: Альма-Матер, 2011. – С. 414–417.
- ⁹ Подробнее об этом см.: Толстой И. Курсив эпохи. Литературные заметки. – СПб., 1993. – С. 180–186.
- ¹⁰ Подробнее об этом см.: Трущенко Е.Ф. Глеб Струве и литература русского зарубежья // Русское литературное зарубежье: Сборник обзоров и материалов. – М., 1993. – Вып. 2. – С. 143–162.
- ¹¹ Подробнее об этом см.: Белова Т.Н. Художественный мир Гоголя сквозь призму постмодернистской критики Набокова // Литература XX века: итоги и перспективы изучения: Материалы шестых Андреевских чтений. – М.: Экон-информ, 2008. – С. 63–71.
- ¹² Nabokov V. Lectures on Literature / Ed. Fredson Bowers. – N.Y.: Harcourt Brace Jovanovich / Bruccoli Clark, 1980; Nabokov V. Lectures on Russian Literature / Ed. Fredson Bowers. – N.Y.: Harcourt Brace Jovanovich; Bruccoli Clark, 1981.
- ¹³ Белова Т.Н. В.В. Набоков – переводчик и комментатор романа в стихах А.С. Пушкина «Евгений Онегин» // Превод у систему компаративних изучавања националне и стране к књижевности и културе: међународни тематски зборник радова / уредници Лариса Човић-Раздобудко, Nikolaj Гарбовски. – Приштина: Косовска Митровица, филозофски факултет Универзитета Приштина, 2012. – С. 60–67.
- ¹⁴ Цит. по: Бойд Б. Владимир Набоков: американские годы: Биография / Пер. с англ. – М.: Независимая Газета; СПб.: Симпозиум, 2004. – С. 458.
- ¹⁵ Подробнее о лекциях В. Набокова см.: Белова Т.Н. В. Набоков – исследователь русской литературы (особенности критического подхода) // Русское зарубежье: История и современность / РАН. ИНИОН. – М., 2013. – С. 204–220.
- ¹⁶ Major Soviet Writers: Essays in Criticism / Ed. by E. Brown. – London; Oxford; N.Y., 1973; Brown E. Brave New World, 1984 and We: an Essay on Antiutopia, Zamyatin and English Literature. – Ann Arbor, 1956.
- ¹⁷ См. об этом: Изучение русской эмиграции за рубежом (1920–1990-е гг.) Аннотированная библиография: сборники статей, библиографические и справочные издания / Отв. ред. Т.Н. Белова. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2002.

Т.Г. Петрова

«РОДИНА ПОСЛЕДНЯЯ, ВСЁ, ЧЕМ РОССИЯ БЫЛА И ЧЕМ ОНА БУДЕТ»: Русская классика в рецепции литературной критики эмиграции

Аннотация. Рассматривается ценностный мир русской классики XIX в. в литературно-критической оценке эмигрантской критики «первой волны». Эмиграция искала и находила опору в отечественном классическом наследии, в русской литературе – в ее устремленности к «последним вопросам бытия», в ее поисках Бога. Важнейшей задачей становилось обоснование нового взгляда на русскую культуру – взгляда из эмиграции.

Ключевые слова: русская литература; литературная критика; эмиграция; А.С. Пушкин; М.Ю. Лермонтов; Н.В. Гоголь; Ф.М. Достоевский, А.П. Чехов.

Судьба литературной критики русского зарубежья тесно связана с драматической историей отечественной культуры. Литература и критика «первой волны» русской эмиграции XX в. сформировалась в результате осмысления катастрофы крушения Российского государства, вызванной Февральским и Октябрьским переворотами 1917 г. и поражением в Гражданской войне. Как утверждал В.В. Розанов, увидевший в революции гибель России: «Русь слиняла в два дня. Самое большее – в три... Поразительно, что она разом рассыпалась вся, до подробностей, до частных»¹. Над русской историей опустился «железный занавес», за которым началась переоценка ценностей.

В зарубежье прибыли уже маститые литературные критики Ю.И. Айхенвальд, П.М. Пильский, а также Д.С. Мережковский и З.Н. Гиппиус (Антон Крайний), Вяч. Иванов. В эмиграции стали ведущими критиками В. Ходасевич и Г. Адамович; задавали тон Д.П. Святополк-Мирский, К.В. Мочульский, М.Л. Слоним, А.Л. Бем, П.М. Бицилли, М.О. Цетлин, В. Вейдле, Н.А. Оцуп. Среди молодых выделялись Ю.К. Терапиано, Ф.А. Степун, А.В. Бахрах, Р.Б. Гуль, Ю.П. Иваск. В религиозно-философской критике наи-

ПЕТРОВА
Татьяна
Георгиевна,
старший
научный
сотрудник
ИНИОН РАН

более известны были Л. Шестов, Н.А. Бердяев, С.Л. Франк, С.Н. Булгаков, В.В. Зеньковский, И.А. Ильин, Н.О. Лосский, Г.П. Федотов, Г.В. Флоровский. Литература и философская мысль, критика и публицистика находились в отношениях взаимодействия и взаимодополнения. В России в послереволюционные годы произошла резкая смена нравственных и эстетических координат. Давление государства становилось беспрецедентным. В русской литературе традиционно была важна роль критика – властителя дум. В эмиграции как литературные критики выступали писатели, поэты, философы, политические и общественные деятели.

Социологизму, доминировавшему в критике метрополии, в эмиграции был противопоставлен эстетический подход. Критика оставалась по преимуществу эссеистической, философской и импрессионистической.

Главная цель эмиграции в начале 20-х годов осознается ее представителями как сохранение своей особенности и цельности, культуры и творческих сил для будущей свободной, возродившейся России. Поэтому и основными проблемами литературной критики в зарубежье, тесно связанными с общими задачами эмиграции, становятся – сохранение русского культурного наследия, популяризация его на Западе, стремление на литературном материале выявить причины произошедшей в России катастрофы (страны, общества, человека) и поиск выхода из духовного кризиса. В предисловии к брошюре с характерным названием «Что делать русской эмиграции?» И.И. Бунаков-Фондаминский писал о том, что можно и должно спорить о целом комплексе политических вопросов, но нельзя спорить об одном: о том, «должна ли русская эмиграция осознать себя как часть русского народа, должна ли она сохранить свое национальное лицо, должна ли она хранить, развивать и расширять среди других народов русскую культуру»².

«Боль за Россию, унижение за нее, гордость воспоминаний и надежд, – писал в 1940 г. Г.П. Федотов, – стали содержанием жизни всей эмиграции»³. Русская литература, как подчеркивал Н.А. Бердяев, также охваченный в послереволюционное время апокалиптическим настроением, родилась «от муки и страдальческой судьбы человека и народа, от искания всечеловеческого спасения», и это означает, что «основные мотивы русской литературы были религиозными»; ей свойственны «сострадательность и человечность, которые поразили весь мир»⁴. В то же время русская литература – «самая пророческая в мире», наполненная предчувствиями и предсказаниями, ей «свойственна тревога о надвигающейся катастрофе»; отечественная литература XIX в. свидетельствует «о надвигающейся революции»⁵. О пророческом пафосе как отличительной черте отечественной литературы писал и Вл. Ходасевич: «Ни одна литература (говорю в общем) не была так пророческа, как русская. Если не каждый русский писатель – пророк в полном смысле слова (как Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Достоевский), то нечто от пророка есть в каждом, ибо пророчесствен самый дух русской литературы. И вот поэтому – древний, неколебимый закон, неизбежная борьба пророка с его народом, в русской истории так часто и так явственно проявляется. Дантесы и Маргарины сыщутся везде, да не везде у них столь обширное поле действий»⁶. Ведь пророческий, добавим, – это не только предсказывающий, но и обличающий грехи, как посланный Богом и провозглашающий, по М. Лермонтову, «любви и правды чистые ученья» (стихотворение «Пророк»). По мнению философов, критиков и публицистов русского зарубежья, Россия могла «выздороветь» только «коренным духовным преодолением революции», разорвавшей культурную традицию и ставшей «низвержением культурного слоя» (Н.А. Бердяев). Эмиграция искала и нахо-

дила опору в отечественном классическом наследии, в русской литературе – в ее устремленности к «последним вопросам бытия», в ее поисках Бога.

«Тревога о человеке и о том, чем ему жить духовно» в разрушенном войной и революцией мире, «невероятно усложнившимся, жестоким и своекорыстным», «конфликт личности с коллективом, мечта о возможном братском отношении человека к человеку» и, конечно, о любви, о надежде на «встречу с Богом», – вот основные ноты общей настроенности литературной эмиграции в 20–30-е годы⁷. Отношения человека и мира не только утратили свою гармонию, но исполнились глубочайшего трагизма. В своей известной книге «Умирание искусства», изданной в Париже в 1937 г., В. Вейдле писал о необратимом переломе, происходившем в искусстве XX в., самые «родники» которого и прежде всего «источники поэтического вымысла» отравила «угроза культурного разложения». В таких условиях культура прошлого виделась как «заново сотворенное живое бытие, неразложимое ни на какие рассудочные формулы и механически выделенные составные части»⁸. Эмиграция, наследуя литературоцентризм отечественной культуры XIX в., связывала будущее духовное возрождение с традициями русской классической литературы, которая «для нас, потерявших родину, – писал Д.С. Мережковский, – родина последняя; всё, чем Россия была и чем она будет» («Руль». Берлин, 1921. 19 ноября). Многие деятели русской культуры в эмиграции сознавали бесплодность политизации литературы и потому пытались найти объединяющую, спасительную гуманистическую основу. В поисках духовных ориентиров литературные критики и писатели зарубежья прежде всего обращались к ценностному миру русской классики, испытывали огромный интерес к ее религиозной сфере. Одной из важнейших становилась задача обоснования нового взгляда на русскую культуру – взгляда из эмиграции.

В метрополии в этот период характерным становилось пренебрежение художест-

венным опытом прошлого⁹. Уникальность отечественной социоисторической ситуации в 20–30-х годах XX в. заключалась в том, что «господство тоталитарной идеологии в России предполагало не эксплуатацию традиционных религиозных, нравственных, культурных ценностей, а их исключение из культурного кругозора»¹⁰. Гуманизм, сложные формы психологизма, онтологическая наполненность русской классики противоречили пафосу новой эпохи. Наряду с радикальным отрицанием, присущим теоретикам Пролеткульта, РАПП и ЛЕФа, в 20-е годы декларировалась и преемственность классического наследия (например, группой «Перевал»), однако его освоение должно было проходить в условиях «преодоления» и «освобождения» от «реакционных элементов». Исходя из художественной практики «левых» движений, ОПОЯЗ попытался теоретически обосновать отказ от самого понятия «традиция» в изучении литературы. Однако за критикой «традиции» часто скрывается неприятие в ней «чужого» (зачастую этим «чужим» и является христианская основа европейской культуры) и «неявная претензия на “присвоение” и адаптацию того или иного близкого своим интенциям ее сегмента (будь то революционно-демократическая линия в русском “освободительном” движении или же становление “беспредметности” в мировом искусстве)»¹¹. Хотя теория нового искусства началась с резкого отмежевания от классики, в 20-е годы в советской России еще была возможна некоторая относительная свобода исследований; в 30-е годы единственно допустимым стал классовый подход к литературе (в советской критике 30–50-х годов уже не было идейно-художественных направлений).

Откликаясь на споры о классической литературе в советской России, на усиление гнета цензуры, П. Пильский с явным сарказмом обобщал: между решениями «допустить» или «неукоснительно запретить» был найден компромисс – «пусть классики живут, но обязательно в урезанном виде...» («Сегодня». Рига, 1928. 16 июля). Статьи

литературных критиков и публицистов русского зарубежья были направлены против вульгарного социологизма и теории «двух культур», против признания в классическом наследии только того, что отвечает задачам советской власти, а также против утраты самого понимания русской классики как целостного явления, против выхолащивания христианской основы русской культуры. Голоса русских классиков были услышаны и соотнесены в эмиграции с трагическими отзвуками эпохи.

Важнейшей чертой художественной культуры русского зарубежья стало ее самоопределение по отношению к личности и творчеству **Пушкина**. Эстетическое и духовное поклонение поэту в отечественной литературе стало традиционным после знаменитой речи Достоевского на пушкинских торжествах 1880-го года, когда были сформулированы два основных мировоззренческих подхода «к явлению по имени “Пушкин”» в речах и Достоевского, и Тургенева¹². Если Тургенев главный смысл существования поэта видел в «классическом чувстве меры и гармонии», в том, что он – «великолепный русский художник», но при этом отказал ему в звании национального или «национально-всемирного» поэта, то Достоевский, напротив, подчеркнул *пророческое явление* Пушкина, отметив смирение как единственный путь к подлинной свободе, а также «всечеловечность», «всемирность» Пушкина и русского человека вообще. Завершая свой земной путь обращением к Пушкину как русскому национальному поэту, писатель произнес знаменитые слова, в свою очередь, также ставшие пророческими: «Пушкин умер в полном развитии своих сил и, бесспорно, унес с собою в гроб некоторую великую тайну. И вот мы теперь без него эту тайну разгадываем»¹³. Последующая история пушкиноведения проходила в борьбе, развитии и взаимовлиянии «двух русских правд» о Пушкине, «непримиримых по сути». Однако увлечение ас-

пектом эстетическим могло сочетаться с поклонением «тайне».

В эмиграции были не только сторонники Достоевского, но и сторонники Тургенева, которые «всячески отстаивали прагматические, либеральные и эстетические воззрения на Пушкина и его наследие», хотя и не могли опровергнуть Достоевского¹⁴. Например, П.Н. Милюков утверждал, что Пушкин, «вопреки Достоевскому», никакой «тайны» с собой в могилу не унес: «Мистика великих “миссий” и “всечеловеческих проблем” была ему чужда. Он прост и ясен в своем величии – и потому он велик»¹⁵. В свою очередь и с других позиций мнение Ф. Достоевского опровергал Г. Адамович; он отмечал, что из того Пушкина, каким он был – из художника, «еще удерживавшего в мире восемнадцатый век, еще пытавшегося отвратить страшившее его неотвратимое, духовное и материальное “расползание” николаевской игрушечно-стройной России» – невозможно сделать того, кем он не был: «пророка», «провидца», «взрывателя будущего»¹⁶. Критик назвал Пушкина «прекрасной звездой», на которую глядишь с изумлением – именно в силу ее недоступности и непостижимости.

Ведущие теоретики символизма – Д. Мережковский, Вяч. Иванов, В. Брюсов, А. Белый – пытались разгадать «тайну» Пушкина, о которой говорил Достоевский. Вся литературная эмиграция также стремилась ее «разгадывать». Но ранее развили и продолжили эстетический культ поэта как объединяющего символа русской культуры символисты, сохранив тезис об универсальности пушкинского гения. В контексте эстетизма конца XIX в. сложился культ Пушкина как «поэта формы». Символисты чувствовали в Пушкине не столько эпика, сколько трагика, ибо «символизм принес с собой принципиально новое понимание драмы как прасновы всего художественного творчества, вскрывая ее генетические связи с обрядом и мифом»¹⁷.

«Русский бунт», «бесмысленный и беспощадный», которого так опасался Пушкин, стал для писателей и критиков русского зарубежья страшной реальностью. *История* у деятелей русской эмиграции, как и у Пушкина, становится главной и роковой проверкой человека на его «самостоянье». Важнейшим для них оказалось и пушкинское приятие мира, связанное с верой в будущее, в творческие возможности истории и человека, и отношение к российской *государственности*. Писатели и критики зарубежья размышляли о свойственной поэту «*высшей свободе*» (Д. Мережковский), о его *религиозности*, о его *жизни и смерти*, о поэтике его произведений.

Несмотря на ограниченность печатных источников, на отсутствие рукописного наследия поэта, пушкиниана начала складываться с первых лет возникновения эмиграции. Всего было издано около 100 книг и примерно 1500 произведений малой формы, появившихся в периодической печати¹⁸. В ряду книг: П.М. Бицилли «Этюды о русской поэзии» (1926), где содержится глава «Поэзия Пушкина», а в дополнениях приводятся работы «Сон и проч. в Пушкинском словаре» и «Художественный замысел “Медного Всадника”»; М.Л. Гофман «Пушкин. Психология творчества» (1928); А.В. Тыркова-Вильямс «Жизнь Пушкина» (т. 1–1929, т. 2–1948); В.Ф. Ходасевич «О Пушкине» (1937); П.Н. Милюков «Живой Пушкин» (1937); А.М. Ремизов «Огонь вещей: Сны и предсонье: Гоголь, Пушкин, Лермонтов, Тургенев, Достоевский» (1954); С.Л. Франк «Этюды о Пушкине» (1957) и многие другие.

Таким образом, когда русская эмиграция *первой волны* решала вопрос о том, на какой духовной основе она могла быть объединена, имя Пушкина возникло органично. При всей полярности взглядов представителей русской эмиграции, имя великого поэта оказалось той консолидирующей и примиряющей основой, которая заставила забыть жестокие разногласия. В творческом и личном феномене

Пушкина изгнанники искали ответы на насущные вопросы времени, с его гением связывали надежду на будущее возрождение России и ее культуры. С именем Пушкина – с днем его рождения – было соотнесено ежегодное празднование Дня русской культуры¹⁹, в котором эмигранты стали видеть символ национального праздника, преследовавшего цель – напомнить русским, живущим за пределами отечества, о том, что больше всего связывало их воедино. В эмиграции широко праздновалось 125-летие со дня рождения Пушкина (1924) и особенно торжественно отмечалось 100-летие со дня его трагической гибели (1937), проходившее в 231 городе 42 государств Европы, Азии, Америки, Австралии и Африки²⁰. Центром этих торжеств был Париж. В юбилейных номерах газет – «Иллюстрированная Россия» (28 янв. 1937), «Возрождение» (6 февр. вышло особое приложение к газете – «Пушкин. 1837–1937»), «Последние Новости» (10 февр.), однодневная газета «Пушкин» (8 февр.) – были опубликованы статьи И.А. Бунина, Д.С. Мережковского, Б.К. Зайцева, И.С. Шмелёва, М.А. Алданова, В.Ф. Ходасевича, Г.В. Адамовича, С.Л. Франка, П.Б. Струве, П.Н. Милюкова, В.А. Маклакова, А.Л. Гофмана, Н.К. Кульмана, А.Л. Бема, М.О. Цетлина, В.В. Вейдле, А.В. Тырковой-Вильямс, М.А. Осоргина, Г.Л. Лозинского, С.С. Ольденбурга и др. Все памятные даты, связанные с именем поэта, проводились его соотечественниками под девизом «Пушкин и современность»²¹.

И. Шмелёв объяснял, что в зарубежье эти торжества становятся не «тризной», а радостной встречей с Россией. Он принес ставшие знаменитыми слова: «Пушкин – все наше бытие...» П.Н. Милюков размышлял о народности Пушкина и приходил к выводу, что историзм поэта не был понят современной ему публикой и критикой. Б. Зайцев провозгласил Пушкина знаменем свободы, духовной культуры, любви к родине в высшем ее виде, а Н. Кульман, писал о том, что «восславле-

ние» поэтом свободы стало его «творческим подвигом», который особенно значим «в наш жестокий век». Размышляя над вопросами новаторства и творческого своеобразия поэта, П.М. Бицилли приходил к важному для себя выводу: Пушкин «иррационализировал историческое и политическое» в лирике и тем самым «углубил и возвысил» «национальное чувство» и «национальную идею»²². По мнению Е. Ляцкого²³, поэт понимал современную ему самодержавную и крепостную Россию в одном нераздельном представлении с ее восточно-европейским прошлым, т.е. судил о ней слитно – как мыслитель и как историк. Именно историзм, полагал критик, постепенно стал предпосылкой его политической мысли.

Два «главных силовых напряжения» пушкинского творчества – «Империя и Свобода» – выделил Г.П. Федотов. Критик считал, что «отрекшись от революции», поэт «не отрекался от свободы», которая лишь «менялась в своем содержании», тогда как тема Империи оставалась «константой его творчества»²⁴. «Поэтом империи» назвал Пушкина и С.С. Ольденбург, настаивая, что русский гений «не принадлежал к числу бунтарей»: «Он больше утверждал, нежели отрицал, – и он был кровно связан со всем величавым строем Императорской России»²⁵. Основным «фундаментом» политического мировоззрения Пушкина, согласно С. Франку, было национально-патриотическое умонастроение, оформленное как государственное самосознание. По общему своему характеру политическое мировоззрение поэта представляло собой «консерватизм», проникнутый определенными «либеральными началами». По мнению критика, своеобразие мировоззрения поэта слагалось из трех основных моментов: во-первых, из убеждения, что историю творят и поэтому государством должны править не «все», не средние люди или масса, а избранные, вожди, великие люди; во-вторых, из тонкого чувства «историче-

ской традиции как основы политической жизни». И наконец, в-третьих, «из отвращения к насильственным переворотам» и забот о «мировой непрерывности политического развития»²⁶.

Д.С. Мережковский в своих суждениях о Пушкине как продолжателе дела Петра, отмечал, что оба они «пророчески угадывают» назначение России – соединить «Восток и Запад в грядущей всемирности». По убеждению критика, поэт нужен «обеим Россиям», ибо «он – примиритель, соединитель, тот, кто делает из двух одно и разрушает стоящую посреди преграду», он – «огненный столп, ведущий нас в пустыне изгнания на Родину»²⁷.

Однако, согласно Мережковскому, Пушкин менее всего был рожден политическим бойцом и проповедником. Он «дорожил свободой как внутренней стихией», необходимой для развития его гения. Именно потребность в «высшей свободе», по мысли критика, и привела поэта к безысходному столкновению «с русским варварством», что и стало главной внутренней причиной его преждевременной гибели. А потому во всей русской истории «нет более горестной и знаменательной трагедии, чем жизнь и смерть Пушкина».

Эта статья²⁸ вызвала полемику, в которой приняли участие С. Булгаков, В. Зеньковский, С. Франк, И. Ильин, П. Струве, Г. Адамович, К. Зайцев и др.

Протоиерей С. Булгаков, например, утверждал, что именно смерть поэта, озаренная «потусторонним светом», является «ключом к пониманию» всей его жизни. В «духовной трагедии» Пушкина его кончина стала «катарсисом», «достойным завершением жизни» и в этом смысле как бы «апофеозом» поэта²⁹. В.В. Зеньковский подчеркивал, что постоянная «глубокая и серьезная духовная работа» сообщила произведениям Пушкина ту «пламенеющую силу», действие которой навсегда осталось в русской культуре³⁰. Он утверждал, что духовный мир поэта «не до кон-

ца отразился в его творчестве», что «скорбное восприятие мира» у него не ослабевало с годами, «но возрастало, закончившись так трагически в его ранней смерти». Роковой загадкой пушкинской эпохи, по убеждению В.В. Зеньковского, была «несоединенность свободы и добра», продемонстрированная Французской революцией; Пушкин как человек не мог преодолеть этой трагической раздвоенности и потому «не был тем “пророческим явлением”, каким его хотел представить Достоевский». Однако в душе поэта постоянно «шла глубокая и серьезная духовная работа, – это именно и сообщило его творчеству ту пламенеющую силу, действие которой осталось навсегда в русской культуре», благодаря главному его дару – «дару простоты»³¹.

С. Франк отметил, с одной стороны, несомненное и бесспорное художественно-литературное влияние поэта на всю позднейшую русскую словесность, а с другой – непонимание духовного мира Пушкина, равнодушие к нему или даже прямое его отвержение³². Против подобного отношения к духовному наследию поэта, напоминал С. Франк, протестовали и Достоевский в своей известной речи, и Д.С. Мережковский в «Вечных спутниках», и М.О. Гершензон, призывавший вникнуть в «мудрость Пушкина». Поэт никогда не проповедовал отвлеченного, самодовлеющего эстетизма, подчеркивал критик, ибо поэзия была для него «выражением религиозного восприятия мира», чуткого внимания к «божественному глаголу»; его поэтический гений совпадал с раскрытостью духа к восприятию «божественного смысла мирового бытия», утверждал С. Франк. Этот основной принцип мировоззрения Пушкин нашел выражение в заключительных его словах о Радищеве: «Нет убедительности в отношениях; нет истины, где нет любви». Весь трагизм последующего духовного пути России в конечном счете определен тем, что этот завет Пушкина был забыт и отвергнут. К такому выводу приходит С. Франк.

По-своему отвечал на вопрос о том, в чем величие Пушкина и разгадка неуклонного роста его значения для России и русской культуры П.Б. Струве. Он усматривал особую религиозность зрелого Пушкина: поэт предполагал «не погружение в Божество и не Его утверждение мыслью, а “касание мирам иным”... стыдливое, сдержанное приближение», когда дух только «смирненно склоняется перед неизъяснимым»³³.

В обсуждаемой здесь дискуссии, начатой Д. Мережковским (6 февр. 1937 г.), в полемическом аспекте рассматривались некоторые ранее публиковавшиеся работы В.Ф. Ходасевича³⁴, а также известная статья «О пушкинизме»³⁵ (Возрождение, 1932. 29 дек.). Критик отмечал, что историческое значение речи Достоевского заключалось в открытии пророческого явления поэта. Именно в тот день, по его мнению, и было предрешено возникновение науки о Пушкине. Задачу пушкинизма критик видел в стремлении обеспечить возможность «правильного чтения, необходимого для понимания и ему предшествующего». Само же понимание, толкование эстетическое и философское В. Ходасевич выводил за пределы собственно пушкинизма, призванного собрать все написанное Пушкиным, выверить и «дать полный и верный текст». Проникнуть внутрь творческого процесса поэта, понять его во всей полноте, возможно лишь имея подробный комментарий к его стихам и прозе, основанный на точном знании его жизни, ибо «нельзя понять эту поэзию во всем объеме и во всей глубине, не изучив и не поняв эту жизнь». А потому работа по изучению пушкинской биографии стала второй, столь же важной отраслью пушкинизма, как исследование его текста. И за последние 30 лет, подчеркивал В. Ходасевич, сделано было очень много. Однако критик выступал против схоластических крайностей академического пушкиноведения, отметив и черты кризиса, поразившие эту дисциплину.

О неудовлетворительном состоянии русского пушкиноведения писал также С. Франк³⁶, подчеркивая настоятельную необходимость заняться исследованием многогранности «духовного содержания» творчества и личности поэта. Он полагал, что по образцу «поэтического хозяйства» Пушкина, «так интересно прослеженного Ходасевичем», необходимо исследовать то, что можно было бы назвать его «духовным хозяйством», т.е. те основные «духовные темы и идеи», которые проходят через все его творчество.

Г. Адамович был одним из первых, кто в эмиграции начал пересматривать культ поклонения Пушкину. Поэт, по мысли критика, был обращен назад, к XVIII в., и «остался позднейшему русскому развитию чужд»³⁷. «...В сущности, и Лермонтов, и Гоголь... были как бы безотчетной, но страстной репликой Пушкину, немедленным ему возражением. И Гоголь, и Лермонтов эстетически поплатились за измену утратой чистоты... но именно они по контрасту и оттенили облик Пушкина», – утверждал Г. Адамович.

Известный афоризм Д.С. Мережковского: «Пушкин – дневное, Лермонтов – ночное светило русской поэзии» – отразил устоявшееся в отечественной культуре сравнение Лермонтова и Пушкина³⁸. Д. Мережковский 11 мая 1930 г. на вечере поэзии, посвященном **Лермонтову**, специально обратил внимание на то, что за «демоничностью» Лермонтова не разглядели его «ангеличность». Символику личных судеб двух великих русских поэтов, гонимых и, в конце концов, погубленных «чернью», сравнивал В.Н. Ильин, обнаруживая при этом «принципиальное различие» их «жизненного рока»³⁹; он трактовал кончину Пушкина как несчастный случай, нечто для поэта внешнее, а в гибели Лермонтова видел плохо замаскированное самоубийство.

Литературная молодежь русского Парижа, признававшая своим мэтром Г. Адамовича создавала свой лермонтовский

культ, противопоставлявший пушкинскому. Так, например, Б. Поплавский писал: «Как вообще можно говорить о пушкинской эпохе. Существует только лермонтовское время»⁴⁰. Молодое поколение стало рассматривать литературу лишь как «человеческий документ», уводило ее от моралистической направленности. По мнению Адамовича, в 30-е годы Пушкин «иссякал» и его «точил червь простоты», в «Медном всаднике» «нет уже внутренней уверенности», а «мировые бездны» у самого поэта «довольно скромные»⁴¹. Против отказа от пушкинского наследия решительно выступил В. Ходасевич в статье с характерным названием «Бесы» («Возрождение», Париж, 1927. 11 апр.). Позицию В. Ходасевича с защитой наследия Пушкина поддержал А. Бем, воспринимавший Г. Адамовича как теоретика «антипушкинского движения», представителя новой «писаревщины», отмеченной «нигилистическим» отношением «к нашим культурным ценностям»⁴². Начав длительную полемику с Г. Адамовичем, А. Бем призывал молодое поколение учиться у старшего поэта-классика и подчеркивал, что русская литература «в ее самых сложных проблемах укоренена в Пушкине».

Г. Адамович со своей стороны утверждал, что поэзия – «дело сложное, таинственное, и Лермонтов в ней явление слишком неповторимое, чтобы кто-нибудь мог его затмить, заслонить»⁴³. Обращаясь к лермонтовской прозе, он акцентировал внимание на ее новизне по сравнению с прозой современников и на ее обращенности к будущему: «Лермонтов ищет правдивости, полноты и глубины человеческого образа. Внутреннее у него впервые противопоставлено внешнему».

О Лермонтове в межвоенный период XX в. в эмиграции было написано значительно меньше работ, чем о Пушкине. Две памятные даты, связанные с его жизнью и смертью, пришлось на военные годы – 1939 и 1941, а потому о широком чество-

вании поэта не могло быть и речи. В зарубежье суждения о поэте отличались не только полемичностью, но высокой степенью критичности по отношению к его наследию. Так, П.М. Бицилли в главе «Анализ поэтического творчества Лермонтова», вошедшей в его книгу «Этюды о русской поэзии» (Прага, 1926), отмечал, что поэтическое новаторство Лермонтова осталось незамеченным, а потому и его роль, как «обновителя русского поэтического языка», была впоследствии забыта. Критик считал, что Лермонтов никакого литературного движения собой не продолжает, «ни от кого не исходит», ничего не завершает, а лишь начинает.

В.В. Зеньковский «создателем русской романтической лирики» считал именно Лермонтова, с его исканием полноты жизни и творческой свободы. Персонализм поэта окрашен психологией протеста, однако в самом его мятеже есть тоска («Как будто в бурях есть покой»). Выход из мятежного состояния души, горечи «от невыраженных тайных порывов» грезился ему только в красоте. «Персоналистическая установка духа, с ее максимализмом, безграничной жаждой свободы, с потребностью творчески проявить себя, – все это впервые зазвучало действительно у Лермонтова. Это и есть самое яркое, но и самое драгоценное у него, – и дело здесь не в нищестии и не в богоборчестве, а именно в самоутверждении личности, в ее законной потребности самопроявления»⁴⁴, – писал В.В. Зеньковский.

В юбилейный год вышла книга К. Мочульского «Великие русские писатели XIX в.» (Париж, 1939). Здесь, в статье «Лермонтов», он обратил внимание на то, что лермонтовский Демон не похож на библейского сатану: «... не любит зла, ибо нигде не встречает сопротивления», тоскует по тем дням, когда он был «в жилище света», тяготеет своим могуществом, одиночеством и своей свободой»⁴⁵. По мнению критика, образ Демона остался не ясным до конца и самому Лермонтову, который подчеркивал искренность его

любви, раскаяние, обращение к «добру», а вместе с тем и давал понять, что «его вдохновенные и пламенные речи были только соблазном и обманом... образ падшего духа дробится и расплывается. Мы так и не знаем, к чему стремится Демон: спасти себя любовью чистой девушки или погубить ее своими коварными соблазнами. И эта двойственность знаменательна: в самом поэте была борьба добра со злом, нераскаянной гордыни и жажды искупления»⁴⁶. В Печорине, по мысли К. Мочульского, «болезнь века» углубилась и странный недуг неверия, сомнения, бессердечия поразил уже «самые источники жизни», но романтический прекрасный Демон был развенчан.

Вяч. Иванов в статье «Лермонтов» (1947–1948), на новом этапе возвращаясь к символистскому кругу идей, стремился показать, что миф «Демона» «основан на внутреннем созерцании архетипа Небесной Девы», рожденной «прежде всех век», ибо поэт обладал врожденным даром «видеть вокруг всех вещей как бы излучение вечной идеи»⁴⁷. Лермонтов хотел отобразить идею Вечной Женственности, «предсуществовавшую вселенной». Демон не мог удовлетвориться радостью рая, потому что «не находил это женское существо... но он ощущал его присутствие, сокрытое в лоне Бога»; Демон владеет знанием вещей и «предугадывает Премудрость, еще не явленную»⁴⁸. Истокованный таким образом миф, как полагал Вяч. Иванов, перестает быть бессвязным, «и воистину сатанинским оказывается страстное стремление Демона вырвать палладиум всемогущества – Премудрость Божию – из рук Творца»⁴⁹.

Смысл и значение произведений Гоголя, Достоевского, Л. Толстого, их этических, религиозных, философских воззрений был раскрыт исключительно в эмиграции. Все эти проблемы в СССР, где возобладала вульгарно-социологическая интерпретация классики, на долгие десятилетия были исключены из научного и литературно-критического обсуждения.

Одним из важнейших нравственно-религиозных ориентиров в эмиграции становится **Гоголь**, прослеживается драматизм его жизни и творчества. В книге «Духовный путь Гоголя» (1934) К.В. Мочульский рассматривал генезис эсхатологических представлений писателя, религиозное мировоззрение которого считал именно эсхатологическим; критик полагал, что такое начало глубже всего обнаруживается в изображении психической жизни гоголевских персонажей. Гоголь-человек, согласно К. Мочульскому, аскетически отвергал злой мир – «ужасную действительность», тогда как Гоголя-писателя завораживает действительность искусства, мечты, идеала, воображения, и он «советует художнику под страхом гибели своей души не покидать заоблачных пространств поэтического вымысла»⁵⁰. Мировоззрение Гоголя, заключает критик, – «заключено и глубоко духовно», «образ художника и образ человека сливаются воедино. Двойным смыслом звучат слова “подвиг” и “поприще”: аскетический путь и создание поэмы – единая лестница, ведущая к Богу»⁵¹. Гениально одаренный в нравственной области, Гоголь, согласно важнейшему выводу К. Мочульского, круто повернул всю русскую литературу «от эстетики к религии», сдвинул ее «с пути Пушкина на путь Достоевского». В середине 1840-х годов писатель пережил религиозный кризис: усомнился «в своей близости ко Христу, в своей любви к Богу» и вступил «в последний круг своего ада – в пустыню богооставленности»⁵².

В.В. Зеньковский высказал важную мысль о том, что писатель внес в русскую жизнь ту «тему, которая донныне является одной из центральных тем русских исканий, – о возврате культуры к Церкви, о построении нового церковного мировоззрения – о “православной культуре”»⁵³. В последней, итоговой книге «Н.В. Гоголь» (1961), размышляя о проблеме зла у писателя, В. Зеньковский утверждал, что «Гоголь больше всего занят не силами зла

вне и над человеком, а тем злом, которое развивается в душе человека, ибо «основное значение принадлежит здесь новому пониманию человеческой души, путей личности в ее созревании», исходящему «из христианских начал»⁵⁴.

Главную тему Гоголя и **Достоевского** В.Н. Ильин увидел в «мировой драме грехопадения, греха, порчи, связанности, одержимости грехом», ибо зло, понимаемое как грех, – «есть христианская философия греха»⁵⁵. Он писал, что Достоевский одной из важнейших сторон своего существа «вышел из Гоголя»: «И основная тема у них одна: падший и страдающий человек, ставший спиной к Богу или к раю. Только у Гоголя – ужас утраченной свободы, ужас магической замороженности грехом и разложением... У Гоголя все статично, все застыло и окаменело... У Достоевского наблюдается другой подход к теме греха... Достоевский преодолевает искушение распада и пессимизма через философию трагедии свободы и трагическую философию свободы»⁵⁶.

Вопрос о влиянии Гоголя на Достоевского рассматривал и А.Л. Бем, высказавший мысль, что в молодости Достоевский несомненно «подпал под влияние Гоголя», затем оказался «в борьбе с ним», которая и отразилась в его творчестве, он «помог Достоевскому преодолеть сентиментально-романтическую струю»⁵⁷. Гоголь, по мнению А. Бема, не поднял своего героя в «Шинели», а «унизил, растоптал его», потому в самом замысле произведения «было что-то жестокое», Достоевский в «Бедных людях» одухотворил этот замысел и «очеловечил»: «Вместо “шинели” должна была явиться Варенька Доброселова. И тогда иными словами заговорит маленький человек»⁵⁸.

О Достоевском в эмиграции написано немало историко-литературных исследований. И прежде всего – это «Семинарий по изучению Достоевского» при Русском народном университете в Праге, организован-

ный в 1925 г. под руководством А.Л. Бема. Участники семинара с 1929 по 1936 г. подготовили три выпуска его трудов («О Достоевском»), куда вошли работы А.Л. Бема, С.И. Гессена, В.В. Зеньковского, Р.В. Плетнёва, Д.И. Чижевского и др. Книга самого А. Бема «У истоков творчества Достоевского» (1936) стала третьим томом этой серии, вышедшей под его редакцией. Книга состоит из статей А. Бема, прочитанных в семинарии, в которых прослеживается влияние на Достоевского Грибоедова, Пушкина и Гоголя, а также рассмотрено отношение Достоевского к Толстому. Свой метод исследования А. Бем называл «методом мелких наблюдений» при постоянном обращении непосредственно к тексту произведений. Все случаи влияния, переключек, «заимствования» Достоевского у русских классиков он типизировал и свел к двум основным: «1. Намеренные – например, из гоголевского “Носа” для повести “Двойник”, или парадоксальное доказательство того, что Федор Павлович Карамазов – своего рода сниженный и тем самым разоблаченный Скупой Рыцарь. В этих случаях Достоевский либо полемизировал с героями своих предшественников, либо вершил свой суд над ними. 2. Бессознательные – мелкие детали, свидетельствующие о глубинном, бессознательном усвоении Достоевским выдающихся образцов русской литературы»⁵⁹.

О Достоевском также написали книги: Г.В. Флоровский «Достоевский и Европа» (София, 1922), Б.П. Вышеславцев «Русская стихия у Достоевского» (Берлин, 1923), Н.А. Бердяев «Миросозерцание Достоевского» (Прага, 1923), И.И. Лапшин «Эстетика Достоевского» (Берлин, 1923), А.З. Штейнберг «Система свободы Достоевского» (Берлин, 1923), Скобцова Е. (Е.Ю. Кузьмина-Караваева) «Достоевский и современность» (Париж, 1929), К.В. Мочульский «Достоевский. Жизнь и творчество» (Париж, 1947), И.С. Шмелёв «О Достоевском. К роману “Идиот”» (Париж, 1949), Н.О. Лосский «Достоевский и его христианское миропонимание» (Нью-Йорк, 1953) и др. Наибольшую извест-

ность среди них получили книги Н. Бердяева, создавшего духовный портрет писателя, и К. Мочульского, написавшего обобщающий труд об осмыслении творчества писателя и его личности в критической литературе эмиграции. Н. Бердяев, книга которого в ближайшие 20 лет была переведена на немецкий, французский, английский, испанский, итальянский, шведский и японский языки, рассматривал Достоевского не только как великого художника, но и как великого мыслителя, духовидца, гениального диалектика и величайшего русского метафизика. Он видел в нем не только религиозного мыслителя, но и пророка, провидца русской «катастрофичности», особо отметил, что писатель одним из первых понял страшную суть социализма: стремление обустроить Царство Божие на земле без Бога и свободы, а легенду о Великом Инквизиторе в «Братьях Карамазовых» с ее основной темой о свободе человеческого духа расценивал как то главное, что создал Достоевский.

В эмигрантской периодике о писателях-классиках рассыпано огромное количество статей, очерков, заметок, приуроченных к юбилейным датам, носящих часто мемуарный характер. О **Л. Толстом** писали многие известные писатели и критики. С первых лет эмиграции публицистически решался вопрос с «ними» или с «нами» находится творчество Толстого. Д.С. Мережковский в 1921 г. отвечал на него так: «...во всех мерах – этике, эстетике, политике, метафизике – Толстой не с нами. В лучшем случае, он – между или над обоими станами⁶⁰»; он отрицает насилие, поэтому неприемлем для обоих, но непреодолимое расхождение между Толстым и комиссарами – религия, которая является для него «высшей мерой всего».

В условиях свободы от идеологической цензуры литературную критику русского зарубежья в творчестве Толстого прежде всего интересовала нравственная философия и религиозная проблематика. Дискуссию вызвала книга И.А. Ильина, посвящен-

ная воинам Белой армии, «О сопротивлении злу силой» (Берлин, 1925), где он, резко критически рассматривая этику Толстого, оправдывал противодействие злу насилием, «кровь по совести». Он обвинил Толстого в непонимании того, что «право есть необходимый и священный атрибут человеческого духа», и что «ограждать духовный расцвет человечества на земле невозможно вне принудительной общественной организации, вне закона, суда и меча»⁶¹. Н.А. Бердяев обвинил И. Ильина в «отвлеченном морализме» и «принуждении к добру», якобы присущему христианской этике⁶². Оппонентами И. Ильина в этом споре также выступали В.В. Зеньковский и Ф.А. Степун.

В статье «Православие и русская культура» (1924) В.В. Зеньковский вновь обратился к «религиозному максимализму» Л. Толстого, который выразил ту основную идею христианства, что заповеди Христовы есть не идеал, а «живой путь действия». В философском этюде «Л. Толстой как мыслитель (К диалектике его идейных исканий)» (1960) В.В. Зеньковский отмечал, что писатель был «поистине гениален в своих моральных суждениях, в своей исключительной моральной чуткости»⁶³. Из всего христианства ему была близка только мораль, тогда как метафизика христианства осталась непонятной и ненужной. Искания смысла жизни, не уничтожаемой смертью, привели Толстого «к связыванию личной жизни с Абсолютом, понимаемым как Добро, но как добро безличное (иначе неизбежна была бы та метафизика Абсолюта, какая заключена в христианстве). То, как Толстой понимал этот «пульс абсолютности» в человеке, неизбежно вело его к принципу имперсонализма, к новому учению «о том, что есть собственно “истинная” жизнь в человеке – и здесь антропология переходит уже в этику»⁶⁴, утверждал философ.

Осмыслению жизни и творчества Толстого посвящены книги «Освобождение

Толстого» (Париж, 1937) И.А. Бунина и «Толстой, как явление религиозное» (Харбин, 1937) К.И. Зайцева. Основную тему книги Бунина критик П. Бицилли понимал как истолкование последнего этапа жизненного пути Толстого, связанного с его «уходом» и который сам Бунин называет «освобождением» «от смерти» (Рус. зап. 1938. № 4).

Отличительной особенностью восприятия творчества **А.П. Чехова** в зарубежье стало то, что писатель сравнительно недавно вошел в число классиков; если в метрополии 1920-х годов он оказался не востребован, ибо его творчество было тесно связано с жизнью разрушенной страны, то для «России в изгнании» личность и творчество Чехова олицетворяли высшие этические ценности русской литературной классики⁶⁵. Критики находили в произведениях писателя «отзвуки» Г.Р. Державина (В. Ходасевич), А.С. Пушкина (Г. Адамович), Н.В. Гоголя (П.М. Бицилли), И.С. Тургенева (М. Цетлин, П.М. Бицилли), Ф.М. Достоевского (П.М. Бицилли, М. Цетлин, М. Курдюмов), Л. Толстого (М. Цетлин).

В эмиграции одним из первых о Чехове высказался Д.П. Святополк-Мирский, назвавший его писателем, который отличается «полной свободой от проповедничества и поучения» и принадлежит новым временам. М. Цетлин определил Чехова как первого русского импрессиониста, открывшего *сумерки* и *полутона*. Однако чеховский импрессионизм был «всего лишь приемом», в то время как сердце писателя «разрывалось от сочувствия, ужаса, печали, жалости, любви», – писал Г. Адамович. Он считал, что главное очарование писателя – именно любовное. Великая доброта, ставшая «естественной окраской его таланта», пронизывает книги Чехова, полагал В.В. Набоков и акцентировал внимание на том, что Чехов не моралист, но истинный художник, которому прежде всего необходимо изобразить «живого человека, не заботясь о полити-

ческой назидательности и литературной традиции. Чехов первым из писателей отвел *подтексту* важную роль в передаче конкретного смысла. Русского читателя по-настоящему привлекало то, что в чеховских героях он узнавал тип русского интеллигента, идеалиста. Его герои милы именно потому, что беспомощны, утверждал В.В. Набоков. Если Г. Адамович писал о человечности, как важнейшей черте Чехова, то П. Бицилли специфику этой черты видел в «снисходительно-сострадательном отношении ко всему живому с необходимо-присущим такому отношению оттенком юмора». Жалость к человеку, каков бы он ни был, более того – ко всему существующему на свете, доминанта чеховского восприятия жизни, убежден П. Бицилли, отметивший «родственность» «хмурых людей» 80-х годов – у Чехова и «лишних людей», «уездных Гамлетов» 40-х – у Тургенева. Однако чеховские «лишние люди», по мысли Ю. Айхенвальда, не расчищают себе дороги «в сутолоке человеческого действия», а тоскуют «по высшей красоте и правде», тяготеют к идеалу, «к своей нравственной “Москве”», они – «люди с одухотворенными лицами и большими сердцами». Славу Чехову, по мысли В. Ходасевича, создал его лиризм. Но будущий читатель под лирикой писателя найдет «подлинный, первоначальный двигатель чеховского творчества – эпос».

Вопрос о религиозности Чехова был поставлен сразу же после смерти писателя. В эмиграции, как и прежде на родине, на него отвечали по-разному. Задаваясь вопросом, *лишен ли Чехов ощущения Бога* и совершилось ли с ним исчезновение божества из русской литературы, Г. Адамович склонялся к тому, чтобы дать положительный ответ. Противоположное мнение высказали М. Курдюмов, В.Н. Ильин, Б. Зайцев, К.В. Мочульский и др. Так, например, М. Курдюмов (за этим псевдонимом скрывалась М.А. Каллаш) сделал попытку пересмотреть традиционное представление о писателе как позитивисте и атеисте, скло-

нялся видеть подсознательную религиозность Чехова. Главной темой писателя критик назвал трагическую судьбу человека в мире. При этом Чехов никогда не забывал, что «человек есть образ Божий, хотя бы и изувеченный и искаженный до неузнаваемости». Отсутствие высшего оправдания и высших целей бытия выступает одной из главных причин неудовлетворенности и тоски у всех «лишних людей» Чехова, а их некоторый эгоцентризм вытекает из «подсознательно-религиозной тревоги их душ».

Б.К. Зайцев, изначально воспринимавшийся критикой как писатель «чеховской школы», неизменно писал о нем «с трепетом обожания», по словам Г. Адамовича. Б. Зайцев подчеркивал неосознанное религиозное чувство писателя, искал в нем иррациональное начало, «глубинные религиозные эмоции». Кроме Б.К. Зайцева, о Чехове оставили воспоминания З.Н. Гиппиус, И.С. Шмелёв, К.А. Коровин, И.А. Бунин и многие другие. Эти мемуарные материалы вызывают непреходящий интерес.

Неоднозначно в литературной критике русского зарубежья было воспринято и творчество Чехова-драматурга. Так, И.А. Бунин, всегда говоривший о рассказах писателя в превосходных тонах, делал оговорку – *насчет пьес*. В частности, вслед за Л. Толстым он высказывал мнение о том, что чеховские пьесы уступают его рассказам. Не столь категорично это мнение разделяли Г. Адамович, М. Цетлин, М. Алданов, Г. Газданов. И даже В.В. Набоков, при всей его любви к Чехову, полагал, что писатель не создал «истинного шедевра драматургии». Вместе с тем, по его же словам, Чехов сумел выйти к созданию «нового и лучшего» вида драмы. Он назвал драматурга «непревзойденным мастером паузы» и выделил найденный им новый прием – «оживить своих персонажей» с помощью воспроизведенной ими какой-нибудь глупой шутки или неуместного воспоминания. М. Курдюмов и К. Мочульский относились к тем, кто чрезвычайно высоко оценивал «новую драму» Чехова. Пьесы драматурга «пытаются выра-

«РОДИНА ПОСЛЕДНЯЯ, ВСЁ, ЧЕМ РОССИЯ БЫЛА И ЧЕМ ОНА БУДЕТ»: Русская классика в рецепции литературной критики эмиграции

зить трагедию обреченности», «трагедию бездейственности»; и главное в них, невидимо действующее лицо (как и в других произведениях писателя), – это «беспощадно уходящее время», которое уносит с собой несбывшиеся мечты и неосуществимые надежды, подчеркивал М. Курдюмов. Оставаясь в своей беллетристике объективнейшим рассказчиком, Чехов захотел в пьесе «показать себя лирическим поэтом» и создал личный и своеобразный жанр – «лирическую драму», писал К. Мочульский. Его персонажи, продолжал критик, лишь переживают

«пафос свершения», но остаются неподвижными; их судьба – тосковать по действию, томиться, но не выходить из мира своих чувств, оставаясь в плену лирической стихии. Драматурга волновало «не случайное и временное», настаивал критик, а бессмертная человеческая душа, о судьбе которой он только и говорил: «о неразрешимой загадке существования, об обреченности и гибели». И это «его великая лирическая тема», которая роднит его с поэтами всех стран и времен.

Примечания

- ¹ Розанов В.В. Апокалипсис нашего времени. – М., 2000. – С. 6–7. Кстати, эту книгу Розанова «Апокалипсис нашего времени» (Сергиев Посад, 1917–1918) вывезли в зарубежье, где она была переиздана в журнале «Версты» (Париж, 1927. – № 2).
- ² Что делать русской эмиграции? Статьи З.Н. Гиппиус и К.Р. Кочаровского / С предисловием И.И. Бунакова. – Париж, 1930. – С. 3.
- ³ Федотов Г.П. Защита России. – Париж: YMCA-Press, 1988. – С. 300.
- ⁴ Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. – М.: Наука, 1990. – С. 63.
- ⁵ Там же.
- ⁶ Ходасевич В. Литературные статьи и воспоминания. – Нью-Йорк, 1954. – С. 289.
- ⁷ Терапиано Ю. Русская зарубежная поэзия // Терапиано Ю. Встречи: 1928–1971. – М., 2002. – С. 257.
- ⁸ Вейдле В.В. Умирание искусства: Размышление о судьбе литературного и художественного творчества. – СПб., 1996. – С. 10, 13.
- ⁹ См. об этом: Голубков М.М. Утраченные альтернативы: Формирование монистической концепции советской литературы. 20–30-е годы. – М., 1992; Елина Е.Г. Литературная критика и общественное сознание в советской России 1920-х годов. – Саратов, 1994; Добренко Е.А. Формовка советского читателя. – СПб., 1997; Социалистический канон: Сб. ст. / Под ред. Гюнтера Х., Добренко Е. – СПб., 2000; Есаулов И.А. Постсоветские мифологии: структуры повседневности. – М., 2015.
- ¹⁰ Мартыанова С.А. Ценностные аспекты русской классики XIX в. в литературоведении XX в. // Наука о литературе в XX в.: История, методология, литературный процесс: Сб. ст. – М., 2001. – С. 61.
- ¹¹ Есаулов И.А. Постсоветские мифологии: Структуры повседневности. – М.: Академика, 2015. – С. 423.
- ¹² О значении речей Достоевского и Тургенева см.: Филин М. От составителя // Тайна Пушкина: Из прозы и публицистики первой эмиграции. – М., 1998. – С. 5–20.
- ¹³ Там же. – С. 10.
- ¹⁴ Там же. – С. 14.
- ¹⁵ Милюков П. Живой Пушкин (1837–1937): Историко-биограф. очерк. – Париж, 1937. – С. 136.
- ¹⁶ Адамович Г. Пушкин и Лермонтов // Последние новости. – Париж, 1931. – 1 окт.
- ¹⁷ Мусатов В.В. Пушкинская традиция в русской поэзии первой половины XX в. – М., 1998. – С. 62.
- ¹⁸ См.: Филин М.Д. Пушкин Александр Сергеевич (1799–1837) // Лит. энциклопедия рус. зарубежья (1918–1940). – М., 2002. – Т. 4: Рус. зарубежье и всемир. лит., Ч. 2. – С. 310–329; См. также: Филин М.Д. Пушкиниана русского зарубежья: Материалы для библиографии // Московский пушкинист. – М., 1995–1998, 2000. – Вып. 1–5, 8.

- ¹⁹ См.: Петрова Т.Г. «Пушкин – все наше бытие»: Критика «первой волны» русской эмиграции о творчестве Пушкина // А.С. Пушкин: К 200-летию со дня рождения: Ст. Беседы. Библиогр. – М., 1999. – С. 75–90.
- ²⁰ См.: Филин М. От составителя // Центральный Пушкинский комитет в Париже 1935–1937: В 2-х т. – М., 2000. – Т. 1. – С. 13.
- ²¹ Чельшев Е.П. Российская эмиграция: 1920–30-е годы: История и современность. – М., 2002. – С. 70.
- ²² Бицилли П.М. Этюды о русской поэзии. – Прага, 1926.
- ²³ Ляцкий Евг. Пушкин и его историческая мысль // Науч. труды Рус. народ. ун-та в Праге. – Прага, 1928. – № 1. – С. 118.
- ²⁴ Федотов Г.П. Певец Империи и Свободы // Совр. записки. – Париж, 1937. – № 63. – С. 358.
- ²⁵ Ольденбург С.С. Поэт империи // Пушкин. 1837–1937. – Париж, 1937. – 6 февр.
- ²⁶ Франк С. Пушкин как политический мыслитель. – Белград, 1937. Цит. по: Франк С.Л. Этюды о Пушкине. – М., 1999. – С. 62.
- ²⁷ См.: День Рус. культуры. – Париж, 1926. – 8 июня.
- ²⁸ Мережковский Д.С. Мысли о Пушкине // Пушкин. 1837–1937. – Париж, 1937. – 6 февр.
- ²⁹ Булгаков С. Жребий Пушкина // Новый Град. – Париж, 1937. – № 12. – С. 249.
- ³⁰ Зеньковский В.В. Памяти А.С. Пушкина // ВРСХД. – Париж, 1937. – № 1/2. – С. 78.
- ³¹ Цит. по: Зеньковский В.В. Собр. соч. – М.: Рус. путь, 2008. – Т. 1: О русской философии и литературе: Ст., соч. и рец. (1912–1961). – С. 168.
- ³² Франк С. Пушкин и духовный путь России // Пушкин. – Париж, 1937. – 8 февр.
- ³³ См.: Пушкин. – Париж, 1937. – 8 февр.
- ³⁴ В сложных отношениях притяжения-отталкивания к работе В. Ходасевича «Поэтическое хозяйство Пушкина» (Л., 1924), главами печатавшейся в 1923 г. в берлинском журнале «Беседа» и в переработанном виде вошедшей в его книгу «О Пушкине» (1937), находились и П.М. Бицилли («Поэзия Пушкина» – один из трех его «Этюд о русской поэзии», 1926), и М.Л. Гофман («Пушкин: Психология творчества», 1928) и др. С работой В. Ходасевича книги двух названных критиков сближает тема, вынесенная М. Гофманом в название труда. Идея о внушающее действенном повторении слов и образов в поэзии Пушкина, по мнению М. Цетлина (Совр. записки. – Париж, 1926. – №3), особенно близка работам Бицилли и Ходасевича.
- ³⁵ Г.П. Струве отмечал, что В. Ходасевичем о Пушкине и его эпохе в газетах и журналах было опубликовано более 100 статей.
- ³⁶ Франк С. О задачах познания Пушкина // Белградский пушкинский сборник. – Белград, 1937. – С. 119.
- ³⁷ См.: Последние новости. – Париж, 1937. – 10 февр.
- ³⁸ Одно из самых ранних в эмиграции противопоставлений поэтов было предпринято в первых номерах журнала «Числа». – Париж, 1930.
- ³⁹ Ильин В.Н. Печаль души молодой (М.Ю. Лермонтов) // Вестн. РСХД. – Париж, 1932. – № 1. – С. 58.
- ⁴⁰ Поплавский Б. О мистической атмосфере молодой литературы в эмиграции // Числа. – Париж, 1930. – № 2–3. – С. 309.
- ⁴¹ См.: Числа. – Париж, 1930. – Кн. 1. – С. 138, 142, 143; Там же. – Кн. 2/3. – С. 167, 168.
- ⁴² Бем А. Культ Пушкина и колеблющие треножник // Руль. – Берлин, 1931. – 18 июня.
- ⁴³ Адамович Г. Лермонтов (15/28 июля 1841) // Последние новости. – Париж, 1931. – 1 авг.
- ⁴⁴ Цит. по: Зеньковский В.В. Собр. соч. – М.: Рус. путь, 2008. – Т. 1: О русской философии и литературе: Ст., оч. и рец. (1912–1961). – С. 382.
- ⁴⁵ Цит. по: Фаталист: Из наследия первой эмиграции / Сост., вступ. ст. и коммент. Филина М.Д. – М.: Русский мир, 1999. – С. 101.
- ⁴⁶ Там же. – С. 103.
- ⁴⁷ Цит. по Фаталист: Из наследия первой эмиграции / Сост., вступ. ст. и коммент. Филина М.Д. – М.: Русский мир, 1999. – С. 164.
- ⁴⁸ Там же. – С. 162.
- ⁴⁹ Там же. – С. 163.
- ⁵⁰ Цит. по: Мочульский К. Гоголь. Соловьёв. Достоевский. – М., 1995. – С. 18.
- ⁵¹ Там же. – С. 29–30.
- ⁵² Там же. – С. 47.

**«РОДИНА ПОСЛЕДНЯЯ, ВСЁ, ЧЕМ РОССИЯ БЫЛА И ЧЕМ ОНА БУДЕТ»:
Русская классика в рецепции литературной критики эмиграции**

- ⁵³ Цит. по: История русской философии. – Л., 1991. – Т. 1, ч.1. – С. 189.
- ⁵⁴ Зеньковский В.В. Русские мыслители и Европа. – М., 1917. – С. 234, 215.
- ⁵⁵ Цит. по: Ильин В.Н. Достоевский и Гоголь // Ильин В.Н. Эссе о русской культуре. – СПб., 1997. – С. 62.
- ⁵⁶ Там же. – С. 63.
- ⁵⁷ Бем А.Л. «Шинель» Гоголя и «Бедные люди» Достоевского (К вопросу о влиянии Гоголя на Достоевского) // Записки Русского исторического общества в Праге. – Прага, 1927. – Кн. 1. – С. 8.
- ⁵⁸ Там же. – С. 10.
- ⁵⁹ Ланин Б.А. А.Л. Бем «У истоков творчества Достоевского» // Лит. энциклопедия рус. зарубежья. – М., 2002. – Т. 3: Книги. – С. 79.
- ⁶⁰ Мережковский Д.С. Толстой и большевизм // Общее дело. – 1921. – 19–20 янв.
- ⁶¹ Цит. по: Ильин И.А. Путь к очевидности. – М., 1993. – С. 55.
- ⁶² Бердяев Н.А. Кошмар злого добра // Путь. – Париж, 1926. – № 4. – С. 103–116.
- ⁶³ Зеньковский В.В. Толстой как мыслитель (К диалектике его идейных исканий) // Зеньковский В.В. Русские мыслители и Европа. – М., 2005. – С. 342.
- ⁶⁴ Там же. – С. 347.
- ⁶⁵ О «чеховиане» русского зарубежья см.: Петрова Т.Г. Чехов в литературной критике русского зарубежья // А.Н. Островский, А.П. Чехов и литературный процесс XIX–XX вв. – М., 2003. – С. 421–433; Русское зарубежье о Чехове: Критика. Литературоведение, воспоминания: Антология / Сост., предисл., примеч. Мельникова Н.Г. – М., 2010.

Д.Д. Николаев

«ЗА ПРАВДУ БОРЬБА, ЗА ДУШУ»: «ДОМ УСОПШИХ» ИВАНА ЛУКАША И «СОЛНЦЕ МЕРТВЫХ» ИВАНА ШМЕЛЁВА

Аннотация. Рассматриваются сближения, переключки, неожиданные жанровые определения произведений И. Лукаша и И. Шмелёва; отражающая происходящее в России декларативная оксюморонность названий; оценка их литературной критикой; общность художественных приемов, образов, интонаций.

Ключевые слова: литература эмиграции; литературная критика; жанр; И.С. Лукаш; И.С. Шмелёв.

«Дом Усопших» Ивана Созонтовича Лукаша был опубликован в Берлине книгоиздательством «Медный всадник»¹. На обороте титульного листа указано, что тираж отпечатан в типографии Зинабург и Ко в январе 1923 г., но в действительности книга вышла еще в конце 1922 г. Об этом свидетельствует дарственная надпись на экземпляре, сохранившемся в коллекции Савина. Иван Лукаш вручил книгу «искреннему Другу Сергею Горному от всего сердца» в Берлине 25 декабря 1922 г.

«Солнце мертвых» Ивана Сергеевича Шмелёва, если не считать отдельных фрагментов, появившихся в газетах, печаталось во второй и третьей книжках парижского «трехмесячника литературы» «Окно»². Вторая книга «Окна» вышла в конце июня 1923 г. Хотя в качестве места издания «Окна» был указан Париж, печатался тираж трехмесячника в Берлине, в той же типографии Зинабург и Ко, что и «Дом Усопших». Третья книга «Окна» появилась в продаже 9 марта 1924 г.

Между публикацией «Дома Усопших» и первой части «Солнца мертвых» прошло всего полгода, но связывает эти два произведения не только время их создания. Сближений и переключек у Шмелёва и Лукаша множество. На возможную близость «Дома Усопших» и «Солнца мертвых» указывает уже параллелизм в названиях. И там, и там отра-

НИКОЛАЕВ
Дмитрий
Дмитриевич,
доктор
филологических
наук,
ИМЛИ РАН

жающая происходящее в России декларативная оксюморонность (у Лукаша, отметим, получающая развернутый комментарий) построена на сочетании живого (дом, солнце) и мертвого (усопших, мертвых) начал.

И Лукаш, и Шмелёв дают в подзаголовке своим произведениям неожиданные жанровые определения. Без этих подзаголовков тексты соотносились бы в читательском восприятии с иными, не теми, что в итоге заявлены, жанровыми формами. Шмелёв называет «Солнце мертвых» «эпопеей»³, хотя, отметим, при публикации в «Окне» это еще не указывается. «Дом Усопших» Лукаша в издательском каталоге, помещенном в самой книге, представлен как роман, но на титуле помещено иное жанровое определение – «поэма».

Владимир Амфитеатров-Кадашев в рецензии, опубликованной в газете «Сегодня», предположил, что Лукаш назвал книгу поэмой, «потому что в ней мало элементов романа»⁴. Но это объяснение «от противного» не позволяет понять, почему выбрано именно определение «поэма». Во-первых, можно было просто не раскрывать жанр в подзаголовке, а во-вторых, хотя «Дом Усопших», действительно, не является романом, с точки зрения формальной – это скорее повесть чем поэма.

Необходимо отметить, что поиск необычных жанровых решений (или, по крайней мере, определений) характерен для творчества Лукаша с дореволюционного времени, с его дебютной книги, – изданного в Петербурге в 1910 г. сборника «Цветы ядовитые». В начале 1920-х годов «поиски жанра» идут с особенным напряжением – Лукаш, как и многие другие писатели, ищет художественную форму, подходящую для отражения новой действительности, и постоянно стремится подчеркнуть формальную оригинальность своих произведений. В своих первых эмигрантских книгах Лукаш подчеркнуто уходит от привычных жанровых определений. Вышедшее в

1921 г. «Голое поле» в подзаголовке называется «Книгой о Галлиполи», опубликованный в 1922 г. сборник рассказов «Черт на гауптвахте» имеет подзаголовок «Петербургские истории», а изданный в конце того же года «Дьявол» (на обложке указан уже 1923 г.) назван «мистерией». Поиски эти продолжатся и в дальнейшем: прозаическая публикация в «Возрождении» 7 января 1927 г. «Санкт-Петербург. Четыре шеврониста» получает подзаголовок «Старинный анекдот» (№ 584. С. 6), изданные в 1931 г. в Белграде «Сны Петра» Лукаш назовет «трилогией в рассказах» и т.д.

Постоянные жанровые поиски Лукаша и его стремление фиксировать необычность жанра в подзаголовках можно считать своего рода фирменным авторским стилем. В.Ф. Ходасевич не без доли иронии писал в 1930 г.: «Только что вышедшая книга Ивана Лукаша “Пожар Москвы” не имеет подзаголовка. Мне кажется, что ее менее всего можно назвать историческим романом»⁵.

Илья Голенищев-Кутузов в 1932 г. вспоминал об еще одной «поэме» Лукаша, появившейся в печати раньше «Дома Усопших», в книге первой берлинского литературно-художественного альманаха «Веретено» (Берлин: Книгоиздательство Отто Кирхнер и Ко, 1922): «Нам вспоминается повесть, вернее, поэма, Лукаша “Государь”, напечатанная несколько лет тому назад в берлинском альманахе “Веретено”. Распад и развал русской Империи воспет автором с такой болью, с такой иступленностью, что многие уже тогда почувствовали, что Лукаш – один из одареннейших писателей нашей зарубежной литературы. С тех пор писатель окреп и вырос, освободился от многих недостатков. У него есть свой стиль, своя манера и, что самое главное, он создает свой мир – легенду о Российской Империи. Легенда эта обладает *магической силою* оживлять русские сердца в пустынях сорокалетнего странствования»⁶.

Обращение Лукаша в 1922 г. к форме «поэмы» в значительной степени определяется жанровым контекстом. Такой подзаголовок позволяет одновременно связать текст и с традициями русской классической литературы, и с наиболее известными современными произведениями. Сочетания заголовка и подзаголовка «Дом Усопших: Поэма» с прозаической формой и значительным (около 200 с.) объемом неминусом должно было отсылать читателя к «Мертвым душам» Н.В. Гоголя. Мне уже приходилось указывать на возможную связь определения «эпопея» у Шмелёва с «Учебной книгой словесности для русского юношества» Н.В. Гоголя⁷. Там же Гоголь определяет и «меньшие роды эпопеи», к которым, судя по описанию, относится и его «поэма» «Мертвые души»: «В новые веки произошел род повествовательных сочинений, составляющих как бы средину между романом и эпопеей, героем которого бывает хотя частное и невидное лицо, но однако же значительное во многих отношениях для наблюдателя души человеческой. Автор ведет его жизнь сквозь цепь приключений и перемен, дабы представить с тем вместе вживе верную картину всего значительного в чертах и нравах взятого им времени, ту земную, почти статистически схваченную картину недостатков, злоупотреблений, пороков и всего, что заметил он во взятой эпохе и времени достойного привлечь взгляд всякого наблюдательного современника, ищущего в былом, прошедшем живых уроков для настоящего. Такие явления от времени до времени появлялись у многих народов. Многие из них хотя писаны и в прозе, но тем не менее могут быть причислены к созданиям поэтическим». У Лукаша на смену приключениям приходят рассуждения, и все же его «поэму» можно рассматривать именно как попытку создать «меньший род эпопеи». А жанровый диалог «Дома Усопших» и «Солнца мертвых» в этом случае определяется как соотношение «меньшего рода эпопеи» и «эпопеи».

Вызывало в читательском сознании определение «поэма» и аналогии с нашумевшими поэмами революционных лет – прежде всего, с «Двенадцатью» А.А. Блока и «Инонией» С.А. Есенина. Такую связь Лукаш также стремился подчеркнуть. Идеи, которые высказываются его героями, могут быть сопоставлены с тем, что звучит у Блока и Есенина, но являются своего рода переосмыслением настроений революционных лет – после завершения Гражданской войны и окончательной победы большевиков. Нужно отметить, что у Лукаша в книге много отсылок к другим произведениям – и на уровне прямых цитат (из Горького и Чехова, к примеру), и на уровне образов.

С точки зрения современного понимания поэмы как жанра лиро-эпического «Дом Усопших» выбранное Лукашом определение позволяет подчеркнуть лирическое начало в произведении и подготовить читателя к тому, что в нем мало действия. Большая часть текста у Лукаша – это монологи, в том числе внутренние, героев, причем сливающиеся в единый монолог, поскольку главный герой в некоторые моменты сомневается, не является ли все услышанное от других его собственным бредом. Глагол «бредить» вообще играет важную роль в поэме: герои так характеризуют и себя («А мы тут, в палате умирающих, о новой жизни бредим, – улынулся Глеб» (с. 86)), и народ («Он всегда смутно бредил по земной правде, по Богу Живому, по жизни сладчайшей, небесной, здесь, на самой земле. Бредил, и тосковал, и пел, и в сектах путался» (с. 44)).

В книге есть подчеркнуто выходящее за рамки монологов авторское повествование, но именно оно и обрамляет текст. Это воспоминание о дореволюционном времени в самом начале поэмы и ее финал, в котором повествователь сообщает: «И был один из троих, что лежали в той туберкулезной палате, – другом моим, во все долгие дни нашего детства. Был он другом моим, и пачка его серых, предсмертных писем,

наскоро писанных карандашом, дошла до меня сюда из России, и одним дыханием его написал я весь “Дом Усопших”» (с. 185).

Как монолог, включающий в себя диалоги и другие монологи, строит «Солнце мертвых» и Шмелёв: оба писателя используют схожие принципы сочетания лирического и эпического начал. Схожим образом построены и системы персонажей. Я уже отмечал, что образная система у Шмелёва играет особенно важную роль, по сути принимая на себя главную функцию сюжета – выявление конфликтов⁸.

У Лукаша непосредственно «на сцене» появляются всего шесть человек. Это трое умирающих от чахотки обитателей барака – товарищ Федор, Глеб и Кузмичев. И три представителя «персонала» – санитар Гришка, доктор Виктор Викторович и медсестра Зоя. Герои и Шмелёва, и у Лукаша существуют в замкнутом мире. И там, и там действие происходит в Крыму, но пространственные рамки у Лукаша намного жестче, чем у Шмелёва. Герои Лукаша уже не могут действовать, они так близки к смерти, что не могут выйти за пределы своей комнаты-палаты. Даже чтобы дойти от одной койки до другой Глебу приходится прикладывать огромные усилия. Им остается только думать и говорить.

Лукаш изображает бывший пансионат «Стелла», а теперь – советский госпиталь, или, как его, обманывая себя и других, называет один из умирающих, Кузмичев, «санаторий для советских работников» (с. 15). На самом деле это никакой не санаторий, а палаты для умирающих. «Это вам не санаторий для отдыха, а мертвецкий барак», – говорит Кузмичеву сосед по палате, товарищ Федор (с. 21). Большая часть поэмы происходит в одной палате, и лишь незадолго до конца автор выводит действие за пределы палаты, – в «Дом Усопших» и в комнату Зои. Таким образом, из палаты умирающих – царства пограничного, существующего на грани жизни и смерти, мы вроде бы попадаем в царство мертвых и

царство живых. Но на самом деле эта трансформация кажущаяся: Лукаш все равно не выпускает нас за пределы больницы, так что просто расширяются границы пограничья, а все остальное по-прежнему существует где-то извне, как солнце, которое греет Глеба, но только сквозь окно: «Нет в палате ни сегодня, ни завтра, нет прошлого и нет будущего. Жизнь стоит у окон, но не входит» (с. 79).

«Дом Усопших» – это построенное когда-то давно помещение для мертвецов: «В “Дом усопших” привозят мертвецов со всего города»; «На чугунной доске расставлены широко и торжественно старинные буквы: “Дом усопших”... Странные слова нашли прежние люди для вывески над мертвецкой, наполнены эти слова тишиной глубокого сна, когда слышна во сне нежная и тихая музыка, и видны прозрачные, светлые залы, где реют чьи-то близкие, такие неясные и такие манящие призраки. “Дом усопших” – обман. Дома строят живым, и разве надобен дом трупной падали?» (с. 174).

Описания подвалов с мертвецами в «Доме Усопших» и в «Солнце мертвых» схожи, Шмелёв и Лукаш используют одни и те же слова. Лукаш: «Колодами свалены люди в подвал, как сбитые с земных подставок, опрокинутые и громоздкие восковые куклы паноптикума. И зачем строить им дом, когда в куклах нет жизни, когда жизнь в “Доме Усопших” такая странная и неверная, едва слышная <...>» (с. 176). Шмелёв: «В зимнее дождливое утро, когда солнце завалили тучи, в подвалы Крыма свалены были десятки тысяч человеческих жизней и дожидались своего убийства»⁹ (Ш., с. 41). «Там, в городке, подвал... свалены люди там с позеленевшими лицами, с остановившимися глазами, в которых – тоска и смерть. И там те семеро, бродившие по горам...» (Ш., с. 67).

«Дом Усопших» у Лукаша превращается в символ – и это символическое значение задается задолго до того, как в тек-

сте появляется процитированное выше описание «Дома Усопших». Доктор говорит: «Куда ни обернешься – одна гора мертвецов. Мавзолей трупный на месте России воздвигнут. От мертвецкой гари вся земля воздымилась... У нас над больницы мертвецкой, старинная вывеска есть: “Дом усопших”. И кажется, что вывеска эта над всей Россией, а то и над всем миром прибита: “Дом усопших”... Вот уж поистине свершились над нами сроки пророческие, о чем давно сказано: “Небо ваше сделаю как железо и землю вашу как медь. Будете есть плоть сынов ваших и плоть дочерей ваших”» (с. 128).

За счет рассказов героев у Лукаша действие переносится в Москву, Казань, Петроград и т.д., в революционный год, в царское время, в эпоху Пугачева... Точно так же – при помощи рассказов персонажей – меняются пространственные и временные границы и в эпопее «Солнце мертвых». Но эффект «расширения» и там, и там оборачивается эффектом «сужения». Пространственные границы мира тем шире, чем воспоминания удаленнее по времени от настоящего момента, но все сходится в одну точку. «Явь» в конечном итоге не имеет ни временной, ни пространственной протяженности¹⁰. Макрокосм сводится к микрокосму.

«Весь гений, вся мысль русского народа в одном: Бога Живого утвердить в мире, на земле построить царство небесное... Какое я царство в себе строю, какое ношу, такое и выстрою и вечно носить буду. В народе постигли, что все в нас: и рай, и ад. И Бог во мне, и Дьявол во мне, Слово Живое и Слово Мертвое, – куда дух мой идет, туда и я приду, – в рай ли, в ад, – но и ад и рай я сам себе создаю, мыслью своей, еще здесь, на земле, когда в теле я...» – объясняет у Лукаша товарищ Федор (с. 85).

«Дом Усопших» и «Солнце мертвых» настолько близки и по проблематике, и по поэтике, что закономерно возникает вопрос о влиянии и заимствовании, о сознательной перекличке образов и мотивов.

Лукаш был знаком с творчеством Шмелёва, который в эмиграции стал одним из самых близких ему по духу писателей. Но в ходе работы над «Домом Усопших» Лукаш «Солнце мертвых» прочитать не мог. Фрагменты эпопеи появились в эмигрантской периодической печати уже после публикации поэмы Лукаша. «Утро» – с подзаголовком «Из книги “Солнце мертвых”» – печаталось в «Звене» 9 апреля и в «За свободу» 18 апреля. Вторая книга «Окна» появилась в продаже в июне 1923 г. При публикации в «Окне» Шмелёв указывал место и время создания «Солнца мертвых»: во второй книге это «Март-апрель 1923 г. Париж»¹¹, в третьей – «Сентябрь 1923 г. Грасс»¹². Вероятнее всего, Лукаш прочитал «Солнце мертвых» только после появления отдельного издания в 1926 г. Косвенным подтверждением этого является начало его восторженной рецензии на книгу: Лукаш пишет, что читал книгу «за полночь, задыхаясь»¹³ – формулировка, плохо подходящая для давно уже знакомого произведения.

Шмелёв мог знать книгу Лукаша. Когда она вышла, Шмелёв как раз находился в Германии: он с женой прибыл в Берлин в середине ноября 1922 г., а в Париж переехал в середине января 1923 г. Но нужно учесть, что, несмотря на целый ряд книг и публикаций 1922 г., Лукаш зимой 1922/23 гг. все же воспринимался в первую очередь как автор «книги о Галлиполи» «Голое поле» и оставался для Шмелёва писателем малоизвестным. Лукаш был почти на 20 лет моложе, и эстетически они до революции расходились кардинально: в начале своего литературного пути Лукаш примыкал к эгофутуристам¹⁴. «И вся эта книга – Молитва миражно-голубым берегам, где миражится голубой принц в хороводах, где кружатся то тихо, то быстро “головки женщин и хризантем”, – писал Лукаш в рецензии на “Электрические стихи” Игоря Северянина. – И вот молится в больном экстазе поэт. Экстазы молитв несут его белой ночью в лунные глубины на яхте воздушной. Несут туда, где “снега, снега – как беломорье”... В лесную глубь.

«ЗА ПРАВДУ БОРЬБА, ЗА ДУШУ»: «ДОМ УСОПШИХ» ИВАНА ЛУКАША И «СОЛНЦЕ МЕРТВЫХ» ИВАНА ШМЕЛЁВА

Органы слились в невыразимо большой молитве. Органы унесли поэта в стеклянные покои. И гудят, и грохотливо рыдают, разбивая звуки о стеклянные стены, а поэт один, как в пропастях летящий орел»¹⁵. Игорь Северянин посвятил «Ивану Лукашу» одно из стихотворений в сборнике «Златолира», и пафос, и название которого – «Вне» – неожиданно переключаются с содержанием многих эмигрантских произведений Лукаша:

<...> Заглушите мой вопль, кирасиры!
Я – в сумбуре расплывшихся зорь...
Восприятия хмуры и сиры...
Олазорь же меня, олазорь! <...>
Не смотрите на нас, конькобежцы:
Нашу скорбь вы сочтете за шарж,
Веселитесь, друг друга потешьте
Под лубочно-раскрашенный марш.
Нам за вашей веселостью шалой
Не угнаться с протестным бичом...
Мы с печалью, как мир, обветшалой,
Крепко дружим, но – вы-то при чем? <...>¹⁶

Правда, после Февральской революции Лукаш успел опубликовать несколько произведений иного рода. В серии издательства «Освобожденная Россия», выходявшей под грифом «Временного Комитета Государственной Думы», вышло несколько его небольших книг, посвященных героям революции – «Преображенцам», «Волынцам», «Павловцам». В них использовался тот же, что и позже в «Доме Усопших», прием: повествование сменялось «прямой речью» героев, которая преподносилась как документальное свидетельство непосредственных участников событий: «Я записал и офицерские и солдатские рассказы. Мы сначала услышим солдата “Таврических казарм”, а потом нам офицер расскажет о первом организованном восстании в “Миллионных казармах”»¹⁷.

В книге Лукаша звучат восторженные речи участвующих в революции офицеров Преображенского полка: «Братья-Преоб-

раженцы! Вы знаете, что наш полк был всегда за свободу. Больше 100 лет мы ждали этой минуты... Русский народ отныне свободен. Сольемся же, закрепим ее, братья»¹⁸. Шмелёв тоже с одобрением воспринял свержение самодержавия и пафос революционных книг Лукаша тогда вполне разделял, а потом, как и Лукаш, резко изменил свое отношение к революции. Схожая трансформация взглядов также объединяла Лукаша и Шмелёва. Да и слова, которые Шмелёв написал о Лукаше в 1940 г., в полной мере относятся к обоим писателям: «Русский писатель – такая его природа! – всегда сознавал ответственность своего пути – служения человеку в понятии высоком, как бы священном. Ныне, вдали от родины, русский писатель раздвинул пределы обычного служения, и в его творчестве главное место заступает Россия, вся Россия, и дух, и быт ее, и все, что связано с ней... Так именно делает Лукаш – делал до сего дня, не мог не делать. Писатель выполняет должное назначение свое».

Именно близостью мироощущения и определялась в первую очередь схожесть подходов к отражению действительности в «Доме Усопших» и «Солнце мертвых». И у Шмелёва, и у Лукаша герои живут в ожидании смерти, и в окружении смерти. Жизнь на фоне смерти становится ключевым художественным приемом, поскольку само содержание эпохи можно определить этой формулой – жизнь на фоне смерти. В письме, которое Шмелёв отправляет И.А. Бунину из Берлина в конце 1922 г. речь идет о том, что его «душа мертва»: «Дорогой Иван Алексеевич, после долгих хлопот и колебаний, – ибо без определенных целей, как путники в ветре, проходим мы с женой жизнь, – пристали мы в Берлине 13 (н.с.) ноября. Почему в Берлине? Для каких целей? Неизвестно. Где ни быть – все одно. Могли бы и в Персию, и в Японию, и в Патагонию. Когда душа мертва, а жизнь только известное состояние тел наших, то-

гда все равно. Могли бы уехать обратно хоть завтра. Мертвому все равно – колом или поленом <...>. Осталось во мне живое одно – наша литература, и в ней Вы, дорогой, теперь только Вы, от кого я корыстно жду наслаждения силою и красотой родного слова, что может и даст толчки к творчеству, что может заставить принять жизнь, жизнь для работы»¹⁹.

Однако общность художественных приемов, образов и интонаций не приводит у Лукаша и Шмелёва к тождественности пафосов. И хотя образ солнца является ключевым в обоих произведениях, используется он по-разному.

Поэма Лукаша издана раньше, но она может служить своеобразным хронологическим продолжением эпопеи Шмелёва. Лукаш описывает весну 1922 г. Точно привязать текст к датам помогают слова Кузмичева: «А в Москве сейчас, знаете ли, съезды идут <...> На съезде металлистов я Троцкого видел. В Москве теперь идет, по существу, словесное истребление Коллонтай» (с. 16). Съезд металлистов, во время которого Кузмичев был еще в Москве, завершился 7 марта 1922 г., а с 27 марта по 2 апреля 1922 г. проходил Одиннадцатый съезд РКП(б), окончательно разгромивший «рабочую оппозицию» во главе с А.М. Коллонтай.

Хронологическая логика определяет и логику художественную. Герои «Солнца мертвых» тесно связаны с Крымом прежним, дореволюционным. Даже те из них, кого увлекли лозунги большевиков, являются представителями старого крымского мира – и с их смертью, с отъездом автора наступает своего рода конец истории – не случайно, завершающая глава эпопеи Шмелёва называется «Конец концов». Герои «Дома Усопших» – пришельцы, которые оказываются в Крыму после победы большевиков. Но это не дачники, приезжающие в благодатный край наслаждаться гармонией мира, а умирающие, у которых уже нет пути назад, в мир живых.

В отличие от Шмелёва, упоминающего в тексте «профессорский уголок» под

Алуштой, Лукаш конкретное место действия не называет, хотя при описании городов писатели используют одним и те же определения – «белый» и «выжженный». У Лукаша: «Был раньше белый город, была томительно пестрая, мелькающая и скучная ярмарка южного курорта для чашоточных, а теперь – это опустелый и выжженный солнцем пустырек на берегу гулкого Черного моря» (с. 10). У Шмелёва: «Виден мне с высокого миндаля беленький городок, рыжие, выжженные холмы, кипарисы, камни...» (Ш., с. 99).

Для Лукаша эта «привязанность» к конкретному месту не так важна, как для Шмелёва, поскольку она не важна для его героев. Он показывает «место под солнцем» вообще, но Крым – как и у Шмелёва – показывается не как цветущее, «райское» место, а как полуостров смерти. Он становится проекцией не столько популярной в начале XX в. картины А. Беклина «Остров мертвых» с темными кипарисами, сколько «Апофеоза войны» В.В. Верещагина, где изображена пустыня с высохшими деревьями, горой черепов и кружащим над ней вороньем.

Чтобы подчеркнуть произошедшую трансформацию, Лукаш в самом начале поэмы вспоминает Крым прежний, посвящая две страницы его описанию. Это не описание природных красот, не праздничная картинка – писатель вспоминает и о «золотисто-солнечном тумане пыли», и металлическом блеске моря в ветренные дни, которые был «и томим, и тревожен» (с. 7), и о «горьком, сыром и пряном запахе ладана, и кладбищ, потому что ладаном и надгробиями древних могил дышит и туя, и розовато-красные олеандры, и мясистая нежно-желтая магнолия, и кипарисы» (с. 9). Но в том, прежнем Крыму, люди и природа сплетены вместе – это место, где **живут**: «Весь морской берег, по широкой песочной дороге пляжа, был засорен мокрой виноградной кожурой, желтыми пакетиками от фруктов, бумажными обложками от шоколадных плиток – всегда глянцевыми и пестрыми, с обрывками измятого олова, похожего на тонкие листки светлого серебра» (с. 7).

Так было раньше, но весной 1922 г. все иначе:

«Теперь нет в городе ни пунцовых зонтов, ни тряских таратаек с веселыми воланчиками бахромы. В золотистой пыли не метет теперь пестрых бумажек от шоколадных плиток. Медный оркестр не бухает.

Город вымер допуста. В белых улицах – утомленное молчание и тишина безлюдья. Серый бульжник накален. Солнце лижет серый бульжник от утра до вечера, от вечера до утра. Лижет солнце серый бульжник ослепительными языками» (с. 9); «Был раньше белый город, была томительно пестрая, мелькающая и скучная ярмарка южного курорта для чахоточных, а теперь – это опустелый и выжженный солнцем пустырек на берегу гулкого Черного моря» (с. 10).

Противопоставление того, что было прежде, и того, что стало теперь – важнейшее в поэме Лукаша:

«Это тогда был здесь “Пансионат Стелла”, когда во всех белых домах были санатории, соляриумы, лечебницы с постоянными кроватями, когда кожуру и шоколадные обложки носило по смутной знойной пыли, когда пестро рябили улицы, бухал медный оркестр, а в море томительно и тягостно мелькали красно-синие, бело-черные и желто-розовые костюмы купальщиков, – заглянцевевшие от воды...

Теперь к белому столбу калитки прибита жестяная вывеска с большим красным крестом и узкими, натиснутыми одна на другую, буквами “РСФСР”. А над вывеской обвисает с дерева прогорелый на солнце бурый, кумачовый флаг» (с. 11).

У Глеба разрыв между «прежде» и «теперь» появляется с началом Первой мировой войны: «Со второго курса его призвали в войска. “Теперь пойдет – настоящее, страшное. Теперь для меня все кончено. Теперь – война”» (с. 33).

За этим, первым разрывом, наступает следующий, связанный с Февральской революцией, затем еще один – обусловленный

приходом большевиков: «На фронте он так и думал, что началось настоящее. Революция тоже было – настоящее. Годы раздвигались, как дымные зияния, как железные ворота над пропастями. И Глеб – бледный и тихий, – закусив губы, шагал и в пропасти, и в зияния, не оглядываясь. “Так надо” – думал он. “Революция, большевики, – все так и надо. Что-то идет, и разве мне понять, что такое идет? Мне – все равно. Я не коммунист и не революционер – все это пустяки... Но идет что-то настоящее, страшное... Мой батарейный командир пошел служить к большевикам, – я тоже пойду... Идет поток, его не остановишь. Надо идти в поток, со всеми, плечо к плечу. Теперь все сдвинулось, и не на чем устоять. И не все ли равно, у кого быть – у белых, у красных. Это все равно. Я пойду с красными”» (с. 33–34).

Одно «теперь» сменяет другое, и только в Крыму, в мертвецком бараке, наступает окончательное, финальное «теперь»: «”А правда, какие все пустяки”, – думает Глеб, прислушиваясь к шумному и сиплому дыханию Федора. – “Весь этот интернационал, завоевания революции, коммунизм. Каким глупым и жалким кажется все это теперь... Зачем все это, к чему? Жизнь – кончается. Жизнь – оборвется и что тогда? Что же тогда?”» (с. 16). Ответ на этот вопрос и ищут герои, и сам поиск его и его обретение знаменует собой у Лукаша финальное, предсмертное преобразование героев – итоговое «теперь».

В эпопее Шмелёва «теперь» – одно из ключевых слов. Если пространственная структура эпопеи определяется оппозицией «здесь» и «там»²⁰, то временная строится вокруг слова «теперь» – Шмелёв использует его более 250 раз! «Теперь все можно» (Ш., с. 28), «Теперь суда нема...» (Ш., с. 29), «теперь горсть пшеницы дороже человека» (Ш., с. 29), «теперь и соли купить не с чем» (Ш., с. 32), «У меня нет теперь храма» (Ш., с. 33), «Теперь люди говорят срыву, нетвердо глядят в глаза» (Ш., с. 38), «Теперь, замученные, попали

они в подвалы» (Ш., с. 41). «Говорят коллеги, что теперь “жизнь – борьба”, а практикой я не занимаюсь» (Ш., с. 49), «Лучше теперь в земле, чем на земле» (Ш., с. 50) – это лишь несколько цитат из первых глав произведения. При этом у Шмелёва работает не только оппозиция «теперь» и «прежде». Он, как и Лукаш, противопоставляет разные «теперь», показывает, как «теперь» меняется, как происходят разрыв за разрывом: «А еще совсем недавно она ждала, что всем раздадут и дачи, и виноградники, всем, как она, “трудящим”, и будут они жить, как господа жили.

Наше будет! Слыхала она “верное слово”, как орал матрос на митинге:

– Теперь, товарищи и трудящие, всех буржуев прикончили мы... которые убегли – в море потопили! И теперь наша советская власть, которая коммунизм называется! Так что до-жили! И у всех будут даже автомобили, и все будем жить... в ваннах! Так что не жись, а едрена мать. Так что... все будем сидеть на пятом этаже и розы нюхать!..

Ну, вот. Ступай и бери: виноградники, и сады, и дачи, все – бесхозьяное, все – пустое!» (Ш., с. 44).

Выстраиваемая у Лукаша и Шмелёва парадигма «теперь» отражает и то, как идет «за правду борьба, за душу». «Теперь <...> страшное», о котором вспоминал герой Лукаша, у Шмелёва сменяется на «теперь не страшно».

«Страшная книга» – так озаглавил Александр Амфитеатов статью, написанную в связи с появлением в 1926 г. отдельного издания «Солнца мертвых». «Более страшной книги не написано на русском языке, – подчеркивал Амфитеатов. – Да! Вот покойный Леонид Андреев пугал, пугал, а мы не пугались. А Шмелёв не пугает, а только рассказывает день за днем, шаг за шагом “эпопею” своего крымского, обывательского существования в голодный год под большевистским гнетом, – и... страшно! “За человека страшно”»²¹.

126

Не раз использовали слово «страшное» критики в отзывах на первую часть публикации «Солнца мертвых» в «Окне». «“Солнце мертвых” – ряд очерков И. Шмелёва о пещерной жизни на юге России, у моря, где жил писатель последние годы. О голодной тоске, сближающей людей и зверей, о «прошлом, изодранном по частям», об оскверненной, уходящей жизни, о кончившейся жизни и наступившей сказке, “страшной сказке” рассказывает И. Шмелёв»²², – писала А. Даманская.

Сочетание «страшного» и «сказки» бросилось в глаза и Ю. Айхенвальду, который посвятил «Солнцу мертвых» большую часть своего отзыва о второй книге «Окна»: «Везде ужасно было продвижение нового Тамерлана по Руси; но в цветущей Тавриде оно имело особенно страшный характер, именно потому, что Таврида была недавно цветущей. Все роскошные дары южного солнца растоптала чья-то жестокая нога, и контраст между прошлым и настоящим оказался таким, что ум отказывался понять и принять его, и ум переходил в безумие, изнемогало сознание, и вот оно постепенно гаснет и в герое шмелёвской эпопеи, и у его соседей, у всех этих интеллигентов, обитателей сгнувшегося “профессорского уголка”. <...> И потому “теперь ничего не страшно; теперь все – сказка”. Не страшно оттого, что рассказана и осуществлена как раз самая страшная из человеческих сказок, такая страшная, что уже оледенела самая способность пугаться и мы вышли за грани своего существа, своего разума и чувства»²³.

Если у Лукаша доминирует именно «страшное», то у Шмелёва важнее оппозиция «страшное» – «не страшное». В первой же главе – «Утро» – читаем: «Странных людей я вижу. С лицами неживыми ходят, ходят они по залам в одеждах бледных – с икон как будто, заглядывают со мною в окна. Что-то мне говорит – я чувую это щемящей болью, – что они прошли через страшное, сделали с ними что-то, и они – вне жизни. Уже – нездешние... И невыносимая скорбь ходит со мной в этих до жути рос-

кошных залах...» (Ш., с. 24). И ближе к концу той же главы: «Я знаю, что в виноградниках, под Кастелью, не будет винограда, что в белых домиках – пусто, а по лесистым взгорьям разметаны человеческие жизни... Знаю, что земля напиталась кровью, и вино выйдет терпким и не даст радостного забытья. Страшное вписала в себя серая стена Куш-Каи, видная недалеко. Время придет – прочтется...» (Ш., с. 26). Но страшное связано преимущественно с прошедшим, с тем, что было. А затем не раз, рефреном, повторяется, что теперь ничего не страшно: «А, не страшно. Теперь ничего не страшно» («Про бабу-ягу»); «Теперь на всем лежит печать ухода. И – не страшно» («С визитом»); «Вот видите. Значит, сказка. А раз уже наступила сказка, жизнь уже кончилась, и теперь ничего не страшно» («Сады миндальные») и т.д.

Это «не страшно» объединяет всех – и убивающих, и умирающих. «Теперь раздолье» и теперь «не страшно» – характеристика, которую дает доктор, относится к большевикам: «Всем вошам теперь раздолье, всем – мир целокупно предоставлен: дерзай! Никакой ответственности и ничего не страшно! На Волге десятки миллионов с голодудохнут и трупы пожирают? Не страшно. Впилашь вошь в загнивое, сосет-питается – разве ей чего страшно?!» (Ш., с. 60).

Почему героям Лукаша страшно, а героям Шмелёва уже нет? Потому что Лукаш изображает тех, кто был «за красных». Он показывает, что они несут ответственность за происшедшее, и надвигающаяся смерть лишь подчеркивает ту «ответственность», о которой говорят в процитированном выше фрагменте у Шмелёва. «Вошь», действительно, страха не испытывает, но Лукаш показывает людей – и они у него боятся. «Люди» – это слово выделяет разрядкой Шмелёв и в «Солнце мертвых», но у него это те, кто против большевиков, кто не выдаст, укроет продолжающих бороться²⁴. Лукаш помнит, как он поддерживал Фев-

ральскую революцию, как он сам думал, что началось что-то «настоящее», и понимает, что сделанный тогда неправильный выбор – это еще не выбор окончательный. Кто-то из его героев, как товарищ Федор, был сознательным революционером, кому-то, как Глебу, было все равно, «у кого быть – у белых, у красных». Но перед лицом смерти им оказывается не все равно. Большевики победили, но победители называются проигравшими.

Ю. Айхенвальд в отзыве о «Солнце мертвых» обращал внимание на то, что «беда воспринимается уже не в тонах истории, а как нечто космическое, стихийное, и тут уже дело не в большевиках, и уже не существенно, насколько они реально виноваты в огромном горе страны, в засухе и неурожае, в иссякновении питающих сил и соков природы: большевики – только олицетворение того кошмара, который душит живые существа, большевики – только носители и попустители несчастья, помощники более общего зла, и их злая и глупая воля только присоединилась к беспощадным ударам самого естества»²⁵. Однако зло, кошмар, который душит все живое, проникает в мир под видом добра. И как Лукаш и Шмелёв весной 1917 г. верили в то, что наступает новое, справедливая эпоха, так и многие их герои воспринимают революционные события как борьбу за правду, борьбу за справедливость.

Лукаш рассказывает о товарище Федоре, который «по паспорту <...> агроном, а по душе революционер и с четвертого класса гимназии – социалист» (с. 38):

«Было так с ним давно, в начале революции...»

Федору странно вспомнить это, – ведь, всегда был он неверующим, – а вот, как ударила революция, повалив Санкт-Петербург и его трусливое и рыхлое, как опаристая баба, Временное Правительство, – как медные солдатские трубы впервые забряцали “интернационал”, а муску-

листые и бодрые матросы стали ходить в первые бои против казацких генералов, – голые по пояс, с широкой, красной лентой через плечо, – часто ловил тогда себя Федор на ребяческой мысли, похожей на радостную молитву.

– Господи Боже мой, – сдвинулось, началось... Теперь дело пойдет» (с. 88).

Противопоставление подлинного и мнимого есть и в «Солнце мертвых», и в «Доме Усопших». У Шмелёва о новом Евангелии рассуждает доктор: «Думаю. Все думаю: сколько же материала! И какой вклад в историю... социализма! Странная вещь: теоретики, словокройщики ни одного гвоздочка для жизни не сделали, ни одной слезки человечеству не утерли, хоть на устах всегда только и заботы, что о всечеловеческом счастье, а какая кровавенькая секта! И заметьте: только что начинается, во вкус входит! с земным-то богом! Главное – успокоили человеков: от обезьяны – и получай мандат! Всякая вошь дерзай смело и безоглядно. Вот оно, Великое Воскресение... вши! Нет, какова “кривая”-то!? победная-то кривая!? От обезьяны, от крови, от помойки – к высотам, к Богу-Духу... и проникновению космоса чудеснейшим Смыслом и Богом-Словом, и... нисхождение, как с горы на салазках, ко вши, кровью кормящейся и на все с дерзновением ползущей! И кому сие новое Евангелие-то с комментариями преподнесли, карт-бланш выдали, и кто?! помните, у Чехова, в “Свадьбе”, телеграфист-то Ять, “Ять” – то эта самая, как рассуждает про электричество и про... какие-то два рубля и жилетку? Вот теперь эти самые “яти” и получили свое Евангелие и “хочут свою образованность показать”. И от кого получили? От тех же “ятей”! И вот показывают “образованность”. Потому-то на эту подлюгу “ять” и поход. Прообраз, конечно, я разумю. Стереть ее, окаянную! мешает! исконную, сла-вян-скую! Всем вошам теперь раздолье, всем – мир целокупно предоставлен: дерзай! Никакой ответственности и ничего не страшно!» (Ш., с. 59–60).

У Лукаша в «поэме» также одним из героев является доктор, и он высказывает схожие мысли: «Видите ли, человек жить хочет, страшно хочет жить, и за жизнь он готов на все. И вот сколько уже раз пообещают ему самого прогрессивного счастья жизни, рая земного, – а на деле дают гильотину и расстрел, голод и кровь, повальное истребление, и либо гадюку Робеспьера, либо прогрессивный паралич Ленина» (с. 133). Однако у Лукаша нет ярко выраженной фигуры «резонера», как у Шмелёва. В «Доме Усопших» монологи одних героев продолжают и дополняют монологи других. У него тоже цитируют знаменитую фразу чеховского телеграфиста. Делает это краснобородый красноармеец Иван Белов, о котором вспоминает Зоя: «Я им о Боге, а они мне, – что про Бога все враки и что никакого Бога нет. Я им говорю, ежели Бога нет, то и вас всех, скотов, ни на один мизинец нетути, а они говорят – нет ли нас, или есть, это нам наплевать, а вот коммуна правильна все делает, чтобы богачей всех передавить, и земля чтоб обчая. А я им говорю, что никогда опять же мужик урожаю сво-во в обчий амбар не засыплет, и всякого колом пришибет, ежели ему от своей-то кровной земли, да богатеть не позволяют. А они, видишь ли ты, – на смех меня подымают. Образованность свою, прости Господи, показывают. Лежачий это народ, нестоющий» (с. 157).

Нет у Лукаша и столь явной дистанции, как у Шмелёва, между повествователем и теми, кто поддерживал большевиков. Это естественно, ведь у Шмелёва в книге акцентируются и художественно осмысляются собственные переживания автора. Шмелёв пишет о тех, кого он знал, видел, слышал – и дистанция между ним и теми, кто считал, что наступает царство правды и справедливости, или просто «сбились с пути», а теперь умерли от голода, побоев, и т.д. – Кулешом, Гвоздиковым, Одарюком, дядей Андреем и т.д. – оправдана и идеологически, и художественно.

«Пятый день лежит Кулеш в человеческой теплице. Все ждет отправки: не может добыться ямы. Не один лежит, а с Гвоздиковым, портным, приятелем; живого, третьего, поджидают. Оба постаивали – шумели на митингах, требовали себе имения. Под народное право все забрали: забрали и винные подвалы – хоть купайся, забрали сады и табачки, и дачи. Куда девали?! Провалились и горы сала, и овечьи отары, и подвалы, и лошади, и люди... И ямы нету?! <...>

Спи, старый Кулеш... глупый Кулеш, разинутым ртом ловивший неведомое тебе “усенародное право”! Обернули тебя хваткие ловкачи, швырнули... Не будут они под мухами, на солнце!» («Миндаль поспел»).

«Я припоминаю Одарюка, статного, красивого мужика, хорошо добывавшего в Севастополе на оборонной работе. Революция кончила все работы, сбила его с пути, и пошел Одарюк по легкой, казалось ему, дорожке. Он живо спустил хозяйскую мебель, кровати, посуду и умывальники пансиона – менял за горами на пшеницу, вино и сало. Выпили-съели дачу, а столяр никому не нужен. А ходить по садам за полуфунтом... ну, еще будет время. Можно доменывать, что осталось, бродят и недорезанные коровы... И принял Одарюк за рамы, снимал двери, содрал линолеум... Да еще сколько железа будет, какая крыша! А рабочая власть – своя: без хлеба человека не оставит! Того не было и при царской власти» («Чудесное ожерелье»).

«С революцией дядя Андрей “занесся”. Пришел с Альмы, из-под Севастополя, к жене – к Лизавете-чернявой, – служила она при пансионе. Не пришел, а верхом приехал! Не вышло из него дрогаля, да и возить стало нечего, – лошадь продал. Пробовали с Одарюком спирт гнать – и тут не вышло. И стал дядя Андрей при Лизавете жить, при корове. Вырастила Лизавета великими трудами корову, с телушки воспитала. Выдала девчонку Гашку за матроса-головореза, с

морского пункта. Тут-то дядя Андрей и напоролся: думал корову себе забрать, на свое хозяйство садиться, а тут – матрос!

– А в Чеку?! Выведу в расход в две минуты!

Это тебе не господин Синявин!» («На тихой пристани»).

«Помер Андрей Кривой с нижнего виноградника. Ходил после “ванной” с неделю – крякал. Молчал и крякал. Потом прилег. Жаловался – “внутри ломит”.

А помер тихо.

Помер и Одарюк. Две недели места не мог найти: и ходить, и сидеть, и лечь – все больно. Жаловался, что “клинья вогнали в поясницу” и под сердце давит. За две недели в сухенького старичка обратился, глотнуть не мог. Водицы испить просил: глотнет, а принять не может. Кричал шибко, как отходил:

– Огне-ом... палит!..

Поглядел на детей, и выкатились из его глаз две слезы. А помер тихо.

И дядю Андрея выпустили после “ванной”. Во всем сознался. <...> Не дошел дядя Андрей до больницы. У базара, в безлюдном переулке, присел к забору, в майском своем костюме, загвазданном. Нашли прохожие, а он только губами двигает. Доставили в больницу. До полудня не дожил – помер.

Так отошли все трое, один за одним, – истаяли. Ожидаящие своей смерти, голодные, говорили:

– Налопались чужой коровятины... вот и сдохли» («Три конца», Ш., с. 145–147).

Лукаш пишет о том, что он не видел – о жизни после победы большевиков. Он стремится передать чувства и мысли «красных», хотя был убежденным «белым». Дистанция между повествователем и героями выделяла бы это несоответствие: она подчеркнула бы дидактический характер поэмы, но сделала бы ее менее художественно достоверной. Поэтому создавая резко антибольшевистское произведение, Лукаш дает шанс своим героям обрести правду, спасти

душу. Отсюда и явное преобладание рассуждений в «Доме Усопших»: автору необходимо объяснить происходящую с героями трансформацию – сразу двое из трех умирающих отказываются перед лицом смерти от «коммунизма» и обращаются к Богу.

В эпопее Шмелёва есть образ сапожника Прокофия, «что читал Библию». «Прокофий сапожничал, читал Библию и поджидал Правду» (Ш., с. 119), но «Познал Прокофий Антихриста – и помер»: «Знаю, как он помер. Все ходил по заборам, по пустым окнам – читал приказы, разглядывал печати: “антихристову печать” отыскивал» (Ш., с. 118). «У меня только Евангелие и две-три мои книги!..» – восклицает рассказчик у Шмелёва в главе «Что убивать ходят» (Ш., с. 41). У Лукаша Библию читает вставший на путь истинный товарищ Федор: «У товарища Федора была одна книжка: Библия, затрепанная, без переплета, с оборванными первыми страницами» (с. 37). Вслед за ним к Священному Писанию обращается и Глеб. Слова из Библии приводит доктор. Более того, сама палата умирающих воспринимается героями как проекция Библии: «Мы тут, в палате, как в Библии. Ведь там тоже разные пророки и провидцы одним языком говорят, одним духом, точка в точку, и не отличишь... А почему? Потому что все от одной свечи зажжены, а имя той свече – Бог...» – говорит товарищ Федор (с. 87).

У Шмелёва уже не ищут правды, не спорят о правде. В самом начале эпопеи, в первой же главе – «Утро» – рассказчик противопоставляет ночные «сны обманных, где все – нездешнее», сказочные дали, которые манят и не дают, и «голую правду – под ногами»:

«Утро срывает сны: вот она, голая правда, – под ногами. Встречай же его молитвой! Оно открывает дали...»

Не надо глядеть на дали: дали обманчивы, как и сны. Они манят и – не дают. В них голубого много, зеленого, золотого. Не надо сказок. Вот она, правда, – под ногами.

Я знаю, что в виноградниках, под Кастелю, не будет винограда, что в белых

домиках – пусто, а по лесистым взгорьям разметаны человеческие жизни... Знаю, что земля напиталась кровью, и вино выйдет терпким и не даст радостного забытья. Страшное вписала в себя серая стена Куш-Каи, видная недалеко. Время придет – прочтется...

Я уже не гляжу на дали» (Ш., с. 26).

Непосредственно о борьбе за правду и за душу у Шмелёва говорится лишь в главе «Игра со смертью» и продолжение борьбы связывается с чудом:

«Хоть шестеро жизнь отбили! Я с любовью смотрю на горы, благостные, суровые – покровители храбрых. Храбрых укроют камни. Простая правда у них – своя. Храбрыми Бог владеет! Могут быть милостивы – недвижимы. Люди на них живут, укроют люди. Последним куском поделится. Правда у них – своя. Будет продолжаться борьба, за правду борьба, за душу. И днем, и ночью. На глухих тропках, над пропастями, в орлиных гнездах, на проезжих дорогах... С радостью припадут к ключам светлым, будут слушать чуткую тишину в горах... Чудо могло случиться!

– Жить интересно все-таки! – восторженно говорит счастливец. – Я хорошо понимаю, что значит – уйти от смерти! Счастье сознательного рождения... так чудесно!» (Ш., с. 81).

У Лукаша товарищ Федор и Глеб перед смертью стремятся к обретению Бога и правды. «Где же правда, Кузмичев? Ну, настоящему, ну, скажите, – ведь мы все подышаем здесь. И вы, Кузмичев, подышаете, и вы не будете больше секретарем вашего исполкома, казначеем района, еще чем-то... Не знаю, чем вы там были... Ведь вы, кажется, даже расстреливали? <...> Хорошо, я пойду к черту, куда угодно пойду, – задумчиво смотрит ему в спину Федор, – но, понимаете, я страдаю, я с ума схожу... Там я думал, что несу правду в душе моей, что революция и социализм – новая правда человечества. Но послушайте же, товарищ Кузмичев, гражданин Кузмичев, человек, наконец, – послушайте, а ведь правды-то

там нет» (с. 21–22). «Мне бы к белым давно перебежать надо. Ведь есть где-то там в чужих землях мальчишки, что с генералами бродят, и восстают еще у нас темные мужики и есть серая бродяжная Русь, и атаманы лесные», – говорит он Глебу. «← Правда, по-вашему, значит, там? – наивно, с легкой тревогой за свою будущую судьбу, спросил Глеб.

– А я почему знаю. Я думаю, что нигде правды нет. Все это, – поднятая пена. А правда на небесах, что ли, как тот облезлый мужик говорил... Нет более правды на земле и народ русский сдвинулся и пошел добывать ее. На небеса он шагнуть хочет за нею, замыслил он небо на землю сдернуть. Он всегда правду искал, русский народ. Потому-то он так безжалостно разметал свои церкви и по ветру развеял пелены мощей и царя и дите царское удушил, как котят... Пусть это дикий, но это неземной народ, – понимаете ли вы. Его ни под какие европейские и азиатские мерки не подладить. Это народ – хлыст» (с. 42–43).

«Дом Усопших» разрастается до масштабов вселенной, поскольку персонажи мыслят именно такими масштабами – вечности и бесконечности, стремясь противопоставить их смерти и замкнутости того мира, в котором они находятся. Парадоксальным образом «прорыв в вечность» перекликается с революционными устремлениями – и то, что отрицается героями, одновременно становится и главным «источником» их прорыва и преобразования. Прорыв к духовному оказывается немислим без наступления материального, его агрессивного наступления; прорыв в вечность – без ежесекундного ощущения смерти, ее постоянного присутствия на протяжении нескольких лет, без того, что она, наконец, наступает и геров «поэмы» Лукаша.

Революцию товарищ Федор связывает с поиском правды земной: «Я все понял: Он Бога хочет. Один такой народ на всей земле только и остался: русский. Я другого не

знаю... Потому-то, так безжалостно он в революцию шагнул, потому-то все затоптал, всю кровь вылил, все пожег. Он всему старому верить перестал, а без веры, без огня духовного, жить он не может. <...> Он и в революцию шагнул, чтобы найти правду земную... Помню, видел я, как бабы, подторкнув подола, ковыляли за красными кумачами по грязи, под дождем... Те же самые бабы, что раньше ходили на крестном ходу за ветхими, церковными хоругвями... Я прямо скажу: наш народ за Богом шагнул. На небеса шагнул наш народ добывать Бога» (с. 43–44).

Сергей Горный вспоминал, как на одном писательском собрании в Берлине, когда Лукаша уговаривали начать сотрудничать в «Накануне», он восклицал:

«← Куда вы зовете нас? – губы чуть только приоткрылись, словно свистя, скупно пропустили “узкий” звук. – А? – Вы подумали? В трупарню вы зовете нас. В трупарню. Трупарню. <...>

– Нет середины. Или идти туда, тогда Бога из себя вынуть надо. Или не идти, тогда нужно за Бога бороться. За Бога в человеке. Которого они распинают. Нет середины»²⁶.

И «Дом Усопших» Лукаша, и «Солнце мертвых» Шмелёва – это и есть прежде всего борьба за Бога в человеке. Борьба за правду в революционные годы воспринимается как борьба социальная, затем борьба идейная превращается в борьбу за жизнь, но перед лицом неминуемой смерти она уже не может быть не чем иным кроме, как борьбой за душу.

Шмелёв пишет в главе «Волчье логово»: «Я хожу и хожу по саду, доаживаю свое. Упора себе ищущий?.. Все еще не могу не думать? Не могу еще превратиться в камень! С детства еще привык отыскивать Солнце Правды. Где Ты, Неведомое?! Какое Лицо Твое? Не хочу аршина и бухгалтерии... С ними ходят подрядчики и деляги. Хочу Безмерного – дыхание Его чую. Лица Твоего не вижу, Господи! Чую безмерность

страдания и тоски... ужасом постигаю Зло, облекающееся плотью. Оно набирает силу. Слышу его зычный, звериный зык... Великие мудрецы, где вы?! Туманами поднимаются храмы ваши, в туманах тают... Чистый разум... призрачный мир идей... ответ метнувшегося человеческого мозга! Где вы там, бледные существа? В каких краях обитаете? Какие на вас одежды? В луче бы солнца спустились, что ли, бесплотные, породили бы из неоправданных мук, из неплатных страданий новое существо, неведомое доселе миру. Свершили чудо! Сошли бы в дожде на землю, радугой перекинулись над морем, упали в громе! Или спускались вы, да продали вас за грош, на обертку пустили под собачье мясо, в пыжи забили? В Проповеди Нагорной продают камсужавую на базаре, Евангелие пустили на пакеты...» (Ш., с. 67).

Мы уже упоминали «Остров мертвых» А. Беклина и «Апофеоз войны» В.В. Верещагина. У Лукаша медсестра Зоя вспоминает еще одну картину, которую она видела когда-то до революции, – точнее, «темный снимок с картины старинного голландского мастера» – «Торжество смерти» (с. 160). Имя этого мастера – Питера Брейгеля – не называется (возможно, чтобы не заслонять возникающий в тексте в результате сочетаний названий образ – «Торжество смерти» и «Русское Богатство»), но подробное описание картины занимает почти целую страницу: «Костлявая кляча, лошадиный костяк, еле передвигая обглоданные ноги, – влечит громадную телегу, нагруженную оскаленными черепами. Возница подбоченился, – набекрень надета его черная треугольная шляпа» и т.д.

Зоя видела картину очень давно, но «вспоминает теперь ее так внезапно и так тревожно»: «Когда вспоминает, кажется ей, что никакой другой жизни более и нет теперь на земле. По всей темной земле – рыдающие в собачьем страхе щенки, и оскаленные белые черепа, и зарево пожаров. И надо кому-то собрать все черепа, и надо погасить кому-то пожары, поднять и оття-

нуть от темных луж крови щенков, – прижать, обогреть, успокоить...

Правда, точно совсем нет теперь жизни...» (с. 60–61).

Лукаш в «Доме Усопших» – как и его героиня – стремится «прижать, обогреть, успокоить...». Он показывает, что к Евангелию обращаются даже бывшие революционеры «по душе». Та же, что у Шмелёва в процитированном выше фрагменте образная связь – солнца и детства – возникает в самом финале поэмы Лукаша. Повествователь вспоминает о том времени, когда не было еще белых и красных, когда все были детьми и друзьями и вместе бегали догонять солнце – то самое шмелёвское «Солнце Правды»:

«И помню я еще, как бегали мы с ним догонять солнце.

Мы знали тогда, что солнце, закатывается близко, совсем близко от нас, в конце нашей широкой и пыльной улицы. <...>

Потом я встретил его однажды на фронте, в великую войну. Он был контужен, как я, и лежали мы в одном лазарете...

Потом... Что же, потом, – я его более не встречал... А ежели встретил бы, он, может быть, отвел бы меня к стенке, откинул бы мне волосы с виска и, пошарив пальцами у моего уха, – нащупал бы его мочку и вдвинул бы мне глубоко в ухо холодное дуло нагана, потому что так, а не иначе, хочет будто бы народ, революция, социализм, идеалы человеческой культуры, великие принципы будущего, идеи свободы, равенства и братства людей... А ежели так, то все эти идеи и принципы – ложь. И от всей этой постылой лжи остается человечеству только бурая короста запекшейся крови, да осклизлые трупы...

Давай же лучше, друг мой, снова догонять наш пылающий, наш дышащий и громадный солнечный шар, – как, помнишь, догоняли мы в детстве, – когда знали мы с тобой правду наших игр и наших сказок» (с. 186–187).

Примечания

- ¹ Лукаш И. Дом Усопших: Поэма. – Берлин: К-во «Медный всадник», 1923. В дальнейшем «Дом Усопших» цитируется по данному изданию с указанием страниц в тексте.
- ² Окно: [Трехмесячник литературы]. II. – Париж, 1923. – С. 21–91; Окно: [Трехмесячник литературы]. III. – Париж, [1924]. – С. 21–182.
- ³ См. об этом: Николаев Д.Д. Эпопея И.С. Шмелёва «Солнце мертвых»: Поэтика жанра // Венок Шмелёву. – М., 2001. – С. 213–224.
- ⁴ Кадашев В. Иван Лукаш. Дом усопших. К-во «Медный Всадник» // Сегодня. – 1923. – 18 февраля, № 39. – С. 6.
- ⁵ Ходасевич В. Летучие листы. «Пожар Москвы» // Возрождение. – Париж, 1930. – 17 апреля, № 1780. – С. 3.
- ⁶ Голенищев-Кутузов И. Сны Империи // Возрождение. – Париж, 1932. – № 2578, 23 июня. – С. 3.
- ⁷ Николаев Д.Д. Эпопея И.С. Шмелёва «Солнце мертвых»: поэтика жанра // Венок Шмелёву. – М., 2001. – С. 224.
- ⁸ Николаев Д.Д. Образная система эпопеи И.С. Шмелёва «Солнце мертвых» // Русская литература XX века в контексте мировой культуры: 6 Крымские международные Шмелёвские чтения: Материалы научной конференции. – Алушта, 1997. – С. 41–46.
- ⁹ Шмелёв И. Пути небесные: Избранные произведения. – М.: Советский писатель, 1991. Здесь и далее «Солнце мертвых» цитируется по этому изданию с указанием страниц в тексте: (Ш. с....)
- ¹⁰ Николаев Д.Д. Эпопея И.С. Шмелёва «Солнце мертвых»: поэтика жанра // Венок Шмелёву. – М., 2001. – С. 213–224.
- ¹¹ Окно: [Трехмесячник литературы]. II. – Париж, 1923. – С. 91.
- ¹² Окно: [Трехмесячник литературы]. III. – Париж, [1924]. – С. 182.
- ¹³ Слово. – 1926. – № 343.
- ¹⁴ См. биографию Лукаша: Петрова Т.Г. И. Лукаш // Литературная энциклопедия русского зарубежья (1918–1940). – М.: РОССПЭН, 1997. – Т. 1: Писатели русского зарубежья. – С. 249–251.
- ¹⁵ Стекланные цепи: Альманах эгофутуристов. – Пг.: Газ. «Пб. Глашатай» И.В. Игнатъева, 1912. – С. 4.
- ¹⁶ Северянин И. Златолира: Поэзы. – Изд. 4-е. – М.: Гриф, 1915. – С. 64–65.
- ¹⁷ Лукаш Иван. Преображенцы. – [Пг.]: Издание «Освобожденная Россия». – [1917]. – № 4. – С. 4.
- ¹⁸ Там же. – С. 18.
- ¹⁹ Устами Буниных. – Франкфурт-на-Майне: Посев, 1981. – Т. 2. – С. 100.
- ²⁰ Я анализировал этот аспект поэтики «Солнца мертвых» в докладе «Романтические традиции в эпопее И.С. Шмелёва «Солнце мертвых» на международной научной конференции «Шмелёвские чтения – 2009» (Москва, 6–7 октября 2009 г.)
- ²¹ Амфитеатров А. Страшная книга // Возрождение. – 1926. – 17 ноября, № 533. – С. 2.
- ²² Даманская А. «Окно». Трехмесячник литературы. 2. Париж, 1923 // Дни. – 1923. – 8 июля, № 208. – С. 15.
- ²³ Каменецкий Б. [Айхенвальд Ю.И.] Литературные заметки // Руль. – 1923. – 8 июля (25 июня), № 791. – С. 7.
- ²⁴ Окно: [Трехмесячник литературы]. III. – Париж, [1924]. – С. 57.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ Горный С. Иван Лукаш. (Силуэт) // Сегодня. – 1925. – 5 апреля, № 78. – С. 12.

К.А. Жулькова

АВАНТЮРИСТКА ИЛИ ФАНТАЗЕРКА: ИСТОРИЯ ОДНОГО ЭКФРАСИСА («Княжна Тараканова» М.А. Осоргина)

Аннотация. Анализируется историческая миниатюра М.А. Осоргина «Княжна Тараканова»; прослеживается интерес к личности авантюристки по обе стороны границы, как в эмиграции, так и в метрополии. Именно поэтический образ, образ живописный несет в себе концептуальное значение, выраженное в форме прямого и косвенного экфрасиса на страницах исторического рассказа Осоргина.

Ключевые слова: историческая миниатюра; М.А. Осоргин; экфрасис; эмиграция; портрет.

«Княжна Тараканова» – одна из исторических миниатюр М.А. Осоргина, впервые напечатанная в 1936 г. в газете «Последние новости» (Париж)¹.

О.Ю. Авдеева, автор послесловия к сравнительно недавнему изданию «Современных рассказов»², включающих эту миниатюру, отмечает характерное для Осоргина пристальное внимание к историческому факту, прочную документальную основу большей части его рассказов, она упоминает также о том, что зимой 1934–1935 гг. Осоргин особенно много работал в библиотеках Парижа. По воспоминаниям жены писателя Т.А. Бакуниной-Осоргиной, «он сидел целыми днями обложенный толстыми фолиантами, а потом сразу – “вдруг” – рождался очередной рассказ» (с. 524).

В своих исторических стилизациях, в мастерски воссозданных эпизодах прошлых эпох Осоргин всеми силами стремится избежать, с одной стороны, «литературного маскарада», с другой – сухости и буквоедства, когда «правда историческая» оказывается враждебной «правде художественной»³.

Историческим миниатюрам Осоргина, как полагает О.Ю. Авдеева, «не свойственна открытая эмоциональность» (с. 525). Между тем не сложно заметить, что писатель редко остается на нейтральной пози-

ЖУЛЬКОВА
Карина
Алеговна,
кандидат
филологических
наук,
ИНИОН РАН

АВАНТЮРИСТКА ИЛИ ФАНТАЗЕРКА: ИСТОРИЯ ОДНОГО ЭКФРАСИСА

ции и никогда не занимает позицию власти, что вызывало недовольство в эмигрантской критике монархического лагеря за непочтительное отношение к императорской фамилии и церкви.

В «Княжне Таракановой» Осоргин «открыто» и «эмоционально» демонстрирует свое отношение не только к самозванке, но и к людям «с очень громкими именами» и «низкими лбами», которые прикрываются ее именем, пытаясь вызвать переворот в России. Очевидно и его отношение к власти, «к милостивой Екатерине», чью волю исполняют как «подсланный» в тюрьму священник, так и граф А. Орлов-Чесменский, который, расставив для самозванки «нехитрую ловушку», совершает «великий подвиг», носящий «все черты грубой и примитивной бессовестности» (с. 134, 136).

Не случайно «Княжна Тараканова» соседствует в сборнике «Старинных рассказов» с такими миниатюрами, как «Запленный мастер»⁴ и «Шахматный болван»⁵, построенными по принципу контраста. В «Запленном мастере» Осоргин перемежает фрагменты восхваляющих посланий Вольтера Екатерине («где Екатерина, там и рай») (с. 126)) с объявлениями о поиске палачей-добровольцев. В «Шахматном болване» механическая кукла-болван оказывается живым гениальным шахматистом, а петербургские купцы заносчивыми болванами.

В этом контексте контрастирующих персонажей понятна роль, которую отводит Осоргин княжне Таракановой, – «быть истинной царицей высокородных дураков» (с. 136).

«Историческая правда», по Осоргину, заключается в том, что ни самозванка, выдававшая себя за дочь императрицы Елизаветы Петровны и Разумовского, ни подлинная дочь Разумовского Августа, не носили фамилии Тараканова. Первая сначала именовала себя госпожой Франк, затем стала госпожой Шэлл, потом мадам Тре-

муй, Али Эметэ, княжной Волдомир с Кавказа, Азовской принцессой, Бетти из Оберштейна, графиней Зелинской, голштинской графиней Пиннеберг. Вторая в течение 25 лет в полной изоляции прожила в московском Ивановском монастыре под монашеским именем Досифеи, с ним и умерла в 1810 г. Однако в авторской концепции, «историческая правда» не имеет того значения, которое раскрывается в интерпретации художественного образа.

«Было бы безвкусицей пытаться еще раз воспроизвести историческую фигуру княжны Таракановой; столько раз это сделано под всевозможными соусами, в форме рассказа, романа, ученой монографии»,⁶ – пишет Осоргин.

Действительно, загадочная личность самозванки вызвала бурный интерес в XIX в. который продолжился в веке XX, и не угас в XXI. Свидетельством этого непрекращающегося интереса можно считать, например, книгу, вышедшую в 2011 г. в серии ЖЗЛ доктора исторических наук И.В. Курукина «Княжна Тараканова»⁷, а также то, что в наше время продолжают издаваться и переиздаваться исследования доктора исторических наук, кандидата искусствоведения Н.М. Молевой «Ее звали княжна Тараканова»⁸, «От Великой княгини до Императрицы. Женщины царствующего дома»⁹, романы Ф.И. Гримберг «Золотая чара: Исторический роман о княжне Таракановой»¹⁰, М.В. Кравцовой «Досифея. Жизнь за императрицу»¹¹, Э.С. Радзинского «Княжна Тараканова»¹², «Последняя из дома Романовых»¹³, историческая повесть Ю.С. Крючкова «Кто вы, княжна Тараканова?»¹⁴, ставятся театральные и музыкальные спектакли (например, мюзикл «Голубая камей» с 2009 г. с успехом идущий в уфимском Русском драматическом театре, или «Граф Орлов» с 2012 по 2016 г., собирающий полные залы в Московском театре оперетты).

Зарождением этого интереса послужили впервые проникшие в печать в 60-х годах XIX в. документы польского архива. Граф

В.Н. Панин обратился к Александру II с предложением рассекретить материалы следствия по делу княжны Таракановой. Эти материалы были опубликованы В.Н. Паниным в «Чтениях в Обществе истории и древностей Российских»¹⁵. Эффект сенсации вызвали вышедшие вслед за этой публикацией заметки «Несколько данных для истории принцессы Таракановой»¹⁶ в «Русской беседе», «Княжна Тараканова. Эпизод из анекдотической хроники XVIII в.»¹⁷ в «Русском вестнике» и «Предание о судьбе Елисаветы Алексеевны Таракановой»¹⁸ в «Северной пчеле», а также напечатанная в Лейпциге брошюра А.П. Голицына «О мнимой княжне Таракановой»¹⁹. Впервые появились и хорошо известные современному читателю произведения П.И. Мельникова-Печерского «Княжна Тараканова и принцесса Владимирская» (1867)²⁰, Е. Карнович «Самозванные дети» (1880)²¹, Г.П. Данилевского «Княжна Тараканова» (1883), П.П. Сухонина «Княжна Владимирская (Тараканова), или Зацепинские капиталы»²² (1883).

В начале XX в. загадочная фигура самозванки продолжала тревожить умы историков, литераторов, режиссеров. Образ княжны Таракановой послужил и молодому искусству кино. В 1910 г. (по пьесе И.В. Шпажинского) и в 1918 (по роману Г.П. Данилевского) были сняты фильмы, в которых главные роли сыграли актрисы В. Микулина и В. Холодная.

Помимо кинофильмов, литературно-художественных интерпретаций, появилось серьезное исследование польского историка Эрнеста Лунинского. Получив доступ к материалам, хранившимся в Государственном архиве, он опубликовал свое исследование с приложением подлинных документов: писем самозванки турецкому султану Абдулгамиду I, А.Г. Орлову, А.М. Голицыну и обращенных к ней посланий Орлова и М. Огиньского²³. Вероятнее всего, именно этот труд подразумевает Осоргин, когда говорит об «ученой монографии».

Безусловно, Осоргин хорошо изучил документальную и художественную литературу

конца XIX – начала XX в., в которой княжна Тараканова была представлена как авантюристка и властолюбивая интриганка. Роман Данилевского даже открывался цитатой из письма Екатерины II: «Ни малейшего сомнения, – она авантюрьера»²⁴.

Однако такое определение неприемлемо для писателя. Осоргин ставит иные акценты: «Жестоко поступили с ней те, кто изучал ее по архивным документам; пожалуй, более жестоко, чем Екатерина и Орлов-Чесменский: придумали авантюристку и проглядели женщину – красивую и очень большую женщину-фантазерку, гениальную артистку, подвизавшуюся на исторической арене в труппе провинциальных бездарностей» (с. 133).

У Осоргина княжна Тараканова – великолепная фантазерка. Документальная подоплека, умело продемонстрированная на страницах рассказа, не значима для авторской трактовки этой исторической фигуры, так как он убежден, что «ее документальный образ ничтожен, а прекрасен только легендарный» и что «ею должны были заниматься не историки, а поэты и художники» (там же).

Образы, созданные картиной художника К.Д. Флавицкого (1830–1866) «Княжна Тараканова», и стихотворением Б.Л. Пастернака «Душа (О, вольноотпущенница...»)» (1915), в котором княжна Тараканова является олицетворением души: «О, – в камне стиха, даже если ты канула, / Утопленница, даже если – в пыли, / Ты бьешься, как билась княжна Тараканова, / Когда февралем залило равелин»²⁵, – до сих пор являются одними из самых ярких образов легендарной самозванки в русской культуре. Так слова Осоргина о поэтах и художниках приобретают пророческое звучание.

Именно поэтический образ, образ живописный несет в себе концептуальное значение, выраженное в форме прямого и косвенного экфрасиса на страницах исторического рассказа Осоргина.

Экфрасисом после проведения Лозаннского симпозиума (Lausanne, Universitev de Lausanne, 5–7 ноября 1998 г.) и публи-

кации его материалов в одноименном сборнике статей²⁶, принято считать «всякое воспроизведение одного искусства средствами другого»²⁷:

Косвенный экфрасис, пользуясь классификацией Е.В. Яценко²⁸, «описание пейзажа, персонажа, других элементов художественного мира литературного произведения, созданное с привлечением мотивов визуального произведения (артефакта)»²⁹. Применяя косвенный экфрасис, автор «завуалированно, лишь намекая на цитирование какого-либо визуального источника, или открыто» проводит сравнение с визуальным образом.

В качестве косвенного экфрасиса в исторической миниатюре Осоргина выступает портрет князя Радзивилла. Являясь структурным и сюжетно- и смыслообразующим компонентом, он выполняет роль контрагента по отношению к портрету главной героини.

В описании Осоргина: «Три подбородка и еще маленькая складка кожи под чушкой, усы с завитком на короткой пухлой губе, тупые белые глаза, лысый череп и огромный живот. Кратчайшую и точнейшую характеристику дала ему впоследствии сама всероссийская княжна: “Чрезвычайно глупый человек”» (133), – легко угадывается портрет короля Станислава Пана Коханку Радзивилла неизвестного художника XIX в. (холст-масло)³⁰.

Это художественное изображение противостоит как словесному портрету княжны, данному Осоргиным, так и центральной смыслообразующей единице текста – прямому экфрасису (образу Таракановой на картине Флавицкого).

По мнению писателя, не княжна Тараканова, а Радзивилл и ему подобные являются действительными авантюристами. Автор исторической миниатюры намеренно противопоставляет фантазию и авантюризм, что прослеживается в портретном сопоставлении больной фантазерки и самодовольного авантюриста.

Как известно, прижизненных изображений лжецаревны не сохранилось, лишь мраморный барельеф: Самозванная принцесса Володимирская³¹.

Рисуя портрет княжны, Осоргин использует документальные свидетельства «поляка Глембоцкого»³², «доктора Салицетти»³³, Михаила Огиньского³⁴. Не отступая от исторической правды, создает особый ракурс, подчеркивая в облике героини черты, необходимые для эффекта художественного и психологического параллелизма.

«Она была среднего роста, изящная, худощавая, с энергичными, резкими движениями, пронизательными карими глазами; белое, молочного цвета, лицо, часто окрашенное румянцем, продолговатый нос с горбинкой, черные волосы» (с. 135).

Сопоставление портретов княжны и Радзивилла делает очевидным контраст между грузностью и изяществом, глупостью и пронизательностью. Разительное отличие подчеркивается описанием глаз. «Тупые белые глаза» Радзивилла противопоставлены «прекрасным», «пронизательным» глазам княжны, которая «слегка косила». Для Осоргина важно это уточнение в описании, которое он заканчивает двумя восклицаниями: «Маленькая подробность, такая же неизбежная, как и ее болезнь! Психологи знают, какую силу красивым глазам дает этот маленький недостаток, не позволяющий проникнуть в душу и вечно тревожащий!» (с. 135).

Таинственная душа красивой больной женщины, волею судьбы вовлеченной в большую политическую игру, – вот что, по сути, привлекает писателя.

Невозможно не почувствовать авторской симпатии, сквозящей в доброй иронии, с которой он излагает этапы на пути самозванки к российскому престолу. Она погружена в атмосферу ирреальности, выдумки, фантазии, сказки. Например, «никто не знал, – и она сама не знала, – сколько ей лет, двадцать или тридцать; когда

понадобилась точность, ей стало столько лет, сколько должно было быть дочери Елизаветы», а «став русской княжной, она нечаянно обнаружила незнание ни единого русского слова» (с. 134).

Образ фантазерки и мечтательницы, а не ловкой авантюристки усилен Осоргиным при помощи прямого классического (по классификации Е. Яценко)³⁵ экфрасиса. Писатель обращается к картине К.Д. Флавицкого «Княжна Тараканова».

Полотно, изначально называвшееся «Смерть легендарной принцессы Таракановой», впервые экспонировалось в 1864 г. на выставке императорской Академии художеств, с пометкой в каталоге: «Сюжет этой картины заимствован из романа, не имеющего никакой исторической истины», сделанной по специальному распоряжению Александра Второго. Затем картина была приобретена П.М. Третьяковым, и сейчас остается экспонатом Государственной Третьяковской галереи.

Художник намеренно выбрал самую романтическую из всех версий и легенд о смерти княжны Таракановой. Вероятно, его вдохновила та самая публикация в «Русской беседе»³⁶, которая только открывала дискуссию о жизни и судьбе «принцессы Таракановой». Для усиления драматического эффекта Флавицкий построил свою картину на контрастах – между блистательным прошлым героини и ее жалким настоящим, между былой роскошью, читающейся в наряде княжны, и скудностью предметов, наполняющих тюремную камеру, между юной красотой и страшной неотвратимой гибелью. Эти контрасты подчеркнуты живописным решением картины: эффектом игры света и тени; мрачным, тускло-коричневым колоритом всего пространства картины и ярким пятном светлого платья княжны.

Флавицкий не мог не знать, что наводнение в Петропавловской крепости произошло в 1777 г. через два года после смерти самозванки: 4 декабря 1775 г., скрыв тайну своего рождения даже от священника, она умерла в камере от ту-

беркулеза. Вскоре после написания картины от этого же недуга в 35-летнем возрасте скончался и сам художник.

В картине явственно прозвучал пафос протеста: Флавицкий изобразил княжну невинной жертвой деспотичного режима. Эта позиция оказалась близка Осоргину.

Писатель замечает: «В сущности, прав только художник Флавицкий, изобразивший никогда не бывшую гибель никогда не существовавшей княжны Таракановой, и от созданного им образа нам никогда не отделаться» (с. 133).

Репродуцируя художественный образ с картины Флавицкого, Осоргин в прямом классическом экфрасисе передает не только визуальный, но и психологический портрет героини, при этом использует те же, что и у художника, близкие себе, методы и приемы: «Одному русскому художнику, также больному чахоткой, захотелось, чтобы княжна Тараканова, истинная дочь Елизаветы, погибла в день наводнения в мрачной камере. Бледную красавицу, потерявшую силы и сознание от ужаса, он прислонил к облупившейся стене, одел убожеством когда-то роскошного платья, бросил рядом бараний тулуп. Кровать, на которой она хочет спастись от хлынувшей в окно воды, оспаривается у нее также мечтающими о спасении тюремными мышами. На столе, который сейчас всплывает, глиняная кружка и кусок хлеба. Ужас обстановки и чудесная красота груди и плеч. Кто не замирал перед этой картиной Флавицкого в Третьяковской галерее?» (с. 137).

Содержание картины передано точно и лаконично. Однако для того, чтобы яснее обозначить смысловые акценты этого описания, можно сравнить его с подобным же экфрастическим отрывком из исторического детектива³⁷ этнографа-беллетриста П.И. Мельникова-Печерского (1818–1883) «Княжна Тараканова и принцесса Владимирская» (1867).

По Мельникову-Печерскому, Флавицкий «изображает женщину, одетую в поношенное и уже изорванное платье из атласа и бархата, стоящую на кровати,

АВАНТЮРИСТКА ИЛИ ФАНТАЗЕРКА: ИСТОРИЯ ОДНОГО ЭКФРАСИСА

покрытой овчинным одеялом. В окно с железной решеткой хлещет вода и наполняет комнату; крысы плавают, пробираются на кровать и на платье заключенной. Несчастливая в отчаянии смотрит на неизбежную гибель»³⁸.

Экфрастические фрагменты очерка Мельникова и миниатюры Осоргина имеют сходную трехчастную композицию, единую последовательность объектов изображения. Это, вероятно, может служить доказательством того, что текст Мельникова-Печерского был хорошо знаком Осоргину. Однако ритмический рисунок и стилистические средства разные. Различается и цветовая палитра.

В очерке Мельникова полностью отсутствует цвет, автор лишь излагает сюжет картины. Осоргин же с помощью эпитетов «мрачная» и «бледная», двумя короткими мазками воссоздает колорит полотна Флавицкого.

Как видим, у Мельникова-Печерского нет и описания камеры. В то время как у Осоргина это важная часть изображения: «мрачная камера» с «облупившимися стенами» – одна из составных частей «ужаса обстановки», контрастирующего с «красотой груди и плеч» героини.

Сама героиня в романе Мельникова просто «женщина», «несчастливая», в миниатюре Осоргина она – «бледная красавица, потерявшая силы и сознание от ужаса». Это сочетание красоты и страдания неоднократно подчеркнуто Осоргиным на протяжении всего повествования. Считая, что секрет могущества княжны заключался в ее красоте, он тем не менее постоянно подчеркивает болезненность этой красоты, называя ее «больной фантазеркой», «чахоточной мечтательницей». Невозможно не увидеть в этих определениях призыв к сочувствию к сказочной героине, оказавшейся в сетях реальной хитроумной политики.

И если Мельниковым княжна одета в «поношенное и уже изорванное платье из

атласа и бархата», то Осоргин одевает ее «убогостью когда-то роскошного платья», вновь прибегнув к антонимам.

Важны и другие детали. Например, у Мельникова кровать «покрыта» «овчинным одеялом», у Осоргина это не одеяло, а «тулуп», и он, конечно, ничего не «покрывает», а просто «брошен» в камере несчастной узницы.

И, пожалуй, самая существенная деталь: мыши / крысы. Мельников-Печерский передает изображенное на картине таким образом: «крысы плавают, пробираются на кровать и на платье заключенной». Они существуют как бы отдельно от героини, касаются только ее платья. Пленница не видит их, поглощенная осознанием неизбежности своей гибели. В описании Осоргина считается сравнение с терпящим бедствие кораблем. Героиня уравнивается с мышами (именно мышами, а не крысами, как у Мельникова) в стремлении, а точнее, в «мечтании» спастись. Аллегория этого фрагмента становится очевидной в сочетании с другим, корреспондирующим с данным, сравнением: «не склонный к поэзии» Орлов, подстроил ловушку, «которая и прихлопнула мышонка» (с. 136).

Живая и ясная образность языка Осоргина, не раз отмеченная критиками русского зарубежья³⁹, отличается от документального незатейливого изложения Мельникова-Печерского.

Особую роль играет расположение экфрасиса в тексте писателя-эмигранта. У Мельникова экфрастический отрывок дан в преамбуле. И если, например, в рассказе Осоргина «Приключение куклы»⁴⁰, где экфрасис является зачином, а гротеск в описании скульптуры Давида Микеланджело создает трагикомический эффект, требуемый для восприятия излагаемой далее истории, то в историческом детективе Мельникова он не несет дополнительной художественной нагрузки.

В рассказе Осоргина экфрасис вынесен за пределы основного повествования,

представляется в заключительной части, отделенной от главной отточием. Такое обособление указывает на его резюмирующее значение.

Экфрасис – описание Осоргиным картины Флавицкого – не просто словесная иллюстрация к рассказу о княжне Таракановой. Писатель использует яркий визуальный образ, раскрывая его посредством оценочных и стилистических средств словесного искусства. Реализует общий с Флавицким метод контраста, который прослеживается как на структурно-компо-

зиционном, так и на смыслообразующем уровне. Так, центральная идея Осоргина воплотилась в образе прекрасной фантазерки, обреченной на смерть хитроумными властными авантюристами.

Оценивая «Старинные рассказы» Осоргина, литературный критик «Русских записок» С. Савельев (С.Г. Шерман) отмечает: «В них нет и следа летописного безразличия к добру и злу. Из каждой строки “брызжет” гнев и жалость человека определенных воззрений, писавшего в русском Париже 30-годов нашего века»⁴¹.

Примечания

- ¹ Осоргин М.А. Княжна Тараканова // Последние новости. – Париж, 1936. – 3 февраля, № 5429. Не вошел в сборник его рассказов «Повесть о некоей девице: Старинные рассказы». – Таллин, 1938.
- ² Осоргин М.А. Собр. соч.: в 2 т. – М.: Моск. рабочий: НПК «Интелвак», 1999. – Т. 2: Старинные рассказы. – 530 с. Далее ссылки на это издание в тексте с указанием страниц в скобках.
- ³ Осоргин М. Невеста Пушкина // Последние новости. – Париж, 1934. – 27 декабря, № 5026.
- ⁴ Впервые: Последние новости. – 1934. – 22 апреля, № 4777. Опубликовано также: Сегодня. – 1934. – 24 апреля, № 113; и в сборнике: Осоргин Мих. Повесть о некоей девице. Старинные рассказы. – Таллин, 1938.
- ⁵ Впервые: Последние новости. – 1934. – 27 августа, № 4904; Сегодня. – 1934. – 27 августа, № 236. Рассказ вошел также в сборник: Осоргин Мих. Повесть о некоей девице: Старинные рассказы. – Таллин, 1938.
- ⁶ Осоргин М.А. Собр. соч.: в 2 т. – М.: Моск. рабочий: НПК «Интелвак», 1999. – Т. 2: Старинные рассказы. – С. 133.
- ⁷ Курукин И.В. Княжна Тараканова. – М.: Молодая гвардия, 2011.
- ⁸ Молева Н.М. Ее называли княжна Тараканова. – М.: Современный писатель, 1993; Молева Н.М. Ее звали княжна Тараканова: Тайна происхождения, тайна судьбы, тайна смерти. – М.: Олимп: Эксмо, 2007.
- ⁹ Молева Н.М. От Великой княгини до Императрицы: Женщины царствующего дома. – М.: АСТ: Олимп, 2008.
- ¹⁰ Гримберг Ф.И. Золотая чара: Исторический роман о княжне Таракановой. – М., 2007; Гримберг Ф.И. Княжна Тараканова. – М.: АСТ: Астрель, 2010; Гримберг Ф.И. Золотая чара: Княжна Тараканова. – Минск: Харвест, 2007 г.
- ¹¹ Кравцова М.В. Досифея. Жизнь за императрицу. – М.: Лепта Книга, 2008; Кравцова М.В. Жизнь за императрицу. – М.: Эксмо, 2008, 2013.
- ¹² Радзинский Э.С. Княжна Тараканова. – М.: ВАГРИУС, 1999, 2003; М.: Аргументы и факты: Экспресс-Сервис: Зебра Е, 2005; М.: Астрель, 2012; М.: АСТ, 2013.
- ¹³ Радзинский Э.С. Последняя из дома Романовых. – М.: АСТ, 2016.
- ¹⁴ Крючков Ю.С. Кто Вы, княжна Тараканова?: Историческая повесть. – Николаев: ИПП «Степь-инфо», 2005.
- ¹⁵ Чтения в Обществе истории и древностей Российских. – 1867. – Кн. 1.
- ¹⁶ Несколько данных для истории принцессы Таракановой // Русская беседа. – 1859. – № 6. – С. 59–76.
- ¹⁷ Лонгинов М.Н. Княжна Тараканова. Эпизод из анекдотической хроники XVIII в. // Русский вестник. – 1859. – № 24. – С. 716–736.

АВАНТЮРИСТКА ИЛИ ФАНТАЗЕРКА: ИСТОРИЯ ОДНОГО ЭКФРАСИСА

- ¹⁸ Мельников П. Предание о судьбе Елисаветы Алексеевны Таракановой // Северная пчела. – 1860. – № 39. – С. 154.
- ¹⁹ Голицын А.П. О мнимой княжне Таракановой. – Лейпциг, 1863.
- ²⁰ Мельников П.И. Княжна Тараканова и принцесса Владимирская // Русский вестник. – 1867. – № 5. – С. 181–236; № 6. – С. 674–727; № 8. – С. 555–634.
- ²¹ Карнович Е. Самозванные дети. – СПб., 1880.
- ²² Сухонин П.П. Княжна Владимирская (Тараканова), или Зацепинские капиталы. – СПб, 1883.
- ²³ Лунинский Э. Княжна Тараканова: Исследование по актам государственного архива. – М., 1908; Лунинский Э. Княжна Тараканова. – М., 1998.
- ²⁴ Данилевский Г.П. Княжна Тараканова. – СПб.: Лениздат, 2013. – С. 3.
- ²⁵ Пастернак Б.Л.: Соч.: в 2 т. – Тула: Филин, 1993.
- ²⁶ Экфрасис в русской литературе: Труды Лозаннского симпозиума. – М., 2002.
- ²⁷ Геллер Л. Воскрешение понятия, или Слово об экфрасисе // Экфрасис в русской литературе: Труды Лозаннского симпозиума. – М., 2002. – С. 18.
- ²⁸ Яценко Е. «Любите живопись, поэты...» Экфрасис как художественно-мировоззренческая модель // Вопросы философии. – М., 2011. – № 11. – С. 47–57.
- ²⁹ Яценко Е. «Любите живопись, поэты...» Экфрасис как художественно-мировоззренческая модель // Вопросы философии. – М., 2011. – № 11. – С. 50.
- ³⁰ См.: Википедия. – Режим доступа: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1592487>
- ³¹ Самозванная принцесса Володимирская. Мраморный барельеф, предполагаемый прижизненный портрет: Из коллекции великого князя Николая Михайловича.
- ³² Ксендз Глембоцкий, духовник графа Потоцкого С.О. (1762–1829).
- ³³ Саличетти – известный итальянский врач, лечивший самозванную княжну от чахотки.
- ³⁴ Михайл Казимір Огінский (польск. Michał Kazimierz Ogiński, лит. Mykolas Kazimieras Oginskis, белор. Міхал Агінскі; 1729 – 31 мая 1800) – государственный и военный деятель Речи Посполитой из княжеского рода Огинских.
- ³⁵ Яценко Е. «Любите живопись, поэты...» Экфрасис как художественно-мировоззренческая модель // Вопросы философии. – М., 2011. – № 11. – С. 50.
- ³⁶ Несколько данных для истории принцессы Таракановой // Русская беседа. – 1859. – № 6. – С. 59–76.
- ³⁷ По определению Ф.А. Селезнёва. См.: Павел Иванович Мельников-Печерский: жизнь и творчество: библиогр. указ. / Сост. Л.Е. Кудрина, Ф.А. Слезнёва; науч. ред. и авт. вступ. ст. Ф.А. Селезнёв. – Нижний Новгород: РИО НГОУНБ, 2013. – С. 20.
- ³⁸ Мельников-Печерский П.И. Собр. соч.: в 6 т. – М.: Правда, 1963. – Т. 6. – С. 3.
- ³⁹ См., напр.: Адамович Г. // Последние новости. – Париж, 1935. – 9 мая.
- ⁴⁰ Впервые: Сегодня. – 1934. – 17 июня, № 166. – С подзаголовком: По старинным документам. Опубликовано также: Последние новости. – 1934. – 25 июня, № 4841; и в сборнике: Осоргин Мих. Повесть о некоей девице: Старинные рассказы. – Таллин, 1938.
- ⁴¹ Савельев С. [рец.] // Русские записки. – Париж; Шанхай, 1938. – № 12. – С. 193. – Рец. на кн.: М.А. Осоргин Повесть о некоей девице: Старинные рассказы. – Таллин: Русская книга, 1938.

В.В. Агеносов

ЛИЧНОСТЬ И РЕВОЛЮЦИЯ В РОМАНЕ М. СОЛОВЬЁВА «КОГДА БОГИ МОЛЧАТ»

Аннотация. В статье дан анализ романа писателя «второй волны» эмиграции – М. Соловьёва (М.С. Голубовского) «Когда боги молчат»; приводятся биографические сведения об этом малоизвестном писателе.

Ключевые слова: роман; М. Соловьёв; ди-пи; эмиграция; тема войны.

Имя Михаила Соловьёва (Михаила Степановича Голубовского) до недавнего времени было неизвестно не только отечественному читателю, что вполне естественно (эмигрант, сотрудник американского радио), но даже и писателям послевоенной эмиграции. Ни в одном исследовании русской литературы этого периода не упоминаются ни его двухтомный роман «Когда боги спят», переведенный на многие языки, ни вышедшие в нью-йоркском издательстве им. Чехова «Записки советского военного корреспондента».

Обладая, по его собственным словам, «пятнистой биографией» Соловьёв тщательно запутывал будущих исследователей, давая самые разные, порой противоположные, сведения о себе.

Достоверно известно, что он родился 15 марта 1907 г. в селе Петровском на Ставрополье в многодетной семье крестьянских революционеров. Отец погиб в Гражданскую войну. Из пяти его братьев четверо были героями Гражданской войны: старший брат Степан, убегая из белогвардейского плена, отморозил ноги; Василий был красным командармом, генерал-лейтенантом, в Великую Отечественную воевал под Москвой, дошел до Берлина. Иван выбрал карьеру профессионального военного и дослужился перед войной до подполковника. Григорий был убит в 1932 г. кулаками. Михаил уже в 12 лет вместе с 13-летним братом Иваном вступает в сформированную в 1918 г. 1-ю Ставропольскую рабоче-крестьянскую дивизию. В 1920-м воевал в составе Первой Конной. Сохранилась фотография: пятеро братьев держат на поводу лошадей. Крайний справа – Михаил.

*АГЕНОСОВ
Владимир
Вениаминович,
заслуженный
деятель
науки РФ,
доктор
филологических
наук,
профессор
Института
международного
права
и экономики
имени
А.С. Грибоедова*

Как участник Гражданской войны учился со стипендией им. Фрунзе сразу по двум специальностям (журналистика и история) в МГУ, после окончания которого отправился на Дальний Восток. Известный исследователь послевоенной эмиграции И.Р. Петров считает, что пребывание Голубовского в Дальневосточном крае подтверждается двумя его книжками¹. Видимо, некоторое время будущий писатель работал в аппарате Верховного Совета. Затем перешел в «Известия» спортивным репортером. Официально это называлось «заведующий сектором физической культуры и культурных развлечений».

В 1932–1936 гг. он – военный корреспондент «Известий» и офицер Красной Армии. После процесса над редактором «Известий» Н.И. Бухариным был в числе многих сотрудников газеты выслан из Москвы. Однако вскоре его вернули в число армейских корреспондентов. Участвовал в Финской войне.

В начале Великой Отечественной войны был старшим лейтенантом, командиром казачьего разведывательного эскадрона в корпусе Доватора. В сентябре (или октябре) 1941 г. оказался в плену в лагере военнопленных под Яропольцем. По его словам, из лагеря военнопленных его выкупили в ноябре 1941 г. сердобольные русские женщины.

А уже весной 1942-го Голубовский стал редактором бобруйской газеты «Новый путь». Печатался под псевдонимом Бобров.

Вопрос об участии будущего писателя в РОА весьма запутан. Сам он в письме 1950 г. старшей политической деятельнице Е.Д. Кусковой пишет, что не грешен. Что по его требованию ИРО² изучил картотеку власовского движения, и там его имени нет³. Редактируемая им в Бобруйске, а затем в Минске до 1944 г. газета «Руль» презентовала себя как «Русская антибольшевистская газета», но не указывала на связь с власовским движением. В мае 1945 г. Бобров был арестован американцами.

Конец войны встретил в Австрии в лагере Парш под Зальцбургом, где издавал журнал «Огни» и редактировал газету «Почта Колумба». За 1946–1949 гг. было выпущено, по данным указателя Шатова, 798 номеров⁴.

Позднее переехал в США, жил в Александрии (штат Вирджиния). Где вместе с приемным сыном содержал переводческое бюро.

В 50-е годы занимался активной общественной деятельностью: входил в руководство Мельгуновского леводемократического Союза борьбы за свободу России (отвечал за издательскую деятельность), в Совет освобождения народов России, Союза Андреевского флага.

Роман «Когда боги молчат» вышел на английском языке в 1953 г. За ним последовали переводы на шведский, норвежский, китайский языки. Роман был издан в Индии и Бирме. Но, как признавался М. Соловьёв, «Чем больше изданий этой книги выходило в свет, тем сильнее мной овладевало чувство, что последним и окончательным изданием может быть только русское... Автор книги русский, и книга русская; и автор принадлежит к миру самоисхода с родины, и книга рождена в нем и принадлежит ему»⁵.

Вынужденный вносить в текст романа требуемые различными издательствами изменения, автор вернул русское издание к первоначальному тексту.

В 2017 г. первый том романа впервые вышел в России и издательстве АИРО XXI.

Создав эпическую картину жизни большой семьи Суровых, «людей хлеборобческой природы, но не хлеборобов»⁶, Тимофея, его жены тетки Веры и их 19 детей, Соловьёв ставит в центр повествования самого младшего «поскребыша» Марка. Ему к началу революции и Гражданской войны всего 11 или 12 лет. Это позволит писателю, как он сам скажет, «посмотреть, что выйдет из этого, от детства потрясенного человека, и куда он

дальше пойдет» (с. 123). «Поглядеть, что выйдет из человека в новую почву, в революцию, корнями вросшего, ничего, даже воспоминаний, за революционными пределами не имеющего, и бедой, трудом, ударами закаленного, и нормального родительского водительства лишленного, и совсем в одиночестве среди людей войны оказавшегося» (с. 87).

Каждый этап жизни Марка связан с той или иной исторической вехой жизни России. Писатель воссоздает сложную и противоречивую эпоху в конкретном ее воплощении.

Уже в первой главе писатель, подобно автору «Тихого Дона», не только показал довоенную жизнь земледельческого села, «ставропольской нации», но и первые тревоги, доставшиеся семье Марка: гибель на фронте двух его старших братьев Якова и Серёги, драму потерявшего руку Семёна.

Достаточно зажиточное южное хлеборобское село после Первой мировой войны, в которой погибло множество односельчан, совсем не хочет продолжения старой власти. Революцию хлеборобы воспринимают как начало новой справедливой жизни. В романе с легким юмором показан мирный процесс перехода власти к Совету. «Никто, – говорит писатель, – за власть не борется, никто не сопротивляется, даже передел земли прошел без особых споров и потрясений... То было время, когда люди... мечтой жили, полновесному революционному слову верили и думали, что мир великой правды перед ними открывается» (с. 43).

Но силы столь любимого некоторыми современными публицистами самодержавия не могли смириться с новым порядком. И очень скоро персонажи романа, в том числе и семья Суровых, столкнулась с жестокостью защитников старого порядка. Только в «Тихом Доне» и много позднее в «Докторе Живаго» можно найти такую диалектичную оценку Гражданской войны, такую как дает М. Соловьев:

«Междоусобное побоище – болезнь заразная: заболеешь, скоро не вылечишься. Казалось попервоначалу, что недоброе братоубийственное дело долго твориться не может, опамятуются люди, ведь братья же, христиане православные, и делить им вроде нечего. Но дальше в лес – больше дров. Дни тяжелые, словно лопасти каменного молотильного катка, катились, и все меньше оставалось у людей надежды, что кончится взаимное истребление и брат брату руку подаст. Что-то темное и страшное, от людей может вовсе независимое, тем недобрый дням свой жестокий облик давало, и люди не имели силы темному и страшному препону воздвигнуть» (с. 57–58).

И он же словами командира зеленых, Павла Хлопова, объясняет, почему в этой жестокой междоусобице участвовали те, кто еще недавно был горячим сторонником перемен: «Приехал в хутор таким апостолом, что хоть сразу на кресте за коммунистическую веру распинай. А потом стал примечать: новая власть большую нелюбовь к народу имеет, жалости в ней нет» (с. 104).

Стоило красным проявить эту жалость, объявить амнистию борцам с незаконными действиями большевиков – и отряд зеленых складывает оружие и возвращается к мирному труду. Другое дело, что, как выяснится в конце первой книги романа, не надолго хватило у власти имущих гуманизма: при сопротивлении крестьян созданию колхозов вспомнили об амнистированных зеленых и погнали их в Сибирь.

Уже во втором томе романа автор устами одного из персонажей выскажет только сегодня пришедшую в нашу оценку Гражданской войны мысль о том, что понимали ее упрощенно – «на одной стороне трудовой народ, отменяющий неправду и зло старого, а на другой – защитники старого, эксплуататоры, буржуи и прочее в этом роде. Так ли это? Отвечает ли это правде? Это отвечает той простой и единой мерке победителей, которой мы хотели все мерить, но правде отвечает? ...Отбросив нашу мерку, нам

придется признать, что у белого движения была своя правда, и в свете дальнейшего не такая уж и худосочная. Оно было попыткой сдержать наш анархический, опасный бунт, который мог принести и принес России неисчислимые беды... В белом движении не люди голубой крови, а фронтовые солдаты и офицеры сражались, а мы о них – враги трудового народа! В нем было много такого, что способно украсить историю любого народа, а мы – нам не подходит, сгружай на свалку... Защитники, мол, привилегий. С таким упрощением можно, конечно, жить, даже удобно, но когда увидишь его нутро, становится противно... Победили те, которым наплевать, и установили они железную истину, что всякий, кто был, есть и будет против них – слуга дьявола и подлежит истреблению...»⁷.

Вновь приведем цитату из романа: «На каком-то крутом повороте пути простая и добрая правда выпала из колесницы русской революции, и тогда, в этот несчастный момент, особые свойства и заслуги человека были отменены, и стал он как бы вовсе и не венцом творения, а пузырьком на болоте, о котором люди жестокие еще и скажут, что вонючий тот болотный пузырек наполнен» (с. 238).

И вновь приходится вспомнить, что примерно в то же время, когда создавался роман Соловьёва, Б. Пастернак писал о сначала восторженном приятии Юрием Андреевичем Живаго революции, а затем о том, как она быстро, ожесточилась, омертвела, и стала ненавистна его герою.

Описания жизни юного Марка в Первой Конной, его знакомство с ее бойцами, воспринимавшими мальчишку как сына, позволяет автору показать, как формируется и укрепляется в Марке вера в коммунистические идеалы. Жестокости Гражданской войны, смерть еще одного брата Тараса воспитывает в Марке уверенность в праве с оружием в руках утверждать идеи революции.

Значительный интерес представляют главы о московском периоде жизни Мар-

ка. Бросив своего героя в гущу дискуссий «взбудораженного поколения взбаламученного времени», в центр фракционной борьбы автор показывает, как формируются страшные принципы будущих лет, «азарт революционного разрушения... Новое поколение пробудили к жизни, привили разрушительные свойства революции, но созидательных идей не дали. Уничтожив прежние понятия о красоте человеческих отношений, новых не создали. Оставили человека голым на голой земле» (с. 126).

Семейные традиции не дали Марку увлечься теорией «любви – стакана воды», проповедуемой Коллонтай и романом Пантелеймона Романова «Без черемухи» (в романе он назван «Без цветов»). Ему чуждо и неприемлемо заменять красоту человеческих отношений и физиологическим удовлетворением желаний. Не обошел М. Соловьёв и увлечения части молодежи эксгибиционизмом. Сатирически показано в романе общество времен 20-х годов «Долой стыд».

Вместе с тем характерно, что М. Соловьёв и развитием сюжета, и прямой авторской речью выразил мысль, что «всевозможные вывихи тех лет больше всего в словах выражение находили, а во всем более существенном молодежь оставалась хорошей и чистой, то это ведь потому, что русская натура всегда была здоровой» (с. 139).

Иное дело влияние на людей практики коммунистического строительства, предполагающей возможность человеческих жертв во имя будущего «Вера в цель, – рассуждает автор на страницах романа, – была шорами, надетыми на его [Марка] глаза; из-за них он [и не он один. – В. А.] только вперед видел, а то, что по сторонам проносилось, что позади остается, как бы вовсе и не замечал» (с. 164).

Несколько страниц романа, посвященных взаимоотношениям Сталина с женой и ее матерью, убедительно показывают, как был уверен в праве на жестокость во

имя будущего вождя партии. Можно найти некоторые неточности в описании похорон Надежды Аллилуевой и посещения Сталиным ее могилы. (Впрочем, художнически эти не имевшие места визиты описаны с необычайной глубиной и достоверностью.) Но несомненно, что автор романа сумел показать постепенное вырождение партии и искажение великих целей революции.

«Учение партии, – утверждает М. Соловьёв, – хоть и приниженное новыми апостолами всевластия, еще жило, но оно уже теряло свое началополагающее значение: началом становилось не учение, а единодержавная воля. Жестокий прагматизм убивал последние остатки партийности... Вера умирала, фразеология крепла» (с. 164–165).

Это противопоставление поистине грандиозных планов и их бесчеловечного воплощения убедительно реализовано в сюжетах строительства города на Амуре, добычи необходимых стране угля и леса.

Впервые Марк осознает противоречия между здравым смыслом и слепым выполнением приказа партии. Понимая все бессмысленность отправки энтузиастов-комсомольцев, зимой в тайгу, где нет ни жилья, ни питания и – главное – где до весны невозможно начало строительства Большого Города, Марк ведет караван строителей в поход. Более того, он как миллионы, оказавшихся в подобной ситуации честных партийцев, делает все от него зависящее, чтобы сберечь доверенных ему людей, спасти их от голода и холода.

Вставной эпизод (записки геолога Петра Сергеевича Новикова) о том, как на добычу найденного им угля были брошены тысячи заключенных, помещенных в нечеловеческие условия, восставших и погибнувших вместе с охранявшими их конвоирами повторяется в сценах заготовки леса принудительно отправленными на эту работу колхозниками и опять же заключенными; в рассказе о восстании заключенных на прииске Холодном. Тем самым «осатанелость» показана не как единичное явление, а как закономерность.

146

Характерно, что герой романа Марк Суров, уже во многом начавший сомневаться, еще отказывается признать правду восставших в Холодном, бросает им обвинение в предательстве и угрожает расправой, хотя и видит страшные последствия насаждавшихся на прииске правил.

Будущее, согласно концепции автора романа, все еще было универсальным оправданием происходящего. Марк уверен: «Оно придет, и если не все их ошибки, срывы, падения оправдает, то все-таки скажет, что достойны они милости и снисхождения так как, будучи несовершенными и слабыми, взяли на себя подвиг и положили начало векам новых свершений» (с. 168).

Но если Марку Сурову понадобится еще немало времени, чтобы только во втором томе романа понять, что цель не оправдывает средства, то М. Соловьёв пытается уже в первом томе найти истоки этого заблуждения: особенность русского характера, по мнению писателя, – «однолюбство, иступленная приверженность единоверию и легкость, с какой мы подавляем сомнения, не зная им подлинной цены. Сомнения мы часто принимаем за слабость, тогда как с них все великое начинается. Другой стороной нашего однолюбства является нетерпимость к инакомыслящим. Того, который не согласен с нами, мы сразу к врагам причисляем, огнем и мечом истребляем не понимая, не зная, не веря, что свобода не с единства, а с различий начинается, и если действительно о свободе болеть, то прежде своей, чужую свободу нужно уважить» (с. 164).

Значительны страницы, где показано, что лишь немногие понимают необходимость демократии, свободы мнений, пытаются противостоять догматическим требованиям. Так, наблюдая за беспартийным, только что освобожденным из ГУЛАГа, инженером Виноградовым, настойчиво, хотя и бесполезно, пытающимся опровергнуть приказ Сталина зимой отправить тысячи людей на Амур, Марк приходит к неутешительному выводу, что

ЛИЧНОСТЬ И РЕВОЛЮЦИЯ В РОМАНЕ М. СОЛОВЬЁВА «КОГДА БОГИ МОЛЧАТ»

Виноградов среди членов бюро крайкома партии – «единственный, кто сам по себе, просто человек. Все другие – винты и винтики, объединенные в машину их чувством партийности, дисциплины, сознанием, что так должно быть. Все они были винтами и винтиками машины власти, и каждому винту и винтику положена нагрузка и функция, и каждый обречен на износ и замену.

А Виноградов сам по себе, сила в себе. «А наша сила в чем?», – мысленно спросил себя Марк, и тут же ответил. В совместности. В партийности. Стадности. Влились в общее. А Виноградов не влился. Его воля вне совместности. В нем самом воля, и она его воля, а не общая» (с. 160).

Лишь немногим партийным работникам, героям романа, присуща такая самостоятельность мышления (таков первый воспитатель Марка Пересветов, большевик-подпольщик бывший секретарь крайкома Вавилов), но их ждет трагическая судьба.

Итогом первого тома служит авторское начало тома второго: «Россия во тьме задыхалась; мутное солнце обреченности, под которым ей довелось жить, не светило и не грело – мертвое солнце. Просто невысказанно придумать, какое зло до войны совершено еще не было и что не было сделано, чтобы русскую народную правду окончательно забить и в глубокое подполье загнать. Вовсе одинокой и беззащитной правда тогда осталась – ведь она в человеке живет, делами его движется, совестью его дышит, а если человек задавлен и страшно, самоубийственно молчит, и страшно, самоубийственно голосует, апробирует и аплодирует, то какая же он правде защита? Одним словом, перед войной тянулись годы, когда Россия набухла горем, а годы эти предуготовили минуту-смерч»⁸ – войну.

М. Соловьёв рассказывает о том хаосе, который творился в первые дни войны, и одновременно показывает, как рядовые красноармейцы и их командиры в этой не-

разберихе совершали подвиги, как ценой многочисленных потерь проходил героический рейд в тыл врага. Не обходит писатель и вопрос о цене подвига. «Как при поражениях, так и при победах, русских солдат гибло больше, чем солдат противника, – подчеркивает автор романа. – О сохранении жизни воюющего человека те, что наверху, думать не хотели, что делает солдатский подвиг вдвойне святым» (с. 169).

Судьба Марка и его бойцов показывает в книге участь попавших в плен советских солдат и офицеров. Лишь в наши дни стали известны страшные цифры потерь: за первые четыре месяца войны в плен, по официальным данным, попали 3,3 млн человек. Яркие конкретные описания существования в фашистских пересыльных лагерях писатель сопровождает страшным мартирологом: «Сколько людей в тех пересылках было – не считано, сколько в общих ямах-могилах погребено – неведомо, сколько беды лагерные люди хлебнули – не рассказано»⁹. Не менее драматично описаны и стационарные лагеря для пленных: «Душегубка, а то, что и в ней люди как-то выжили, нужно признать за одно из чудес войны и за свидетельство подвига, все еще не описанного». Автор отдает дань уважения советским военным врачам и медицинским сестрам, спасшим тысячи узников, называя их великими подвижниками: «Они... боролись в голоде, в царстве вши, в мире великого отчаяния»¹⁰.

Сегодняшнему читателю все эти факты покажутся знакомыми. Он знает их из повестей Константина Воробьева «Убиты под Москвой» (1963) и «Это мы, господи!» (опубликована в 1986); из романов В. Гроссмана «Жизнь и судьба» (опубликован в 1988) и В. Астафьева «Прокляты и убиты» (1995). Не лишне напомнить, что роман «Когда боги спят» вышел в 1953 г.

Впервые рассказал автор романа о том, что ответной реакцией на безразличие советских властей к судьбам воинов стало нежелание чудом вышедших из окруже-

ний солдат, осевших в примаках у сельских вдовушек, возвращаться в строй, идти в партизанские отряды.

Есть и еще один аспект войны, до сих пор лишь слегка получивший отображение и осмысление как в научной литературе, так и в художественной. Речь идет о жизни нашего народа в фашистском тылу, под фашистским игом.

«В войну... было много такого, о чем не говорится и, Бог весть, будет ли сказано... Много лет с войны прошло, а правде о тогдашней жизни людей, отданных врагу, до сих пор хода не дается»¹¹, – говорит Соловьёв в одном из авторских отступлений и пытается восстановить утаенную правду.

С первых страниц второго тома писатель утверждает, что «немецкая дорога с русскими дорогами совсем не смыкается». Вместе с тем миллионам людей, оказавшихся в оккупации, брошенных на произвол судьбы, нужно было **жить**. И в свете этого провозглашенная Сталиным тактика сожженной земли (не оставлять немцам заводов, полей, продовольственных складов) была антигуманной по отношению к своим людям. Страдали не столько немцы, сколько оставшееся без средств существования население.

Вначале Марка неприятно поражает, что идет война, «враг кругом шатается, а они [люди] словно от всего в стороне живут и ничего знать не хотят»¹². Но со временем Марк понимает, что «немецкая оккупация растекается по поверхности земли, корней у нее нет. А кругом происходит подспудное, что немислимо-трудно выразить. Живая завязь возникает, **жизнетворение** ничем и никогда не может быть остановлено. Государства воюют, а люди живут волей к **жизнетворению**»¹³. Отлученные в колхозах от собственности крестьяне засеивают поля. Рабочие налаживают производство кастрюль, необходимых каждой хозяйке. «Мысль пришла – немец тут вовсе не самое важное. Немецкие войска, автомобили, танки, шеголевато одетые офицеры в высоких блестящих сапогах, немецкая речь – все это постороннее, а за ним, за этим фасадом,

148

живет совсем другое и это другое – русские люди, русская земля, небо русское, жизнь русская»¹⁴.

Не менее сложной и неоднозначной оказывается и проблема сотрудничества с немцами. Дважды сталкивает писатель своего героя со старостами в оккупированных районах. Знакомится Марк и с бургомистрами, и с полицейскими. И начинает понимать, что всех этих людей в предатели и немецкие наемники зачислять – «одна из хитрых неправд войны. Были такие, что людей бедой били, но и такие, что людей от беды защищали»¹⁵. Надо было налаживать жизнь под немцами, обеспечивать население питанием, заботиться о детях и сиротах, о стариках. Надо было кому-то жестко пресекать беспредел выпущенных немцами их тюрем уголовников. Часто жители, а то и партизаны, просили уважаемых и честных людей стать старостами и бургомистрами. Многие из них прятали евреев, помогали сбежавшим из немецких лагерей военнопленным.

И вновь скажем, что только через 17 лет в повести В. Быкова «Сотников» встретится аналогичный сюжет.

Автор романа показывает и становление народного сопротивления немецкой оккупации. Другое дело, что перед любимыми персонажами писателя встает проблема, лишь много лет спустя получившая продолжение в «Жизни и судьбе» В. Гроссмана: «Простая победа над иноземным врагом – мало для нашего народа... дали немцу пинка, выиграли войну, а дальше?» Герои романа, противостоящие врагу, хотят сказать вернувшейся советской власти: «...милости просим. Но только давайте вместе землю в порядок приводить и старое рушить. Мы без вас тут кое-чему научились, давайте теперь вместе. Народ, если он вместе, все может»¹⁶.

Так возникает сложнейшая и характерная для всей военной прозы второй эмиграции тема «между двух звезд», поднятая в одноименном романе Л. Ржевского (1953), позже – в «Кудеяровом дубе» (1958) Б. Ширяева.

ЛИЧНОСТЬ И РЕВОЛЮЦИЯ В РОМАНЕ М. СОЛОВЬЁВА «КОГДА БОГИ МОЛЧАТ»

«На святой Руси, – рассуждает оказавшийся в тылу врага бывший генерал Высоков, ставший командиром партизанского отряда, – в данный момент пришли в столкновение три силы. Иноземное нашествие – это одна сила. Против него стоит наш народ – это другая сила. Отражая иноземного захватчика, наш народ укрепляет то положение вещей, которое сложилось до войны и враждебно ему... Из этого положения вытекает, что есть еще одна сила, она не выражена, не организована, но она есть. Это сила подспудно живущей, уже давно живущей воли нашего народа к новому»¹⁷.

Так возникает в романе и чрезвычайно диалектично решается тема так называемого Русского освободительного движения. Уже в наши дни историк К. Александров почти дословно повторил аргумент М. Соловьёва о причинах невиданного ранее массового участия 120 тыс. человек в войне против своего государства: «Большевики истребили в России целые сословия, уничтожили Церковь и старую морально-религиозную основу воинской присяги, ввели новое крепостное право и принудительный труд в масштабах страны, развязали массовые репрессии и отказались, тем более, от собственных граждан, попавших в плен»¹⁸.

В романе впервые художественно достоверно изображается драматическая судьба генерала Власова и его окружения. С одной стороны, писатель показывает искреннее раскаяние ранее успешного генерала в том, что он и его товарищи по партии творили с народом до войны. С другой стороны, постоянные уступки Власова немцам, нравственные компромиссы, на которые он сознательно идет, приводят, как показывает автор романа, Власова к моральной и физической деградации.

Автор романа пытается доказать, что хотя «борьба Власова ставила утопическую цель – свободную и сильную Россию без Сталина и его клики»¹⁹, сама по-

пытка бросить вызов Сталину, независимо от того, достигла бы она успеха или нет, имела несомненное значение. Она показала, что Сталин не смог подавить в русском обществе волю к сопротивлению.

В романе художественно доказано, что заигрывание с фашистами не могло ничего принести России и ее народу. В целом ряде сцен автор показывает, что фашисты даже слышать не хотят о России как самостоятельном государстве. Особенно ярко нарисована сцена в кабинете Розенберга, кричащего: «Россия не страна! Не нация! Не народ! Историко-этнографическая случайность! Ненужная подробность мирового развития! Завоевание и покорение! Кровь и железо!...»²⁰

Беспощадно звучит авторская оценка Власова: «Они в Берлине говорили о возможности действовать, а люди в оккупированной России действовали»²¹.

Желание увидеть новую Россию без сталинской «осатанелости», показывает М. Соловьёв, объединило вчерашних коммунистов, комсомольцев, репрессированных советской властью людей. Другое дело, что значимость Победы заслонила задачу исправления ошибок прошлого. Народ тогда не получил заслуженной свободы.

Так возникло подробно описанное в романе отступление тысяч советских людей на чужбину, в эмиграцию. «Когда прошлое, осужденное и отвергнутое народом, начало снова надвигаться с востока на штыках побеждающей русской армии, люди еще раз отвергли его и выбрали горькую долю беженства... Катились эшелоны с беженцами – на неведомый Запад, в чужие земли, на неведомую судьбу стремились люди. Страх перед новым народоистреблением витал повсюду, разрастался»²².

По мнению М. Соловьёва, «гордость и бунт выражены в этом исходе с родины... не от немцев, а от своих».

«Нет ничего страшнее Бога умолкнувшего и оставившего человека»²³, – говорил

Марку мудрый дед Осип. «Но ведь это не Бог отступает, – полемизирует с ним в финале романа Марк, – а человек отступает от Него, убивая в себе порыв к добру, счастье ласкового отношения к жизни; отступает и тем создает эпохи молчащих богов»²⁴.

Любимые персонажи автора романа, пройдя долгий и сложный путь исканий, заблуждений и открытий не допустили, чтобы боги оставили человека, прекратили его жизнетворчество. В твердом убеждении, что он не умрет, а растворится в будущем, уходит из жизни Марк Суров; погибли все его братья, кроме Корнея, прошедшего всю войну, увенчанного множеством орденов, но главное «частично восполнившего убыль в суровском роду: у Корнея росло три сына и дочь, да вдобавок, сироты Ивана: Борис и Наташа, крепко-накрепко в Корнееву семью и в сердце его заключены были».

До сих пор мы говорили об исторических событиях, охваченных авторским видением и судьбой героя. Пора сказать и о мастерстве М. Соловьёва.

Автор владеет умением, поставив в центр одного персонажа, построить многосюжетное повествование о судьбах всего рода Суровых в революции и после нее.

Фольклорными образами наполнено описание главы рода Тимофея: «природа, отформовав тяжелое тело, избыток сил в бороду ему вогнала... Под стать бороде был и весь Тимофей. Глаза серые, усмешливые. Нос тупой из бородищи, словно птенец голый из гнезда, глядит. Плечи широченного прямого разворота. Ступал легко, размашисто, хоть людям и казалось – где он ногу в чоботе с широким голенищем поставил, земля там прогнулась, а если он, скажем, плечом шевелил, то кому-другому на ум падало, что толкни он тем плечом угол хаты, быть ей без угла» (с. 27).

Воплощением христианской любви является жена Тимофея тетка Вера. Это она уговаривает сына не мстить избившему ее белому офицеру, но она же с палкой бросается на высокопоставленного чекистского чиновника, сказавшего что ее сын

обречен. Кочуя от одного сына к другому, тому, кому она нужнее, тетка Вера, как и они, вступит в борьбу с фашистами и будет ими казнена.

Взрывчатым характером и необычайной смелостью наделил автор Корнея, в нескольких словах охарактеризует веселого гармониста и танцора, раскрасившего подаренные брату санки.

Соловьёву подвластны и характеры интеллигентов, для которых «жизнь оказалась сложнее, труднее, запутаннее, чем революционная теория»: Виктора Пересветова, Льва Бертского. Писатель рассказывает о них уважительно, ярко, иногда с юмором (красные штаны Бертского).

Сюжеты соловьёвского романа увлекательны, динамичны и драматичны. Личная жизнь героев вписывается в те исторические рамки, о которых говорилось выше.

Несколько выпадает из реалистического сюжета романа линия Марка и любимой им девушки Кати, Колибри, как он ее называет. Почти детективная история работы Колибри на советскую разведку, ее похищение японским разведчиком-дипломатом кажутся, на первый взгляд, надуманной. Но в философском и психологическом осмыслении пути Марка эта глава имеет очень большое значение. Колибри – воплощение идеи свободной жизни, предназначенности человека для счастья. Марк в период их любви мечется между проповедуемыми Колибри мыслями и оправданием жестокости и насилия во имя высокой цели. Это находит выражение в их диалоге, когда девушка спрашивает Марка:

«Во имя счастья будущих людей? Но, Марк, уверен ли ты, что будущие поколения людей примут от вас счастье, забрызганное кровью младенца?»

Марк находил ответ в самоосуждении: «Много жестокого от нас самих, дорогая. Мы – рабы, алчущие свободы, но не знающие ее, боящиеся. Нет, младенец не должен быть убит. На нашем пути Смердяков. Мы устраним его».

Колибри: «Марк, не в вас ли самих Смердяков? Как устранить его, если он в вас?»

Марк: «Мы научимся свободе, ты увидишь, Колибри, мы научимся. Если не мы, то новое поколение. Оно уже идет».

Колибри была неумолима:

«Новое поколение? Но что оно примет от вас и что понесет дальше? Оно научится от вас понимать свободу, как подавление, передаст свое знание следующему поколению, и новая цепь неволи протянется в века».

Марк: «Этого не будет! Я верю».

Колибри: «Ты лжешь, Марк! Самому себе лжешь! Ты уже сомневаешься. Что ты делаешь сейчас? Хочешь ослабить удар по людям? Зачем? Прими это, как нужное, неизбежное. Закрой твои уши, чтобы не слышать плача детей и жалоб людей. Стань твердым, тогда ты будешь настоящим большевиком».

Марк: «Я и есть большевик. Мы не можем исключать из социалистического строительства полмиллиона людей. Они нужны нашему делу» (с. 240).

На протяжении всего романа, даже когда Колибри ушла из реальной жизни Марка, он ведет с ней мысленный диалог, все чаще поверяет свои поступки словами Колибри.

Немалая роль в этом споре принадлежит уже упоминавшейся вставной новелле «Записки для памяти геолога Петра Сергеевича Новикова».

Безусловное мастерство Соловьёва-художника проявляется в пейзажах, помогающих осмыслить происходящее. По контрасту: идет Гражданская война, льется кровь, а «Вокруг него [Марка. – В. А.] степь лежала, степь без конца и края, до самого соединения с небом. В ней все так спокойно, так непоколебимо, что с непривычки страшно становилось» (с. 52). По сходству – Марк едет в «неведомое», где его ждут испытания: «Осенний ветер гулял по степи, с лихим посвистом налетал на города и села, выл дурным голосом в тесных улицах, а там, смотришь, уносился

ввысь и безобразничал среди туч – гнал их по небу, сбивал в кучу, а то вдруг начинал разгонять, рвать на шматки. Надоедало ему в вышине забавляться, опять падал на землю и выл в трубах домов, гудел над рощами и селениями, на что-то жаловался, кому-то грозил» (с. 123).

Не менее выразительны авторские оценки. Выше уже приводились логические рассуждения писателя. Вот еще одно, полемизирующее с оценкой большевиков в «Балладе о гвоздях» Н. Тихонова («гвозди бы делать из этих людей»): «Настоящий, однако, человек, даже после больших вбиваний в жизнь, все-таки не мертвый гвоздь; он живой душой поверх своего места глядит и хочет знать – верно ли, в ряд ли с правдой и с мечтой жизнь его поставила? И пока это так, пока человек правду чувствует и мечте не чужд, только по крепости он гвоздю подобен; ну, а если того нет, мечты т.е. и правды, тогда, конечно, и человека нет, а имеется человекогвоздь, которому все равно куда его вбивают – в очередное переписывание истории или, скажем, в живые и кровотокающие души людские» (с. 238).

Но немало в романе и лирических авторских отступлений. Таких: «Ах, какая непотревоженная тишина бывает в зимнюю хабаровскую ночь! Идет человек и чувствует – вокруг она. Холодная, колючая, искристая и такая плотная, что ее грудь» (с. 156). Или таких: «Если плачет мать, это горе, если плачут миллионы матерей – война. Плачьте, матери!»²⁵.

Из приведенных примеров ясно, что автор владеет широкой языковой палитрой: от просторечия до философской лексики, от диалектизмов до литературного языка.

Роман М. Соловьёва, только что ставший доступным отечественному читателю, – еще одна страница в художественной истории России, в осмыслении взаимоотношений личности и революции и заметное явление в литературном наследии второй эмиграции.

Примечания

- ¹ Козловский Ю., Голубовский М., Петухов П. Работа сельских советов Дальне-Восточного края. – М.: Сов. строит-во, 1932.
- ² Голубовский М. Десять лет проведения ленинской национальной политики в Дальне-Восточном крае. – М.: Сов. строит-во, 1933.
- ³ ИРО – Международная организация по делам беженцев (англ. International Refugee Organization IRO) была учреждена ООН 20 апреля 1946 г. для оказания помощи беженцам, появившимся в результате Второй мировой войны.
- ⁴ Опубликовано И.Р. Петровым. – Режим доступа: <http://labas.livejournal.com/1051170.html>
- ⁵ Сведения о ди-пийском периоде жизни М. Соловьёва предоставлены мне Р.В. Полчаниновым.
- ⁶ Соловьёв М. Когда боги молчат. – Нью-Йорк: Изд. автора, 1963. – Кн. 1. – С. 6.
- ⁷ Соловьёв М. Когда боги молчат. – М.: АИРО, 2017. – С. 27. В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте статьи.
- ⁸ Соловьёв М. Когда боги молчат. – Нью-Йорк: Изд. автора, 1963. – Кн. 2. – С. 557–558.
- ⁹ Соловьёв М. Когда боги молчат. – Кн. 2. – С. 386.
- ¹⁰ Там же. – С. 451.
- ¹¹ Там же. – С. 452.
- ¹² Соловьёв М. – Кн. 2. – С. 541.
- ¹³ Там же. – С. 502.
- ¹⁴ Там же. – С. 542.
- ¹⁵ Там же. – С. 505.
- ¹⁶ Там же. – С. 503.
- ¹⁷ Там же. – С. 518.
- ¹⁸ Там же. – С. 563–564.
- ¹⁹ Russia XX. – 2010. – May 5th. – Режим доступа: <http://russia-xx.livejournal.com/85946.html>
- ²⁰ Там же.
- ²¹ Соловьёв М. – Кн. 2. – С. 583.
- ²² Там же. – С. 602.
- ²³ Там же. – С. 690.
- ²⁴ Там же. – С. 708.
- ²⁵ Там же. – С. 709.
- ²⁶ Соловьёв М. – Кн. 2. – С. 398.

ПО СТРАНАМ И КОНТИНЕНТАМ

История Великого чайного пути: О первых русских эмигрантах в Китае

В.Г. Шаронова, Чень Кайке

РУССКАЯ КОНЦЕССИЯ В ХАНЬКОУ*

Аннотация. В статье рассказывается о создании в китайском городе Ханькоу Русской концессии. Проживавшие в этом городе русские купцы – чаоторговцы завоевали лидирующие позиции на местном рынке, благодаря своей сплоченности и успешной торговле. Они с любовью строили концессию, отданную им в бессрочную аренду, не жалея средств на ее благоустройство. Благодаря умелой политике российских дипломатов, «Маленькая Россия» в Ханькоу пользовалась большим авторитетом у китайских и иностранных чиновников.

Ключевые слова: Русская концессия; Ханькоу; дипломат; купец; чайная торговля; территория; Общественный совет.

*ШАРОНОВА
Виктория
Геннадьевна,
кандидат
исторических
наук,
ведущий
научный
сотрудник
Института
Дальнего Востока
РАН*

*ЧЕНЬ КАЙКЕ,
кандидат
исторических
наук,
главный
научный
сотрудник
Института
Новой и Новейшей
истории
Китайской
академии
общественных
наук*

Ханькоу – город, расположенный в провинции Хубей в центре Китая, находился в четырех, пяти днях пути на пароходе от Шанхая по реке Янцзы и был последним портом, до которого могли доходить океанские суда. До Нанкинского договора¹, который открыл его внешней торговле, маленький рыбацкий поселок больше напоминал деревню.

Русская чайная торговля начала развиваться здесь с середины XIX в. Уже к концу столетия наши коммерсанты покупали треть всего чая на ханькоуском рынке, вытеснив англичан. «Чайные караваны» шли сухим путем через Кяхту и Иркутск, откуда по железной дороге – в Москву и другие города. С 1863 по 1873 г. в Ханькоу русскими предпринимателями было построено несколько чаеперерабатывающих фабрик в Янлоудуне, а затем в Ханькоу. Успехи купцов были высоко оценены правительством России, и многие из них были отмечены наградами. Наиболее значимыми по объемам произ-

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, по гранту № 17-21-21002 «История русско-китайской чайной торговли в центральных и юго-восточных провинциях Китая с середины XIX века по начало XX века. По материалам российских и китайских архивов».

водимой продукции и финансовым оборотам считали также фабрики: «Молчанов & Пятков (Печатнов) и Ко» – «Фучан», «Токмаков & Молотков и Ко» – «Шунь-фэн», «Наквасин & Вершинин Ко» – «Янтай» и посредническая контора «Братьев Поповых». Производимые ими различные виды черных и зеленых чаев (кирпичный, плиточный и др.) были известны не только в России, но и в Европе. Одновременно в Ханькоу получило широкое развитие строительство кирпичных заводов, продукция которых широко использовалась для застройки города. Одной из самых популярных строительных компаний была фирма «Литвинов & Чирков и Ко».

В начале апреля 1891 г. наследник русского престола, цесаревич Николай Романов, путешествовавший по Дальнему Востоку, прибыл в Ханькоу на пароходе Добровольного флота «Владивосток». Ему были оказаны почести как со стороны официальных китайских властей, так и со стороны русского купечества. Главной целью визита было оказание поддержки местному российскому бизнесу и укрепление его позиций в Китае, а также проведение переговоров с Наместником провинций Хунань и Хубей чиновником Чжан Чжи-Дуном². По приезде в город Николай Александрович присутствовал на богослужении в храме Св. Александра Невского, где церковным старостой был чаоторговец Н.М. Молчанов, а хор певчих состоял из купцов (Орлов, Масленников, Токмаков, Милютин, Останин, Кандинский), фамилии которых записал князь Э.Э. Ухтомский, сопровождавший цесаревича в поездке. По окончании литургии цесаревич посетил дом генерального консула П.А. Дмитревского, где ему была представлена депутация русских резидентов Ханькоу, в том числе селенгинский купец А.П. Малыгин (представитель ТД «Токмаков, Молотков и К», поднесший Его Императорскому Высочеству хлеб-соль на серебряном блюде китайской работы; советник коммерции А.Н. Старцев (от русских резидентов Калгана и Тяньцзиня); кяхтинский купец I гильдии Н.М. Молчанов (предста-

витель ТД «Молчанов, Печатнов и Ко»), пригласивший Николая Александровича на завтрак. Во время завтрака российские купцы рассказали будущему государю о чайной торговле, своих трудностях и достижениях, и доле русских компаний на местном рынке. После чая наследник посетил фабрику кирпичного чая фирмы «Молчанов, Печатнов и Ко». Тем же вечером состоялся еще один обед в доме купца Н.М. Молчанова, за которым продолжилось обсуждение вопросов торговли и местных насущных проблем, в том числе возможности создания своей концессии в Ханькоу.

Во всех поездках цесаревича сопровождал генеральный консул П.А. Дмитревский³, известный и опытный дипломат, много лет проработавший в Китае. В один из дней будущий царь присутствовал на крестинах его сына Николая и стал крестным отцом малыша. В эти дни проходили встречи и беседы с русским купечеством, осматривались выставки чая, проводились многочисленные приемы в домах чаоторговцев.

Одним из важнейших пунктов визита были переговоры с Чжан Чжи-дуном и банкет, которые состоялись в зале Цинчуан-гэ (Храме Бога Учености), расположенном на высоком холме на берегу реки Янцзы. После произнесения положенных речей и обмена подарков было достигнуто самое главное, к русским стали относиться более доверительно и радушно.

Русские селились на Британской концессии, дома пяти богатых купцов находились на набережной на первой линии, рядом с английским консульством была построена православная церковь. Часть русской колонии проживала на французской концессии и совсем немногие снимали дома в китайских кварталах. Такая разбросанность в небольшом Ханькоу настоятельно требовала наличия своей собственной территории для российских подданных.

Рост русской торговли и краткий, но очень важный для развития русской торговли в Китае, визит будущего императора в эту страну привели к заключению между Императорской Российской Миссией в Пе-

кине и Китайским Министерством Иностранных Дел Соглашения об отводе территории в портовом городе Ханькоу провинции Хубей⁴ для создания на ней Русской Концессии. В Ханькоу был в срочном порядке приглашен опытный и хорошо знающий специфику данного региона, П.А. Дмитревский, работавший в те годы генеральным консулом в Тяньцзине.

«Императорская Миссия в Пекине»

Его Высочородию
5 марта 1896 г. № 44.
П.А. Дмитревскому.

в Тяньцзинь

Милостивый государь Павел Андреевич!

В виду осложнений, выразившихся в делах об устройстве русской концессии в Ханькоу, предлагаю вам выехать в средних числах с целью окончательного на месте решения совместно с управлением нашим консульством в Ханькоу коллежским секретарем Рождественским и французским консулом Дометреном вопрос о рассмотрении названной выше концессии». Все путевые издержки за счет консульства будут покрыты. Консульство же на время вашего отсутствия сдать надлежаще в настоящее время в Тяньцзине студенту Императорской миссии коллежскому секретарю В.Ф. Гроссе, о чем своевременно уведомить Императорскую миссию.

Граф Кассини»⁵.

В конце мая 1896 г. между китайской и русской сторонами было подписано *Положение о Русской Концессии в Ханькоу*. Императорскую Россию представляли Генеральный Консул в Тяньцзине статский советник П.А. Дмитревский и Управляющий Императорским консульством в Ханькоу коллежский секретарь П.С. Рождественский⁶, с китайскую сторону – Уполномоченный Великого Дайцинского государства чиновник Цюй, в обязанности которого входили надзор за таможенными и торговыми делами в провинции Хубей.

Российской концессии отводились земли на западном берегу реки Янзцы, вдоль реки до ворот Тун – цзимынь, на площади в 288 чжан. Располагалась она между Британской и Французской концессиями и имела площадь в 21 800 фанов, или 3 009 762,5 английских квадратных футов. С севера к ней прилегала Французская, а с востока Американская концессии. Британская концессия находилась ниже по течению реки. Перед подписанием соглашения обе стороны обошли предлагаемую территорию и поставили пограничные камни вдоль ее границ. Вся эта земля отдалась «...в вечную аренду Русскому Правительству, и все дела в ней ведаются Русским консулом. Русская концессия имеет площадь около 26 десятин. Входящие в Русскую концессию участки земли, принадлежащие китайским подданным, со дня подписания договорного условия, не могут быть продаваемы или отдаваемы в аренду другим лицам, а могут быть только отданы в вечную аренду Русскому правительству; цена за выкуп их назначается справедливая, по соглашению китайских местных властей с Российским консулом, и в годичный срок означенные земли должны быть сполна переданы Русскому правительству⁷. Одновременно было подписано Соглашение, содержащее конкретные пункты по пограничным линиям территории Русской концессии⁸.

В течение долгого времени велись переговоры о разграничении русской территории с французской и английской концессиями, поскольку с самого первого дня образования русской концессии российская сторона столкнулась с противоборством англичан и французов, имевших с ней границу. Французское генеральное консульство практически находилось на одной из улиц Русской концессии. Кроме того, два больших участка земли на территории внутри концессии принадлежали британской компании «Jardin, Matteson & Co», и, несмотря на желание российского правительства их выкупить за приличную сумму⁹, англичане на сделку не пошли. В результате длительного конфликта

интересов спорный вопрос не был решен и на востоке территории концессии была изломанная линия, а компания «Jardin, Matteson & Co» осталась на своих когда-то выкупленных участках. Также непросто решался вопрос и с приобретением земли для российских нужд в других концессиях. Например, в 1899 г. при покупке Добровольческим флотом у состоящего агентом в Ханькоу коммерции советника Н.М. Молчанова двух участков земли с постройками, расположенных в английской концессии английские власти отказались перевести купчую крепость на имя Добровольческого флота. Только после долгих разбирательств консулом Ваховичем этот вопрос удалось решить в мае 1901 г.¹⁰

При разметке территории возникали вопросы и с местными китайскими властями. В русской концессии находилось важное правительственное китайское учреждение – Учанская портовая таможня. Китайское правительство согласилось на уступку и перенесение таможни за пределы концессии. Проводилось переселение китайских жителей с приграничной территории, при этом они получали денежную компенсацию от российского правительства: «Что касается казенной полосы, идущей вдоль городской стены и соприкасающейся с русской концессией, то ширина ее от стены должна быть сохранена на протяжении 5 чжан и она не должна входить в концессию. На этой полосе может быть устроена большая дорога, которая должна быть застроена домами с местожительством для китайцев». Большое внимание уделялось улицам и дорогам, обращалось особое внимание на то, что их необходимо было устроить надлежащим образом, чтобы они служили «для собственного прохода иностранных и китайских купцов и народа»¹¹.

Новая территория управлялась Общественным советом на основании Устава, принятого Общим собранием и которому подчинялись все проживающие на концессии жители, независимо от гражданства.

В Общественном совете участвовали как частные лица, так и компании. Среди

русских компаний можно назвать «Наквасин Д.И. и Ко», «С.В. Литвинов и Ко», Русский клуб и др.; среди иностранных, такие как Международный госпиталь, Римская католическая миссия, Азиатская торговая компания и др. В Совет также входили представители генерального консульства, банка, почтовой конторы, коммерсанты, юристы, врачи, духовенство¹².

Консулом был образован Временный хозяйственный комитет, состоящий из четырех членов (из числа землевладения концессии) для заведования делами. После совместного обсуждения принимались решения. Строительные работы осуществлялись за счет субсидий со стороны Российского государства, а также оплаты налогов и пожертвований. Аналитика отчетов позволяет проследить, как менялось содержание отчетов и увеличивалось количество статей расходов и доходов. Одним из главных пунктов ежегодной сметы Общественного совета являлись расходы на содержание и благоустройство концессии.

В марте 1897 г. российский консул А.С. Вахович¹³ приступил к строительству набережной, получившей название Николаевская. Концессия быстро застраивалась. Было принято решение о строительстве генерального консульства. Сумма ассигнований на приобретение в Ханькоу земель для его устройства была переведена в июле 1901 г. и составляла 21 030 ф. ст.¹⁴ В начале 1902 г. был получен кредит на постройку здания консульства, которое сохранилось до наших дней¹⁵.

Вместе с благоустройством новой территории, огромное внимание уделялось и решению коммерческих вопросов. Русская торговая палата в Ханькоу ставила своей задачей содействие развитию и упрочению русской торговли в Китае. В круг ее деятельности входило ведение списков русских и китайских коммерческих фирм, заинтересованных в коммерческих сношениях, установление сношений с русскими и иностранными торговыми и промышленными организациями, а также с торговыми палатами и другими учреждениями, защита интересов и содействие

русским торговым учреждениям в определенных русских на службу в Китае.

Большую роль в жизни города играл «Русский клуб», активно работала почтовая контора, была создана Полицейская и Пожарная охраны. Для успешного ведения бизнеса шло обучение торговому делу русского и китайского населения, для чего были открыты две школы: русская и русско-китайская.

До октября 1917 г. русская колония в Ханькоу, пользовавшаяся огромным авторитетом у местных властей, способство-

вала промышленному и торговому развитию провинции Хубэй, возможно, если бы не события, произошедшие в России, этот город стал бы, впоследствии, важнейшим экономическим центром Китая.

Русская концессия была передана китайским властям 2 марта 1925 г.

Вместе с ней под ведение нового управления была переведена местность Лулин, находящаяся в горах Лушань, вблизи города Кьюкианга провинции Цзянси, принадлежавшая Пекинской духовной миссии.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

СОГЛАШЕНИЕ МЕЖДУ КИТАЕМ И РОССИЕЙ О ПРЕДОСТАВЛЕНИИ ПОСЛЕДНЕЙ КОНЦЕССИИ В ХАНЬКОУ

Протокол № 1

Апреля второго дня 1896 года в 10 часов утра,

Российский консул в Тяньцзине, Статский Советник П. Дмитриевский и Управляющий Консульством в Ханькоу Коллежский Секретарь П. Рождественский, с одной стороны,

И Французский генеральный консул в Шанхае г-н Дюбайль и Консул в Ханькоу г-н Дотремэр, с другой стороны,

В присутствии Ханьянского Джи – сяна и члена смешанного суда Дун ради определения границ Русской концессии в Ханькоу постановили следующие пограничные знаки:

- 1) на берегу реки, на границе Английской концессии;
- 2) на берегу реки Янзцы в 2255 фут. – 687,34 м – расстояния от предыдущего камня по прямой линии и в 343,66 м расстояния от северного камня Французской концессии;
- 3) на большой дороге, в месте, где она пересекается линией, проведенной из точки второго камня к западу перпендикулярно берегу;
- 4) на большой дороге близ южной границы земли, принадлежащей Французскому консульству;
- 5) у западной городской стены на линии, проведенной вдоль южной пограничной линии Французского консульства и
- 6) близ ворот Да – чжи – мынь. Последний пограничный столб должен находиться на продолжении до западной стены пограничной линии Английской концессии; но ввиду невозможности определить в настоящее время точное направление сей линии, он поставлен в настоящем месте до тех пор, пока не будут произведены точные промеры этой границы Русской концессии.

Всего поставлено 6 пограничных камней.

В подтверждение и удостоверение чего мы прилагаем свои подписи и печати.

П. Дмитриевский м. п. подпись

П. Рождественский м. п. подпись

Г. Дюбайль

Г. Дотремэр то же самое

Печати и подписи китайских делегатов.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

ЧЛЕНЫ ОБЩЕСТВЕННОГО СОВЕТА
за период с 1904 по 1923 г.

Год	Председатели и их заместители	Члены Общественного совета (в 1905–1906 гг. «Комитета») и замещающие их кандидаты
1904	А.Н. Островерхов (консул)	Я.К. Панов, А.П. Малыгин, М.С. Оверин, Ф.К. Форемни
1905	Ф.К. Форемни	С.В. Литвинов, В.Ю. Григорьев, М.С. Оверин, С.Д. Малашкин
1906	Ф.К. Форемни, А.Н. Рассадин	С.В. Литвинов, В.Ю. Григорьев, М.С. Оверин, С.Д. Малашкин, А.Н. Рассадин, В.В. Хохлов, А.С. Вершинин
1907	А.Н. Рассадин	В.В. Хохлов, С.Д. Малашкин, Я.К. Панов, Х.М. Бензема, Г.И. Турицын
1908	А.Н. Рассадин	В.В. Хохлов, Ф.В. Крживошевский, Г.И. Турицын, Х.М. Бензема
1909	А.Н. Рассадин, Ф.В. Крживошевский	Ф.В. Крживошевский, Г.И. Турицын, Х.М. Бензема, С.В. Унженин, С.Д. Малашкин
1910	Ф.В. Крживошевский	С.В. Унженин, Х.М. Бензема, Н.В. Маркин, С.Д. Малашкин
1911	Ф.В. Крживошевский, В.Ю. Григорьев	В.Ю. Григорьев, Х.М. Бензема, Н.П. Челябин, Р.Е. Хеммингс, О.Л. Штегер, С.В. Унженин, А. Штегман, А.П. Малыгин
1912	В.Ю. Григорьев	С.Г. Ястржемский, Х.М. Бензема, А.Г. Иванов, Р.Е. Хеммингс
1913	В.Ю. Григорьев, В.А. Чечелев, А.Г. Иванов, И.К. Панов	Х.М. Бензема, Р.Е. Хеммингс, В.А. Чечелев, А.Г. Иванов, И.К. Панов, В.П. Голиков, С.В. Унженин
1914	В.Ю. Григорьев	Э.К. Блахер, С.В. Унженин, Р.Е. Хеммингс, А.С. Вершинин, Х.М. Бензема, И.К. Панов, В.П. Голиков
1915	В.Ю. Григорьев, С.В. Унженин	С.В. Унженин, А.С. Вершинин, В.П. Голиков, И.К. Панов, Н.В. Маркин
1916	В.Ю. Григорьев, С.В. Унженин	С.В. Унженин, В.П. Голиков, В.О. Люгебиль, А.Г. Иванов, Х.М. Бензема
1917	В.Ю. Григорьев, В.П. Голиков	В.П. Голиков, Х.М. Бензема, А.Г. Иванов, Л.И. Парбюри, С.В. Унженин
1918	В.Ю. Голиков	В.П. Голиков, А.Г. Иванов, Г.А. Стюарт, Л.И. Парбюри, С.В. Унженин
1919	В.Ю. Григорьев, Д.М. Мельников	Д.М. Мельников, И.К. Панов, Г.А. Стюарт, Л.И. Парбюри, С.В. Унженин
1920	Д.И. Наквасин, Д.М. Мельников	И.Я. Антуфьев, И.К. Панов, Н.И. Петров, В.И. Шимонаев, К.К. Черноситов
1921	Д.И. Наквасин, Д.М. Мельников	Д.М. Мельников, И.К. Панов, Н. Петров, К.К. Черноситов, В.С. Дюпри, К.Б. Хорнер, А.Г. Иванов
1922	Д.И. Наквасин, Д.М. Мельников, И.К. Пименов	Д.М. Мельников, И.К. Пименов, А.С. Вершинин, И.Н. Лепихин, В.С. Дюпри, К.Б. Хоркер
1923	И.К. Пименов	Д.М. Мельников, Х.М. Бензема, В.С. Дюпри, Н.И. Петров, П.А. С. – Сабатин, С.В. Унженин
1924	И.К. Пименов	Д.М. Мельников, С.В. Унженин, Н.И. Петров, П.А. С. – Сабатин, Г.М. Джемсон, В.Т. Гудвин

Примечания

- ¹ Нанкинский договор – договор, заключенный 29 августа 1842 г., между Китаем (Цинской империей) и Великобританией, в результате поражения Китая в I опиумной войне (1840–1842). По этому договору к Великобритании отошел Гонконг, Китаем была выплачена огромная контрибуция (ок. 21 000 000 долл.), открыт ряд китайских портов для иностранной торговли (Кантон, Амой, Фучжоу, Нинбо и Шанхай).
- ² Чжан Чжидун (4.09.1837–5.10.1909) генерал-губернатор двух провинций Хубей и Хунань. Был активным сторонником императрицы Цыси и всячески поддерживал династию, однако считал, необходимым использование европейского опыта и передовые технологии в области технического прогресса.
- ³ Дмитревский Павел Андреевич (04.11.1855, Вологда – 17.08.1899, Сеул) – дипломат. Окончил Санкт-Петербургский университет. В 1877–1899 гг. – сотрудник МИДа. В 1882–1883 гг. и.о. консула в Ханькоу; 1884–1892 гг. – консул в Ханькоу; 1893–1896 гг. – консул в Тяньцзинь; 1 июля 1896 – 17 августа 1899 – генеральный консул в Шанхае. Скончался в Сеуле по дороге в отпуск в Россию.
- ⁴ Хубей – провинция на востоке центральной части Китая.
- ⁵ ИВР РАН. Ф. 14. Оп. 1. Д. 42. Дмитревский П.А. Папка о Русской концессии в Ханькоу. Л. 5.
- ⁶ Рождественский Петр Сергеевич. (11.10.1870, Санкт-Петербург – 20.02.1915, Сан-Франциско, США). Дипломат. Окончил Санкт-Петербургский университет в 1892 г. На службе в МИДе с 1893–1915 гг. Студент Миссии в Пекине в 1892 г. Управляющий генеральным консульством в Ханькоу в 1896 г., 2-й секретарь миссии в Пекине в 1905 г. Работал генеральным консулом в Сан-Франциско.
- ⁷ ИВР РАН. Ф. 14. Оп.1. Д. 42. Л. 39. Положение о Русской концессии в Ханькоу от 21 мая / 2 июня 1896 г.
- ⁸ См.: Приложение 1.
- ⁹ АВПРИ. Ф. 143. Русская концессия в Ханькоу. Оп.491. Д. 392. Л. 7.
- ¹⁰ АВПРИ. Фонд Миссия в Пекине. Д. 50540. Л. 2.
- ¹¹ Музей русской культуры в Сан-Франциско Фонд 54. (А.Т. Бельченко). Папка 14-1-13-2.
- ¹² См.: Приложение 2.
- ¹³ Вахович Александр Степанович (8.09.1858, с. Луковцы, Седлецкой губернии Бельского уезда – 12.02.1904, Ханькоу, Китай). Дипломат. Окончил Санкт-Петербургский университет в 1882 г. На службе в МИДе с 1882–1904 гг.
- ¹⁴ АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 392. Л. 11.
- ¹⁵ В настоящее время в здании находится элитный клуб-ресторан.

ПО СТРАНАМ И КОНТИНЕНТАМ

История Великого чайного пути: О первых русских эмигрантах в Китае

С.М. Мушкалов

ГРИБУШИНЫ. ВСЕ ДОРОГИ ВЕДУТ В КУНГУР*

Аннотация. Статья посвящена деятельности одного из крупнейших чаоторговцев России Михаила Ивановича Грибушина. Особо прослеживается этап от периода накопления знаний и опыта до формирования собственной «чайной империи». Значительное внимание уделено общественному служению купца на благо городского общества, а также его многогранной благотворительной деятельности. Отражена и деятельность наследников именитого чаоторговца, создавших Торговый Дом «М.И. Грибушина Наследники», входивший в пятерку крупнейших в стране.

Ключевые слова: династия; деловая активность; капитал; грибушинские чаи; общественная деятельность; благотворительность; наследники; Торговый Дом.

В октябре 2006 г. в городе Кунгуре Пермского края «случилось» знаменательное событие: на родину предков впервые приехали потомки замечательной династии купцов-чаоторговцев Грибушиных. В их числе были: профессор из Монако Луис Дюпал (праправнук М.И. Грибушина по французской линии, внук его внучки Людмилы Сергеевны Грибушиной (Витерновой)) и его московская родственница, Ирина Сергеевна Петухова (дочь другой внучки именитого чаоторговца, Ирины Сергеевны Грибушиной (Вержиковской)).

На вопросы корреспондента городской газеты «Искра» Луис Дюпал ответил, «хитро улыбнувшись», что в городе предков «ему забавно». «Я русским себя не считаю, – отшутился он “с истинно французским шармом”. – Но очень приятно узнавать что-то новое о своих предках...»¹.

МУШКАЛОВ
Сергей
Михайлович,
директор
Кунгурского
историко-
архитектурного
и художественного
музея-
заповедника,
Россия,
г. Кунгур
160

* Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ № 17-21-21002, «История русско-китайской чайной торговли в центральных и юго-восточных провинциях Китая с середины XIX века по начало XX века. По материалам российских и китайских архивов».

Спустя шесть лет, в июле 2012 г., в Кунгур приехали другие представители французской ветви династии: старший брат Луиса Дюпала, «нефтяной олигарх» из Парижа Пьер Дюпал и его сын, Бенджамин Дюпал, предприниматель из Сингапура. «Город, – писали газеты, – откликнулся на приезд Грибушиных не пафосно, но трогательно: как будто и правда, вернулись свои, кунгурские»².

Революционные потрясения начала XX в. раскидали потомков именитых купеческих династий по белу свету. Попала под «красное колесо» и семья Грибушиных, с деятельностью которой связана особая страница в истории российской чайной торговли.

Этот род известен в Кунгуре с начала XVIII в. Однако, несмотря на это, основателем династии принято считать Михаила Ивановича Грибушина (1832–1889), купца первой гильдии, видного общественного деятеля и благотворителя.

Семья потомственных кожевенников, из которой происходил будущий купец-миллионер, была небогатой. По свидетельству очевидцев, родители даже не хотели обучать старшего сына грамоте³.

Еще мальчиком Грибушин поступил в услужение к городскому почтмейстеру за три руб. жалования в месяц⁴. (Сведения о работе Михаила Ивановича «писцом почтовой конторы» подтверждает в своей книге «Кама и Урал» и известный русский писатель и путешественник В.И. Немирович-Данченко⁵, посетивший Кунгур летом 1876 г.). Позднее работал в городском казначействе⁶.

В 12-летнем возрасте Михаил Иванович начал трудовую деятельность у кунгурского купца-чаеоторговца А.С. Губкина. Первоначально был швейцаром.

Спустя три года будущего предпринимателя отправили в далекий забайкальский город Кяхта, где он прожил пять лет⁷. Вершиной карьеры стала для него должность управляющего чайными плантациями в Китае⁸.

В фирме А.С. Губкина Михаил Иванович прослужил в общей сложности 12 (по другим данным – 14) лет. Подробности его деятельности, скорее всего, по объективным причинам навсегда останутся неизвестными. Между тем именно этот период оказал на Грибушина «колоссальное и не поддающееся никакому учету» влияние.

Пройдя эту по-настоящему хорошую школу, Михаил Иванович постиг основы и тонкости чайной торговли, набрался необходимого опыта и знаний. Деловые связи с кяхтинскими купцами, с будущими китайскими партнерами, установленные в этот период, способствовали его успеху в дальнейшем.

Вернувшись в Кунгур, М.И. Грибушин в 1858 г. объявил о производстве торгового промысла от своего имени. Хозяину новой фирмы едва исполнилось 26 лет.

Возможно, что начать собственное дело своему бывшему служащему помог А.С. Губкин, оценив, таким образом, его ум, энергию и способности. Поддержка именитого купца, личные деловые качества и безупречная репутация открыли М.И. Грибушину «безграничный» кредит в среде торгового сословия Кунгура. Начав собственное дело в небольших размерах, Михаил Иванович довел его, как отмечали современники, до «обширных масштабов», чем и составил себе «миллионный капитал».

«Удивительно быстрый рост его состояния, – размышляет профессор философии В.Л. Семёнов, – при незначительном первоначальном капитале свидетельствует о том, что полученный опыт он превосходно усвоил»⁹.

Деловая активность М.И. Грибушина связана с торговлей чаем. К середине XIX в. чаепитие прочно вошло в наш национальный быт. Особую популярность в это время приобрел китайский чай, отличавшийся более высоким качеством.

Центром российско-китайской торговли стал небольшой город Кяхта, располо-

женный на границе с Монголией. Торговать здесь было выгодно. Говорили, что тогда «только ленивый не наживал себе состояния».

Зная торговлю в Кяхте не понаслышке, Грибушин первоначально привозил сюда кожевенный товар, скупленный у кунгурских мастеров, и очень выгодно обменивал его на чай. Впоследствии, окрепнув и встав на ноги, Михаил Иванович наладил свою систему закупки, доставки и продажи чая. Доверенные кунгурского чаоторговца закупали чай в центральной части Китая (в основном в Ханькоу и Тяньцзине). Доставкой по китайской территории занимался Торговый дом «Токмаков и Шевелев и К^о», главная контора которого находилась в Тяньцзине.

В Кяхту караваны с чаем прибывали осенью. После исполнения необходимых процедур (разбора, упаковки, зашивания в кожи и т.д.), в начале ноября ящики с чаем по почтовой дороге через Селенгинск и Верхнеудинск доставлялись в Иркутск. Оттуда их путь (в 25 тыс. верст) лежал в Томск, где полученный товар вновь разбирали, чистили, укладывали, при необходимости просушивали, готовили к дальнейшей отправке.

В начале мая, с открытием навигации на реках, первые партии чая грузили на пароходы и 1768 верст везли по Томи, Оби, Иртышу, Тоболу и Туре в Тюмень, где у кунгурского чаоторговца были свои склады и чаеразвесочная. Далее, по Сибирскому тракту, путь чая лежал в Кунгур.

На одной из центральных улиц города сохранилось здание грибушинской чаеразвесочной. Двухэтажный каменный дом, украшенный на фронтоне стилизованными инициалами владельца, был построен в 1867 г. Чай здесь разбирали по сортам, развешивали и упаковывали. «Труд был тяжел и вреден для здоровья», – вспоминал работавший в юности у наследников Грибушина известный кунгурский краевед Л.Н. Лелюхов¹⁰.

Расфасовка производилась от одного золотника (4,26 гр.) до фунта. Цена состав-

ляла от 1 руб. 20 коп. до 3 руб. за фунт. Чай, составленный по особому заказу, стоил еще дороже. Из Кунгура знаменитые грибушинские чаи: фамильный, колеристый, первосортный, любительский, ароматичный, упакованные в фирменные бумажные пакеты, картонные и жестяные коробки или фарфоровые японские чайницы, развозились в магазины по всей стране, а также на крупнейшие ярмарки: Нижегородскую, Ирбитскую, Крестовско-Ивановскую. Известно, что объемы продаж увеличивались с каждым годом. Например, на Ирбитской ярмарке 1871 г. его фирмой было продано чая и сахара на 350 000 руб.¹¹, а в 1887 г. – 550 000 руб.¹²

О предприимчивости кунгурского чаоторговца говорит и тот факт, что в дело шли даже отходы, получаемые при развешивании чая. Их прессовали плитками и пускали в продажу¹³.

Причем известно, что такие плитки порой выполняли функцию денежных знаков. Одна плитка весом не менее 4–5 фунтов приравнивалась к двум китайским таэлям и соответствовала пяти российским рублям¹⁴. Кожи, в которые был упакован чай, направлялись на кожевенные заводы, где, после дубления, использовались для изготовления стелек, задников и подметок¹⁵.

По свидетельству современников, у Михаила Ивановича не было ни одного праздного часа. Везде предстояло успеть, вникнуть в суть дела, не пропустить выгодной сделки.

Но не следует думать, что его жизнь была далека от общественного долга. Напротив, начиная с 1864 г. М.И. Грибушин последовательно занимал должности мирового судьи, городского головы, городского и земского гласного, церковного старосты, попечителя общественной богадельни, директора тюремного отделения, председателя различных комитетов и комиссий... Исполняя свои обязанности четко и честно, он «много пользы принес» как тем учреждениям, «в которых служил», так и городу в целом¹⁶.

Отличительной чертой характера имени того чаоторговца была и отзывчивость к

нуждам ближнего. Испытав в «ранней молодости» много «нужды и лишений», он оказывал постоянную помощь своим согражданам. «Не было примера, чтобы лица, обращавшиеся с какой-либо просьбой к Михаилу Ивановичу, уходили от него неудовлетворенными», — отмечали очевидцы¹⁷.

Не оставался купец в стороне и от решения городских проблем. Ежегодно жертвовал на эти цели немалые средства. Так, например, более 200 000 руб. было затрачено им на строительство новой колокольни и переустройство Успенской церкви. В 10 тыс. обошлось возведение пожертвованного городскому обществу каменного корпуса лавок на Острожной улице; 5 тыс. руб. пошло на достройку здания Общественной Зырянской богадельни; 3 тыс. было выделено на обустройство в Кунгуре сквера в честь священного коронования 15 мая 1883 г.

Самым значительным актом обширной благотворительной деятельности М.И. Грибушина стало открытие в нашем городе Сиропитательного дома для бедных мальчиков. Учреждение, «каких немного найдется в России», было призвано дать детям приют, религиозно-нравственное воспитание и путем правильного ремесленного обучения подготовить воспитанников к будущей деятельности в качестве самостоятельных мастеров-ремесленников¹⁸.

За ревностное усердие в службе на общественных должностях и крупные пожертвования на нужды города М.И. Грибушин был награжден тремя золотыми медалями для ношения на шее на Станиславской, Владимирской и Андреевской лентах. В январе 1885 г. Государь Император присвоил Михаилу Ивановичу звание «Почётный гражданин города Кунгура»¹⁹. В 1888 г., по Высочайшему соизволению, имя купца было внесено «в особо установленную и хранящуюся при Городской Думе Бархатную книгу»²⁰.

Потомственный почетный гражданин М.И. Грибушин ушел из жизни 9 ноября

1889 г. в возрасте 57 лет. Свой последний приют Михаил Иванович обрел в фамильном склепе под алтарем домово́й церкви Сиропитательного дома.

Огромное состояние и хорошо налаженное торговое дело перешло к его жене Антонине Ивановне и сыновьям Иннокентию, Сергею, Михаилу и Николаю. В 1896 г. они создали Торговый дом «М.И. Грибушина Наследники» с основным капиталом в 2 млн руб. и продолжили торговые и благотворительные традиции семьи.

Предприятие, развернувшее свою деятельность с 1 января 1897 г., за весьма короткий срок стало «уверенно набирать обороты». Потребителям предлагались «оптом и в розницу» чаи «развешенные, плиточные, черные и зеленые, а также байховый ящиками» «непосредственной выписки из Китая и Цейлона».

«Благодаря сосредоточению как своего Главного Управления, так и развесных в центре Уральского региона, Торговый Дом пользуется постоянной возможностью производить как для своей торговли, так и для выполнения заказов чая исключительно нового сбора, а главное свежей развески, т.е. не утратившие от времени ни на складах, ни от дальних перевозок аромата и вкуса», — читаем в одной из реклам того времени²¹.

Как результат, прежде всего, значительно увеличились объемы оптово-розничной торговли чаем и сахаром. В 1906 г. грибушинские чаи получили большие золотые медали на выставках в Милане и Ростове-на-Дону, что еще более укрепило авторитет фирмы.

Расширилась и география торговой деятельности. Об этом, в частности, наглядно свидетельствуют красочные чайные этикетки, выпущенные в екатеринбургской литографии А.Н. Судакова: «Оптовая торговля в городах Уфе, Перми, Екатеринбурге, Вятке, Кунгуре, селе Топорнине. В ярмарках Нижегородской, Ирбитской, Мензелинской, Бирской, Осинской, Красноуфимской и Кундравинской»²².

К началу XX в. фирме наследников М.И. Грибушина, которую часто именовали «чайной империей», стало «тесно» в уездном Кунгуре. В 1904 г. главная контора Торгового Дома была переведена в Пермь. Разместилась она в двухэтажном полукаменном доме на углу Петропавловской и Красноуфимской улиц, приобретенном С.М. Грибушиным у дворян Полевских-Козелл.

Наряду с расширением торговых операций, Торговый Дом продолжал оказывать благотворительную помощь нуждающимся. Не оставались без внимания и семьи бывших служащих. Между тем ситуация в самой фирме в 1910-х годов складывалась далеко не лучшим образом. За короткий период в ней сменилось несколько руководителей. Так, 11 августа 1911 г. скончалась основательница предприятия Антонина Ивановна Грибушина. В январе 1915 г. «после непродолжительной, но тяжелой болезни» умер сменивший ее Сергей Михайлович Грибушин. 8 декабря того же года «в порыве острого психоза» застрелился его брат Михаил Михайлович²³.

Руководство предприятием принял на себя Н.М. Грибушин, последний из участников Торгового Дома. Но пока Николай Михайлович, музыкант по профессии, «входил в курс сложных дел» семейного бизнеса, грянула Февральская революция. Следом за ней – Октябрьская. Не следует сбрасывать со счетов и события Первой мировой войны.

В череде революционных потрясений 1917 г., которым выдающийся русский писатель И.А. Бунин дал весьма емкое определение – «окаянные дни», Торговый Дом «М.И. Грибушина Наследники» прекратил свое существование. В 1919 г. потомки М.И. Грибушина вслед за отступающими войсками адмирала А.В. Колчака покинули Кунгур. После окончания Гражданской войны многие из них оказались за пределами нашей страны.

Революция 1917 г. разбросала потомков именитого кунгурского чаеоторговца по белу свету. Так, например, его зять,

муж младшей дочери Анны Михайловны, Вячеслав Фёдорович Семков, покинув Кунгур вместе с отступающими войсками адмирала А.В. Колчака, после окончания Гражданской войны осел в китайском городе Харбине. Жил один, без семьи. Его дальнейшую судьбу еще предстоит установить. Единственное письмо пришло в Кунгур, на старый адрес Семковых, в 1950-х годах. Однако переписка не имела продолжения...

Более известна жизнь в эмиграции потомков Сергея Михайловича Грибушина. Так, например, его старший сын Владимир Сергеевич Грибушин (1894–?), по свидетельству очевидцев, «прожигал жизнь в ресторанах». В послевоенный период переехал в США, где к этому времени обосновались его мать Елена Сергеевна и младший брат Герман. Однако с ними в Нью-Йорке жить не стал. Поселился отдельно от родственников, в другом городе. «Был недобросовестный и вообще какой-то странный», – отмечали современники²⁴. Скончался он в конце 1960-х годов.

Старшая дочь С.М. Грибушина, Людмила Сергеевна (1895–1988) по пути следования с отступающими колчаковцами на Дальний Восток вышла замуж за чешского легионера Карла Витерну. Вместе с ним совершила практически кругосветное путешествие: из Владивостока морем в Гонконг, потом – в Сингапур, затем – Цейлон, Суэцкий канал, Средиземное море. Высадились в итальянской Генуе, оттуда добрались до Моравии – провинции Чехии, к этому времени еще не оформившейся в государство. В 1922 г. родился сын Владимир, в 1924 г. – дочь Ирина.

«Материально, – отмечала наследница “грибушинских миллионов”, – жили не очень хорошо. Выйдя замуж, я не имела абсолютно ничего. Муж был из бедной семьи. Всё пришлось покупать из жалования, которое не было большим»²⁵ (там же).

Здравствующая и по сей день дочь Л.С. Грибушиной Ирина Витернова в начале 1940-х годов вышла замуж за известного в свое время чешского футболиста

Людвика Дюпала. Родила ему двух сыновей: Пьера (род. 1942) и Луиса (род. 1946). В 1947 г. семья переехала во Францию.

С 1953 г. и по настоящее время Ирина Дюпал живет в Монако, на собственной вилле в местечке Буссолей в Монте-Карло.

«В ноябре 2007 года, – рассказывает пермская журналистка Варвара Кальпиди, автор двух фильмов о семье Грибушиных, – будучи в Ницце, я навестила 84-летнюю Ирину Дюпал. Милейшая особа, почти не говорит по-русски, живет в маленькой вилле на холме, откуда видна вся ее, теперь уже родная, хоть и очень маленькая страна. Ирина Дюпал никогда не была в России. Ирина Дюпал не напоила меня фирменным чаем по грибушинскому этикету. Ирина Дюпал плохо говорит по-русски, хотя все понимает. Ирина Дюпал боится снега и холода, и лелеет свой крохотный садик.

Мы перебирали ее прошлое, она рассказывала мне о маме, которая всегда помнила о далекой России и о Перми, где стоит их дом. Я подарила ей диск с фильмом «Грибушина Наследники» с английскими субтитрами...

А на прощанье, у ворот своего дома, крохотная синеглазая старушка обняла меня с такой недюжинной силой, что я поняла, как долго ей приходилось сдерживать свои чувства и скрывать свои русские корни, которые все-таки есть у нее и, по-видимому, передаются по наследству ее детям и внуку. И, несмотря на разные национальности и разные места проживания, все они все-таки Грибушины...»²⁶

Сыновья Ирины Витерновой, Пьер и Луис Дюпалы, являются праправнуками М.И. Грибушина по французской линии.

Младший из братьев, Луис, получил «приличное образование». Стал инженером. Трудовую деятельность начинал в Шотландии. Позднее работал в целом ряде зарубежных стран. В настоящее время является профессором геофизики. Своей семьи не имеет. Живет вместе с матерью в Монако.

Старший сын Дюпалов, Пьер, начинал простым инженером в нефтяной и газовой промышленности. Всего этой отрасли посвятил около 50 лет жизни. Работал в различных странах мира: в Объединенных Арабских Эмиратах, Сингапуре, Вьетнаме, Мьянме, Индонезии и др. В настоящее время, несмотря на преклонный возраст, является руководителем и акционером нескольких компаний и организаций в области нефтегазовой промышленности. Возглавляет профессиональное сообщество GEP APac, его отделение в Сингапуре, представляет интересы организации в Азии. Кроме того, является исполнительным директором NRG Engineering Pte Ltd и NRG Corporation Pte Ltd. С 1997 г. сотрудничает с французским нефтяным институтом, который предоставил ему право на проведение семинаров для руководителей нефтегазовой сферы на тему управления масштабными проектами и офшорными компаниями. В рамках этой деятельности преподавал в Российском государственном университете нефти и газа им. академика Губкина, проводил обучение в национальных нефтяных компаниях Азербайджана и Казахстана. Является членом различных профильных организаций и международных профессиональных сообществ.

В настоящее время Пьер Дюпал живет в Париже вместе со своей супругой Лией, немкой по национальности. В браке они состоят с 1965 г. Их единственный наследник – Бенджамин (или, как называла его русская бабушка, Вениамин) появился на свет в 1971 г. Сегодня Бенджамин Дюпал, как и его отец, – успешный предприниматель, проживает в Сингапуре. Возглавляет созданный им фонд «Грибушин»²⁷.

Оказавшись далеко за пределами нашей страны, потомки именитого кунгурского чаеоторговца считали себя истинно русскими людьми. Всегда с теплотой вспоминали родные края и мечтали вернуться на Родину...

И со временем, как отмечают очевидцы, «зов крови», видимо, все же дал о себе знать. «Я думаю – рассказывает Бенджамин Дюпал (Бенджаминушко, как называла его русская бабушка) – что я начал искать что-то о Грибушиных, чтобы не чувствовать себя как цыгане. Мне хотелось знать, откуда мы приходим, где моя земля. Это что-то вроде мечты для моей бабушки, дяди, отца. Они мечтали о России»²⁸.

Список литературы

- ¹ Государственный архив Пермского края (ГАПК). Ф. Р. 973. Оп. 1. Д. 452.
- ² Государственный архив Свердловской области. Ф. 646. Оп. 1. Д. 1.
- ³ Государственный архив Свердловской области. Ф. 646. Оп. 1. Д. 16.
- ⁴ Грибушина Л.С. Письма к сестре // Архив Ирины Сергеевны Петуховой. – Москва.
- ⁵ Журналы Кунгурской Городской Думы за 1909 год. – Кунгур: Типография М.Ф. Летунова, 1911. – 1062 с.
- ⁶ Календарь-справочник Пермской области. – Пермь: Кн. изд-во, 1970. – 184 с.
- ⁷ Кальпиди В.В. Грибушины. Ля финита // Пермский дом в истории и культуре края. – Пермь, 2011. – 300 с.
- ⁸ Кунгурский городской архив (КГА). Ф. 585. Оп. 1. Д. 303.
- ⁹ КГА.Ф. 404. Оп. 1. Д. 3.
- ¹⁰ КГА.Ф. 586. Оп. 1. Д. 28.
- ¹¹ Лелюхов Л.Н. Город Кунгур в XIX веке. Рукопись, 1956 // ККМ. ОФ № 8468/17. Л. 34. – 43 л.
- ¹² Лелюхов Л.Н. История города Кунгура и Кунгурско-Присылвенского края. Гл. 21. Рукопись // ККМ. ОФ № 8467/37. Л. 2. – 30 л.
- ¹³ Михаил Иванович Грибушин: Некролог // Пермские губернские ведомости. – Пермь, 1889. – № 92, 18 нояб.
- ¹⁴ Мушкалов С.М. Грибушины. – Пермь, 2015. – С. 188–189. – 502 с.
- ¹⁵ Мушкалов С.М. Грибушины. Пермской губернии династия. – Пермь: Раритет-Пермь, 2007. – 304 с.
- ¹⁶ Немирович-Данченко В.И. Кама и Урал. – СПб.: Изд-во П. Сойкина, 1904. – 632 с.
- ¹⁷ Одегов В.В. По зову крови // Искра. – Кунгур, 2012. – 7 июля.
- ¹⁸ Реклама Торгового Дома «М.И. Грибушина Наследники». – 1 л.
- ¹⁹ Семёнов В.Л. М.И. Грибушин: человек, благотворитель, общественный деятель. – Пермь, 2000. – 168 с.
- ²⁰ Чайные деньги // Нива. – СПб., 1907. – № 37.
- ²¹ Шнайдер М. Наследники купеческих миллионов // Искра. – Кунгур, 2006. – 26 окт.

Примечания

- ¹ Шнайдер М. Наследники купеческих миллионов // Искра. – Кунгур, 2006. – 26 окт.
- ² Одегов В.В. По зову крови // Искра. – Кунгур, 2012. – 7 июля.
- ³ Государственный архив Пермского края (ГАПК). Ф. Р. 973. Оп. 1. Д. 452. Л. 91.
- ⁴ Мушкалов С.М. Грибушины. Пермской губернии династия. – Пермь: Раритет-Пермь, 2007. – С. 15.
- ⁵ Немирович-Данченко В.И. Кама и Урал. – СПб.: Изд-во П. Сойкина, 1904. – С. 251.
- ⁶ ГАПК. Ф. Р. 973. Оп. 1. Д. 452. Л. 91.
- ⁷ Там же.
- ⁸ Лелюхов Л.Н. Город Кунгур в XIX веке. Рукопись, 1956 // ККМ. ОФ № 8468/17. Л. 34.
- ⁹ Семёнов В.Л. М.И. Грибушин: человек, благотворитель, общественный деятель. – Пермь, 2000. – С. 26.
- ¹⁰ Лелюхов Л.Н. История города Кунгура и Кунгурско-Присылвенского края. Гл. 21. Рукопись // ККМ. ОФ № 8467/37. Л. 2.
- ¹¹ Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. 646. Оп. 1. Д. 1. Л. 186 об.–187.
- ¹² ГАСО. Ф. 646. Оп. 1. Д. 16. Л. 118 об.–125.
- ¹³ Календарь-справочник Пермской области. – Пермь: Кн. изд-во, 1970. – С. 56.

- ¹⁴ Чайные деньги // Нива. – СПб., 1907. – № 37. – С. 613.
- ¹⁵ Лелюхов Л.Н. История города Кунгура и Кунгурско-Присыльвенского края. Гл. 21. Рукопись // ККМ. ОФ № 8467/37. Л. 4.
- ¹⁶ Михаил Иванович Грибушин. Некролог // Пермские губернские ведомости. – Пермь, 1889. – № 92, 18 нояб.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Журналы Кунгурской Городской Думы за 1909 год. – Кунгур: Типография М.Ф. Летунова, 1911. – С. 688.
- ¹⁹ Кунгурский городской архив (КГА). Ф. 585. Оп. 1. Д. 303. Л. 82.
- ²⁰ Там же. Ф. 586. Оп. 1. Д. 28. Л. 17.
- ²¹ Реклама Торгового Дома «М.И. Грибушина Наследники».
- ²² КГА. Ф. 404. Оп. 1. Д. 3. Л. 3.
- ²³ Мушкалов С.М. Грибушины. – Пермь, 2015. – С. 188–189.
- ²⁴ Грибушина Л.С. Письма к сестре // Архив Ирины Сергеевны Петуховой. – Москва.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ Кальпиди В.В. Грибушины. Ля финита // Пермский дом в истории и культуре края. – Пермь, 2011. – С. 286.
- ²⁷ Мушкалов С.М. Грибушины. – Пермь, 2015. – С. 301.
- ²⁸ Там же. – С. 305.

ПО СТРАНАМ И КОНТИНЕНТАМ

История Великого чайного пути: О первых русских эмигрантах в Китае

О.А. Ренёва

РОЛЬ ФИРМЫ А.С. ГУБКИНА В РАЗВИТИИ РОССИЙСКО-КИТАЙСКОЙ ЧАЙНОЙ ТОРГОВЛИ*

Аннотация. В статье на основе архивных источников и публикаций второй пол. XIX – нач. XX в. рассматривается предпринимательская деятельность российского чаоторговца А.С. Губкина (1816–1883), уроженца города Кунгура. Впервые в научный оборот введены материалы, отражающие раннюю историю его фирмы, основанной в 1840 г. Речь идет о налаживании системы закупок китайского чая, сначала в Кяхте, затем в Ханькоу и Тяньцзине, а также о доставке чайного груза на Урал и в Центральную Россию. Особое внимание уделяется деятельности наследников А.С. Губкина на рубеже XIX–XX вв. в сфере российско-китайской торговли.

Ключевые слова: Губкин; Кунгур; Ханькоу; сибирский тракт; чаоторговля; купец; ярмарка; благотворительность.

Среди отечественных фирм, внесших весомый вклад в развитие российско-китайской чайной торговли значимое место принадлежит торгово-промышленному товариществу «Преемник Алексея Губкина А. Кузнецов и К^о». Его деятельность, как в России, так и в Китае, не ограничивалась только чаоторговлей, а затрагивала и другие сферы – транспорт, банковское дело, благотворительность.

История торгово-промышленного товарищества «Преемник Алексея Губкина А. Кузнецов и К^о» уходит в 1840 г.¹, когда кунгурский купец Алексей Семёнович Губкин (1816–1883) открыл чаоторговую фирму. Он умело воспользовался ситуацией, сложившейся в «торговых

РЕНЁВА
Ольга
Анатольевна,
заведующий
Музеем
истории
купечества,
Кунгурский
историко-
архитектурный и
художественный
музей-заповедник,
г. Кунгур
168

* Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ № 17-21-21002: «История русско-китайской чайной торговли в центральных и юго-восточных провинциях Китая с середины XIX века по начало XX века. По материалам российских и китайских архивов».

РОЛЬ ФИРМЫ А.С. ГУБКИНА В РАЗВИТИИ РОССИЙСКО-КИТАЙСКОЙ ЧАЙНОЙ ТОРГОВЛИ

сношениях» с Китаем. Обмен русских товаров на китайские осуществлялся в то время в российском пограничном городке Кяхте. В 1840-е годы резко упали цены на мануфактуру и кожи, доставляемые из России, а цены на чай возросли. А.С. Губкин и его младший брат Яков, семья которых владела в Кунгуре кожевенным заводом, а также занималась извозом по Сибирскому тракту, снарядили обоз с кожевенным товаром и отправились в Кяхту, где удачно обменяли все привезенное на чай.

Первоначально братья Губкины в обмен на кунгурские кожи и другие товары приобретали партии китайского чая в Кяхте и сухопутным путем, через Сибирь, доставляли их в Кунгур. Известно, что в конце 1851 – начале 1852 г. Кунгурская городская дума выдала два аттестата для выплаты пошлин за торговлю с Китаем, каждый на 15 тыс. руб. серебром. Первый получил Яков Семёнович Губкин (1818–?), второй – его родной брат Алексей Семёнович. В аттестатах было указано их назначение – «по случаю производимого <...> промена за границу китайцам российских и иностранных и вымена отголь китайских товаров в течение <...> 1852 года в платеже пошлинных денег посредством перевода и дачи кяхтинской таможене векселей»². Постепенно кунгуряки заняли прочные позиции в непростом чаоторговом деле. В 1863 г. Я.С. и А.С. Губкины для «производства торгова в Иркутске» зарегистрировали самые крупные партии чая³. У Якова Семёновича – на 673 324 руб., у Алексея Семёновича – на 494 791 руб. После смерти Я.С. Губкина его наследники прекратили чайную торговлю, в деле остался только Алексей Семёнович. Его комиссионером в Ханькоу в 1860-е годы был И.Е. Грачов⁴, который приобретал чай через торговый дом «Овербек и К^о». Рост торговых оборотов потребовал увеличения числа доверенных лиц. В 1865 г. А.С. Губкин выдал доверенности на ведение его чаоторговых дел в Кяхте кяхтинским купцам первой гильдии Александру Ива-

новичу Игумнову и Михаилу Фёдоровичу Немчинову. А доверенным кунгурского чаоторговца в Китайской империи стал селенгинский купец второй гильдии Иван Фёдорович Токмаков⁵. С 1869 г. Алексей Семёнович Губкин, решив расширить и упорядочить торговлю, командировал своих доверенных также в Тяньцзинь и другие рынки Китая для изучения на месте основных качеств товара, условий покупки и особенностей транспортирования⁶.

А.С. Губкина современники называли «истинным пионером русской чайной торговли» [12, с. 551]. Его заслугам принадлежит реформирование оптовой продажи чая: «Он установил правильно-коммерческие условия продажи, нормальные, определенные цены на определенные сорта, и первым из оптовиков открыл продажу чая на Нижегородской и Ирбитской ярмарках любыми количествами каждого отдельного сорта» [6, с. 4]. До этого торговля велась только фактурами, в которых были цыбики (ящики) как нужных, так и не нужных покупателям сортов чая. Вес ящиков был различным (особенно по вине недобросовестных перевозчиков), но в стоимости это не учитывалось. Оптовые покупки фактурами были доступны только крупным посредникам, которые продавали чай мелким торговцам «со значительной прибавкой к первоначальной цене». Также распространенным явлением была продажа дешевых сортов по дорогой цене. А.С. Губкин понимал, что такая ситуация на российском чайном рынке не способствует увеличению потребления чая. Купец первым выступил против фактурных продаж, и у покупателей появилась возможность приобрести непосредственно из первых рук даже один цыбик с точным весом и фиксированной ценой. Постепенно и конкуренты были вынуждены последовать его примеру. Благодаря этому Губкин стал законодателем ярмарочных цен. Продажа чая началась только после того, как оглашалась

сезонная «Губкинская» расценка. Объемы продаж фирмы А.С. Губкина поражали воображение современников. А громадные склады чая, так называемые «бунты», на ярмарках в Нижнем Новгороде и в Ирбите вызывали удивление и торговцев, и покупателей.

На Ирбитской ярмарке А.С. Губкин считался главным торговцем чаями. Называли его здесь еще и главным гуртовщиком. Доскональное знание транспортного дела позволяло купцу точно в назначенный срок, без малейших задержек, доставлять из Кяхты свой ароматный товар к началу торгов. Из отчетов рядских старост известно, что на ярмарку 1871 г. А.С. Губкин привез самую большую партию кяхтинского чая на сумму 790 000 руб.⁷ Во второй половине 1870-х годов уже половина всего чая, доставляемого в Ирбит, принадлежала Алексею Семёновичу. Н.М. Чукмадин, чаоторговец, путешественник и журналист, писал в 1875 г.: «<...> Громадная партия чая у известного торговца г. Губкина, достигшая цифры 15 000 ящиков, затеняет собою все другие партии, а характер самой продажи чая, одинаковыми для всех покупателей ценами, дает этой фирме перевес пред другими фирмами и торговцами» [15].

Современники отмечали удивительную желательность Алексея Семёновича к служащим фирмы. Эти отношения «были проникнуты лучшими преданиями старинного русского торгового быта, непосредственной личной близостью и всегдашней доступностью, простотой и приветливостью, тонким уважением к личности работника, чутким вниманием не только к нуждам и потребностям его служебного быта, но, зачастую, и личной жизни» [6, с. 62]. А.С. Губкин прославился умением подбирать кадры, «различать людей и проникновенно оценивать их природные качества» [6, с. 13]. Будущий председатель правления Торгово-промышленного товарищества «Премник Алексея Губкина А. Кузнецов и К^о» Александр Ефимович Владимиров поступил на службу в фирму в 1869 г., когда ему было всего 15 лет. Вскоре он стал главным дове-

ренным Алексея Семёновича, а в 1878 г. был назначен первым управляющим только что открытого московского склада. Позднее об А.Е. Владимирове писали, что он «является собой достойный подражания пример русского коммерсанта-администратора» [6, с. 15]. В 1869 г. связал свою жизнь с чаоторговой фирмой А.С. Губкина и Николай Иванович Лепихин, который последовательно занимал должности главного доверенного в Кунгуре, личного секретаря Алексея Семёновича, а с 1896 г. более 20 лет был директором правления Товарищества. В 1877 г. начал работу в фирме Яков Григорьевич Долбышев. Спустя три года он был командирован в Китай, где отвечал за транспортировку чая от Печелийского залива до Монголии. Впоследствии Яков Григорьевич получил известность крупного знатока в сфере чаоторговли и сотрудничал с экономистом А.П. Субботиным, автором книги «Чай и чайная торговля в России и других государствах» (СПб., 1892). У А.С. Губкина, изучая основы чайного дела, служили М.И. Грибушин и Н.П. Сергеев⁸, позднее открывшие свои чаоторговые предприятия.

Первоначально фирма А.С. Губкина торговала только китайским чаем, привозимым в Российскую империю сухопутным, так называемым «караванным» путем, через Монголию и Забайкалье. С 1879 г. стали продавать и «кантонный» чай, доставляемый морем через Суэцкий канал в Одессу⁹. В 1881 г. А.С. Губкин, понимая, что всероссийский чайный центр есть Москва, перевел главную контору своей фирмы из Кунгура в древнюю столицу России. Год спустя и сам переехал на постоянное местожительство в Москву, где на Рождественском бульваре за 1 млн руб. приобрел роскошный дворянский особняк у Надежды фон Мекк¹⁰. Вместе с дедом в древнюю столицу России переехал единственный внук и главный наследник Александр Григорьевич Кузнецов. В то время масштабы торговой деятельности кунгурского чаоторговца приобрели громадный размах. Кроме чая А.С. Губкин занимался продажей мануфактуры и хлеба. А в 1883 г. стал соучредителем «Товари-

РОЛЬ ФИРМЫ А.С. ГУБКИНА В РАЗВИТИИ РОССИЙСКО-КИТАЙСКОЙ ЧАЙНОЙ ТОРГОВЛИ

щества химических заводов П.К. Ушкова и К^о». Деятельность фирмы А.С. Губкина охватывала громадные территории: «От Перми до Тавриды, от финских хладных скал до пламенной Колхиды. От потрясенного кремля до стен недвижного Китая» [5]. В московском особняке на Рождественском бульваре прошли последние дни купца-чаеоторговца. Здесь, в окружении родных и близких, он скончался 27 ноября 1883 г.

За заслуги в торгово-промышленной деятельности и щедрую благотворительность А.С. Губкину еще в 1881 г. был присвоен чин действительного статского советника¹¹. 11 сентября 1883 г. в Петербурге в департаменте герольдии Правительствующего Сената был рассмотрен вопрос об изготовлении диплома на дворянское достоинство А.С. Губкина. Но до получения герба Алексей Семёнович не дожил. Герб ему был пожалован посмертно, 22 августа 1884 г. Описание блазона герба хранится в Российском государственном историческом архиве (Ф. 1343. Оп. 49. Д. 465): «В золотом щите червлёный чайный куст, с таковыми же цветами и зелеными листьями; в лазуревой главе щита, скошено накрест положенные золотые кирка и молот. Щит украшен дворянским коронованным шлемом. Нашлемник: золотой якорь, обремененный двумя косвенно накрест положенными червлёными ветвями чайного куста с таковыми же цветами и зелеными листьями. Намёт: справа червлёный с золотом, слева лазуревый с золотом. Девиз: «Ум и наука», червлёными буквами на золотой ленте» [12].

После смерти А.С. Губкина наследником его чайного дела стал внук – Александр Григорьевич Кузнецов (1856–1895), который реформировал фирму деда сначала в торговый дом «Наследник Алексея Губкина А. Кузнецов и К^о» (1884), а затем в торгово-промышленное товарищество «Преимник Алексея Губкина А. Кузнецов и К^о» (1891)¹². Вплоть до 1918 г. эта фирма отводила большое значение продаже

китайского чая, конторы по закупке которого были открыты в Ханькоу и Шанхае¹³. В 1898 г. товарищество приобрело в Ханькоу у комиссионной фирмы «Панов и К^о» фабрику «Синтай» для выработки кирпичного и плиточного чая¹⁴. Уже на следующий год весь кирпичный и плиточный товар, реализованный фирмой, был изготовлен здесь из закупленного через свою контору хуасяна. Известно, что на рубеже XIX–XX вв. продажа чаев в Ханькоу производилась путем заключения обычных коммерческих сделок через китайские маклерские дома, причем образцы всех поступающих на продажу партий чая доставлялись в контору товарищества для ознакомления. Фабрика «Синтай» была одной из трех, действовавших в то время в Китае, чьими владельцами являлись российские подданные¹⁵. Правда, по поводу собственников фабрики «Синтай» в исторической литературе до сих пор существует путаница¹⁶.

На 1 января 1917 г. товарищество «Преимник Алексея Губкина А. Кузнецов и К^о» в Ханькоу владело солидной недвижимостью (в первую очередь конторы и фабричные корпуса), которая оценивалась в 451 233 руб. 90 коп.¹⁷ Стоимость земли под постройками составляла 389 077 руб. 64 коп.¹⁸ Движимое имущество, в том числе и самое современное оборудование, закупленное в Лондоне, было оценено в 834 456 руб. 78 коп.¹⁹ Известно, что строительство новых фабричных корпусов велось в 1905 г.²⁰ Внутри было установлено шесть прессовальных машин и шесть паровых котлов. Все помещения были электрифицированы. Всего на фабрике «Синтай» трудились 2100 человек. Работа осуществлялась в три смены. Ежедневно выпускалось 1400 коробок прессованного чая общим весом 28 т. Каждая плитка чая имела свой логотип – торговый знак товарищества с изображением двух перекрещенных якорей. Этот рисунок на россий-

ском рынке считался «вернейшей гарантией доброкачества товара» [6, с. 45].

История торгово-промышленного товарищества «Преемник Алексея Губкина А. Кузнецов и К^о» завершилась в 1918 г. его национализацией. По поводу судьбы зарубежной, в том числе и китайской не-

движимости, принадлежавшей этой фирме, в настоящее время сведений очень мало. Правда, известно, что зарубежные конторы и фабрика «Синтай» продолжали свою деятельность и после 1918 г., но поставки чая уже не затрагивали Россию.

Список литературы

- ¹ Альбом участников Всероссийской промышленной и художественной выставки в Нижнем Новгороде 1896 год. – СПб.: Тип. М-ва путей сообщения, 1896. – 246 с.
- ² Гиляровский В.А. Русская газета // Гиляровский В. Сочинения: в 4 т. – М.: Правда, 1989. – Т. 3. – С. 61–66.
- ³ Губаревич-Радобильский, А. Чай и чайная монополия: Опыт исследования основ обложения чая в России. – СПб.: Тип. Ред. период. изданий Мин. фин., 1908. – 174 с.
- ⁴ Джура. Москва. Типы и картинки // Новое время. – СПб., 1895. – 29 июля.
- ⁵ Дмитриев А.А. А.С. Губкин // Биографический указатель памятных деятелей Пермского края. – Пермь: Типо-лит. Губ. прав., 1902. – Вып. 1. – С. 8–10.
- ⁶ Исторический опыт двадцатипятилетней деятельности торгово-промышленного товарищества. Преемник Алексея Губкина А. Кузнецов и К^о. 1891–1916. – М.: Т-во скоропечатник А.А. Левенсон, 1917. – 96 с.
- ⁷ Лопухина Л. Самые знаменитые меценаты России. – М.: Вече, 2003. – 384 с.
- ⁸ Московская жизнь. Страшная трагедия // Московский листок. – М., 1883. – 30 нояб.
- ⁹ Общий гербовник дворянских родов Всероссийской империи. – Режим доступа: <http://gerbovnik.ru/arms/4512.html>
- ¹⁰ Русская архитектура в городе Ухань. – Ухань, 2014. – 12 с.
- ¹¹ Русские деятели: А.С. Губкин // Живописное обозрение. – СПб., 1883. – № 48, 26 нояб.
- ¹² Субботин А.П. Чай и чайная торговля в России и других государствах. Производство, потребление и распределение чая. – СПб.: Тип. Север. телеграф. агентства, 1892. – 772 с.
- ¹³ Томпстон С.Р. Российская внешняя торговля XIX – начала XX в. Организация и финансирование. – М.: РОССПЭН, 2008. – Режим доступа: http://statehistory.ru/books/Styuart-Ross-Tompston_Rossiyskaya-vneshnyaya-torgovlya-XIX---nachala-XX-v--Organizatsiya-i-finansirovanie/52
- ¹⁴ Формулярный список о службе бывшего кунгурского купца, а ныне Действительного Статского Советника и Кавалера Алексея Семёновича Губкина. 1883 // Кунгурский музей-заповедник. Рукопись. – 1883. – 4 л.
- ¹⁵ Чукмалдин Н. Ирбит, 17 февраля. Письмо II // Ирбитский ярмарочный листок. – Ирбит, 1875. – 27 февр.
- ¹⁶ Шилов А.В. Чайная торговля в России и на Урале в XIX веке // Грибушинские чтения – 2007: Кунгур – чайная столица Российской империи. – Кунгур, 2007. – С. 10–15.

Примечания

- ¹ Исторический очерк двадцатипятилетней деятельности торгово-промышленного товарищества. Преемник Алексея Губкина А. Кузнецов и К^о. 1891–1916. – М., 1917. – С. 1.
- ² Кунгурский городской архив (КГА). Ф. 585. Оп. 1. Д. 215. Л. 626, 631.
- ³ Шилов А.В. Чайная торговля в России и на Урале в XIX веке // Грибушинские чтения–2007: Кунгур – чайная столица Российской империи. – Кунгур, 2007. – С. 13.
- ⁴ Коммерческие сведения от агентов торгующего в Кяхте купечества (от Н.А. Иванова) из Ханькоу от 2 ноября 1862 года // Коммерческие сведения. – М., 1862. – № 4.

РОЛЬ ФИРМЫ А.С. ГУБКИНА В РАЗВИТИИ РОССИЙСКО-КИТАЙСКОЙ ЧАЙНОЙ ТОРГОВЛИ

- ⁵ КГА. Ф. 585. Оп. 1. Д. 281. Л. 100, 156, 148.
- ⁶ Исторический очерк двадцатипятилетней деятельности торгово-промышленного товарищества. Преемник Алексея Губкина А. Кузнецов и К^о. 1891–1916. – М., 1917. – С. 5.
- ⁷ Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. 646. Оп. 1. Д. 1. Л. 186 об. – 187.
- ⁸ Альбом участников Всероссийской промышленной и художественной выставки в Нижнем Новгороде 1896 год. – СПб., 1896. – С. 49.
- ⁹ Дмитриев А.А. А.С. Губкин // Биографический указатель памятных деятелей Пермского края. – Пермь, 1902. – Вып. 1. – С. 9.
- ¹⁰ Московская жизнь. Страшная трагедия // Московский листок. – М., 1883. – 30 нояб.
- ¹¹ Формулярный список о службе бывшего кунгурского купца, а ныне Действительного Статского Советника и Кавалера Алексея Семёновича Губкина. 1883 // Кунгурский музей-заповедник. Рукопись. – 1883. – С. 3.
- ¹² Исторический очерк... – С. 3.
- ¹³ Там же. – С. 43.
- ¹⁴ Там же. – С. 24.
- ¹⁵ Губаревич-Радобильский А. Чай и чайная монополия: Опыт исследования основ обложения чая в России. – СПб., 1908. – С. 49.
- ¹⁶ Томпстон С.Р. Российская внешняя торговля XIX – начала XX в. Организация и финансирование. – М.: РОССПЭН, 2008. – Режим доступа: http://statehistory.ru/books/Styuart-Ross-Tompston_Rossiyskaya-vneshnyaya-torgovlya-XIX---nachala-XX-v--Organizatsiya-i-finansirovanie/52
- ¹⁷ Центральный исторический архив г. Москвы (ЦИАМ). Ф. 764. Оп. 1. Д. 31. Л. 105 об.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Русская архитектура в городе Ухань. – Ухань, 2014. – С. 3.

ПО СТРАНАМ И КОНТИНЕНТАМ

История Великого чайного пути: О первых русских эмигрантах в Китае

Е.В. Бакалдина

ДВЕ ЖИЗНИ Е.М. ФОН ЭНДЕН, УРОЖДЕННОЙ БОТКИНОЙ: НА РОДИНЕ И В ЭМИГРАЦИИ*

Аннотация. В статье впервые в историографии рассматривается биография старшей дочери академика и коллекционера М.П. Боткина Екатерины, в замужестве Энден. Жизнь, выросшей в богатой в интеллектуальном и финансовом планах семье, Екатерины резко изменилась в 1917 г. Ее семье пришлось провести 1918–1920-е годы на территориях, охваченных гражданской войной. После эмиграции во Францию семья боролась за выживание, пока они не достигли относительного стабильного положения. События второй половины жизни Екатерины реконструированы по неопубликованным воспоминаниям ее мужа Н.М. Эндена.

Ключевые слова: Боткины; Энден; Российская империя; революция; эмиграция; воспоминания.

Жизнь старшей дочери академика живописи, известного коллекционера и общественного деятеля, выходца из купеческой семьи, Михаила Петровича Боткина, Екатерины, в замужестве Энден¹, можно разделить на два практически равных периода. Первый длился с момента рождения до 1917 г., во время которого она проживала на Родине. Второй включает 1918–1957 гг., период эмиграции, во время которого был и переезд по охваченным гражданской войной территориям бывшей Российской империи, и временное проживание в Константинополе и на острове Халки, находящемся под французским протекторатом, и, наконец, обустройство на постоянное жительство во Франции.

*БАКАЛДИНА
Елена
Вячеславовна,
кандидат
исторических
наук,
старший
научный
сотрудник
Санкт-
Петербургского
Музея-института
семьи Рерихов*
174

* Исследование выполнено при поддержке РФФИ по гранту № 17-21-21002: «История русско-китайской чайной торговли в центральных и юго-восточных провинциях Китая с середины XIX века по начало XX века. По материалам российских и китайских архивов».

ДВЕ ЖИЗНИ Е.М. ФОН ЭНДЕН, УРОЖДЕННОЙ БОТКИНОЙ: НА РОДИНЕ И В ЭМИГРАЦИИ

Старшая дочь Михаила Петровича Боткина и его жены Екатерины Никитичны, урожденной Солодовниковой, родилась 8 августа 1880 г. по старому стилю, крещена 4 декабря 1880 г. в церкви Святой Великомученицы Екатерины, находящейся в Академии художеств. Отец семейства, Михаил Петрович, был тесно связан с Императорской Академией художеств: с 1863 г. был академиком, с 1879 г. членом Совета Академии, с 1893 г. действительным членом Совета, а с 1912 г. почетным членом Академии художеств. Поэтому не удивительно, что именно церковь Святой Великомученицы Екатерины стала «семейной» церковью для Боткиных. В ней же были проведены таинства крещения и венчания других детей Михаила Боткина, а также отпевание его самого. Восприемниками при крещении маленькой девочки были родной брат Михаила Сергей Петрович Боткин, знаменитый врач (он был также крестным других детей Михаила Петровича) и бабушка девочки по материнской линии Анна Герасимовна Солодовникова².

Хотя официально девочку назвали Екатерина, в семье ее всегда звали Котик. Это имя сохранилось и впоследствии, так племянники продолжали звать ее «тетя Котику».

С 1883 г. семья проживала на Васильевском острове, на углу 18-й линии и Николаевской набережной, в доме № 1, который был куплен М.П. Боткиным и перестроен по проекту А.К. Бруни.

Детство Котика было счастливым, в окружении любящей семьи. Пиетет и уважение к родителям были основополагающими. Сестры и братья были также очень дружны между собой. Причем речь идет не только о родных, но и о кузенах и кузинах. Семья Боткиных была очень многочисленной и часто собиралась вместе в домах и на дачах у П.П., С.П. и М.П. Боткиных. Сохранилось множество свидетельств, в основном в письмах родным, об играх, игрушках, прогулках, празднованиях различных торжеств,

выездах за границу. Даже когда дети выросли, тесное общение не прервалось.

До 16 лет Котик получала домашнее образование. Как пишет ее мать, Екатерина Никитична Боткина, родственнице А.П. Боткиной: «Спасибо за добрые советы относительно учительницы. Я знаю, что это тяжело, но я год от году делаюсь ревнивей к детям и решительно не переношу лишних гувернанток при них. Мне так хочется быть всегда с ними и пробовать самой их учить. Вы не поверите, моя дорогая, какая обуза видеть перед собою скучающее лицо с видом жертвы. Если мне тяжело будет, зато я спокойнее буду душой... Я уже начала давать уроки Котику и надо видеть с каким она старанием занимается, только чтобы не обидеть маму»³. Также отец, М.П. Боткин, будучи сам художником, учил дочь рисовать⁴. Кроме того, Котик ходила «в школу рисования»⁵.

В 1896 г. Котик была отдана в Василеостровскую женскую гимназию, которую окончила в 1898 г. В той же гимназии учились ее младшие сестры Елена и Елизавета. Екатерина училась хорошо; была в выпуске 17-й ученицей из 67⁶. В аттестате записано «ученица Василеостровской женской гимназии Екатерина Михайловна Боткина при отличном поведении, оказала успехи в Законе Божьем отличные, русском языке и словесности очень хорошие, французском языке очень хорошие, немецком языке хорошие, педагогике весьма хорошие, математике отличные, истории отличные, географии отличные, естествоведении, гигиене и поданию первой помощи отличные. Сверх того обучалась чистописанию, рисованию, танцеванию, рукоделиям. При окончании курса за успехи в науках награждена книгой. На основании Высочайше утвержденного Государем Императором в 9-й день января 1862 устава женских гимназий Екатерина Боткина имеет право получить, не подвергаясь испытаниям, свидетельство от Министерства народного просвещения,

на звание домашней учительницы тех предметов, в коих оказала хорошие успехи. В удостоверении чего дан ей сей аттестат за надлежащими подписями и с приложением печати гимназии. С-Петербург. 1898⁷. Правом быть домашней учительницей Екатерина не воспользовалась.

К сожалению, неизвестно точно название книги, подаренной при выпуске Екатерине. Однако, каждой ученице, заслуживающей награждение книгой, таковая подбиралась персонально в соответствии с ее наклонностями и характером.

Кроме дополнительных уроков рисования, Екатерина обучалась музицированию. Л.Д. Блок, дружившая с сестрами Боткиными, писала: «Все дочери [Боткины] – серьезные музыкантши»⁸; она же рассказывала: «И мать, и все три дочери были очень похожи и очаровательны общим им семейным шармом. Очень высокие и крупные, с русской красотой, мягкой, приветливой, ласковой манерой принимать и общим им всем певучим говором, они создавали атмосферу такого радушия, так умели казаться заинтересованными собеседниками, что всегда были окружены многочисленными друзьями и поклонниками»⁹. Дом М.П. Боткина славился устраиваемыми в нем музыкальными и литературными вечерами.

Через год после окончания гимназии Екатерина поступила на Высшие женские курсы, на историко-филологическое отделение, но не окончила его, а была «уволена за неявку» в 1900 г.¹⁰ Скорее всего, из-за свадьбы, которая состоялась 3 апреля 1900 г. Екатерина вышла замуж за подпоручика Лейб-гвардии 1-й артиллерийской бригады Николая Михайловича Эндена. Таинство совершалось в церкви Св. Екатерины при Академии художеств¹¹.

Николай Михайлович Энден (22 апреля 1876–2 июня 1961, Поик, Ворчестер, Англия, похоронен на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа) был из семьи потомственных военных; сын Михаила Александровича Эндена и Марии Николаевны, урожденной Лавровой. Восприемником

при крещении Н.М. Эндена был сам император Александр II¹². Энден окончил Псковский кадетский корпус и Константиновское артиллерийское училище.

У четы Энденов родились шестеро детей. Старший Михаил (08.01.1901–26.06.1975) учился в столице в реальном училище Св. Анны, затем в реальном училище К.И. Мая, потом в Волчанском и Харьковском реальном училищах. Вместе с родителями эмигрировал во Францию. 02.05.1928 вступил в брак с Ольгой (07.07.1902–29.08.1983), дочерью Д.М. Граббе и М.А., урожденной Голенищевой-Кутузовой. Имел троих детей. В 1974 г. Михаил Энден написал «Записку о семье Энден», в которой дал характеристику своей матери: «Всю жизнь моя мать отличалась необыкновенной энергией и жертвенностью. Энергию свою она проявляла как в хозяйственной, так и в общественной работе. В усадьбе М.П. Боткина, в Оллила, на Финляндском заливе, в 40 минутах по железной дороге от Петербурга, для моих родителей была выстроена отдельная дача, где мы проводили обычно часть лета. Но больше жили в «Тихом хуторе»... Своей работе в деревне моя мать отдавалась с увлечением...»¹³.

Затем родилась Екатерина (06.10.1902–17.12.1943). Вместе с родителями эмигрировала во Францию. 27.12.1934 вышла замуж за Павла (25.03.1905–27.05.1934), сына Н.А. Ребиндера и Е.П., урожденной Кутайсовой. Родила дочь.

Третьим ребенком был Лев (12.07.1905–08.02.1934), который учился в приготовительном классе гимназии К.И. Мая, Волчанской и Севастопольской гимназиях. Вместе с родителями эмигрировал во Францию. Женился на Ольге (10.03.1907–23.12.1944), дочери А.А. Буксгевдена и О.Ю., урожденной Оленской. Потомства не оставил.

В 1906 г. родилась дочь Татьяна (07.11.1906–01.01.1919), умершая в Харькове.

Затем появилась на свет Наталья, которую в семье звали Натой (06.04.1909–05.01.2000). Эмигрировала вместе с роди-

ДВЕ ЖИЗНИ Е.М. ФОН ЭНДЕН, УРОЖДЕННОЙ БОТКИНОЙ: НА РОДИНЕ И В ЭМИГРАЦИИ

телями во Францию, потом переехала в Великобританию. Вышла замуж за В.Д.Н. Соулса (17.08.1908–14.02.2004), родила двоих детей. В 1959 г. приезжала в СССР, где навестила свою тетку Елену Михайловну Боткину, проживавшую в Ленинграде.

Последней дочерью Эндемов была Софья, в семье ее звали Софа (17.09.1914–26.06.1975). Эмигрировала вместе с родителями во Францию, затем переехала в США. Погибла в автомобильной аварии в день смерти старшего брата Михаила.

После начала Первой мировой войны и отъезда мужа в армию, Екатерина с детьми переехала в родительский дом на Васильевский остров, 18-ю линию, д. 1. В книге «Весь Петроград: Адресная и справочная книга г. Петрограда за 1915 г.» указан именно этот адрес с телефоном № 44–585¹⁴. Как вспоминает о жизни в особняке Михаил Энден, сын Е.М.: «Коллекция была расположена в нижнем этаже особняка Михаила Петровича в Петербурге. Мы – моя мать с детьми – провели в нем два с половиной года войны, с осени 1914 по апрель 1917 г. в жилых комнатах. Этюды Иванова украшали собой стены кабинета и соседней с ним гостиной, называвшейся “Ивановской”. Главная часть коллекции размещалась в примыкавшей к ней зале, небольшой проходной комнате и соседней с нею обширной столовой, стены которой были увешаны итальянскими майолика-ми»¹⁵. Впоследствии наиболее ценные предметы из коллекции попали в Русский музей и в Эрмитаж.

Известно, что Екатерина Энден занималась в С.-Петербурге социальными вопросами, в частности служила в благотворительном обществе «Капля молока». Во второй половине XIX в. Э.В. Олсен-Нобель, супруга знаменитого шведского изобретателя-бизнесмена, учредила благотворительное общество «Капля молока». В книгах «Весь Санкт-Петербург» за 1913–1914 гг. значатся четыре отделения общества с та-

ким названием: «Капля молока», «1-ая городская Капля молока», «Капля молока госпожи Ольсен-Нобель» и еще одна «Капля молока». Их функции были схожи. Первое общество было рассчитано на 300 детей, находилось на Свечном переулке, 25–27. Заведовала им врач А.В. Попова. Второе – имело цель научить матерей элементарным правилам гигиены и диететики ребенка и помочь бедным матерям выкормить своего младенца. Для этого при учреждении происходил прием и ежедневная выдача молока и питательных смесей младенцам, лишенным молока матери или нуждающимся в прикорме. Заведующей была врач О.А. Шестакова, помощницей К.И. Витман. Третье – было учреждено Е.П. Чеканской с целью бороться с детской смертностью посредством бесплатной раздачи молока и предоставления соответствующего питания грудным детям бедных матерей. Заведующая Е.П. Чеканская, врач А.Г. Шпарварт. Четвертое общество имело цель помочь матерям выкормить их грудного младенца и научить их элементарным правилам гигиены и диететики ребенка. Для этого общество устраивало консультации для матерей, имеющих грудного младенца и выдавало молоко, приготовленное соответственно возрасту и состоянию здоровья ребенка. Общество имело три отдела, оборудованных молочными кухнями: 1) Ломинского пер, д. 11, 2) Левашевский, д. 6 и 3) Английский проспект, д. 58. Председателем была Н.А. Хомякова, товарищем А.Т. Вешнякова, казначеем Л.М. Арно, секретарем Евгений М. Энден (брат Н.М. Эндена)¹⁶. В 1915 г. осталось три общества¹⁷, в 1916 г. только два последних¹⁸. Как вспоминал сын Екатерины Михайловны Михаил «Еще в России ею [Екатериной] посвящалось много времени созданному в Петербурге Н.А. Хомяковой (женой Николая Алексеевича, бывшего председателя Государственной Думы) обществу “Капля молока”»¹⁹.

Екатерина Энден стала заведующей пунктом, расположенном в Ломанском

переулке, рассчитанным на ежедневное кормление 55 детей (позже их число увеличилось до 150)²⁰.

Таким образом, до революции Е.М. Энден занималась воспитанием детей и благотворительной деятельностью. Последняя была нормой для семьи Боткиных, многочисленные представители которой помогали делами и средствами больницам, учебным заведениям, различным обществам и комитетам.

Следующие эпизоды жизни Екатерины Михайловны реконструированы на основе неизданных воспоминаний ее мужа Николая Михайловича Эндена, который оставил подробнейшие записи, уже находясь в эмиграции. Жизнь семьи существенно изменилась после революционных событий 1917 г. Е.М. Энден с семьей потеряла практически все: жилья не стало, финансовое благополучие утрачено, связи с родственниками оборваны.

По воспоминаниям Н.М. Эндена, доктор семьи (Ольга Александровна Шестакова, врач уже упомянутой организации «Капля молока») еще в начале 1917 г. советовала семье перебраться в Швецию, перевести туда же деньги и коллекцию²¹. Однако этого не было сделано. В итоге, Е.М. Энден по традиции весной уехала с детьми в имение «Тихий хутор» в Харьковскую губернию. «В Тихом хуторе, кроме нашей семьи жили: Лидия Самуиловна Алябина, прежняя гувернантка Мамы [здесь и далее под именем «Мама» имеется в виду Екатерина Михайловна Энден], Няня Мария Ивановна Федорова, учительница Эмма Моисеевна Андерс, еврейка, дочь революционера, окончившая Высшие Женские Курсы в Петрограде, горничная Поля, обожавшая Маму, горничная Анюта, доверенное лицо Бабушки [Е.Н. Боткиной], подняня, девочка, не помню ее имя, кухарка Саша...», «из мужского персонала были: кучер Михайло, многосемейный с женой, 18-летний парень, его помощник и в военное время 10 пленных австрийцев-галичан и 2 пленных немца. Один студент агроном, другой

без профессии. Последний умолил Маму его взять, когда Мама ездила выбирать рабочих из числа пленных»²².

Таким образом, семья проживала в имении «Тихий хутор». «Там было десятин 60. Около 30 десятин под фруктовыми садами. Виноградники. Пахотное поле, которое давало достаточно хлеба и для людей и для скота корма. Затем большой дубовый парк-лес. Красивый каменный дом стоял на горе, окруженный садами и парком. Перед террасой бил фонтан, а ниже по южному склону шли группы всевозможных деревьев. В изобилии росла сирень всех оттенков, от белого, до темно-лилового... Все насаждения были сделаны Дмитрием Петровичем [Боткиным] и ученым садоводом, художником, чехом Паралем. Там было порядка 80 пород разных деревьев и кустарников и по их разнообразию «Тихий хутор» считался единственным в Харьковской губернии... Под горою текла речка Волчия. На ее берегу стояла паровая водочка, подававшая воду в дом и дворовые постройки и в старый фруктовый сад. В молодом, на 12 десятинах, саду воды не было. Перед войной начали копать артезианский колодец, но не получив воды на, если не ошибаюсь, 45 саженях, работу прекратили. Молодой сад был насажен Бабушкой»²³, т.е. Екатериной Никитичной, женой Михаила Петровича.

Однако Екатерина Никитична Боткина, живя в «Тихом хуторе», почувствовала себя плохо и, по совету врача, Екатерина Энден повезла ее в Москву²⁴. Екатерина Никитична там умерла и была похоронена на кладбище Покровского монастыря в усыпальнице Боткиных. После похорон матери Екатерина уехала в «Тихий хутор»; а осенью семья уже не вернулась, как обычно, в столицу. О жизни в 1917–1918 гг. Николай Энден пишет: «Половина дома была закрыта, так как трудно было топить. Жили все в комнатах Бабушки, которые выходили на юг. В маленькой комнате, рядом с ванной, Миша. В большой спальней Катя, Таня, Ната, Софа и Лева. С ними спала и няня Мария Ивановна. Рядом в Разумовской – Мама и я. Окна комнаты выходили на

ДВЕ ЖИЗНИ Е.М. ФОН ЭНДЕН, УРОЖДЕННОЙ БОТКИНОЙ: НА РОДИНЕ И В ЭМИГРАЦИИ

большую террасу. За Разумовской – большая гостиная-зала, где стоял рояль и топился камин, а далее большая столовая. Из столовой был выход в буфетную. Тут стоял большой чан с водой. После революции нашу водокачку внизу попортили, украли медные части машины, да и угля не было, потому воду возили на лошади из-под крутой горы из колодца возле реки Волчьей»²⁵.

Денег в семье практически не было, поскольку банки их не выдавали²⁶. Как пишет Н.М. Энден, семейное предприятие «Новотаволжанский свеклосахарный завод Боткиных» был продан в 1916 г., а «деньги от продажи были помещены на Военный Заём, почему от Таволжанки ни у кого не осталось и ломаного гроша»²⁷. Другая семейная фирма, товарищество чайной торговли «Петра Боткина сыновья», была ликвидирована в начале 1917 г., средства также были вложены в различные акции.

Проживая в имении, Эндены оставались в хороших отношениях с местным населением на хуторах. «С крестьянами здоровались за руку: все видели, что мы работаем сами. Сами, например, набивали ледник, дети возили лед. Я [Н.М. Энден] с Мишей стеклил рамы в парнике, набивал его навозом и сажал семена... Были, правда, разговоры, что недурно было бы нас выселить из дома, а в нем устроить школу»²⁸.

Кроме того, в окрестностях начались беспорядки. Н.М. Энден и старший сын Михаил вынуждены были ночевать в сарае, чтобы «в случае налета, они могли бежать оттуда, не будучи замечены большевиками»²⁹, учитывая то, что был приказ об аресте полковника царской армии Н.М. Эндена.

Когда немцы заняли близлежащий город Волчанск, то имение «Тихий хутор» оказалось на линии фронта³⁰. Остаться там стало опасно, и было решено поехать в Харьков. По словам Н.М. Эндена, «сложили на подводку наши вещи и отправились на вокзал. Там нам сказали, что никаких поездов больше на Харьков нет». С помощью взятки в 100 руб. сели на товарный поезд. «Поезд

состоял из грязных теплушек. К счастью в вагонах были печки и уголь. Набралось много всякого народа. Детей уложили спать на вещах и только в 6 ч. утра приехали в Харьков... Приехав в Харьков, мы не могли решить, оставаться ли здесь или ехать в Крым», «в Харькове хозяйничали петлюровцы», а «поезда останавливались бандами Махно»³¹.

В Харькове семью настигла эпидемия скарлатины, в результате которой 1 января 1919 г. умерла дочь Татьяна. Вскоре Екатерина Михайловна устроилась сестрой милосердия в красноармейский госпиталь в отделении тяжело-раненных (к тому времени Харьков заняли красные), а ее мужу прочили место на курсах артиллеристов, однако он сумел отказаться³². Через некоторое время Харьков перешел в руки Добровольческой армии.

В 1919 г. вся семья перебралась в Крым. «Мы так перестрадали зимою в Харькове, что Крым представлялся для нас раем», – пишет Н.М. Энден³³. На некоторое время все остановились у сестры Екатерины Елизаветы Михайловны Зеленской в Симеизе. «Мы поместились у тети Лили [Елизаветы Михайловны] и получили еще одну комнату в пристройке у Белокопытных... У Зеленских была прислуга, которая прекрасно готовила. Стол был огромный, больше овощи, но все были сыты»³⁴.

Екатерина Энден с детьми продолжала оставаться у Зеленских, а Н.М. Энден, назначенный заведующим Технической, мобилизационной и учебной частью [Севастопольской] Крепостной артиллерии, жил в Севастополе с детьми Катей илевой, которые учились в гимназии³⁵. Впоследствии и Е.М. Энден с остальными детьми переехала к мужу; она «наняла подводку, нагрузили вещи, и отправилась в Севастополь. Путешествие было тяжелое. По горам тащились шагом. Было очень холодно. Маме и няне пришлось много идти пешком»³⁶.

Профессор С.Н. Усатый, ранее читавший лекции в Политехническом институ-

те в Петрограде, занимая должность в Городской думе Севастополя, устроил Екатерину Михайловну заведовать пунктом по раздаче молока населению: «На площади, при спуске с Соборной улицы каждое утро расставлялись столы, привозили бидоны с молоком, и Мама продавала молоко. За это платили жалование и давали какое-то количество молока. Остаток молока также шел в Мамину пользу. Это служило громадным подспорьем в нашем скромном питании. Мама всегда была полна энергии, никогда не падала духом и всех поддерживала морально»³⁷.

Однако в 1920 г. Крым был окружен Красной армией. Старшего сына Екатерины Михаила Эндена решили призвать в Добровольческую армию. В то же время Н.М. и Е.М. Эндены встретились с генералом А. Бруссо, начальником французской миссии при генерале П.Н. Врангеле и знакомым Эндена, который сообщил, что «положение критическое и что он советует уезжать, для чего просит дать обо всех нас точные данные, и он устроит нам визу во Францию. Но мы ничему не поверили, ничего не просили, в чем потом страшно раскаивались»³⁸.

Когда началась эвакуация из Крыма, Н.М. Энден лежал в госпитале и его решили оставить в Севастополе, считая, что он не выдержит переезда. Екатерина Михайловна упростила английскую миссию о грузовике, который дали и привезли Н.М. Эндена на пристань³⁹. «Целый день Мама укладывалась. Брать можно было самое необходимое, но как всегда увезли и ненужное, так ряд медных Тихохоторских кастрюль, умывальный эмалированный кувшин, большую цинковую бадью для стирки белья... Сложно было доставить вещи на пароход»⁴⁰. Это был, как пишет Н.М. Энден, повторяя слова П.Н. Врангеля, путь «в полную неизвестность»⁴¹.

Николая Михайловича Эндена и других больных переложили в трюм парохода «Ялта», а Екатерина Михайловна, Катя, Лева, Ната, Софа и няня принуждены были остаться на палубе во время всего

перехода в Константинополь⁴². «Ялта отошла вечером 30-го, таща на буксире миноносец “Жаркий”, у которого были сняты машины. По дороге тросы раза два обрывались, и мы останавливались, чтобы его прикрепить. К счастью, погода все время была отличная, изредка небольшой дождь. Кормили корнбифом, хлебом и давали кипятком. Рядом сидели Дроздовины, имевшие запасы всяких продуктов, которые они и уничтожали на глазах наших»⁴³. Путь до Константинополя занял четыре дня. Несколько дней семья провела на пароходе на рейде. «Наконец [семью] выгрузили на берег, причем одна из корзин с бельем упала в море. Ее вытащили. На турецком пароходе Шаркет перевезли на остров Халки⁴⁴, бывший в ведении французов. В небольшом двухэтажном доме были отведены комнаты для беженцев. Внизу жила семья греков. В нашей комнате поместились Мама, Миша, Ната, Софа, Лева, а впоследствии я. В соседней Няня и Катя, а за перегородкой из простыни какой-то ротмистр с женой... Комната была пуста. Первую ночь мы спали на полу. Утром пришел сержант из метисов и повел набивать соломой матрасы. Греки дали пружинную кровать, еле жилой стол и садовую скамейку. Вместо стульев удалось купить ящики. Во всех комнатах гудели примусы. Керосин можно было покупать. Завтраки и ужины выдавали в кантине, которую держал француз-ресторатор из Ялты. Мошенник был первостатейный, так как кормил отвратительно и мало. Давали немножко неопределенного супа, немножко фасоли, или чечевицы, или риса. Кое-когда немного мяса из консервов или соления, ржавые сардинки...»⁴⁵.

Денег на жизнь не было, пришлось зарабатывать. «Американцы начали давать беженцам работу на дом. Надо было вязать из шерсти шарфы, а главное шить пижамы. Даже Миша связал один шарф. Шитьем занимались Мама, Няня, Катя и Лева... Зарабатывали плохо, но все же могли что-нибудь купить из еды»⁴⁶.

ДВЕ ЖИЗНИ Е.М. ФОН ЭНДЕН, УРОЖДЕННОЙ БОТКИНОЙ: НА РОДИНЕ И В ЭМИГРАЦИИ

Даже проживая на острове Халки, семья думала о будущем. Так, старший сын Михаил сдал экзамен по латинскому языку при гимназии в Константинополе⁴⁷.

В Константинополе Екатерина Михайловна Энден навестила родственника Николая Ивановича Гучкова, вдовца после смерти Веры Николаевны Боткиной. А затем «списалась с [двоюродным братом] Петром Сергеевичем Боткиным, который жил в Париже и просила его о визе... Петр Сергеевич выхлопотал нам визу и прислал на Пасху сто франков... Маме пришлось продать свое жемчужное ожерелье за 75 турецких лир. Приходилось думать о переезде во Францию. У Мамы была византийская эмаль из коллекции Михаила Петровича [Боткина]... продали армянину за 1000 долларов»⁴⁸.

Эндены окончательно решили уехать во Францию. Снова вспоминает Н.М. Энден: «в последнюю минуту сговорились с парусной яхтой и ранним утром погрузились на нее и ушли в Константинополь», погрузившись на пароход «на палубе под тентом», семья отплыла 1 июня 1921 г., в Марселе были 7 июня⁴⁹. Дело в том, что американцы оплачивали пароход беженцам из Константинополя до Марселя, однако эту информацию было трудно узнать, поскольку даже соотечественники ее скрывали, более того, некоторые пытались торговать этой информацией⁵⁰, что говорит о разобщенности среди русских эмигрантов. Из Марселя семья переехала в Париж.

Так описывает прибытие в Париж Н.М. Энден: «В 9 часов утра 8-го июня 1921 г. поезд подошел к платформе Лионского вокзала. Среди многочисленной публики встречавшей пассажиров, стояла маленькая дама – Екатерина Аполлоновна Грюнберг⁵¹ (ей послали телеграмму из Марселя). Она сразу же нам заявила, что всех везет к себе. Мы выгрузили свои вещи из вагона, получили багаж, наняли по ее указанию маретку с носильщиком и отправились пешком на соседний вокзал Бастиль. Шли толпой, частью по тротуа-

ру, частью просто по мостовой. Вид у нас был не парижский. Мама в довольно приличном костюме... Через час мы были в Фонтенэ... Домик был небольшой. Екатерина Аполлоновна уступила нам свою спальню. Остальные не помню, где разместились»⁵².

В последнем абзаце своих воспоминаний Николай Михайлович Энден снова упоминает Екатерину Аполлоновну. Он пишет: «...на этом я заканчиваю и прошу лишь об одном НИКОГДА [слово написано большими буквами] не забывать того, что сделала для нас Екатерина Аполлоновна Грюнберг»⁵³.

В конце августа того же года семье удалось снять неподалеку меблированную квартиру у вдовы француженки мадам Дюран. «В нашем распоряжении были столовая и кухня внизу и три спальни наверху, а также умывальня, где спал Лева. Миша спал один. Катя с Натой на большой кровати и Няня кажется на походке в одной из спален, а Мама, я и Софа на двуспальной кровати в третьей комнате»⁵⁴.

Денег снова не было, поэтому все члены семьи искали работу – «Мама вышивала шарфы. Миша вышил также один шарф. Был в Париже русский дамский унруар, где давали работу. Заведовала Варвара Михайловна Татищева⁵⁵. Встретила она Маму очень недоброжелательно и лишь после того, как узнала фамилию изменила тон. Вскоре Мария Алексеевна устроила Маме место продавщицей в антикварный магазин Монтлэ на площади Филипп дю Руль. Сюда Мама приезжала ежедневно к 9-ти часам утра, на 2 часа закрывала магазин, куда в часы завтрака приезжали Миша и Катя питаться (большей частью вареной фасолью, привозимой Мамой из дому и чаем с хлебом). В 6 часов вечера магазин закрывался и в восьмом часу Мама возвращалась домой»⁵⁶.

После этого Е.М. Энден работала в обществе помощи русской учащейся молодежи во Франции. Приглашенная в

1924 г. «настоятелем американского собора Св. Троицы в Париже, пастором Бикманом [Фредерик П. Бикман был деканом собора в 1918–1940 и 1944–1949 гг.⁵⁷], для организации помощи русским детям школьного возраста, она в течение первых восьми лет вела эту работу в рамках благотворительной ассоциации “Джуниор Гильд” (“Junior Guild”), существовавшей при соборе. Вследствие общего экономического кризиса, субсидирование ее работы среди русской молодежи было прекращено в конце 1932 г. С 1933 г. помощь русским детям осуществлялась специально учрежденным для этого, по инициативе бывшего начальника канцелярии русского Министерства иностранных дел бароном М.Ф. Шиллингом, обществом помощи школьной русской молодежи во Франции (“Societe d’aide à la jeunesse scolaire russe en France”), возглавлявшимся американской благотворительницей княгиней Бонкомпаньи, урожденной Дрэпер, которая оказывала обществу щедрую материальную поддержку. Сама организация работы, выражавшаяся в создании русских групп во французских учебных заведениях (лицей в Мелёне и Бовэ, профессиональные училища в Бовэ и Дрё и др.), продолжала неизменно оставаться в руках Е.М. Энден. Предоставление русским детям отдельных дортуаров в интернатах этих школ позволяло им жить под надзором русских воспитателей и воспитательниц и пользоваться уроками Закона Божия, русского языка и истории, что обеспечивало сохранение ими связи с духовной культурой их родины. За шестнадцать лет работы (она была прервана в 1940 г. Второй мировой войной), через группы, созданные Е.М. Энден, прошло более трехсот русских детей. Ей удалось довести большинство этих русских детей до завершения среднего образования»⁵⁸.

Так описывает работу Екатерины Михайловны ее сын Михаил: «В своей работе моя мать проявляла не только свои организаторские способности, но и свойственное ей человеколюбие. Бывали случаи,

когда, несмотря на более чем скромные условия своего собственного существования, она принимала в свою семью наиболее обездоленных из опекаемых ею девочек, чтобы позволить им провести летние каникулы в нормальной обстановке»⁵⁹.

Дети Е.М. Энден также понемногу обустроивались. Старший сын «Михаил поступил в Католический Институт на юридический факультет и одновременно в Высшую Школу политических и экономических наук... [Младший сын] Лева поступил в Русскую гимназию в 7 класс. В Севастополе он был в 3 классе... Ему было трудно с питанием, так как мы могли давать с собой только бутерброды Бог знает с чем. М.А. Маклакова устроила ему бесплатные завтраки в гимназии. Ната с Софой поступили в частную французскую школу в Фонтенэ, а затем Ната перешла в Католическую школу Любека, где была очень несчастна, так как состав был богатый, а мы ее одевать соответственно не могли»⁶⁰. Старшая дочь Екатерина смогла устроиться в американское бюро по отправке в Америку тел убитых на войне американцев и некоторое время содержала всю семью⁶¹.

Екатерине Михайловне еще несколько раз пришлось пережить горе. В 1934 г. был убит ее второй сын Лев, в 1943 г. умерла ее старшая дочь в возрасте 41 года. А в 1947 г., когда наладилась связь с СССР, от своей сестры Елены она узнала о смерти еще одной сестры Елизаветы в блокаду. Сама Екатерина так и не возвращалась на Родину, но ее дочь Наталья (Ната) побывала в 1950-х годах, также навестил тетку Е.М. Боткину и ее внук Михаил.

Умерла Екатерина Михайловна Энден 26 марта 1957 г. в местечке Булонь, под Парижем, похоронена на русском кладбище Сент-Женевьев-де-Буа в одной могиле с дочерью Екатериной и зятем⁶², потом туда же захоронили и ее мужа Николая Михайловича.

Судьба Екатерины Михайловны аналогична судьбам многих эмигрантов. Она потеряла все, что имела в прошлом: связь

ДВЕ ЖИЗНИ Е.М. ФОН ЭНДЕН, УРОЖДЕННОЙ БОТКИНОЙ: НА РОДИНЕ И В ЭМИГРАЦИИ

с родными сестрами, прошлую устроенную жизнь. После 1917 г. ей, ее мужу и детям пришлось претерпеть множество лишений и бед: страх от военных действий, опасения ареста, голод, бедность. Однако характер Екатерины Михайловны позволил ее семье выжить; недаром в воспоминаниях ее мужа и сына часто встречаются фразы о том, что Е.М. «нашла выход». И после нескольких лет борьбы за нормальное существование семья Энден смогла достичь определенного уровня жизни. Более того, сама Екатерина смогла

вновь «найти себя» в привычной для себя деятельности – в благотворительности. Однако, если ранее это была безвозмездная деятельность, то во Франции Е.М. уже работала не только по зову души, но и ради заработка. Особо стоит отметить тот факт, что старшее поколение семьи – Екатерина Михайловна и Николай Михайлович Эндены – практически не изменило языковую среду, в которой проживало, это, по-прежнему, было русскоязычное общество.

Список литературы

- ¹ Аксельрод В.И., Гусева А.В. Вокруг Финляндского вокзала: Путеводитель по Выборгской стороне. – М., СПб.: Центрполиграф Русская тройка-СПб., 2013. – 539 с.
- ² Александр Блок в воспоминаниях современников [Текст]: в 2 т. – М.: Художественная литература, 1980. – Т. 1. – 550 с.
- ³ Энден М.Н. Записка о семье Энден // Архив семьи Энден. [Машинописная рукопись]. – 1974 г. – Октябрь.
- ⁴ Энден Н.М. Дела давно минувших дней. 1917–1921 // Архив семьи Энден. [Машинописная рукопись]. – 1950.
- ⁵ Блок Л.Д. И были и небылицы о Блоке и о себе. – Бремен: Кафка-Пресс, 1979. – 103 с.
- ⁶ Весь Петербург: Адресная и справочная книга г. Санкт-Петербурга на 1913 год. – СПб., 1913. – 850 с.
- ⁷ Весь Петербург: Адресная и справочная книга г. Санкт-Петербурга на 1914 год. – СПб., 1914. – 906 с.
- ⁸ Весь Петроград: Адресная и справочная книга г. Петрограда на 1915 год. – Пг., 1915. – 884 с.
- ⁹ Весь Петроград: Адресная и справочная книга г. Петрограда на 1916 год. – Пг., 1916. – 924 с.
- ¹⁰ Ковалевский П.Е. Зарубежная Россия. – Paris, 1973. – Дополнительный выпуск. – 147 с.
- ¹¹ Отдел письменных источников Государственного исторического музея. Ф. 122 (Боткины-Гучковы). № 222.
- ¹² Отдел письменных источников Государственного исторического музея. Ф. 122 (Боткины-Гучковы). № 398.
- ¹³ Рюмин А. А. На острове воспоминаний // Наше наследие. – М., 1991. – № 5. – С. 147–154.
- ¹⁴ Центральный Государственный Исторический архив Санкт-Петербурга. Ф. 113 (Петроградские высшие женские курсы (1878–1918)). Оп. 1. Д. 148.
- ¹⁵ Центральный Государственный Исторический архив Санкт-Петербурга. Ф. 19 (Петроградская духовная консистория (1744–1918)). Оп. 125. Д. 338.
- ¹⁶ Центральный Государственный Исторический архив Санкт-Петербурга. Ф. 19 (Петроградская духовная консистория (1744–1918)). Оп. 126. Д. 179.
- ¹⁷ Центральный Государственный Исторический архив Санкт-Петербурга. Ф. 19 (Петроградская духовная консистория (1744–1918)). Оп. 127. Д. 980.
- ¹⁸ Центральный Государственный Исторический архив Санкт-Петербурга. Ф. 149 (Василеостровская женская гимназия Ведомства учреждений Императрицы Марии (г. Петроград) (1858–1917)). Оп. 1. Д. 736.
- ¹⁹ Allen C. The History of the American Pro-Cathedral of the Holy Trinity, Paris (1815–1980). – Bloomington, IN: iUniverse, 2013. – 863 p.
- ²⁰ The New York Times. – 1964. – March 23. – Режим доступа: http://www.nytimes.com/1964/03/23/dean-frederick-beekman-dies.html?_r=0.

Примечания

- ¹ До революции фамилия писалась с фамильной приставкой «фон Энден», а после революции просто «Энден». Для унификации в статье используется современное написание.
- ² Центральный Государственный Исторический архив Санкт-Петербурга (далее ЦГИА СПб). Ф. 19. Оп. 125. Д. 338. Л. 239 об. – 240.
- ³ Отдел письменных источников Государственного Исторического Музея (далее ОПИ ГИМ). Ф. 122. № 398. Л. 39 об. – 40.
- ⁴ ОПИ ГИМ. Ф. 122. № 222. Л. 23 об.
- ⁵ ОПИ ГИМ. Ф. 122. № 398. Л. 37 об.
- ⁶ ЦГИА СПб. Ф. 149. Оп. 1. Д. 736. Л. 1 об. – 2.
- ⁷ ЦГИА СПб. Ф. 149. Оп. 1. Д. 736. Л. 25.
- ⁸ Блок Л.Д. И были и небылицы о Блоке и о себе. – Бремен, 1979. – С. 39.
- ⁹ Александр Блок в воспоминаниях современников. – М.: Художественная литература, 1980. – Т. 1. – С. 160.
- ¹⁰ ЦГИА СПб. Ф. 113. Оп. 1. Д. 148. Л. 19 об. – 20.
- ¹¹ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 127. Д. 980. Л. 29 об. – 30.
- ¹² ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 126. Д. 179. Л. 169 об. – 170.
- ¹³ Энден М.Н. Записка о семье Энден // Архив семьи Энден. [Машинописная рукопись]. – 1974. – Октябрь. – Л. 19.
- ¹⁴ Весь Петроград: Адресная и справочная книга г. Петрограда на 1915 г. – Пг., 1915. – С. 761.
- ¹⁵ Рюмин А.А. На острове воспоминаний // Наше наследие. – М., 1991. – №5. – С. 150.
- ¹⁶ Весь Санкт-Петербург на 1913 год. – СПб., 1913. – Кол. 873; Весь Санкт-Петербург на 1914 год. – СПб., 1914. – Кол. 939.
- ¹⁷ Весь Петроград: Адресная и справочная книга г. Петрограда на 1915 год. – Пг., 1915. – Кол. 854.
- ¹⁸ Весь Петроград: Адресная и справочная книга г. Петрограда на 1916 год. – Пг., 1916. – Кол. 890–891.
- ¹⁹ Энден М.Н. Записка о семье Энден // Архив семьи Энден. [Машинописная рукопись]. – 1974 г. – Октябрь. – Л. 19.
- ²⁰ Аксельрод В.И., Гусева А.В. Вокруг Финляндского вокзала: Путеводитель по Выборгской стороне. – М.; СПб.: Центрполиграф Русская тройка – СПб., 2013.
- ²¹ Энден Н.М. Дела давно минувших дней. 1917–1921 // Архив семьи Энден. [Машинописная рукопись]. – 1950. – Л. 3.
- ²² Энден Н.М. Дела давно минувших дней. 1917–1921 // Архив семьи Энден. [Машинописная рукопись]. – 1950. – Л. 5–6.
- ²³ Там же.
- ²⁴ Там же. – Л. 6.
- ²⁵ Энден Н.М. Дела давно минувших дней. 1917–1921 // Архив семьи Энден. [Машинописная рукопись]. – 1950. – Л. 13–14.
- ²⁶ Там же. – Л. 15.
- ²⁷ Там же. – Л. 17.
- ²⁸ Там же. – Л. 15–16.
- ²⁹ Там же. – Л. 21.
- ³⁰ Там же. – Л. 26.
- ³¹ Энден Н.М. Дела давно минувших дней. 1917–1921 // Архив семьи Энден. [Машинописная рукопись]. – 1950. – Л. 26.
- ³² Там же. – Л. 38, 39.
- ³³ Там же. – Л. 54.
- ³⁴ Там же. – Л. 57.
- ³⁵ Там же. – Л. 60–61.
- ³⁶ Там же. – Л. 66.
- ³⁷ Энден Н.М. Дела давно минувших дней. 1917–1921 // Архив семьи Энден. [Машинописная рукопись]. – 1950. – Л. 71.

ДВЕ ЖИЗНИ Е.М. ФОН ЭНДЕН, УРОЖДЕННОЙ БОТКИНОЙ: НА РОДИНЕ И В ЭМИГРАЦИИ

- ³⁸ Там же. – Л. 80.
- ³⁹ Там же. – Л. 80–81.
- ⁴⁰ Там же. – Л. 81.
- ⁴¹ Там же.
- ⁴² Там же. – Л. 82.
- ⁴³ Энден Н.М. Дела давно минувших дней. 1917–1921 // Архив семьи Энден. [Машинописная рукопись]. – 1950. – Л. 82.
- ⁴⁴ Остров Халки был предоставлен французами как одна из баз для беженцев из России.
- ⁴⁵ Энден Н.М. Дела давно минувших дней. 1917–1921 // Архив семьи Энден. [Машинописная рукопись]. – 1950. – Л. 87.
- ⁴⁶ Там же. – Л. 88.
- ⁴⁷ Там же. – Л. 90.
- ⁴⁸ Энден Н.М. Дела давно минувших дней. 1917–1921 // Архив семьи Энден. [Машинописная рукопись]. – 1950. – Л. 90.
- ⁴⁹ Там же. – Л. 92.
- ⁵⁰ Там же. – Л. 90.
- ⁵¹ Е.А. Грюнберг (1876–1963) – мать гимназической подруги Е.Н. Энден.
- ⁵² Энден Н.М. Дела давно минувших дней. 1917–1921 // Архив семьи Энден. [Машинописная рукопись]. – 1950. – Л. 93.
- ⁵³ Энден Н.М. Дела давно минувших дней. 1917–1921 // Архив семьи Энден. [Машинописная рукопись]. – 1950. – Л. 94.
- ⁵⁴ Там же. – Л. 93.
- ⁵⁵ Татищева (урожд. Бибилова) Варвара Михайловна, графиня (1878–1958), общественный деятель. Жена Б.А. Татищева, с мужем жила в Югославии (1916–1917), затем в Париже. Принимала деятельное участие в церковной и общественной жизни. Председатель Объединения бывших воспитанниц Смольного института. Член Объединения сестер милосердия Российского общества Красного Креста (РОКК) (1950-е).
- ⁵⁶ Энден Н.М. Дела давно минувших дней. 1917–1921 // Архив семьи Энден. [Машинописная рукопись]. – 1950. – Л. 94.
- ⁵⁷ The New York Times. – 1964. – March 23. – Mode of access: http://www.nytimes.com/1964/03/23/dean-frederick-beekman-dies.html?_r=0; Allen C. The History of the American Pro-Cathedral of the Holy Trinity, Paris (1815-1980). – Bloomington, IN: iUniverse, 2013. – P. 565.
- ⁵⁸ Ковалевский П.Е. Зарубежная Россия. – Paris, 1973. – Дополнительный выпуск. – С. 53; Энден М.Н. Записка о семье Энден // Архив семьи Энден. [Машинописная рукопись]. – 1974 г. – Октябрь. – Л. 19.
- ⁵⁹ Энден М.Н. Записка о семье Энден // Архив семьи Энден. [Машинописная рукопись]. – 1974 г. – Октябрь. – Л. 19.
- ⁶⁰ Энден Н.М. Дела давно минувших дней. 1917–1921 // Архив семьи Энден. [Машинописная рукопись]. – 1950. – Л. 94.
- ⁶¹ Там же.
- ⁶² Там же. – Л. 25.

СУДЬБЫ И МИФЫ

М.Г. Талалай

РУССКИЕ СТУДЕНТЫ-ЭМИГРАНТЫ В КАТОЛИЧЕСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ г. МИЛАНА в 1920-е годы

Аннотация. В 1924 г. в Милан из Парижа прибыли трое молодых русских эмигрантов (Леонид Ганчиков, Павел Соколов, Петр Спасский): они желали поступить в Католический университет, воспользовавшись объявленными стипендиями от Ватикана. Сведения о стипендиях оказались ложными, но ректор университета падре Агостино Джемелли все-таки изыскал возможность принять новых студентов. Учеба эмигрантов в Милане характеризовалась идейной солидарностью с университетскими кругами, а ее успешное окончание получило общественный резонанс и приветствовалось Ватиканом. В дальнейшем два выпускника Католического университета – Ганчиков и Соколов – остались в Италии, став профессорами-русистами, а Спасский вернулся в Париж, где прославился как регент кафедрального собора св. Александра Невского.

Ключевые слова: русская эмиграция; Ватикан; Католический университет Милана; Л. Ганчиков; П. Соколов; П. Спасский.

...В одно холодное февральское утро 1924 г. к помпезному миланскому вокзалу прибыл ночной поезд из Парижа. На перрон вышли двое скромно, но опрятно одетых молодых людей, Леонид Ганчиков и Павел Соколов. Это были русские эмигранты, покинувшие Родину после Гражданской войны, но теперь решившие продолжить свое образование в беженских условиях – благодаря щедрой «ватиканской акции». Юноши отправились через весь город пешком по направлению к древней базилике св. Амвросия Медиоланского: близ нее несколько лет тому назад разместился новый университет, получивший название Католический («La Cattolica»)¹.

Предъявив рекомендательные документы в секретариате и рассказав о своих намерениях воспользоваться стипендиями Ватикана для русских беженцев, они с изумлением узнали, что таковых стипендий не существует и что в университет их, следовательно, принять никак не могут. Потрясенные юноши, оказавшиеся в новой не-

ТАЛАЛАЙ
Михаил
Григорьевич,
кандидат
исторических
наук,
Италия

известной им стране и не имевшие даже средств на возвращение в Париж, уныло покинули университетское здание и уехали на какой-то скамье – идти им было некуда. Однако вскоре двери открылись вновь и секретарши, обрадованные, что молодые люди далеко не ушли, позвали их внутрь: с ними пожелал побеседовать сам ректор...

Драматически начавшаяся было история закончилась благополучно. Молодой и энергичный ректор падре Агостино Джемелли заинтересовался редкими в Италии молодыми русскими эмигрантами и после расспросов сумел найти выход из положения. К Ганчикову и Соколову вскоре присоединился Петр Спасский, также прибывший из Парижа: так в Католическом университете стали учиться трое православных студентов – единственные не принадлежавшие к «титупной» конфессии. В течении трех лет, в самом деле, в университете существовала уникальная ситуация: в «кузнице» католических кадров пребывали трое «раскольников», каковыми Католическая церковь официально полагала православных до Второго Ватиканского Собора. Гибкость университетского руководства простиралась до такой степени, что русских студентов официальным образом освободили от таких обязательных в «La Cattolica» дисциплин, как катехизис и теология.

Сам университет возник всего лишь за три года до прибытия в Италию трех русских студентов, в 1921 г. У его истоков стоял интереснейший человек – Агостино Джемелли (Gemelli; 1878–1959), врач по образованию, выросший в миланском масонском и антиклерикальном семействе, который, однако, после духовного переворота стал монахом-францисканцем, озаренный идеей соединить веру и науку. По его просьбе крестильное имя – Эдоардо – было заменено на новое монашеское, в честь блаженного Августина, знаменитого раннехристианского мыслителя, крещенного в Милане.

Основание нового университета не проходило гладко, так как он вступал в конкуренцию с государственными университетами, но, получив полную поддержку Ватикана, «La Cattolica» занял достойное место в итальянской системе высшего образования.

Начинание падре Джемелли стало своеобразным итальянским ответом на два главных вызова той эпохи – коммунистического и фашистского движений, набиравших в свои когорты молодежь. Папа Пий XI, вступивший на ватиканский престол в 1922 г. после кончины Бенедикта XV, энергично поддерживал политику своего предшественника относительно высшего образования, заявив раз, что его беспокоит и судьба молодых русских антикоммунистов, оказавшихся в беженстве на Западе и не имевших возможности продолжить обучение. Это заявление понтифика было воспринято в русских эмигрантских кругах как уже запущенная образовательная программа.

Нельзя сказать, что юноши прибыли в Милан не подготовившись. Каждый из них имел следующее персональное письмо:

Le sousigné certifie que Monsieur ... est un des étudiants désigné par le Comité Central de Patronage de la jeunesse universitaire russe à l'étranger à être favorisé par l'aide que le Saint Père a daigné dans Sa bonté Souveraine à accorder à 4 étudiants russes par l'entremise de l'oeuvre du Cardinal Ferrari à Milan [Ниже подписавшиеся удостоверяют, что г-н (имярек) является одним из учащихся, определенных Центральным Комитетом по обеспечению высшего образования русскому юношеству за границей, ради использования помощи, которую в его державной милости Святой Отец соизволил оказать четырем русским студентам² через Фонд кардинала Феррари в Милане]³.

Сам Центральный Комитет по обеспечению высшего образования русскому юношеству за границей представлял собой благородную организацию, основанную в Париже в сентябре 1922 г. и просу-

ществовавшую семь лет. Многие в эмиграции отдавали себе отчет в необходимости всячески содействовать продолжению образования студентов-беженцев и, следовательно, в необходимости учреждения, с которым могли бы считаться европейские власти и возможные меценаты. Так возник Центральный Комитет по обеспечению высшего образования русскому юношеству за границей, который для краткости называли Федоровским комитетом – по фамилии его председателя Михаила Михайловича Федорова (Витебск, 1858 – Париж, 1949), экономиста и политика, ставшего патроном русского эмигрантского студенчества⁴. «Федоровский комитет» стремился задействовать все возможные государственные и общественные структуры на Западе – в том числе и Католическую церковь, преимущественно во Франции, ставшую оказывать помощь русским студентам.

Возможно, что именно через этот канал пришло известие о моральной поддержке Ватикана беженцам, которую в Центральном Комитете приняли за поддержку материальную. Быть может, известие пришло от «старорежимных» российских дипломатов, тогда еще остававшихся в Риме. В самом деле, одной из важных линий «Федоровского комитета» была дипломатическая, и Италия здесь не стала исключением: были установлены связи с А.И. Персиани, послом при Итальянском королевстве, и А.И. Лысаковским, послом при Святом престоле. Если первому, по поручению комитета, удалось добиться от итальянского правительства освобождения от платы за обучение нескольких студентов в государственных университетах, то второй подготовил рекомендательные письма для юношей, ехавших из Парижа в новый Католический университет.

Эти письма А.И. Лысаковского молодые изгнанники и предъявили в Милане, хотя действенность их была весьма сомнительной: дипломат был послан в Рим в июле 1917 г. от Временного правительства и в

1924 г. уже никак не мог официально представлять свою страну, так как к тому моменту Италия уже признала советскую власть. В любом случае перед посылкой студентов в Милан «Федоровский комитет» проводил какие-то консультации с Лысаковским – об этом косвенно свидетельствует упоминание в письме от парижского комитета в Милан благотворительного фонда (Oeuvre du Cardinal Ferrari), который якобы должен был озаботиться судьбой русских студентов.

В целом и «Федоровский комитет», и западные образовательные структуры отдавали предпочтение молодежи, намеревавшейся продолжить высшее *техническое* образование: гуманитарии имели крайне низкие шансы на удовлетворение своих заявок⁵. Можно было представить себе радость юношей-филологов, прозябавших в Париже на случайных заработках и получивших направление учиться в Италию, в колыбель классической культуры. Можно представить и степень их разочарования после первого посещения университета.

...Ректор университета еще раз внимательно изучив рекомендательные письма, увидел в них упоминание реально существовавшего в Милане фонда кардинала Феррари. Основатель фонда, Андреа-Карло Феррари (Ferrari; 1850–1921) на рубеже XIX–XX вв. служил архиепископом Милана, получив в 1894 г. сан кардинала. Основанный им благотворительный фонд, ныне упраздненный, находился на via Mercalli, № 21 – по сути дела это была благотворительная ночлежка для бездомных⁶.

Связавшись с фондом, ректор заручился его готовностью принимать на ночлег студентов, а также выписал им талоны в студенческую столовую. Спустя несколько дней ректор снова принял юношей, объявив, что Католический университет, используя ректорскую казну, выделяет юношам стипендии.

Курсы уже вовсю шли, и студентов официально записали на следующий, 1925-й год. Тем не менее, дабы не терять

время, им разрешили сразу же посещать лекции и сдавать экзамены, а также записаться на интенсивные курсы итальянского, которые читали для них персонально доценты итальянистики, по просьбе того же ректора. Учеба предвиделась трудной, и из-за сложности материй, и из-за языка, которым эмигранты отнюдь не владели. После разного рода совещаний, в университете решили их освободить от предметов не по специальности, к тому же для них крайне трудных – латыни, итальянского и прочих (в том числе уже упомянутых катехизиса и католической теологии).

Что касается размещения при ночлежном доме фонда Феррари, то сначала юноши спали в большой общей зале, потом им выделили особую трехместную комнату, вполне достойную. Ночлежка, согласно правилам, открывалась в семь вечера и закрывалась в семь утра. Остальное время юноши проводили в университете, на лекциях и в библиотеке, или же сидели с книгами в городских парках.

Трое юношей с головой ушли в учебу, чувствуя доброжелательное внимание со стороны и студентов, и университетского начальства. Однажды «La Cattolica» организовала поездку своих студентов на аудиенцию к папе римскому, и предложила одному русскому студенту войти в состав делегации. Поехал Петр Спасский, которому удалось во время приема лично переговорить с понтификом: Пий XI сказал ему, что ежедневно молится за страждущий русский народ.

В 1927 г. все трое юношей получили дипломы. Особый резонанс вызвала защита дипломной работы Леонида Ганчикова, посвященной тогда малоизвестному в Италии религиозному мыслителю Владимиру Соловьёву. Зал, где шла защита диплома, был полон студентами и преподавателями. Газета «Corriere della sera» в заметке от 15 июня 1927 г., с заголовком «Русские студенты в Милане и манифестация при получении дипломов», сообщала:

Один из них [русских студентов], Леонид Ганчиков [Leonida Gancikoff] из Твери, первым получил диплом, представив работу о «Фундаментальных принципах религиозной философии Вл. Соловьёва», русского философа, который после посещения Рима обратился в католичество⁷. Объясняя некоторые лакуны в дипломной работе, лауреат сообщил, что Советы, изъявшие книги Соловьёва из общественных библиотек, задержали на границе его книги, которые, не переведенные на другие языки, ему пришлось запрашивать на родине. Этот рассказ, а также другие упоминания о русской жизни [до революции] и о пребывании в Италии Соловьёва, в резком контрасте с нынешней ситуацией и с печальным беженским положением русских студентов в Европе, вызвали сочувственную манифестацию со стороны студентов, наполнивших зал. Ректор университета падре Джемелли, вручив от имени короля Италии диплом, выразил свою поддержку и уверенность в том, что русские студенты, потерявшие Родину, всегда могут рассчитывать в нашей стране на дружественную солидарность⁸.

По этому случаю падре Джемелли получил также телеграмму от Папы Римского (которого он, вне сомнения, держал в курсе дела), за подписью его секретаря кардинала Энрико Гаспарри, следующего содержания: «Его Святейшество с удовольствием получил радующую новость поздравляет с прекрасным результатом студента Ганчикова посылает свое благословение»⁹.

Расскажем о судьбах трех русских выпускников «La Cattolica».

Павел Александрович Соколов родился в Москве 22 марта в 1892 г. в семье ювелира. В 1905 г. он вступает в партию эсэров, деятельно участвуя в Первой русской революции: в 1907 г. за распространение листовок среди депутатов 2-й Думы был подвергнут аресту. В 1915 уходит добровольцем на войну, получив за воин-

ские доблести ряд наград. Участник Законодательного собрания, после его роспуска и установления диктатуры большевиков, в конце 1918 г. покидает Россию, однако в 1920 г. возвращается в Крым (из Болгарии), вступив добровольцем в армию Врангеля. После окончательного поражения «белых» уплывает в Константинополь, затем пребывает в Галлиполийском лагере, откуда перебирается опять в Болгарию, затем во Францию, в Париж, где работая чернорабочим, поступил вольнослушателем в Сорбонну. В миланской «La Cattolica» Соколов написал диплом на тему «Пророки итальянского Ренессанса в русском романе» («I profeti del Rinascimento italiano nel romanzo russo»). В том же году он выпустил свое первое исследование «Францисканский коммунизм и коммунизм современный»¹⁰, где проводил интересное и весьма актуальное сопоставление христианского нестяжательства и общинности с марксистскими идеями. К сожалению, научный путь у Соколова оказался трудным, с незначительными результатами. Будучи аполитом, он долгое время не мог участвовать в конкурсах на университетские должности. В год окончания университета (1927), он женился на обрусевшей молдаванке Клавдии Фитилего (1899–1967), эмигрировавшей в Европу с румынским паспортом. В 1929 г. у Соколовых рождается дочь: пара жила бедно, и когда появился ребенок, Соколов, со своим неистребимым русским акцентом, заявлял итальянским друзьям: «Родилась Татьяна – для нас предмет роскоши!». В начале 1930-х годов семья Соколовых обосновывается в Бергамо, где Павел преподавал языки – английский, французский, немецкий – в различных лицеях и школах. В 1940 г., уже получив итальянское подданство, он выигрывает национальный конкурс на заведующего кафедрой английской языка в классическом лицее южно-итальянского города Мольфетта (Апулия) и переселяется туда. Однако он не оставляет надежды применить свой русский культурный ба-

гаж и в 1946 г. начинает сотрудничество с университетом г. Бари, преподавая там русский язык. К этому периоду относится и начало его деятельности как исследователя-русиста: Соколов публикует, в различных сборниках, несколько статей: «Проблема земельной собственности у русского крестьянства» (1948)¹¹ и «Иван Посошков и его “Книга о скудости и богатстве”» (1953)¹². По всей видимости, из русских писателей он особенно выделял Леонида Андреева, которому посвятил специальную статью – единственную литературоведческого направления¹³. После выхода на пенсию, в 1962 г., Павел Соколов с супругой вновь эмигрирует – на сей раз в Австралию, куда еще ранее уехала преподавать итальянский язык в университете Сиднея его дочь Татьяна. П.А. Соколов скончался 16 июля 1964 г. в Бервуде (Birwood), пригороде Мельбурна¹⁴.

Второй выпускник Католического университета, Петр Васильевич Спасский родился в священнической казачьей семье на хуторе Караичев станицы Гундоровской Донской области 1 февраля 1896 г. Окончив духовную семинарию в Новочеркасске, он затем участвовал в Первой мировой и Гражданской войнах. Через греческий остров Лемнос, вместе с казаками, эмигрировал в Болгарию. Еще будучи студентом «La Cattolica», он участвовал в создании православного русского прихода в Милане, который учредился именно в 1924 г., когда Спасский прибыл в ломбардскую столицу из Парижа¹⁵. Настоятелями прихода, посвященного св. Николаю Чудотворцу, служили священники из Флоренции, сначала о. Михаил Стельмашенко, затем, с 1926 г. – о. Иоанн Лелюхин. Общинка была маленькой и вела свои богослужения, когда наезжали священники, в помещении англиканской церкви. Когда в 1927 г., уже будучи выпускником, Спасский стал делегатом своего миланского прихода на епархиальном съезде в Париже, он был впечатлен размахом и организованностью церковной жизни эмигрантов во француз-

ской столице. Его талант и умение (а он прошел в Милане школу оперного пения) были замечены митрополитом Евлогием (Георгиевским) и вскоре Спасский совсем переселился в Париж, где также и обзавелся семьей. С 1949 г. он служил регентом в парижском соборе св. Александра Невского на rue Daru¹⁶.

Работа была нелегкая: нужно было снова поставить хор на высший уровень, соединив прежних и новых певцов, и сбереечь традиции. <...> Дома у П.В. Спасского было невероятное количество книг, читал он много и обладал изумительной памятью. Им были подробно изучены христианские и нехристианские религии и философские течения, что позволило ему быть опытным проповедником православия. А церковно-музыкальное служение носит поистине высокий миссионерский характер. Эта сторона личности Петра Спасского накладывала несомненный отпечаток на его руководство церковным пением. Он тщательно выбирал репертуар, внимательно относился к просьбам прихожан, стремясь не идти вразрез с их молитвенным настроением. Особую важность он придавал словам молитвы, стараясь, чтобы музыкальное настроение, получаемое от пения, было в полном согласии с текстом. С равным вниманием он исполнял и многочисленные требы: крестины, свадьбы, молебны, панихиды, отпевания. После треб часто беседовал с людьми, чтобы порадоваться с ними или их утешить. Митрополичьим хором в парижском русском кафедральном соборе П.В. Спасский руководил на протяжении 20 лет¹⁷.

В 1962 г. Петр Спасский привез свой хор в Италию (куда он приезжал и раньше, в гости к Ганчикову). На его выступление газета «Avvenire d'Italia» откликнулась так:

«Русская православная община в Париже, которая в Александро-Невском соборе сохраняет и поддерживает хоровую

музыку восточного обряда, заставила услышать страстный и скорбный голос молчащей Русской Церкви и миллионов верующих по ту сторону железного занавеса. В пении русского хора есть что-то мистическое, что заставляет сравнить эту группу певцов с фресками Беато Анджелико»¹⁸.

После интенсивной и успешной деятельности в качестве регента П.В. Спасский вышел на покой и скончался 30 мая 1968 г. в больнице города Дрё.

В итальянской культуре особый след оставил третий выпускник «La Cattolica», Леонид Яковлевич Ганчиков. Он родился в 1893 г., 3 июля ст. ст., в Твери. Отец, Яков Леонидович, работал инженером в Товариществе нефтяного производства братьев Нобель. Незадолго до Первой мировой войны семья переехала в Петербург, вскоре ставший Петроградом. Леонид записался на исторический факультет университета, однако его учеба была прервана Первой мировой войной и призывом в армию в 1916 г. Из-за революционных событий отец семейства решил переехать со своими домочадцами в Грозный, где находился филиал Товарищества Нобель. Однако Гражданская война застигла Леонида и там: против своей воли – под угрозой трибунала – в 1919 г. он был рекрутирован в Добровольческую армию, с остатками которой эвакуировался из Крыма в Галлиполи, откуда спустя два года перебрался в Париж. Работая ночами грузчиком на рынке, он днем слушал лекции в Сорбонне, пока от Центрального Комитета по обеспечению высшего образования русскому юношеству за границей не пришло волнительное известие о «ватиканской акции» для студентов-беженцев. Как и Соколов, Ганчиков до получения итальянского подданства перебивался случайными заработками. Но благодаря связям в миланском обществе, ему удалось успешно работать домашним учителем философии, а затем по получении итальянского паспорта в 1933 г., он пере-

бирается в Рим, где становится лектором русского языка на славяноведческой кафедре в университете «Ла Сапиенца», возглавляемой «патриархом славистики» Этторе Ло Гатто. В 1930-е годы Ганчиков устанавливает и развивает связи с элитой русской эмиграции в Италии (Вяч. Иванов, О. Ресневич-Синьорелли, Р. Кюфферле, Н. Оттокар и др.). В 1936 г. Ганчиков женился на римлянке Джине Дзаппала, преподавательнице латыни в лицее; у супругов появились двое детей. В начале 1950-х годов, получив место профессора русистики в Пизанском университете, Ганчиков занимает видное место в исследовательском и издательском мире: он курирует переводы и публикации русских классиков (Гоголь, Лесков, Достоевский, Гончаров, Пушкин), пишет статьи, ведет на радио цикл бесед о русской духовности, преобразованный потом в его магистральную книгу «Orientamenti dello spirito russo» (1958). Л.Я. Ганчиков скончался во Флоренции в поезде, когда отправился навестить своих детей в Милане.

Лекции по русскому языку Ганчикова в университетах Рима и Пизы пользовались заслуженным успехом среди студентов, так как лингвистика у него получала контекст общей широкой русской культуры, носителем которой он являлся. Техническое усвоение языка таким образом приобретало иные измерения, о чем вспоминал один из тогдашних студентов Беньямино Плачидо, ставший позднее известным литератором.

«Давным-давно, во времена моей университетской юности, я, как и многие другие из моего поколения, подумывал выучиться русскому. Именно подумывал – эта дума длилась один зимний сезон. В университете русский язык преподавал Леонид Ганчиков, образованный и любезный – он оставил свою родину сразу после Октябрьской революции. Мы, студенты, его очень любили. Но думаю, что относились к нему, увы, без должного уважения. Ганчиков настаивал, и думаю, справедливо, на изучении грамматики. Мы же увлекали его в бесконечные рассуждения о “славянской душе”, которые начинались и заканчивались почти всегда с Обломовым: “Вы, русские все страдаете обломовщиной”. Профессор Ганчиков сердился, в весьма достойной манере, и парировал: “А знаете ли вы, что я в России слышал в школе по крайней мере раз в году? Учителя нам говорили: “ребята, нужно быть деятельными и трудолюбивыми, а не такими, как итальянские лаццарони, которые лежат днями на солнце и играют на мандолине”. Следовательно, для него, для русских – обломовщиной страдали мы, и, пожалуй, он был прав...»¹⁹

Роман «Обломов», как и другие вершинные произведения русской литературы, Ганчиков интерпретировал в свойственном ему религиозно-философском духе, размышляя об экзистенциальных измерениях обломовщины, не сводимой к паталогической лени.

Примечания

- ¹ Материалы для статьи во многом почерпнуты из неопубликованной рукописи «Storie e ricordi» Анны Леонидовны Ганчиковой (Милан), посвященной биографии ее отца, профессора Леонида Яковлевича Ганчикова.
- ² Имя четвертого русского студента, в Италию не приехавшего, выяснить не удалось.
- ³ Archivio storico dell'Università Cattolica del Sacro Cuore (Исторический архив Католического университета Св. Сердца). Цит. по: Gancikoff A. Storie e ricordi. – Milano, 2013. – P. 110.
- ⁴ Постников Е.С. Студенчество России и проблемы получения высшего образования в эмиграции // Культурная миссия Российского зарубежья. История и современность. – М.: Российский институт культурологии, 1999. – С. 92–102.

РУССКИЕ СТУДЕНТЫ-ЭМИГРАНТЫ В КАТОЛИЧЕСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ г. МИЛАНА В 1920-е годы

- ⁵ Старший брат Леонида Ганчикова, Евграф, прибывший в Париж в 1923 г. (вместе с Леонидом) вскоре получил французскую государственную стипендию для учебы на химическом факультете Университета в Пуатье, где получил уже в следующем году диплом (Certificat de Chimie générale).
- ⁶ В настоящее время историческое здание передано Государственному университету Милана (департаменты по лингвистике и юриспруденции), но на фасаде оставлена изначальная надпись «Opera Cardinal Ferrari». В 1987 г. кардинал Феррари был причислен Католической церковью к лику блаженных.
- ⁷ В.С. Соловьёв (1853–1900) часто и открыто подчеркивал достоинства Католической церкви, а в 1896 г. принял причастие у греко-католического священника (о. Николая Толстого), но при этом формального обращения в католичество не произошло и перед смертью он исповедался у православного священника.
- ⁸ *Studenti russi a Milano e la manifestazione per una laurea // Corriere della sera.* – 1927. – 15.05.
- ⁹ *Archivio storico dell'Università Cattolica del Sacro Cuore* (Исторический архив Католического университета Св. Сердца). Цит. по: Gancikoff A. *Storie e ricordi.* – Milano, 2013. – P. 111.
- ¹⁰ Sokoloff P. *Il comunismo francescano e il comunismo moderno.* – Milano: C. Ferrari, 1927.
- ¹¹ Sokoloff P. *Il problema della proprietà terriera nella storia del contadino russo // Annali della Facoltà di Economia e Commercio dell'Università di Bari.* VIII. – 1948. – P. 361–398.
- ¹² Sokoloff P. *Ivàn Pòsoškov e il suo «Libro della povertà e della ricchezza».* – Molfetta: Scuola tipografica dell'Istituto provinciale «Apicella» per sordomuti, 1953.
- ¹³ Sokoloff P. *L'S.O.S. di Leonida Andreev: nel 30. anniversario della morte // Annali del Corso di lingue e letterature straniere presso l'Università di Bari.* – I. – 1950. – P. 371–387.
- ¹⁴ См. о нем: Caratozzolo M. *Russia e Italia nella corrispondenza di Tommaso Fiore e Paolo Sokoloff (1945–1952) // Archivio russo-italiano, X / A cura di D. Rizzi e A. Shishkin.* – Salerno, 2015. – P. 297–328. См. статью того же автора на сайте: *Русские в Италии.* – Mode of access: <http://www.russinitalia.it/dettaglio.php?id=875>
- ¹⁵ См.: Талалай М.Г. *Русская церковная жизнь и храмостроительство в Италии.* – СПб.: Коло, 2011. – С. 157–158.
- ¹⁶ Биографическую заметку о Петре Спасском, написанную его сыном Николаем, см.: *Русская мысль.* – 1999. – 14.01; ее электронный вариант см.: Клирос. – Режим доступа: <http://kliros.ru/stat/spasskij.html>
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Цит. по: Клирос. – Режим доступа: <http://kliros.ru/stat/spasskij.html>
- ¹⁹ Placido B. *Gli Oblomov sono tra noi // La Repubblica.* – 1986. – 12 settembre.

Т.Г. Петрова

ДРАМА ПОКОЛЕНИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ В. ВАРШАВСКОГО

РЕЦ. НА КНИГУ: ВАРШАВСКИЙ ВЛАДИМИР. ОЖИДАНИЕ: ПРОЗА. ЭССЕ. ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА / Предисл. Красавченко Т.Н.; сост., подгот. текста и коммент. Красавченко Т.Н., Васильевой М.А.; послесл. Васильевой М.А.; вступ. ст. к прилож., сост. и подгот. текста Васильевой М.А. при участии Коростелёва О.А. – М.: ДРЗ: КНИЖНИЦА, 2016. – 752 с.

В этой книге художественное, литературно-критическое и историко-философское творчество Владимира Сергеевича Варшавского (1906–1978) впервые представлено так полно. Он родился в Москве в семье присяжного поверенного, публициста и актрисы Московского Художественного театра. Крестным отцом будущего писателя был Вл.И. Немирович-Данченко. В 1918 году семья Варшавского сначала уехала на Украину, затем в Крым, а осенью 1920 г. покинула Россию. В Чехословакии Варшавский закончил среднее образование и поступил в Карлов университет в Праге, но не завершил курс, так как переехал во Францию в конце 20-х годов, где несколько лет изучал литературу в Сорбонне. В Париже он с 1930 г. регулярно посещает собрания литературно-философского общества Д. Мережковского и З. Гиппиус «Зеленая лампа», становится участником объединения «Кочевье» (1928–1939), организованного М. Слонимом, а с 1935 г. – литературно-философского общества И. Фондаминского «Круг». Он начал печататься в «Воле России», затем в журнале «Числа», других эмигрантских изданиях, включая и лучшие из них – «Современные записки».

В печати появились его первые рассказы «Шум шагов Франсуа Виллона» (1929) и «Из записок бесстыдного молодого человека» (1930). В них Варшавский показал портрет русского эмигранта своего поколения. Тема была продолжена в эссе «Несколько рассужде-

*ПЕТРОВА
Татьяна
Георгиевна,
старший
научный
сотрудник
ИНИОН РАН*

ний об Андрэ Жиде и эмигрантском молодом человеке» (1930/1931), «О “герое” эмигрантской молодой литературы» (1932), «О прозе “младших” эмигрантских писателей» (1936), в которых он четко определил различия между старшим и младшим поколениями эмигрантов. Молодые, рожденные и выросшие в России, не могли и не хотели стать иностранцами, но им нигде было жить и потому молодой эмигрант «не находится ни в каком мире и ни в каком месте». Отвергая доктрины старшего поколения, молодежь эмиграции пыталась выработать свои собственные. Разрыв поколений, драматическое ощущение «потерянности» в истории человека 30-х годов – над этими проблемами Варшавский напряженно размышлял всю жизнь. «Незамеченное поколение» (Нью-Йорк, 1956) – его самая известная книга, без ссылок на которую практически не обходится ни одна работа о русском зарубежье¹. Эта книга о сложной судьбе поколения, об идейных и духовных исканиях «эмигрантских сыновей», родившихся в России, но еще в раннем возрасте очутившихся в изгнании. Книга с точным терминологическим определением – «незамеченное поколение», – вызвавшая сильный накал страстей, стала ценнейшим свидетельством об эпохе.

Автобиографический роман «Ожидание», вышедший в 1972 г. в парижском издании «УМСА-Press», также стал ярким примером литературы «свидетельства» или «человеческого документа». Программа эстетики литературы документа, с ее вышедшими на первый план понятиями правды, свидетельства, была обоснована Г.В. Адамовичем. В своем докладе «Конец литературы», произнесенном 3 марта 1929 г. на заседании общества «Зеленая лампа», он призывал обратиться к «человеческому документу»: читатель должен был ощутить, «что перед ним не обычное “печатное слово”, а нечто вроде исповеди или дневника»². События жизни самого Варшавского почти совпадают с жизненными фактами его героя, носящего фами-

лию Гуськов и ставшего alter ego автора. И хотя Варшавский художественно не воссоздает все детали своей парижской жизни, он под вымышленными именами создает портреты Г. Адамовича, И. Фондаминского, А. Керенского, Б. Поплавского, Б. Вильде и многих других своих современников.

После начала Второй мировой войны, Варшавский пошел во французскую армию добровольцем. 25 мая 1940 г. он попал в плен и до весны 1945 г. находился в концлагере. В начале 1947 г. Варшавский был награжден Военным крестом с серебряной звездой за мужество, а весной 1951 г. уехал в США, где работал рассыльным в ООН и жил очень бедно и трудно, но отказался взять советский паспорт и получить престижную работу в ООН. В Америке и после своего возвращения в Европу в 1967 г. Варшавский сотрудничал на «Радио Свобода» под псевдонимом Владимир Норов, продолжал писать книги. Его автобиографический роман «Ожидание» заканчивается в важном для самого автора 1959 г., в котором он обвенчался в Нью-Йорке с Т.Г. Дерюгиной, дочерью эмигрантов, работавшей в Госдепартаменте США.

Главное достоинство «Ожидания» Т.Н. Красавченко, автор предисловия к этому современному изданию, усматривает в его авторе / герое. «Особенность его мировосприятия в том, что в любой ситуации – в Париже, в германском плену, в нью-йоркской бедности – он сохраняет способность видеть мир как художник, поэт» (с. 14). Он – мастер портрета и выразительной детали, а его проза живописна и метафорична. В романе «Варшавский развивает толстовскую философию и метафору неба (вспомним князя Андрея на Аустерлицком поле)», многочисленны смысловые «переклички» с Толстым, особенно с «Войной и миром», ему свойственна и «толстовская кажущаяся небрежность построения фразы» (с. 15). Толстовская традиция была не единственной в творчестве

Варшавского. Он называл себя «прустианцем». Роман «Ожидание» становится его «поисками утраченного времени» с «временными “перебивками”, наплывами прошлого – все происходит в едином временном ряду авторского сознания, инкорпорирующего историю. Таким образом, Пруст “налагается” на Толстого» (с. 17).

В сущности, весь роман Варшавского, как утверждает один из составителей данного тома М.А. Васильева, – «это вызов небытию, идет ли речь о преодолении эмигрантского страха жизни или преодолении онтологического страха смерти. Именно поэтому не вымысел, а документ служит здесь важнейшей точкой опоры» (с.

534). Ибо для писателя Варшавского литература – это «воссоздание реальности, воссоздание, которое не может погибнуть».

В приложении представлено восприятие творчества В. Варшавского современниками: рецензии на его прозу, а также новые архивные материалы – корпус писем его современников с непосредственной реакцией на выход произведений писателя. В заключение необходимо отметить и высокую культуру подготовки и издания этой книги, снабженной необходимыми комментариями и указателями, а также поздравить всех читателей с ее выходом в свет.

Примечания

- ¹ См.: Варшавский В.С. Незамеченное поколение / Предисл. Коростелёва О.А.; сост., коммент: Коростелёва О.А., Васильевой М.А.; подгот. текста Варшавской Т.Г., Коростелёва О.А., Васильевой М.А.; подгот. текста приложения, послесл. Васильевой М.А. – М.: Дом русского зарубежья им. А. Солженицына: Русский путь, 2010. – 544 с.
- ² Адамович Г. Человеческий документ // Последние новости. – Париж, 1933. – 9 марта.

К.А. Жулькова

ПУБЛИЦИСТИКА «ТРЕТЬЕЙ ВОЛНЫ» ЭМИГРАЦИИ

РЕЦ. НА КНИГУ: БАЙБАТЫРОВА Н.М.
ПУБЛИЦИСТИКА РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ
«ТРЕТЬЕЙ ВОЛНЫ» ЭМИГРАЦИИ. – М.:
КНОРУС; Астрахань: АГУ: ИД «Астраханский
университет», 2017. – 114 с.

«Публицистика русских эмигрантов “третьей волны” прошла нелегкий путь от яростных полемических схваток до признания необходимости общей работы на благо родины. На страницах периодических изданий и сборников формировалось представление о духовной миссии эмиграции, которая заключалась не просто в сохранении, но и развитии богатого культурного наследия России» (с. 105), – пишет кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и истории журналистики Астраханского госуниверситета Н.М. Байбатырова. В монографии исследовательница рассматривает основные направления литературно-критической мысли русского зарубежья второй половины XX в., традиции реализма в литературно-критическом творчестве В. Максимова, А. Солженицына, С. Довлатова, фантастику и политическую сатиру А. Зиновьева, В. Аксенова, Э. Лимонова, эссеистику транскультуры и публицистику виртуальности М. Эпштейна, сарказм и иронию в критике А. Синявского, А. Гениса и П. Вайля.

«Третью волну» эмиграции принято называть политической. Публицистика этого периода насыщена политическими памфлетами. Н.М. Байбатырова считает, что именно политизация литературы является причиной «раскола в среде эмигрантских писателей: с одной стороны, – лагерь сторонников искусства для искусства, с другой – их непримиримые противники, политические моралисты» (с. 6).

Полемика происходила в период, когда многие образцы прозы «третьей волны» стали уже классикой реализма (А. Солженицын, Г. Владимов, В. Максимов, В. Некрасов и др.) и авангардизма

*ЖУЛЬКОВА
Карина
Алеговна,
кандидат
филологических
наук,
ИНИОН РАН*

(В. Аксёнов, А. Синявский, Саша Соколов и др.). На оценку писателями-эмигрантами социально-политической обстановки в покинутой России и на Западе влияли не только идеологические воззрения, но и приверженность тому или иному литературному методу.

Художественная публицистика и литературная критика В. Максимова стала отражением настроений писателей «третьей волны» эмиграции, которые покидали родину по причинам политического несогласия, отсутствия свободы творчества в Советском Союзе, идеологического прессинга тоталитарной власти. Взаимоотношения культуры советской и западной Максимов называет «непотребным театром для западных слепоглухонемых» (выражение заимствовано им из письма Ленина к Чичерину, где так наречена интеллигенция Запада). С присущим ему реалистическим взглядом Максимов презирает политических и культурных «перевертышей». Его художественную публицистику и литературно-критическое творчество автор монографии переводит в разряд реализмодцентричных.

Отмечая полижанровость и полистилистичность литературно-критической публицистики писателей русского зарубежья второй половины XX в., Н.М. Байбатьрова вместе с тем говорит о ее стилевом единстве, существенной особенностью которого считает подчеркнутую полемичность, диалогичность, ориентацию на читателя-собеседника.

Общественное назначение политического дискурса публицистических произведений авторов-эмигрантов, например В. Аксенова и Э. Лимонова, состояло в том, чтобы внушить адресатам – гражданам западного и советского обществ – необходимость «политически правильных», с их точки зрения оценок. Цель их политического дискурса – не просто описать, а пробудить в адресате намерения думать и действовать не по шаблону.

Наиболее свободна публицистика русских писателей – эмигрантов «третьей волны» в области жанров. Множественность

принципов, по мнению автора монографии, связана со сложностью самой природы литературной критики. Классические жанры писательской критики В. Максимова, А. Солженицына, М. Эпштейна, В. Аксенова, С. Довлатова тесно взаимодействуют с пограничными жанровыми формами, такими как «в лаборатории писателя», эссеистика, мемуаристика, публицистические, документальные, эпистолярные жанры.

Широкий спектр литературных направлений писателей «третьей волны» формировался в процессе взаимообогащения, слияния, диффузии различных жанров и родов. Яркий образец жанрового и стилевого разнообразия явил в своем творчестве А.И. Солженицын. К необычному жанру – автоагиографии – житию святого, составленному им самим, относится его «Бодался теленок с дубом». Кроме того, А. Солженицын часто обращается к жанрам заметки, рецензии. Оценивая его сборник «Литературная коллекция», А. Генис и П. Вайль отметили, что «укрепляясь в жанре публицистики, Солженицын все безусловнее расквитывался с 60-ми»: «Его, выше всего ставящего живое слово, не мог не оскорблять бесцветный язык диссидентских посланий, часто неотличимый от обтекаемых газетных передовиц. Отчетливо понимая, что “для нашего поколения утерян письменный язык нравственных сочинений”, Солженицын восстанавливал его сам»¹.

Жанровое многообразие публицистики В. Аксенова связано с направлением его литературно-критической мысли. Если «Остров Крым» можно отнести к жанру исторической гипотезы, то публицистическую книгу – «В поисках грустного бэби» – «вообще трудно отнести к одному из классических жанров публицистики» (с. 20), так как это и путевой очерк, и общественно-политическая сатира одновременно.

Особое значение среди публицистических жанров имеет эссе. Заметным явлением в эссеистике литературы русского зарубежья стал сборник эссе М. Эпштейна. В двухтомнике «В России» – «Из

Америки»² эссеист представляет читателю временную и географическую панораму советского, позже российского и американского обществ. Среди жанровых определений эссе Эпштейна: философско-мифологический очерк³, дневник⁴, эпитафия⁵.

Эпштейн разработал и обосновал понятие транскультуры и стал автором соответствующих междисциплинарных проектов. Эссеистика транскультуры Эпштейна преодолевает замкнутость русских и западных традиций, языковых и ценностных детерминаций и открывает поле «надкультурного» творчества. По мысли критика, множество людей, покидающих географический ареал своей культуры, до конца жизни остаются пленниками ее языка и традиций; другие эмигранты, отвернувшись от прошлого, становятся пленниками новообретенной культуры; и только небольшая часть, приобщаясь к двум или нескольким культурам, сохраняет свободу от каждой них.

В статье «Истоки и смысл русского постмодернизма» Эпштейн, остроумно пародируя название работы Н. Бердяева, сопоставляет коммунизм и постмодернизм, обыгрывает расхожий идеологический штамп в утверждении: «Россия – родина постмодернизма»⁶. Ряд основополагающих черт, с точки зрения автора, подтверждает близость коммунизма и постмодернизма. Среди них – создание ирреальности, симуляция как замена реальности лозунгами, планами, плакатами, докладами, т.е. превращение жизни в текст.

Характерные для системы постмодернизма особенности – интертекстуальность, игра, диалогизм – в текстах представителей русской эмиграции «третьей волны» обнаруживают свою специфику. По мнению Н.М. Байбатьровой, постмодернизм русского зарубежья не был склонен бороться с прогрессом, не поддерживал идею «конца истории», но был предельно политизирован из-за постоянного обращения к советской тоталитарной действительности и эстетической борьбы с ней.

Специфическую основу имеет публицистика А. Зиновьева. Она, с одной стороны, соответствует обычному пониманию художественной публицистики в жанрово-содержательном плане, с другой – обладает научной аналитической составляющей. Ученый-социолог А. Зиновьев досконально и методично изучал коммунизм как социальный феномен, который лег в основу сюжета многих его публицистических произведений. При этом сатира и ирония выступают в его работах не просто как формы и методы комического, но как единственно возможные по своей парадоксальности формы понимания этого социального феномена. Например, в «Гомо советикус» отражена стихия народной смеховой культуры, полной гротескного пафоса и комичных несоответствий, автор описывает представителя советского общества, человека нового типа. Он пишет: «Мое отношение к этому существу двойственное: люблю и одновременно презираю, восторгаюсь и одновременно ужасаюсь. Я сам есть гомосос. Поэтому я жесток и беспощаден в его описании»⁷.

Интертекстуальность в постмодернизме русского зарубежья также имеет свою специфику. Она в определенной степени является жанрообразующим началом в новых прозаических структурах, которые представляют собой перечни, романы-комментарии, романы-музеи, тексты на конфетных фантиках. Цитаты, предметы, осколки быта, этикетки, марки, словечки, разные названия, фамилии ушедшей эпохи не только не осмеиваются, но и бережно сохраняются, как экспонаты в музее: «Таким образом, постмодернизм в литературе и публицистике возродил словесный артистизм, пристальное внимание к стилю и языку» (с. 17). А. Генис писал: «Я получаю колоссальное удовольствие, играя с различными стилями. Для меня это чисто пластическая работа – слово как глина. Я физически чувствую, как леплю текст»⁸.

Для публицистического творчества А. Гениса и П. Вайля характерна эмоцио-

нальная критика явлений жизни. Использование каламбуров, гротесков, неожиданных сравнений позволяет быстро найти контакт с читателем, достигнуть непринужденности в книжном общении. Ирония и сатира выступают в роли интеллектуальной игры словом, порой в намеренном сопоставлении и столкновении логического и алогичного, нормального и абсурдного.

Парадоксальность публицистической поэтики С. Довлатова связана с резким нарушением «абсолютной эпической дистанции» от описываемых событий. В материалах «Нового американца»⁹. С. Довлатов описывал повседневность, а не эпохальные события. Именно поэтому образы и символы его статей, эссе, интервью были доступны и понятны каждому, несмотря на их абсурдность. Н.М. Байбатырова подчеркивает, что сюжеты и композиции произведений публицистики С. Довлатова отличались изысканной простотой, язык – точностью, лаконичностью, афористичностью, а жизнь его героев, по В. Топо-

рову, превращалась в цепочку повторяющихся «микроабсурдов».

Характерной для постмодернистов русского зарубежья второй половины XX в. автор монографии считает «постмодернистскую чувствительность» – специфическую форму мироощущения и соответствующий ей способ теоретической рефлексии, характерные для научного мышления современных литературоведов, постструктуралистско-постмодернистской ориентации.

Для публицистики «третьей волны» русского зарубежья важна установка на полемичность текстов, приглашение читательской аудитории к соразмышлению, стремление уйти от назидательности, высокий литературный уровень. «Открыто обсуждая насущные вопросы, касающиеся катастрофы на родине, проблем жизни на чужбине, дальнейшей судьбы России, публицисты оказывали заметное влияние на идейно-политическую и социокультурную ориентацию эмигрантов» (с. 106), – заключает Н.М. Байбатырова.

Примечания

- ¹ Вайль П., Генис А. Поиски жанра. Александр Солженицын // Октябрь. – М., 1990. – № 6. – С. 201.
- ² Эпштейн М. Все эссе: в 2 т. – Екатеринбург: У-Фактория, 2005. – Т. 1: В России; Т. 2: Из Америки.
- ³ Эпштейн М. Великая Сось: Философско-мифологический очерк. – Нью-Йорк: Слово, 1994.
- ⁴ Эпштейн М. Отцовство: Метафизический дневник. – 2-е изд. – СПб.: Алетейя, 2002.
- ⁵ Эпштейн М. СССР: Опыт эпитафии // Все эссе: в 2 т. – Екатеринбург: У-Фактория, 2005. – Т. 2: Из Америки. – С. 13–16.
- ⁶ Эпштейн М. Истоки и смысл русского постмодернизма // Звезда. – СПб., 1996. – № 8. – С. 116.
- ⁷ Зиновьев А. Гомо советикус. Пара беллум. – М.: Московский рабочий, 1991. – С. 4.
- ⁸ Генис А. Иван Петрович умер. – М., 1999. – С. 73.
- ⁹ Газеты русской эмиграции в фондах Отдела литературы русского зарубежья Российской государственной библиотеки: Библиографический каталог / Сост. Е.В. Макарович. – М.: Российская государственная библиотека, 1994. – Вып. 2. – 60 с.

**РУССКОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ:
ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ**

**Сборник статей
Выпуск шестой**

Верстка и техническое редактирование Н.В. Афанасьева
Корректоры О.П. Дормидонтова, В.И. Чеботарева

Гигиеническое заключение
№77.99.6.953.П.5008.8.99 от 23.08.1999 г.
Подписано к печати 28 / XII – 2017 г.
Формат 70х100/16 Бум.офсетная № 1
Печать офсетная Цена свободная
Усл. печ. л. 16,2 Уч.-изд. л. 15,9
Тираж 500 экз. Заказ № 185

**Институт научной информации по общественным наукам РАН,
Нахимовский пр-кт, д. 51/21 Москва, В-418, ГСП-7, 117997
Отдел маркетинга и распространения информационных изданий:
Тел.: +7 (925) 517-3691
E-mail: inion@bk.ru**

Отпечатано в ИНИОН РАН
Нахимовский пр-кт, д. 51/21,
Москва, В-418, ГСП-7, 117997
042(02)9